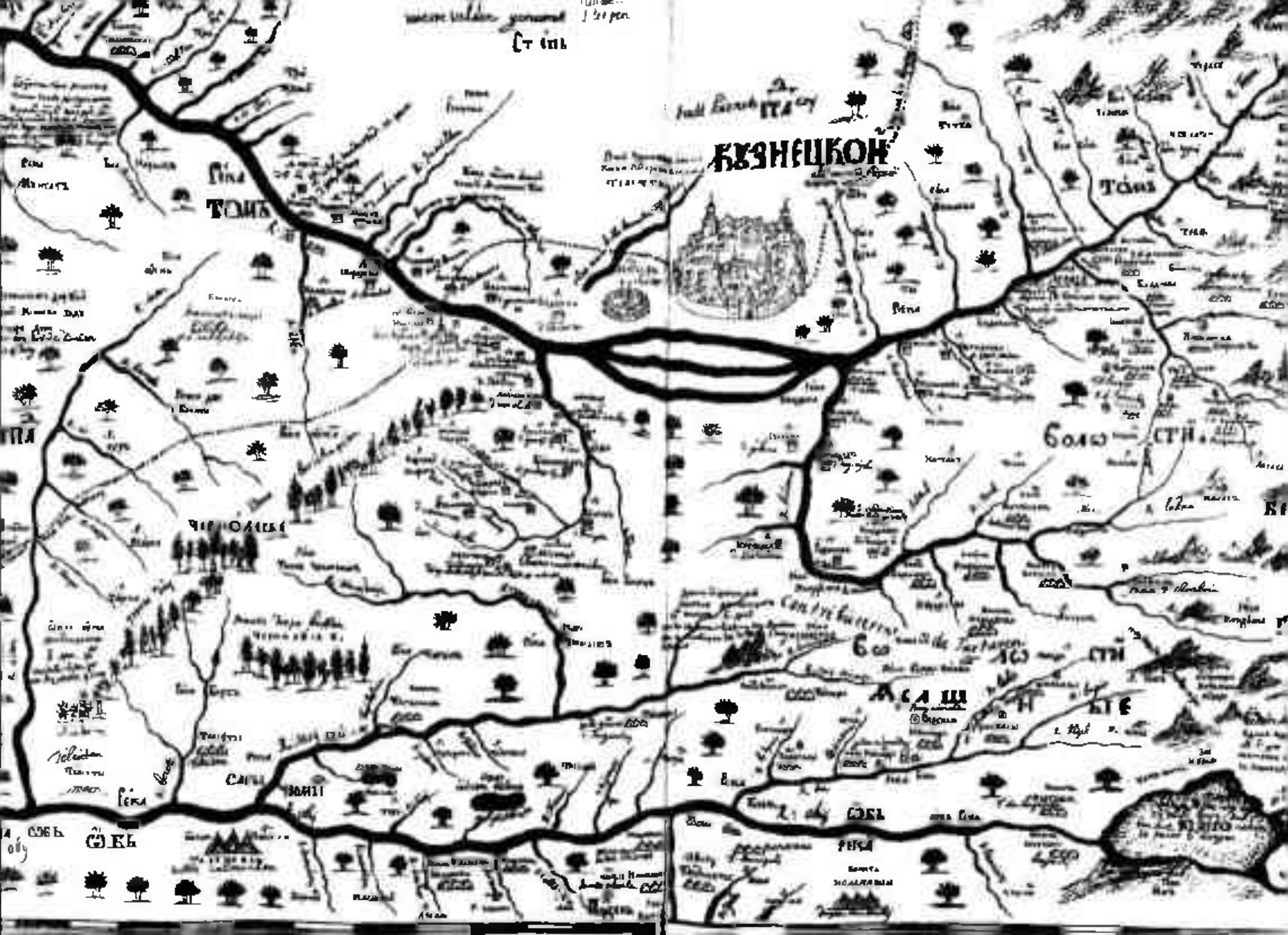

385-летию Новокүзнецка посвящается

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

ВЫПУСК 5

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ г. НОВОКУЗНЕЦКА

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
«КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ»

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 5

Издательство «Кузнецкая крепость»

Новокузнецк 2003

ББК 63.3/2Р4 Ке
М43

Под общей редакцией к. и. н. Ю. В. Ширин

Редакционная коллегия:

С. Д. Мартин
В. Р. Роккель
М. М. Маслов
Р. С. Ястребова
Б. А. Рахманов

Книга выпущена к 385-летию г. Новокузнецка.

По заказу управления культуры администрации г. Новокузнецка.

Кузнецкая старина. — Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003.
Вып. 5. — 288 с., илл.

Очередной выпуск краеведческого сборника содержит разнообразные материалы по истории Кузнецкого края от начала XVII до начала XX веков. Кроме новых публикаций редколлегия включила в состав сборника избранные статьи из 1-4-го выпусков «Кузнецкой Старины», которые уже стали библиографической редкостью.

Книга рекомендуется для историков и широкого круга читателей.

ISBN 5-87521-083-4

© Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», 2003 г.

© Издательство «Кузнецкая крепость», 2003 г.

Артиллерия Кузнецка XVII - первой половины XVIII вв.

Кузнецк, основанный в 1618 г., практически сразу же и до середины XIX в. выполнял весьма важные стратегические функции на юге Западной Сибири. Сначала он был пограничным укрепленным пунктом и до 1730-х годов отражал и сдерживал многочисленные набеги кочевников — енисейских кыргызов, «белых и черных калмыков» (телеутов и джунгар). Затем, с освоением русскими верховьев Оби и Иртыша, Кузнецк становится приграничным городом, но важная функция по-прежнему была одной из основных в его жизни. До середины XIX в. он входил в состав сибирских укрепленных линий, которые защищали здесь русские владения сначала от нападений кочевников — «киргиз-кайсаков» (казахов) и джунгар, а после 1758 г. — от территориальных притязаний Китая. Мы бы хотели остановиться на таком немаловажном аспекте обеспечения обороны Кузнецка и его окрестностей, как наличие артиллерии с нач. XVII до сер. XVIII вв. — в наиболее напряженный в военно-политическом отношении период.

С 1618 до 1628 гг. в Кузнецк каждый год присылались служилые люди из Томска. Их количество в разные годы колебалось от 8 до 50 человек [1]. Это были так называемые «годовальщики». С 1620 г. начинает формироваться постоянный военный гарнизон города, когда в нем уже находились первые пехоты — Тимофей Степанович Бабарыкин и Осип Герасимович Аничков [2]. В 1622 г. в Кузнецке уже было 28 служилых людей: 4 десятника, 23 пеших казака и кузнец [3]. Процесс формирования местного гарнизона заканчивается в 1628 году, тогда в городе было уже 100 человек служилых людей: 30 конных казаков, 20 «черкас» (выходцев из Украины), 50 пеших казаков [4]. Томские «годовальщики» больше сюда не присылались.

Сведениями о количестве орудий в Кузнецком остроге за первые 70 лет его существования мы не располагаем. Есть лишь косвенные данные, говорящие об их наличии в этот период. Например, в своей челобитной о награждении за сибирскую службу, в сентябре 1626 г. бывший кузнецкий воевода Федоким Иванович Баскаков, в частности, писал, что «...прибавил в четвера Кузнецкаи острог, боин башню зделал и ворота» [5]. Здесь, вероятно, нужно читать: «боин на башню зделал». Устройство бойниц на башне может свидетельствовать о том, что в Кузнецке в середине 1620-х гг. были уже затинные пищали — тяжелые крепостные ружья, которые являлись промежуточным звеном между собственноружьями и пушками.

Пушек в это время в Кузнецке, вероятно, не было. В пользу этого предположения косвенно говорят и данные о наличии пушкарей в сибирских городах.

принесенные К.Б. Газенвинкелем на основании разрядных книг 1625-1636 гг. В Кузнецке в этот период пушкаррей вообще не было. Даже в соседнем, более крупном Томске пушкарри появляются только в 1628 г., тогда в местном гарнизоне их было 3 человека [6]. Нам известно, что одна из первых томских пушек — «...пищаль железная ...ядро фунт без чети» — и боеприпасы к ней (155 ядер) отливались в Томске еще в 1626 г. [7].

В 1636/1637 году, судя по кузнецкой окладной книге, в городе находился уже один пушкарь, звали его Гришка Верига, и он получал денежное жалованье в размере 6 рублей в год, на тот момент — самое большое жалованье среди обслуживающего персонала гарнизона. Оно было больше, чем у пешего каяака (5 руб.), но меньше, чем у конного (7 руб. 25 коп.) [8].

О количестве артиллерии в этом году сведений нет, но наличие пушкаря в гарнизоне косвенно подтверждает тот факт, что пушки в городе были.

В 1655 г. в Кузнецке несли службу уже 3 пушкарря, получали они также по 6 рублей в год денежного жалованья [9]. Изменение в численном составе пушкаррей по сравнению с 1636/1637 годом может свидетельствовать об увеличении количества пушек в Кузнецком остроге. А это, на наш взгляд, было связано с подготовкой к значительному укреплению острога, которая вылилась в большое «острожное строение», осуществленное в середине XVII в. Это «строение» заключалось в сооружении вокруг посада более протяженной деревянной стены. Старая стена защищала только центр острога, где находились основные административные здания. Посад же, где проживало большинство населения, оказался совершенно незащищенным от возможных нападений кочевников, а угроза таких нападений была постоянной для Кузнецка в течение XVII первой половины XVIII вв.

Почему это «острожное строение» мы склонны датировать именно серединой XVII века? Дело в том, что стена вокруг посада уже была изображена на чертеже Кузнецка и его окрестностей из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова [10]. Мы согласны с мнением А.Ю. Огурцова, который приводит верхнюю дату составления этого чертежа как 1673 г. [11]. Мы также согласны и с нижней датой — 1648 г., которую выдвигают Ю.Б. Лучшева и Ю.В. Ширин [12]. Таким образом, этот чертеж можно датировать периодом с 1648 по 1673 г. Соответственно, и сооружение стены вокруг посада проходило именно в этот период. Ю.Б. Лучшева и Ю.В. Ширин также отмечают, что «облик Кузнецка к середине XVII в. мало отличался от изображенного на чертеже С.У. Ремезова» [13].

В 1689 г., когда очередной кузнецкий воевода Степан Моисеевич Скрыплев сменял воеводу Ивана Меркурьевича Конищева, он, кроме всего прочего, принял и так называемый «наряд» Кузнецка. В документе, составленном по этому поводу говорится, что в городе в 1689 г. было 10 медных и 3 железные пушки и 3 затинные пищали. Вес пушек колебался от 4 пудов «без четверти» до «29 пуд пол две гривеньки — ...пищаль медная полковая» (подобная полковая пищаль изображена на Рис. 1). Ядра к этим пищалям весили от 1 до 3 фунтов. Вес же затинных пищалей находился в пределах от 0,5 до 2 пудов, а вес ядер — от 7 до 10 золотников. Всего к пушкам и затинным пищалям имелось на тот момент 902 ядра [14].

По этому документу известно местоположение семи из тринадцати пушек. Три из них находились на воротной проезжей башне, одна — «в среднем бою», две других — «в нижнем бою и в воротех». Четвертая пушка находилась «на угловой башне от калмыцкого торгаша». Пятая пушка располагалась на Спасской колокольне, шестая и седьмая — «под тою ж Спасскою колокольнею в нижнем бою» [15]. Интересно, что последние две пушки, располагавшиеся под Спасской колокольней, были недавно присланы из Томска. В томской отписке был указан вес только одной из этих пушек и ядер привезено только для одной этой пушки. К другой пушке не было прислано ядер и не был указан ее вес. На ядра для нее из Томска было отпущено 3 пуда свинца [16]. В этом документе не указывается местоположение остальных шести орудий, хотя приводятся данные по их весу, а также по количеству и весу ядер к ним. Это может говорить о том, что они также были недавно присланы в город и их еще не успели разместить.

Таким образом, из тринадцати орудий восемь были новыми, и такое значительное обновление артиллерии Кузнецка связано, очевидно, с сооружением третьей линии обороны города в 1687 г. под руководством воеводы И.М. Конищева. Тогда вокруг города был насыпан вал и сооружены башни по валу. Когда в 1689 г. С.М. Скрыплев сменял на кузнецком воеводстве И.М. Конищева, он, в частности, принял «Кузнецкой острог и вал земляной по острогу и по земляному валу башни и на башнях наряд» [17].

В 1701 г., по «Ведомости сибирских городов», в городе было 7 медных и 2 железные пушки и опять же 902 ядра к ним [18]. Сокращение количества пушек в Кузнецке по сравнению с 1689 г. может быть связано с тем, что часть орудий устарела, и их списали. Были списаны 3 медные и 1 железная пушки.

По «Ведомости Артиллерийской канцелярии», в 1724 г. в Кузнецке было уже 25 пушек (8 медных и 17 чугунных) и опять же 3 затинные пищали. В этом документе не указывалось количество ядер к орудиям. Чугунные пушки представлены следующим составом: два 6-фунтовых орудия, шесть — 3-фунтовых, одно — 2-фунтовое, одно — 1-фунтовое и семь — без указания калибра (подобные 6-фунтовая и 3-фунтовая пушки показаны на Рис. 2). Медных пушек было: три 3-фунтовых, четыре — 2-фунтовых и одно — без указания калибра.

Кроме того, в острогах Кузнецкого уезда находились еще 9 пушек — 6 чугунных 3-х-фунтовых и 3 чугунных — без указания калибра. В 1724 г. в Кузнецке было 4 пушкаря, которые получали по 6 рублей денежного жалования [19].

В это время на юге Западной Сибири стала создаваться новая система обороны, в результате чего здесь началось строительство укрепленных линий. Документ 1724 г. подтверждает это, ведь в нем говорится и об артиллерии укрепленных пунктов Кузнецкого уезда. Да и артиллерия самого Кузнецка была усилена, видимо, в связи с этим же военным строительством. В городе продолжали сооружаться новые укрепления, например, в 1717 г. на Маяковой горе, «...на самом верху берега Томи, севернее острога, была заложена... цитадель, связанная с городом посредством деревянной стены» [20]. Для нее также нужны были пушки. Кроме этого, часть орудий, которые находились на тот момент в городе,

предназначалась для укреплённых пунктов Кузнецкого уезда. Это, скорее всего, были 8 орудий «без указания калибра». Новые 3 пушки уже поступили на тот момент в окрестные укреплённые пункты.

В 1724 г. вышел указ, по которому служилые люди-земледельцы стали переноситься в разряд крестьян-разночинцев, и они должны были платить подати и выполнять повинности. В Сибири началась постепенная замена нерегулярных войск регулярными за счёт формирования воинских подразделений нового типа и за счёт присылки подобных частей из Европейской России. В Кузнецке этот процесс стал проходить только с 1734 г., когда в город «для более безопасной охраны границ» была переведена рота «регулярной пехоты милиции Якутского гарнизонного полка» [21].

В 1734 г., во время пребывания в городе участников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, его руководитель Г. Ф. Миллер в том числе, даёт описание кузнецкой артиллерии. «А ворота цитадели (т. е. цитадели 1717 г. — А.К.) и ...нижнего города защищены пушками, которых в общей сложности при городе имеется: 1 железная 4-фунтовая, 4 медные и 4 железные 3-фунтовые, 2 медные и 2 железные 2-фунтовые и 1 медная и 1 железная треснувшие, вместе с относящейся к ним амуницией» [22]. Таким образом, в 1734 г. в городе было 13 годных и 2 негодных орудия. Затинные пиццали, видимо, уже были сняты с вооружения.

В 1738 г., когда уже была сооружена Кузнецкая укреплённая линия от Кузнецка до Бийска, в городе находились 16 годных пушек: 6 медных и 10 чугунных калибром от 2 до 4 фунтов. Ко всем орудиям было 1016 ядер, и здесь же упоминаются и 2 медные негодные пушки. В этом году была произведена частичная замена орудий и увеличено их количество по сравнению с 1734 г. В укреплённых пунктах Кузнецкого ведомства в 1738 г. значилось 18 орудий [23].

Сокращение количества пушек в городе в 1734-1738 гг. по сравнению с 1724 г. объясняется, на наш взгляд, тем, что часть орудий была перевезена в укреплённые пункты Кузнецкого ведомства при сооружении пограничной линии от Кузнецка до Бийска. Об этом говорит и увеличение количества пушек в этих укреплениях с 9 — в 1724 г. до 18 — в 1738 г. В документе от 1738 г. указывается и то, что в Кузнецк прислали «...по указу из Сибирской Губернской канцелярии ...из Тобольска ...пороху пушечного дватцат пять пуд, ручного пороху дватцат пять пуд, да ...из Нарымской канцелярии свинцу пядесят пуд» [24]. Видимо, часть этих боеприпасов предназначалась для укреплённых пунктов Кузнецкой линии.

В 1738 г. в Кузнецк переводится рота Сибирского драгунского полка в количестве 102 человек под командованием поручика Петра Фадеева [25]. В 1745 г. в город прибыла ещё и рота Олонёцкого драгунского полка [26]. В этом году в Кузнецке было 12 орудий: 4 медных и 8 чугунных пушек калибром от 1/6 фунта (5-лотовые) до 3,5 фунта [27]. Интересно, что 5-лотовые пушки, скорее всего, прибыли в город вместе с ротой Олонёцкого драгунского полка, так как раньше их в городе не было. С 1701 г. на вооружении российских драгунских полков уже находились лёгкие пушки и мортиры, которые перевозились «на седлах мортирных» [28]. В укреплённых пунктах Кузнецкого ведомства на 1745 г. насчитыва-

Рис. 1. Гишаль (орудие) русского войска XVI в.

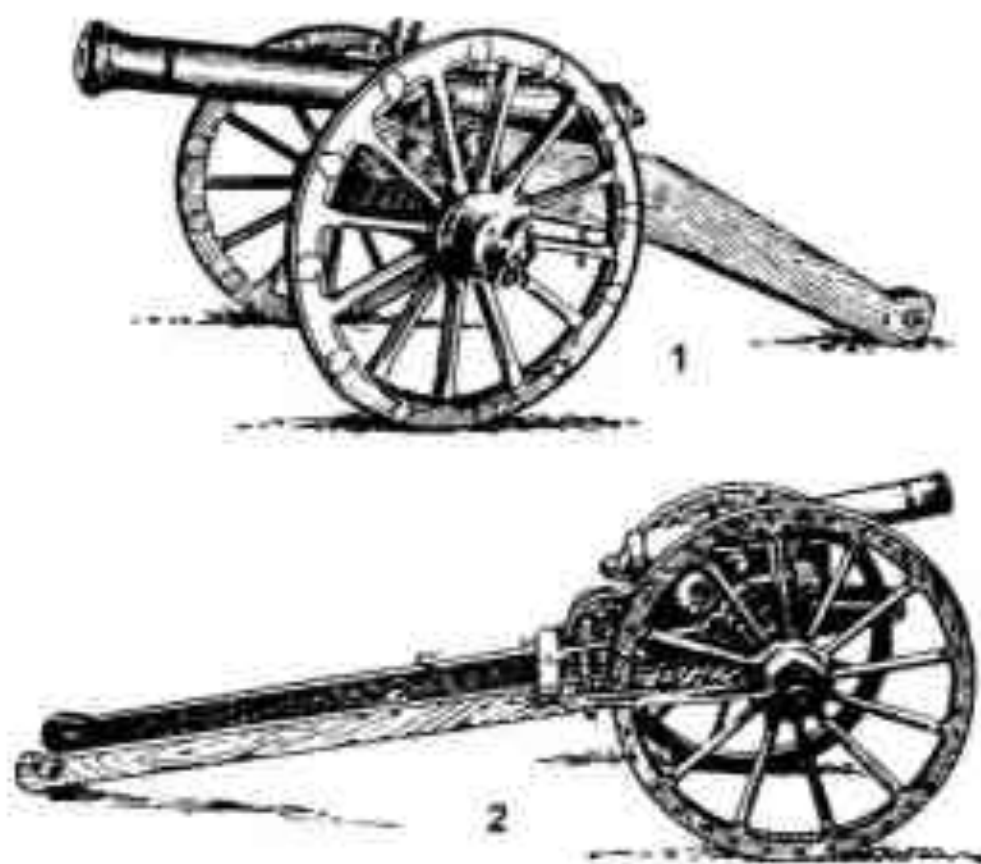

Рис. 2
1 — 6-фунтовая пушка полевой артиллерии (XVIII в.);
2 — полковая 3-фунтовая пушка (XVIII в.)

лось 13 пушек [29]. Если сравнивать показатели по артиллерии Кузнецка 1738 и 1745 гг., то можно сделать вывод, что в 1745 г. произошла практически полная замена пушек. Были оставлены только 2 орудия — медная 2-фунтовая и чугуная 3-фунтовая пушки, а 10 пушек были новыми. Видимо, это связано с подготовкой сооружения новой Колыванно-Кузнецкой укрепленной линии, которая должна была протянуться от Усть-Каменогорска до Кузнецка.

Данными о наличии артиллерии в Кузнецке во второй половине XVIII в. мы не располагаем. В этот период значительно усиливается китайская военная опасность, особенно после 1758 г., когда войска Цинской империи разгромили Джунгарию и вплотную подошли к границе российских владений в Западной Сибири. В этой ситуации было принято решение укрепить некоторые старые пограничные и приграничные города, одним из которых и являлся Кузнецк.

В 1798-1800 гг. в городе Кузнецке началось строительство двух современных военных объектов — так называемой «Болотной» цитадели и крепости на Вознесенской (или Маяковой) горе. В крепости находился и артиллерийский гарнизон, и определенное количество орудий различных калибров. Но это уже тема отдельной работы.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что орудия и пушкарки в Кузнецке появились не сразу, а только в 1630-е гг. В течение XVII — пер. пол. XVIII вв. идет процесс модернизации артиллерии и увеличения количества орудий, и как следствие, увеличивается и количество обслуживающего персонала при них. Это было связано и со строительством новых укреплений в городе, и с сооружением новых укрепленных пунктов на пограничных линиях.

Примечания

1. Например, Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1937. Т. I. № 96. С. 453; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1941. Т. II. № 156. С. 257-258.
2. Например, Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1937. Т. I. № 97. С. 453; Там же. № 98. С. 454; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1941. Т. II. № 154. С. 256.
3. РГАДА. Ф. 214. Е.хр. 458. Л. 81-82, 84.
4. Газенинкель К.Б. Книги разрядные и официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII века // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1892. Т. X. Вып. 6. С. 597 (Табл. XXII).
5. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII-начала XVIII века. Новосибирск, 2000. № 3 (I). С. 84.
6. Газенинкель К.Б. Книги разрядные... С. 595 (Табл. XIV).
7. Сергея В.И. Железодельное производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII века // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 126.

8. Первое столетие сибирских городов XVII века (История Сибири. Первоисточники). Новосибирск, 1996. Вып. VII. № 24. С. 71-72.
9. Клестря Н. Город Кузнецк (историко-стат. очерк). Томск, 1879. С. 19.
10. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. Л. 12.
11. Огурцов А.Ю. К вопросу о датировке чертежа «града Кузнецкого» С.У. Ремезова // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993. Вып. 1. С. 105.
12. Лучшева Ю.Б., Ширин Ю.В. Эволюция укреплений Кузнецка в XVII-XVIII вв. // Абригены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2002. С. 260.
13. Там же.
14. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Е. хр. 1080. Л. 5-9.
15. Там же. Л. 7-8.
16. Там же. Л. 8.
17. Там же. Л. 5.
18. Первое столетие... № 51. С. 144.
19. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 280.
20. Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера (История Сибири. Первоисточники.) Новосибирск, 1996. Вып. VI. С. 22.
21. Там же. С. 23.
22. Там же. С. 22.
23. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Е. хр. № 94. Л. 8об.-12.
24. Там же. Л. 10.
25. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Е. хр. № 99. Л. 1.
26. Конюшня И.С. Кузнецкая летопись... С. 32.
27. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. крепостная. № 966. Л. 3.
28. Стрелка А.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 4. С. 25.
29. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. крепостная. № 966. Л. 4об.-6об. (Материалы из архива ВИМАИВ и ВС предоставлены Н.А. Кузнецовым, за что мы ему весьма признательны).

Первый кузнецкий священник И. Иванов

Преображенская церковь в Кузнецком остроге была построена казаками в «130 (1621/22) году» по царскому указу «и по благословению... великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси». На освящение новой церкви архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан «велел... дати антиминс и миро, и масло, и попа, и диакона, и они де тот храм освятили» [1]. В цитированном нами документе имя священника не указано.

Каноны русской православной церкви требуют, чтобы обряд освящения нового храма проводил глава епархии, в данном случае сам Киприан. В отдельных случаях это могут сделать уполномоченные им священники. Были ли эти «поп и диакон» собственно и первыми священнослужителями, нам неизвестно.

Впервые имя кузнецкого иерея и указание на его происхождение встречается в отписке 1627 г. кузнецкого воеводы Ф.И. Голенищева-Кутузова. По словам воеводы в октябре 133 (1624/25) г. он «велел крестить в православную крестьянскую веру» «в Кузнецком остроге попу Ивану Иванову, что прежде сего был на Москве у Архангела ключарь, литву Федку Мосалского с товарищи и юртовскую татарку» [2]. Еще раз это имя мы встречаем в «Обозрении» Н.Н. Ослоблина. Характеризуя «Раздаточные книги» жалованья, выдающийся знаток сибирских архивов XVII столетия в качестве примера указывает на такие книги по Кузнецкому острогу за 135 и 136 годы. В частности, в хлебной книге 135 г. было записано: «Московскому бывшему Архангельскому (т.е. Архангельского собора) ключарю Ивану Иванову на 135 г. дано ему государя жалованья в Кузнецком остроге за 6 четвертей ржи деньгами — за четверть по 30 алтын, за 4 четверти овся — за четверть по 20 алтын, ему ж дано осмина ржи, 1,5 пуда соли, — оклад его сполна» [3].

Таким образом, выясняется, что в 1624–1627 гг. священником Преображенской церкви Кузнецкого острога был бывший московский «архангельский ключарь» И. Иванов. Ключарь являлся должностным лицом при соборных церквях и кафедральных соборах, в обязанности которого входило сохранение церковной утвари и сосудов, у него же находятся и ключи от храма. Соборными храмами называются, как правило, кафедральные храмы в епархиальных городах, а также главные храмы в городах вообще и в больших монастырях. В Москве соборными храмами назывались храмы, имеющие особое значение. Таковыми здесь были, в частности, Архангельский собор в Кремле и собор Чуда Михаила-Архангела в Чудовом монастыре, который располагался также на территории Кремля [4]. Как уже было сказано выше, Н.Н. Ослоблин считал, что И. Иванов был хранителем Архангельского собора. В любом случае его московское происхождение не вызывает сомнений.

Каким же образом представитель московского клира, занимавший к тому же достаточно высокое положение, оказался рядовым священником в одном из

самых далеких сибирских острогов? Ответ на этот вопрос мы находим в документах недавно опубликованной Копийной книги 1620—1626 гг. Тобольского архиерейского дома. Священник Преображенской церкви Кузнецкого острога Иван Иванов оказался в Кузнецке случайно.

8 сентября 1620 г. в сан архиепископа Сибирского и Тобольского был посвящен архимандрит новгородского Хутынского монастыря Киприан. В начале 1621 г. он отправился к месту своей службы и 30 мая 1621 г. торжественно въехал в столицу Сибири г. Тобольск [5].

В Москве очень серьезно отнеслись к созданию зауральской епархии. В первую очередь это нашло отражение в представлении «властей и общества о том, какая строительная деятельность... необходима для создания центра новой епархии» [6]. В царской грамоте от 4 января 1621 г. было указано «церковь соборную... поставить в Тоболску новую» [7]. Для возведения главного храма епархии были отпущены значительные средства [8]. Были определены и штаты новой зауральской епархии. Из ряда городов вместе с Киприаном отправлялось несколько священников, среди которых был и Иванов. При этом, согласно штатной росписи, в Тобольске Иванов должен был стать протопопом новой соборной церкви, которую предстояло еще построить. Это было значительное повышение в его священнической службе. В царской грамоте Киприану от 24 января 1622 г. написано: «В прошлом во 129-м (1620/21) году по нашему указу посланы с тобою в Сибирь от нас с Москвы ключарь архангелской Иван, а в Сибири в Тобольском городе велено ему быти в протопопах...» [9]. В «Росписи штата и жалованья Тобольского архиерейского дома», составленной после поставления Киприана в сан архиепископа первой строчкой шла запись: «Протопоп с Москвы. А государева ему жалованья 25 рублей, да хлеба 30 чети ржи, 30 чети овся» [10]. Для сравнения укажем, что жалованье архиерейского сына боярского было в четыре раза меньше [11]. Поставленный настоятелем главного храма Тобольска и всей Сибирской епархии, Иванов фактически становился вторым человеком епархии.

Однако с самого начала назначение в новую и самую дальнюю епархию было воспринято Ивановым крайне негативно. Отправление его в Сибирь представлялось, по всей видимости, ему ссылкой. На это указывает его поведение по дороге из Москвы в Тобольск. В царской грамоте от 5 февраля 1623 г., направленной в Тобольск Киприану, написано: «Да как де ты, богомолец наш, ехал с Москвы в Сибирь, и которые де с тобою отпущены с Москвы в Сибирь попы, ключарь Иван с товарищи, и оне де с Москвы и до Верхотурья с тобою вместе не ехали ни одного дни, а ехали все по сторонам своим произволом, как хто хотел для самовольства и пьянства. И как ты, богомолец наш, приехал на Верхотурье, и оне съехали с тобою на Верхотурье и подняли шум и слезы, и яопь, а женами и а детьми и с людьми. И говорили, что Бог судит их разлучником, хто их с их домами и с родом, и с племянем разлучил. Да и до Тоболска де оне, едучи с Верхотурья, по всем сибирским городом и в Тобольске тех своих речей не переменили, что будто они погшибли от отца нашего великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси, и иные многие непригожие слова про отца нашего великого государя святейшаго патриарха Фи-

ларета Никитича Московского и всея Руси говорили ж. И тебе, богомолцу нашему, оне с своими советники бесчестье учинили многие» [12].

Однако это повышение явно не устраивало Иванова. Вскоре после прибытия в Тобольск Иванов «с товарищи» предпринял попытку вернуться назад в Москву. В более ранней царской грамоте от 22 января 1622 г. читаем: «А ныне ведомо нам учинилось, что протопоп Иван да ключарь Игнатей, и попы, и дьякон, и певчие дьяки едут из Сибири к нам к Москве без нашего указу. И мы того протопопа и ключаря, и попов, и дьякона велели воротить назад в Сибирь в Тоболеской город и отвести их в Тоболеск тоболским казаком Богданку Выхотцову, Семейке Лесотьеву, Климку Бобошину, Васке Витязеву» [13]. Самовольный отъезд попов привел к тому, что «протопопу Ивану да ключарию Игнатью» велено быть теперь «в рядовых попех» [14].

Возвращение беглецов в Тобольск не остановило Иванова и его товарищей в их попытках вернуться в Москву. Теперь они избрали другую тактику. При этом, судя по документам, «пущим заводчиком» всей этой компании был Иванов. В царской грамоте от 19 декабря 1622 г., составленной как и предыдущие, цитированные нами, грамоты, на основе отписок в Москву сибирского архиепископа, мы читаем следующее: «И преж того во 130-м (1621/22) году и в нынешнем во 131-м (1622/23) году писал ты из Сибири... что те попы, ключарь Иван с товарищи, с тобою в соборе в церковных службах быти не хотят и в церквях не служат, и ни в чем тебя не слушают; и составляют на тебя ропот многий. И наши денежные и хлебные руги не вяжи, и жиют самояпастном» [15]. Сяой отказ от церковной службы Иванов «с товарищи» мотивировали тем, что «к ним пишут с Москвы добрыхоты их, что им однолично вскоре опять быть на Москве по-прежнему» [16].

Такое явное и открытое непослушание со стороны прибывших в Тобольск священников в Москве было воспринято очень серьезно. За отказ взять ругу и неповиновение церковной власти в лице архиепископа Киприана, а также за «многие непригожие слова» в адрес патриарха Филарета, указано было «архангелского ключаря Ивана да попа Игнатья розослати ис Тоболска в дальние сибирские городы, в Мангазею или в Кетцкой, или в Кузнецкой острожек порознь тотчас безсрочно... и велели им быти в рядовых попех у ружных или у приходных церквей» [17].

История с пребыванием в Тобольске бывшего «архангелского ключаря Ивана» завершилась ссылкой его в Кузнецкий острог в тот момент, когда здесь была возведена Преображенская церковь. Как уже отмечалось выше, Киприан для освящения церкви прислал попа и дьякона. Их имена нам неизвестны. Однако, если сопоставить всю хронологию пребывания Иванова на сибирской земле до его ссылки в Кузнецк, не будет, видимо, большим преувеличением предположение, что этим попом и был бывший «архангелский ключарь». В Кузнецк Иванов прибыл, видимо, не позднее начала сентября 1623 г., так как его имя мы находим в «Именной книге» Кузнецкого острога за 132 год [18].

Пребывание Иванова в Кузнецке также не было гладким. «В 134 (1625/26) году били челом» воеводе Ф.И. Голенищеву-Кутузову присланные в Кузнецкий острог «служилые люди, иноземцы, литва, Федка Масалской, Петруш-

ка Бобрински, Яска Михайлов» о крещении их в православную веру. «И твой государев воевода Федор Иванович Голенищев-Кутузов велел нас, холопей твоих, крестить в Кузнецком остроге попу Ивану Иванову. И поп Иван нас не крестил, холопей твоих, и сказал нам, холопом твоим: у меня де нам, литве, крещенья нет» [19]. Не помогли даже жалобы «иноземцоя» и самого Ф.И. Голенищева-Кутузова тобольским воеводам Ю.Я. Сулешеву и Д.Т. Трубецкому. Пригланную в сентябре 135 (1626) г. грамоту от нового Tobольского архиепископа Макария с требованием крестить литву и татар Иванов также оставил без внимания [20].

Судьба, однако, заставила Иванова принять ее правила игры. Для него стало ясно, что Москвы он уже никогда не увидит. Вскоре после прибытия в Кузнецкий острог Иванов завел пашню, которая оказалась самой удаленной от острога. Об этой пашне упоминает в одной из своих отписок Голенищев-Кутузов: «по обе стороны твоей государевы пашни, пашня кузнецких служилых людей, конных и пеших казаков, да пашня попа Ивана Иванова» [21]. Произошло это, видимо, между 1625 и 1627 гг., так как первые десятины государственной пашни были распаханы в 1625 г. [22].

Как закончилась жизнь этого человека на Кузнецкой земле, неизвестно. После 1627 г. его имя в известных нам документах не встречается. Однако в Книге денежного жалованья на 138 (1629/30) год по Кузнецку Преображенским попом числится Меркурий Леонтьев с окладом 8 руб. [23]. При этом М. Леонтьев в Книге денежного жалованья по Томску на тот же 138 г. записан попом Богоявленской церкви г. Томска [24]. Весьма вероятно, что совмещение Леонтьевым в одних руках двух ружных церквей было связано либо со смертью Иванова, либо с переводом его в другое место. Можно предложить еще одно объяснение. По церковным правилам представители белого духовенства, к которому принадлежал Иванов, должны были обязательно иметь семью. В случае, если священник становился вдовцом, он не имел права вести службу и должен был уйти в монастырь. Однако о действительных причинах смены священника Преображенской церкви в Кузнецком остроге в 1629/30 гг. мы уже вряд ли узнаем.

Представленный нами материал позволяет увидеть живого московского человека, заброшенного жизненными обстоятельствами за тысячи километров от родного дома. События второй половины XVI и начала XVII в. сильно подрывали и так не очень высокие нравственные устои различных слоев русского общества, в том числе и в среде духовенства, что стало одной из причин церковной реформы патриарха Никона. В лице Иванова мы видим образчик определенной части не рядового русского духовенства, а его столичного, московского, слоя.

Примечания

1. Кузнецкие акты XVII — первой половины XVIII вв.: Сборник документов. / Сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский. Кемерово, 2000. С. 87. № 26.
2. Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. VIII. № 11/XXXIII, Стб. 468.
3. Ослоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1895. Ч. 1. С. 128.
4. Тихомиров Н.Я., Иванова В.Н. Московский кремль. История архитектуры. М., 1966. С. 79—80.
5. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // Тобольский архиерейский дом в XVII веке (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV). Новосибирск, 1994 (II). С. 236; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 18; Тобольский архиерейский дом в XVII веке (История Сибири. I Первоисточники. Вып. IV). Новосибирск, 1994. Книга В. № 2. С. 140.
6. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Комментарии // Тобольский архиерейский дом в XVII веке (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV). Новосибирск, 1994 (I). С. 16.
7. Тобольский..., 1994. С. 140. № 2.
8. Тобольский..., 1994. С. 141—145. № 3.
9. Тобольский..., 1994. С. 189. № 60.
10. Тобольский..., 1994. С. 137. № 1.
11. Тобольский..., 1994. С. 138. № 1.
12. Тобольский..., 1994. С. 204. № 76.
13. Тобольский..., 1994. С. 189. № 60.
14. Там же.
15. Тобольский..., 1994. С. 199. № 70.
16. Там же.
17. Тобольский..., 1994. С. 199—200. № 70; С. 204. № 76.
18. Кузбасский родосед. Историко-краеведческий альманах. Кемерово. 2001. Вып. 1. С. 113.
19. Русская..., 1884. № 11/XXI, Стб. 428—429.
20. Русская..., 1884. № 11/XXXIII, Стб. 468—470.
21. Русская..., 1884. № 11/XXXIII, Стб. 471.
22. Добжанский В.Н. Начало Кузнецкой пазни. (В печати).
23. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 264 об.
24. Там же. Л. 240. Эти сведения любезно сообщил нам доцент кафедры Отечественной истории КемГУ А.М. Адаменко, за что выражаем ему искреннюю признательность.

Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка

Ранние этапы освоения русскими Кузнецкого ретипна уже довольно подробно рассмотрены на основе архивных документов. Так, В.М. Шунковым проанализирована история образования земледельческих станов в Притомье и значение этого района в земледельческом освоении Сибири [1]. Характеристика этнического, областного и сословного характера русских переселенцев в Притомье дана в работах В.И. Пянова, Г.М. Чигрик, Л.А. Скрыбиной, Т.А. Гончаровой [2]. Эти авторы выделяли несколько этапов в заселении Притомья, картографировали места заселения первых и последующих переселенцев, устанавливали даты образования некоторых из деревень. В работах этнографов, которые вышли за последние 10-15 лет, весьма значительное место отведено описанию хозяйственно-бытового уклада русских-сибиряков. В частности, в них рассмотрены особенности традиционного жилища русских переселенцев в Сибири, в том числе и в Притомье. Достаточно подробно изучена эволюция городского и сельского усадебного комплекса русских-сибиряков, типология и функции сельских поселений, типы жилых домов, хозяйственные постройки, технология строительства [3]. Но, не смотря на то, что в большинстве из этих историко-этнографических работ декларируются широкие хронологические рамки проведенных исследований (XVII—начало XX вв.), они фактически опираются, за редким исключением, на этнографический материал не ранее XIX в. Данных по материальной культуре русских переселенцев в Сибирь XVII—XVIII вв. в них, как правило, не достаточно. И это не удивительно — письменные источники с этнографической точки зрения весьма скудны, а археологическое изучение русских памятников, особенно сельских, только начинается [4]. Следует отметить, что интерес к археологическим памятникам русского освоения Сибири все более возрастает. Причем изучение памятников XVIII в. дает не менее интересный материал, чем более ранних периодов [5].

Большинство памятников, оставленных русскими старожилами Притомья, почти не подвергалось раскопкам, а обследованы лишь в ходе разведочных работ, которые здесь проводились начиная с 1920-х гг. Раскопками относительно широкими площадями было исследовано не более пяти поселений. В 1980-х гг., с началом активизации археологических исследований русских памятников Притомья, появились и первые публикации накопленного материала. Как правило, авторы акцентировали свое внимание на наиболее ранних комплексах (XVII в.) [6]. Гораздо хуже известны археологические коллекции, связанные со следующим этапом русского расселения в Кузнецком крае — середина-конец XVIII в. Нами представлен материал именно по данному периоду. Он был получен при исследовании сельских памятников в окрестностях Кузнецкого острога [7].

Христорождественское. Памятник выявлен в 1989 г. в ходе обследования разрушенного участка первой надпойменной террасы правого берега р. Томи в 50 м ниже по течению от «коммунального» моста, соединяющего Центральный и Заводской районы г. Новокузнецка. Край террасы был срезан в ходе прокладки бетонных труб канализационного коллектора. В осыпях траншеи был собран материал, свидетельствующий о том, что на данном месте частично разрушены остатки строения, которое может быть связано с одним из ранних периодов существования села Христорождественского. Судя по большому количеству оплавленной керамики, это строение погибло в огне пожара.

Село Христорождественское располагалось у стен одноименного монастыря, основанного в 1648 г. на правом берегу р. Томи в 3,5 км ниже по течению от Кузнецка. С какого времени возникло село, неизвестно — видимо, в конце XVII — начале XVIII вв. На карте С. Ремезова, отражающей ситуацию 1670-х гг., в окрестностях Кузнецка указан только монастырь. Тем не менее, с. Христорождественское упомянуто ревизией 1720 г. Известно, что Христорождественский монастырь и подгородные деревни были подвергнуты калмыками разорению и сожжению в 1700 г. Как ни заманчиво связать следы обнаруженного пожара с этими событиями, следует отметить более поздний характер собранных на месте с. Христорождественского керамических комплексов.

Гончарная керамика представлена горшками объемом до 5 л. Большинство сосудов имело короткую прямую шейку, со скругленным обрезом венчика (Рис. 1). Один сосуд отнесен к типу закрытых банок с выпуклым плечиком, почти невыраженной шейкой и с приостренным срезом венчика (Рис. 1, 5). Кроме сосудов, изготовленных на ручном гончарном круте, найдены фрагменты лепной керамики. Она украшена лаконичным орнаментом в виде продольных оттисков гребенки по уплощенному обрезау венчика. В зоне шейки нанесен ряд редких ямок (Рис. 1, 3).

В 1994 г. полуразрушенный слой с аналогичной гончарной керамикой был выявлен на уступе коренной террасы в 100 м выше «коммунального» моста. Судя по всему — это следы той же деревни.

Ступин Лог [8]. Поселение расположено в одноименном урочище на гребне левобережного увала в вершине р. Сыскина (левый приток р. Томи), в 12 км к С от Кузнецка. Высота увала над р. Сыскиной около 12 м. Поселение было обнаружено в 1993 г. жителем г. Новокузнецка Г.А. Исаевым. На распаханной поверхности юго-западного склона увала им собраны фрагменты гончарной и лепной керамики. На месте наибольшего скопления находок автором был заложен раскоп 6х8 м. После снятия пахотного слоя, на глубине — 45 см от современной поверхности, на фоне материковой глины был выявлен контур темного пятна заполнения ямы подпрямоугольной формы 2,6х2,4 м. Длинная ось ямы ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В средней части север-восточной стенки отмечен выступ 0,4х0,8 м.

Бровка раскопа прошла через среднюю часть ямы, что позволило получить ее полный разрез. Верхний слой поселения сильно поврежден глубокой распаханкой. В нем были найдены мелкие единичные фрагменты гончарной керамики. Основной материал получен в ходе разборки заполнения ямы. Судя по всему,

это была хозяйственная полуземлянка. Выступ в ее северо-восточной стенке соответствовал спуску с грунтовыми ступенями. Вдоль юго-восточной стенки был грунтовый пандус шириной 0,4-0,5 м. Вдоль этой же стенки сохранилась лиственничная плаха обшивки. На южном углу ямы расчищена еще одна полу-сгнившая лиственничная плаха от наземной конструкции. В разрезе ямы отмечены перекрывающие одна другую линзы: навоза (сверху) и золы (внизу). Золой и навозом яму полуземлянки заполнили после ее разрушения. В золе были собраны пережженные кости животных и обломки гончарной керамики. Большая часть находок залегала на уровне пола полуземлянки.

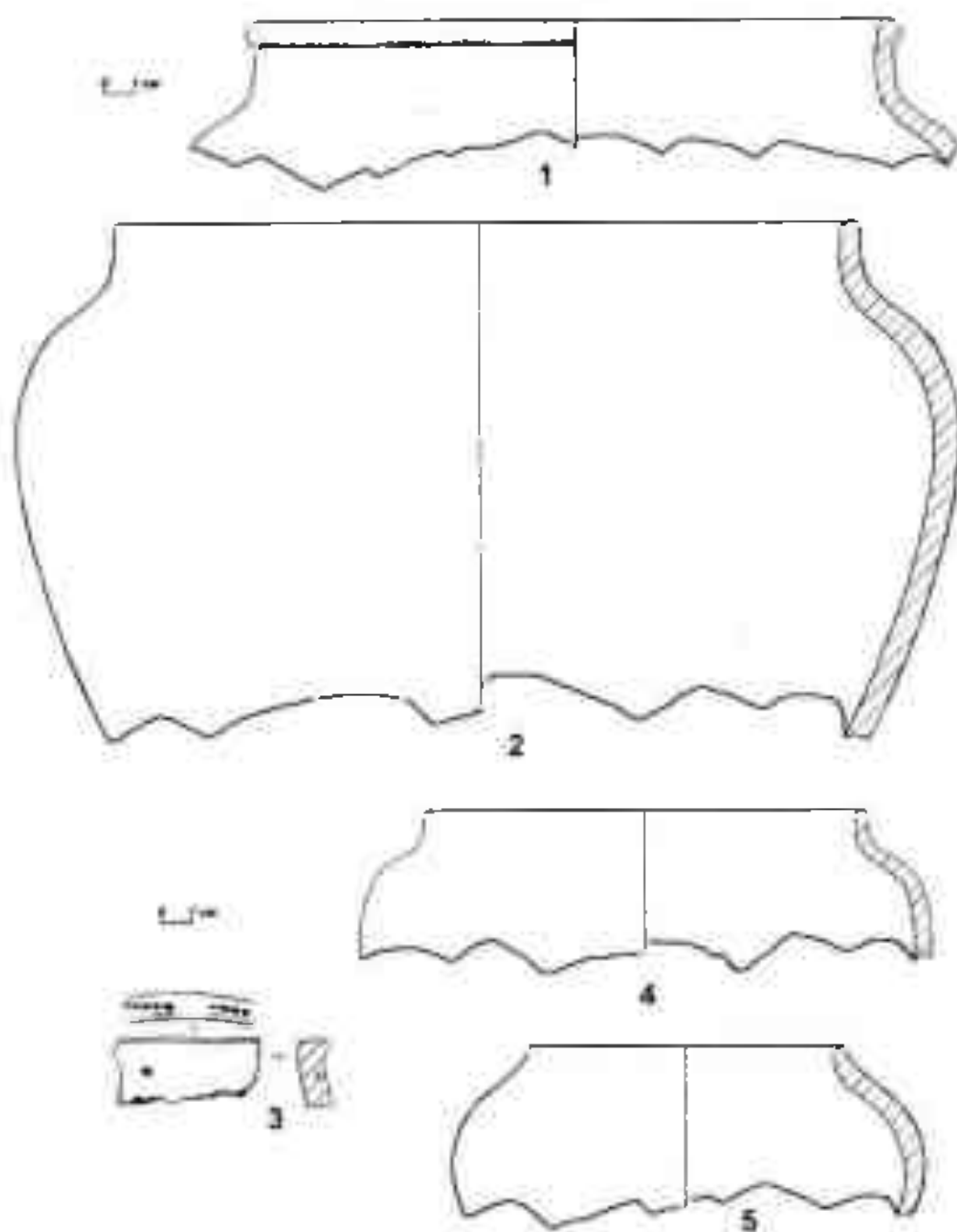

Рис. 1. Керсмика поселения Христорождественское.

Из камней следует отметить 6 кусков серого кремня с забитыми гранями, которые использовались для высекания огня, а также край жернова из мелкозернистого песчаника. Из определимых обломков костей могут быть названы: кости лошади, молодой коровы, овца. Найден полный скелет новорожденного ягтенка.

Гончарная керамика представлена обломками не менее 6 сосудов. Она изготовлена на ручном гончарном круге. Плоские днища сосудов имеют следы песчаной подсыпки, а у одного фрагмента отмечено вдавленное клеймо неправильной округлой формы (Рис. 2, 4). У гончарных горшков раздутое тулово с толстыми плечиками и короткие прямые шейки со скругленным срезом венчика (Рис. 2, 1-3). Объем гончарных горшков 1,5-8 л.

На дне полуземлянки найдены обломки не менее 20 лепных сосудов (Рис. 2, 7-12). Форма некоторых из них подражает керамике, изготовленной на гончарном круге. В примеси глиняного теста дробленые камни. Сосуды имели уплощенные днища и толстые стенки (до 10 мм). Большая часть лепных сосудов — горшки с короткой прямой шейкой, уплощенным срезом венчика, горизонтальным или немного скошенным наружу. Есть один сосуд в виде закрытой миски с короткой прямой шейкой. Большинство лепных сосудов без орнамента. Два сосуда украшены линией редких ямок в зоне шейки. Три сосуда украшены гребенчатым орнаментом. Два из них имеют сходные элементы в виде «птичьей лапки». У сосудов с гребенчатым орнаментом оттиски гребенки нанесены и на обреш венчика, а у одного и на внутреннюю поверхность шейки.

В ходе раскопок были дополнительно обследованы склоны увала. Здесь собран незначительный подъемный материал, который включал мелкие фрагменты гончарной керамики и серо-розовый пищевальный кремень (Рис. 2, 13). Мест расположения жилой постройки, к сожалению, выявить не удалось. Судя по всему, поселение Ступин Лог представляет собой остатки заимки. Характер гончарной керамики и особенности орнаментации лепной посуды позволяют предполагать, что поселение Ступин Лог относится ко второй половине XVIII в. Для более ранней лепной керамики (конец XVII — начало XVIII вв.), встречаемой на русских поселениях в окрестностях Кузнецкого острога, характерны более сложные узоры [9]. Пищевальный кремень с поселения Ступин Лог также относится к тому сорту камня, который наиболее характерен для памятников середины — второй половины XVIII в.

С лиственничной плахи, найденной в заполнении полуземлянки на поселении Ступин Лог, был сделан спил для дендрохронологического анализа. К сожалению, пока нет возможности привязать данный спил к абсолютно датированной шкале. Тем не менее, при сравнении с уже имеющимися спилами, сделанными при исследовании других объектов Кузнецкой котловины, был получен заслуживающий внимания результат (анализ проведен руководителем Дендрохронологической лаборатории КузГПА И.А. Жуковым). Спил с лиственницы поселения Ступин Лог совпал со шкалой, полученной на основе спилов, взятых при исследовании остатков береговых укреплений Кузнецка. Известно, что эти укрепления были построены после 1747 г. По характеру расположения годовых колец установлено, что бревна для береговых укреплений Кузнецка и

для постройки на поселении Ступин Лог были заготовлены в близкий хронологический период.

Малово-1 [10]. Поселение расположено в 13 км к Ю от Кузнецка на левом берегу р. Кондомы, в устье переползающего ручья в 1,5 км ниже по течению от д. Малово.

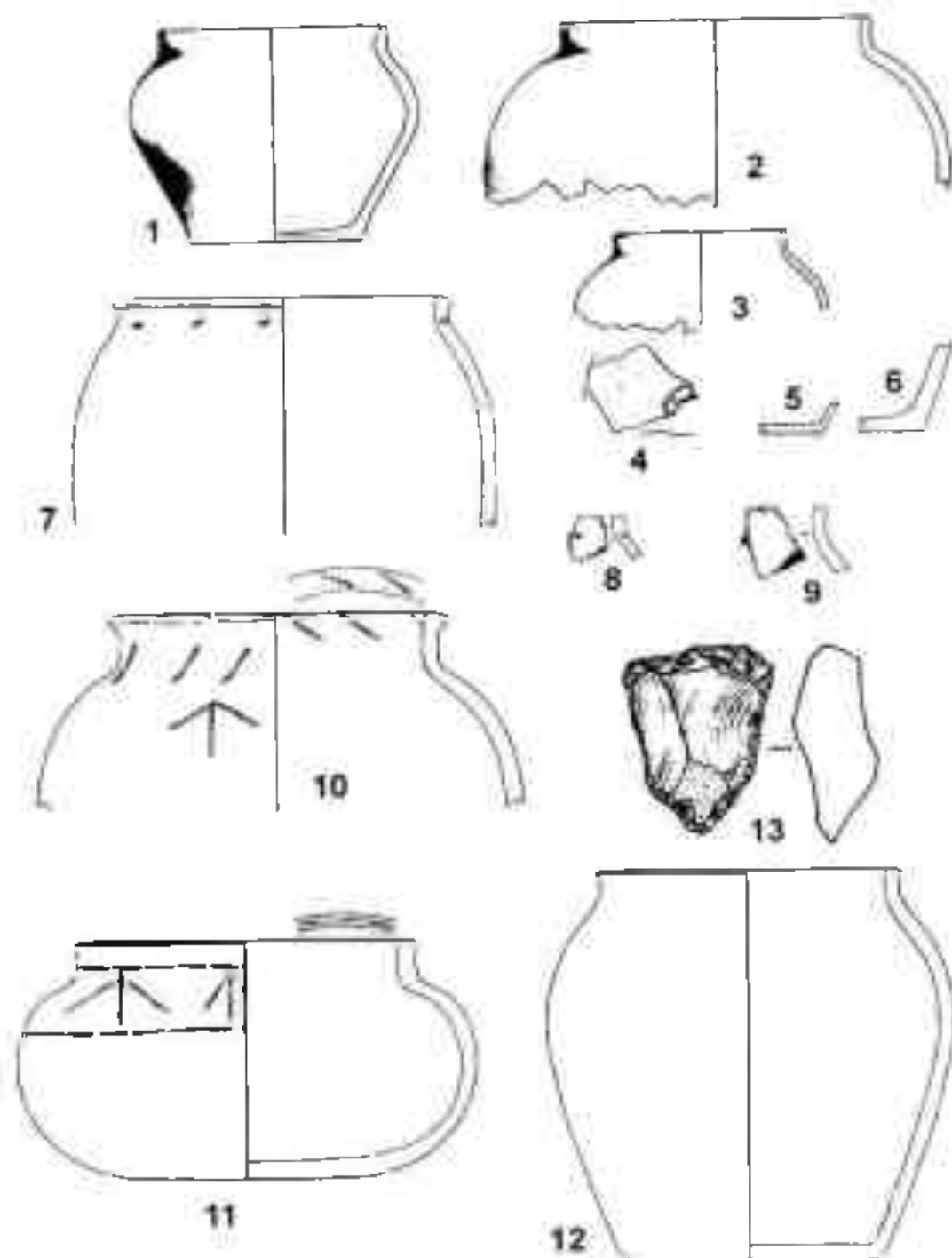

Рис. 2. Материалы раскопок поселения Ступин Лог.
13 — камень; остальное глина.

Памятник выявлен жителем г. Новокузнецка Б.А. Рахмановым в 1997 г. В осыпи под облажением кромки террасы на левом приустьевом мысу безымянного ручья им найдены железные шлаки и обломки гончарной керамики, среди которой есть обломки поливной гончарной керамики XIX в. Обследованный левый приустьевой участок безымянного ручья сильно изрыт. Осталось неясно, связаны ли железные шлаки с русским поселением или здесь прежде было поселение кузнецких татар. Ручей протекает по широкой, местами заболоченной пойме р. Кондомы, которую жители д. Малово используют под сенокос и выпас скота. От устья вверх по ручью на протяжении 100 м встречаются следы давно заброшенного русского поселения. На левом берегу ручья, в 60-70 м выше его устья, отмечено незначительное повышение рельефа. На нем выявлено несколько слабо выраженных западин. Одна из них оказалась разрушена земляной выемкой. Здесь автором был заложен раскоп 3х6 м, которым была вскрыта часть жилого объекта. Стратиграфические наблюдения позволяют выделить два хронологических горизонта, поздний из которых, видимо, связан с перестройкой объекта. На позднем этапе существования объект погиб в пожаре. Часть керамики расплавлена.

В ходе раскопок на поселении Малово-1 были найдены следующие железные предметы: обломок резного замка, корпус навесного замочка (Рис. 3, 3), долото (Рис. 3, 14), ножи с загнутым на конце черешком (Рис. 3, 7, 8), сапожная игла (Рис. 3, 5) и шило (Рис. 3, 4), оконки ремней конской упряжи, инкрустированные серебром (Рис. 3, 1, 2), кованые гвозди (Рис. 3, 12), скобы (Рис. 3, 13), кузнечный пробой (Рис. 3, 11). Кроме этого: оконки ружейного цевья из листовой меди, ружейные кремни (Рис. 3, 9, 10), кресальные камни с оббитыми гранями, 4 точила из брусков песчаника, курант из длинного окатанного камня, глуда, осколки прямоугольных стеклянных бутылей, кусочек фарфора с фрагментом китайского иероглифа, написанного золотой краской, грузила галечные для сетей, костяная игла для вязания сетей (Рис. 3, 6).

Среди керамики встречаются фрагменты и развалы сосудов как изготовленных на ручном гончарном круге, так и лепных. Полностью восстанавливается форма некоторых сосудов как из раннего жилого яруса, так и из позднего. Типы сосудов поселения Малово-1 сравнительно однообразны. Большинство составляют горшки. Часть из них со слабо выделенной зоной шейки (Рис. 4-7). Есть глубокие латки и миски (Рис. 4, 15-18). Найден один сосуд закрытой баночной формы с широким сливным носиком (Рис. 4, 20). У него сильный нагар на внешней поверхности тулова.

Нагар, отмеченный на керамике, его расположение и интенсивность позволяют не только выделить кухонную посуду, но и предположить ее более узкое назначение. Он встречается на внутренней части тулова или только на внутренней части венчика. Керамика без нагара выполняла тарные и столовые функции. На нескольких тарных горшках (Рис. 6, 2) отмечены следы берестяной оплетки в виде ромбической сетки из полос шириной 2-2,5 см.

В слое раннего яруса найдено скопление донн разбитых горшков, которые, видимо, могли использоваться как крышки. Донна достаточно аккуратно отделены от тулова поврежденных сосудов благодаря тому, что при их изготовлении была использована технология донного начина. В то же время, среди сосудов верхнего яруса преобладают сосуды, изготовленные на ручном гончарном круге на основе донно-емкостного начина.

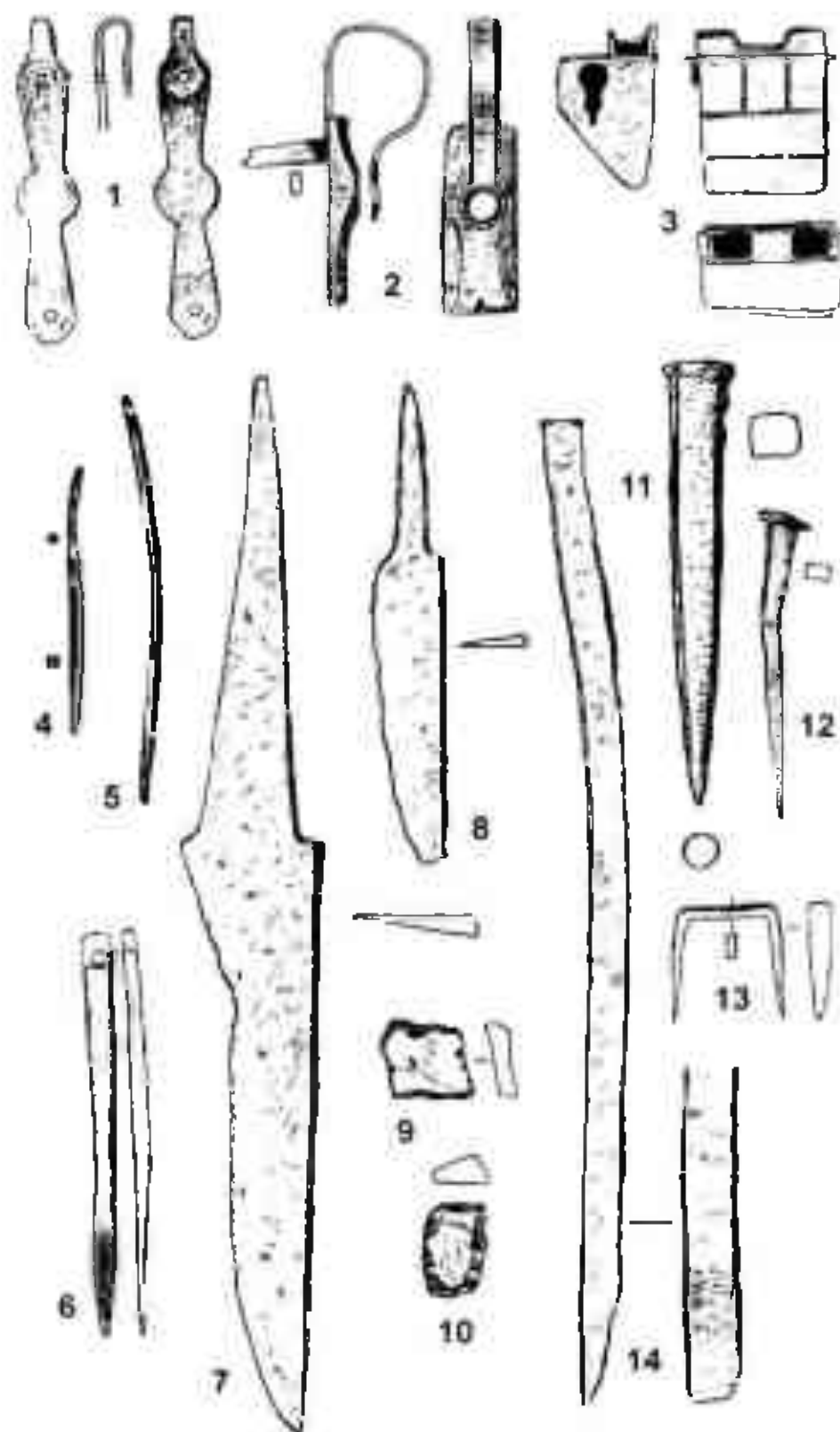

Рис. 3. Материалы раскопок поселения Малово-1.
 1 — железа, серебра; 6 — кость; 9, 10 — камень;
 остальное — железа.

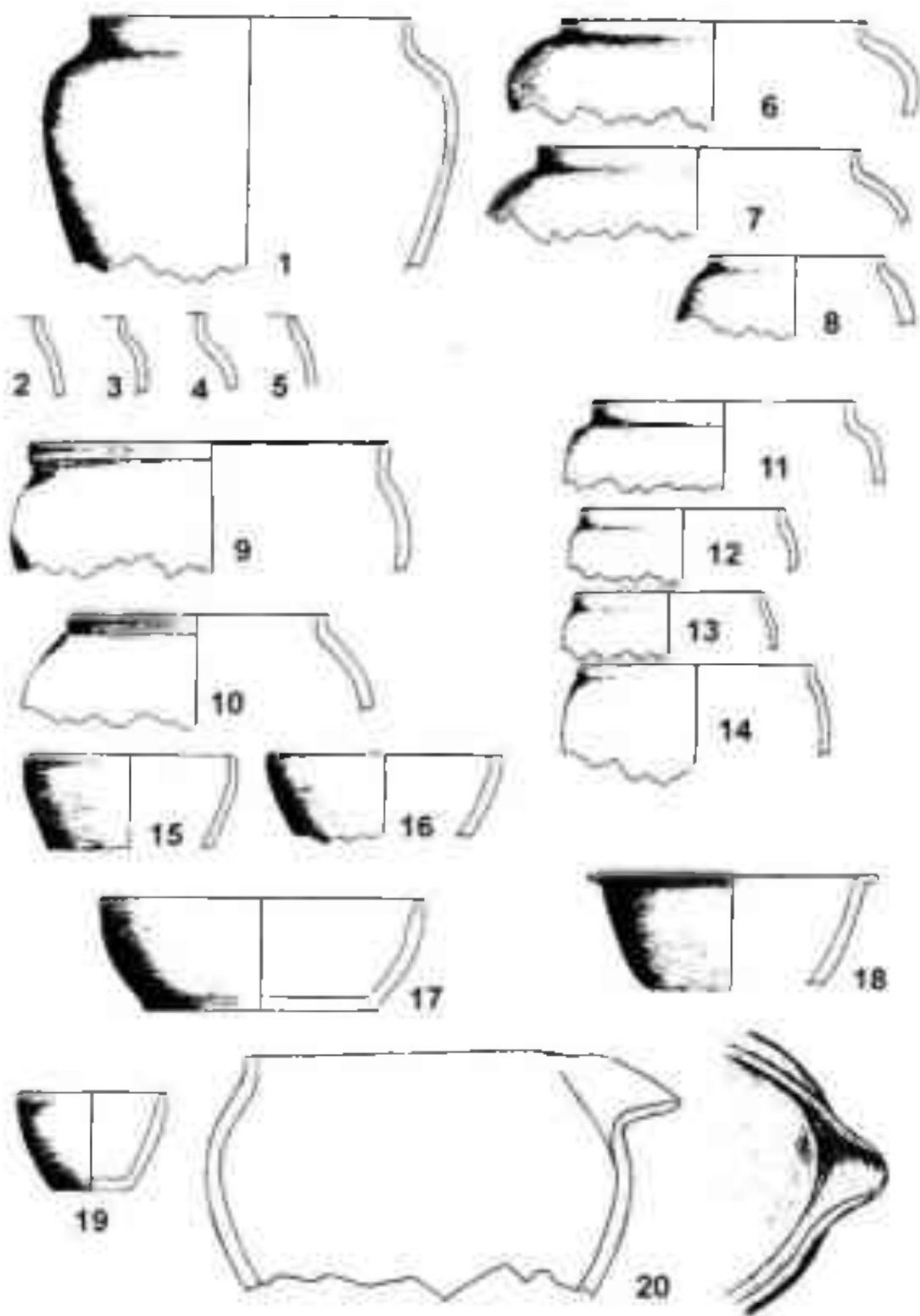

Рис. 4 Материалы раскопок поселения Малово-1.
Все глина

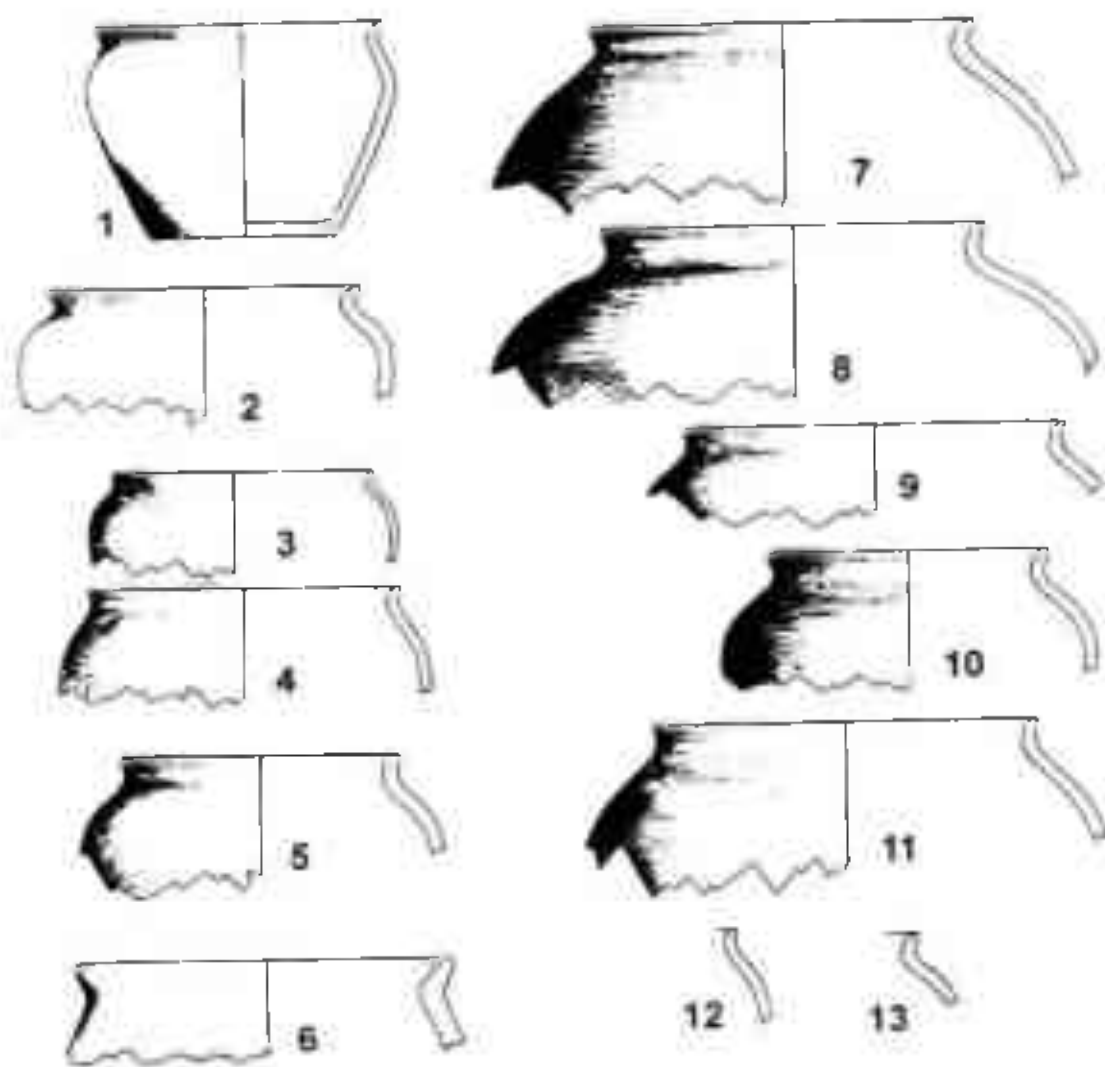

Рис. 5. Материалы раскопок поселения Малово-1.
Все глина.

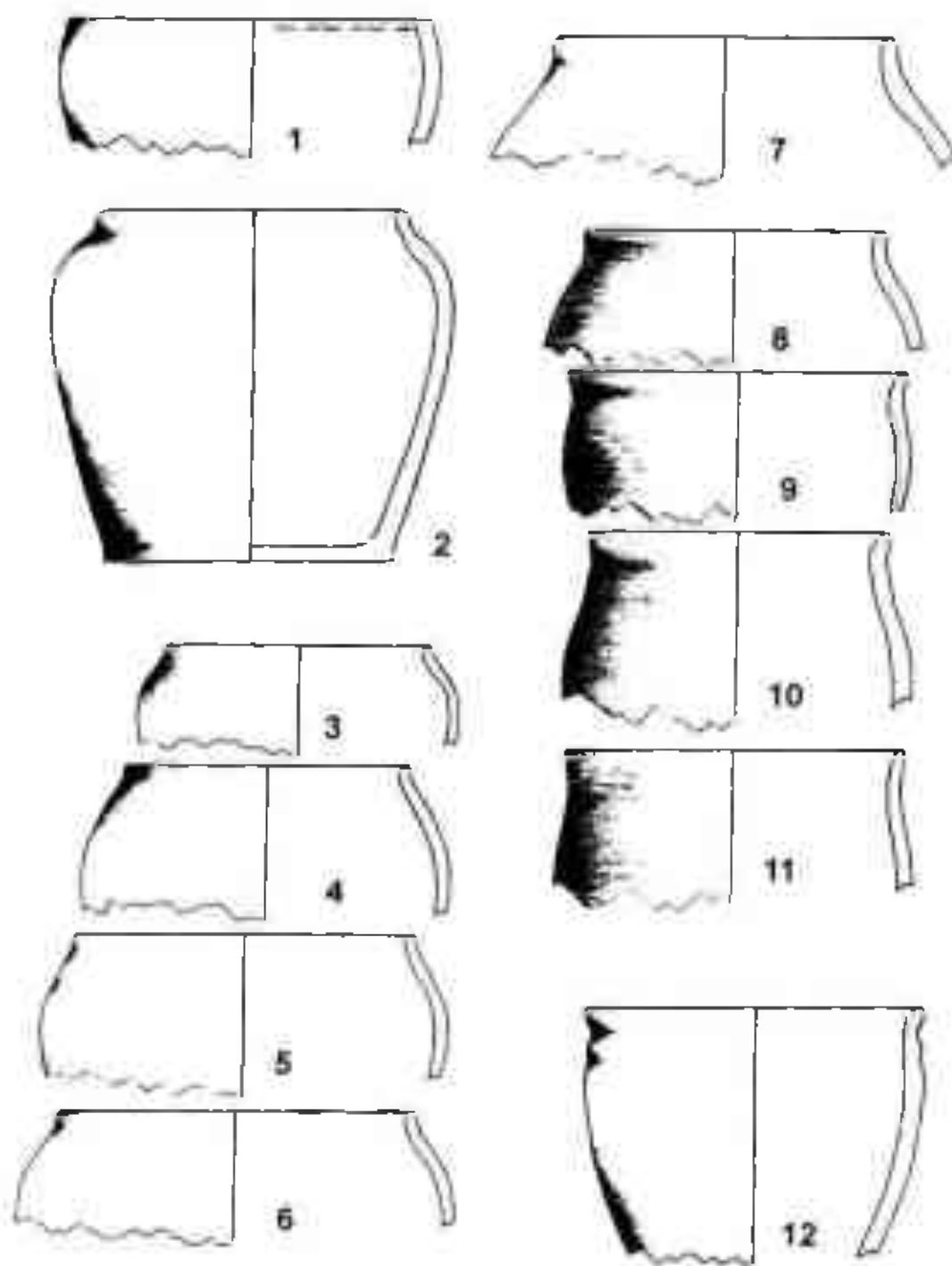

Рис. 6. Материалы раскопок поселения Малово-1.
Все глина.

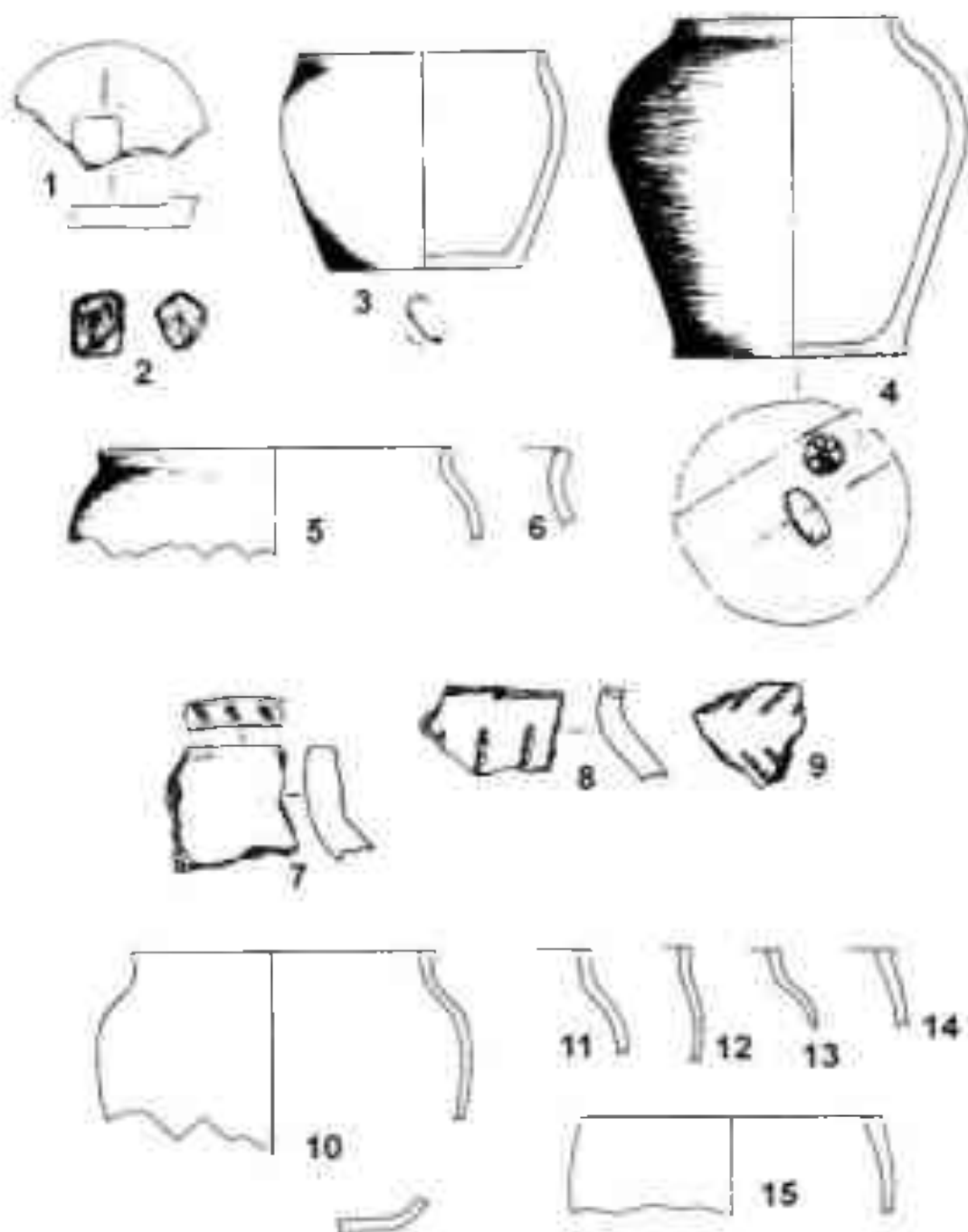

Рис. 7. Материалы раскопок поселения Милово-1.
Все глина.

В раннем слое найдены единичные фрагменты лепной керамики, в том числе — фрагменты венчика лепного сосуда, ornamentированного по обрезу редко поставленными оттисками крупнозубой гребёнки (Рис. 7, 7-9). В позднем слое выделяется большая группа лепной керамики без орнамента с примесью в тесте песка. Это горшки с уплощенным дном, пологим плечиком, короткой шейкой и утолщенным венчиком с горизонтальным срезом (Рис. 7, 10-14). Есть в этой группе керамики и сосуды баночных закрытых форм (Рис. 7, 15). Подбную керамику на местный рынок в XIX в. поставляли усть-мрагские инорцы.

Типологические особенности найденной керамики, как лепной, так и изготовленной на гончарном круге, позволяют предполагать, что на обследованном участке довольно продолжительное время существовала русская деревня. Наиболее ранние находки могут относиться к концу XVII — началу XVIII вв. Одно из клейм на днищах горшков из раннего яруса (Рис. 7, 3, 4) находит многочисленные аналогии в материалах Кузнецкого острога конца XVII в.

Один из поздних периодов функционирования объекта, исследованного на поселении Малово-1, уточняется находкой медной монеты — сибирской полушки 1768 г. выпуска. Гончарные сосуды, аналогичные найденным здесь, были встречены на поселении Ступин Лог. На обоих поселениях на днищах гончарных сосудов отмечены сходные клейма в виде вдавлений неправильно-округлой формы (Рис. 7, 2).

Отождествить исследованные в окрестностях Малова остатки деревни с определенным, зафиксированным в письменных и картографических источниках населенным пунктом, достаточно сложно. В «Описании Кузнецкого уезда...» Г.Ф. Миллера, составленном в 1734 г., между д. Букино и д. Куртуково указана только одна д. Фролова [11]. На карте, составленной в 1745 г. инженер-капитаном Сергеем Плаутиным, выше д. Букина обозначена д. Горднова [12]. Возможно, это один и тот же населенный пункт.

Кузедеево. Как русское поселение Кузедеево впервые упоминается в 1734 г. [13], хотя репизиями ранее 1747 г. оно не отмечено. Вероятно, село возникло в связи с устройством в 1738 г. Кузедеевского форпоста в 50 км к Ю от Кузнецка, на левом берегу р. Кондомы между устьями р. Колотонка и р. Малый Теш.

Здесь в 1961 г., в осыпях коренной террасы высотой до 20 м (точное место не известно), А.И. Мартыновым произведены сборы русской гончарной керамики и сделан небольшой разведочный раскоп [14]. В коллекции из с. Кузедеево представлены обломки не менее 25 сосудов: венчики, стенки, донышки. В основном фрагменты принадлежат кухонным горшкам, объемом до 7 л (Рис. 8). Есть фрагменты глубоких мисок (Рис. 8, 4, 5).

Судя по характерным особенностям керамики Кузедеевского поселения, данные материалы были собраны на наиболее раннем участке этого населенного пункта. Все сосуды изготовлены на ручном гончарном круге ленточным кольцевым налепом. Основной отощитель глины — песок.

Преобладает донный начин (дно более тонкое, чем примыкающие к нему участки тулова). Сосуды относительно тонкостенные (толщина стенок тулова 4-5 мм), оформление венчиков разнообразное (с внешним воротничком, с карнизиком, со скосом, уплощенные, скругленные), у горшков четко выражена ко-

роткая шейка, часто встречается крутое плечико, иногда с ребром при переходе к тулову (Рис. 8, 1). Такое ребро образуется из-за дополнительной подработки венчика и зоны шейки при быстром вращении круга.

Перечисленные особенности керамики Кузедеевского поселения восходят к гончарной традиции XVII в., хорошо изученной в ходе раскопок Кузнецкого острога. Уже во второй половине XVIII в. в керамических комплексах Кузнецкого края эти признаки почти не встречаются. Единичный фрагмент сосуда с небрежным лощением, отмеченный в материалах Кузедеевского поселения (Рис. 8, 7), также относится к типу, характерному для конца XVII — первой половины XVIII вв.

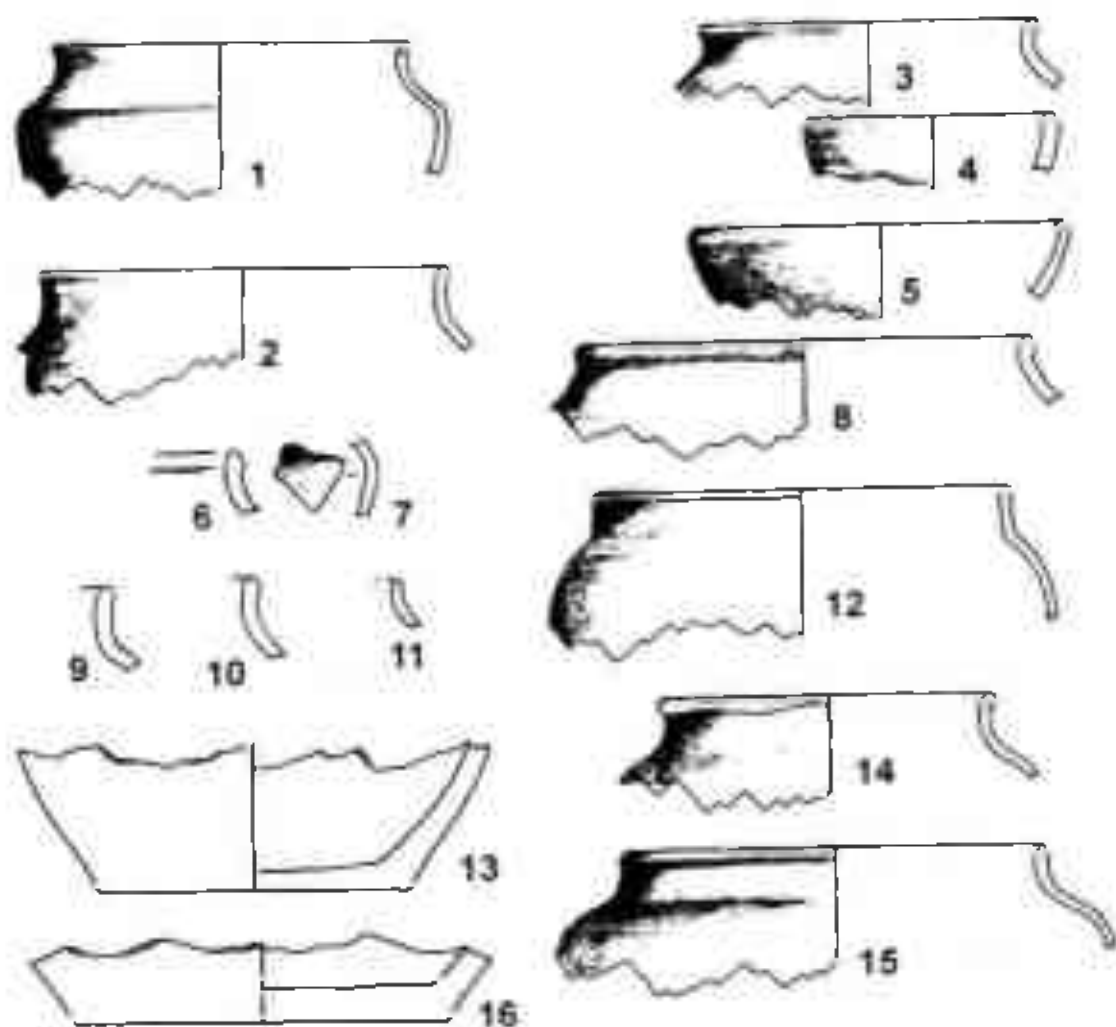

Рис. 8. Материалы раскопок поселения Кузедеево.
Все глина.

Кучугур [15]. Памятник расположен в 80 км к Ю от Кузнецка на левом берегу пересыхающего ручья Поповка, левого притока р. Чумыш. Он выявлен в ходе археологической разведки 1997 г. Поселение занимает чистую площадку высотой до 5 м над поймой рч. Поповка, у основания пологого склона. Вдоль северного края площадки, обращенного в пойму ручья, бульдозером срезана почва при устройстве плотины. В обнажении зафиксирован насыщенный культурный слой, содержащий прослойки яолы, кости и фрагменты керамики. Произведена зачистка обнажения на протяжении 6 м. Находки залегали сразу в дерновине и глубже. Мощность культурного слоя 20-25 см.

Керамика представлена преимущественно обломками толстостенной гончарной керамики, изготовленной на ручном гончарном круге (Рис. 9, 2). На фрагментах керамики встречаются отверстия, просверленные для скрепления сосудов вдоль трещин. Среди обломков найдены фрагменты одного лепного сосуда с короткой прямой шейкой, на внешней стороне венчика которой нанесены гладкие вертикальные насечки (Рис. 9, 1). Найдено два железных черешковых ножа (Рис. 9, 4, 5), плоский асимметрично-ромбический железный черешковый наконечник стрелы (Рис. 9, 3), витая ручка от сундучка, кусок медной проволоки и железный шлак. Среди костей есть кости лошади, косули, много костей рыб и птиц.

Проведенная зачистка позволяет предполагать, что разрушениями затронуто скопление мусора на краю русского поселения, возникшего в конце XVIII в. в связи с устройством Сары-Чумышского маяка. Керамика, найденная здесь, характерна для русских поселений в окрестностях Кузнецка именно этого времени.

Обобщая особенности керамических комплексов сельских памятников середины-второй половины XVIII в. следует отметить ряд черт, отличающих эти материалы от коллекций предшествующего времени. К этим признакам следует отнести:

- практически отсутствует керамика светлого окислительного обжига, она почти вся темная;
- преобладает донно-емкостный начин (при этом дно по толщине равно стенкам или более толстое);
- относительно более толстые стенки, чем у более ранних сосудов;
- исчезает практика уменьшения толщины стенок и их выравнивание путем срезания шпателем липней глины;
- более высокий процент сосудов без выраженной шейки или с очень короткой;
- простая и однообразная профилировка венчиков, исчезает уступ (желобок) на внутренней кромке среза;
- плечико плавно скругленное, без резкого излома при переходе к тулову; исчезает мода на приостренное ребро в зоне плечика;
- изменяются донные клейма, а затем исчезают (иногда фиксируется только квадратный пил оси ручного гончарного круга);
- практически исчезает привозная керамика — чернолощенная и поливная (она вновь получает широкое распространение только со второй половины XIX в.).

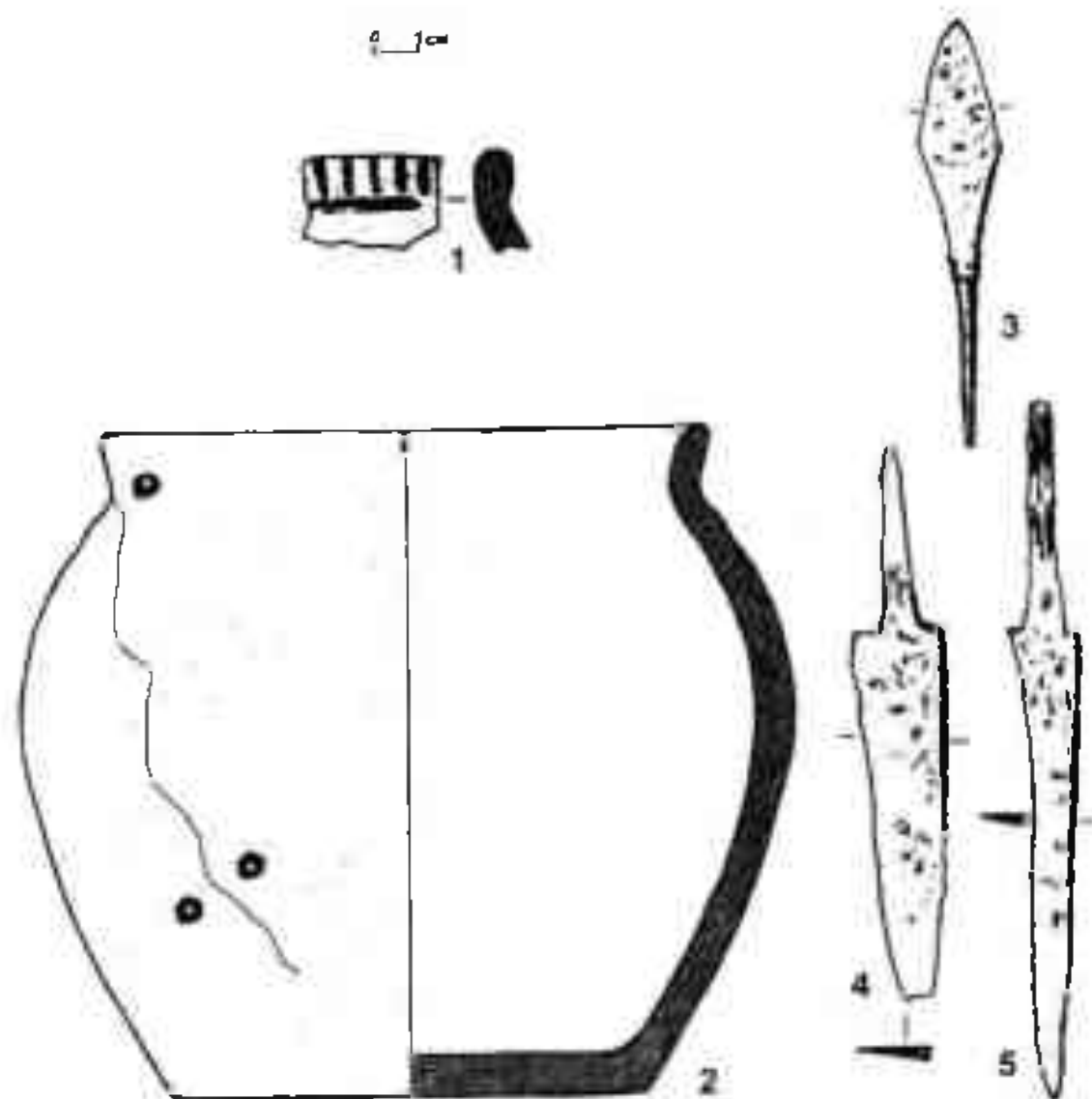

Рис. 9. Материалы раскопок поселения Кучугур.
1, 2 — глина; 3-5 — железо.

Рассматривая русские археологические комплексы XVII в. Кузнецкого края мы намеренно остановили свое внимание именно на сельских памятниках. Быт сельских жителей с относительно небольшим радиусом контактов более точно, пусть и с некоторым запозданием, отражает реальные культурные перемены, происходящие именно в данном регионе.

Общая численность русского населения Кузнецкой земли в первой четверти XVIII в. была еще невелика. Опираясь на результаты первой ревизии 1719-1722 гг., население Кузнецкого уезда с городом Кузнецком предположительно составляло не более 5 тысяч человек обоего пола [16].

Первые заимки служилых людей и русских крестьян возникали обычно вблизи острога, постепенно перерастая в деревни и села. Деревни состояли из 1—2 дворов. Места для большинства первых деревень выбирались по берегам рек, богатых плодородными пойменными землями, рыбными угодьями и питьевыми ресурсами, а также часто играющих роль дополнительных путей сообщения. Большинство прибрежных земель в те времена были заняты малочисленными этнолокальными группами аборигенов, которые нередко вовлекались в брачные контакты с русскими. О таких контактах позволяет предполагать то, что при раскопках Кузнецка и ближайших сельских поселений этого периода отмечено широкое заимствование ряда элементов материальной культуры коренных жителей.

В конце 1750-х гг. сложилась Колыванская линия укреплений, взявшая под охрану русские владения и заводы на Алтае. В 1760-е гг. она была сдвинута еще южнее и шла до Кузнецка от Усть-Каменогорска через крепости Ануйскую, Бехтемирскую, Катунскую, Бийскую. В связи с уменьшением военной опасности постепенно осуществлялось сползание населения из северных районов Притомья, а также из менее благоприятных в сельскохозяйственном отношении районов Сибири в южные. Усилившийся приток русского населения в Кузнецкий уезд вызвал возникновение бывшего числа русских селений. В 1782 г. их здесь насчитывалось уже более 240.

Во второй половине XVIII в. количество дворов в русских деревнях увеличивается, но редко превышает 3—4. Основной жилой постройкой по-прежнему являлась наземная четырехстенная изба, которая отапливалась с помощью глинобитной печи. Ряд наблюдений позволяет говорить о некоторых изменениях в бытовых (этнокультурных?) стереотипах сельских жителей. Среди разнообразных хозяйственных построек во всех деревнях XVII- начала XVIII вв. зафиксированы погреба, ледники, овины, а также хозяйственные постройки на основе полуземлянок. В полуземлянках хранили продукты, сельхоз. инвентарь, а также содержали свиней. С середины XVIII в. более разнообразным становится состав поголовья домашнего скота. Среди типов хозяйственных построек сокращается число подземных.

Следует отметить, что для материальной культуры наиболее ранних сельских поселений Верхнего Притомья (XVII- начала XVIII вв.) было характерно большое сходство с инвентарным и керамическими комплексами, получаемыми при раскопках Кузнецкого острога. По уровню комфортности жилья сельские поселения, вероятно, даже превосходили острог. Во второй половине XVIII в. ситуация меняется. С этого времени уже вполне определенно можно говорить о существенном отставании деревенского быта от «городского». Это, несомненно, явилось следствием изменившейся демографической ситуации, когда стали преобладать собственно крестьянские поселения. Особенно чутко происходящие на бытовом уровне изменения улавливаются при анализе керамики.

Имеющийся опыт изучения русской керамики Сибири показывает, что если к ее систематизации подходить с привычных позиций анализа керамики местных древних культур, то это не дает положительного результата [17]. Более эффективна опора на традиции характеристики «славянского» гончарства вос-

точно-европейского региона. Правда, дело осложняется тем, что опыт его системного анализа ограничен X-XVI вв. и этнографической современностью. Керамические комплексы XVII-XIX вв. восточно-европейского региона, так же как и сибирские, изучены слабо.

Следует признать, что доля привозной керамики в Сибири была крайне незначительной, а потребность в посуде удовлетворялась местными гончарами, продукция которых распространялась в радиусе не более 100 км. Исходя из этого, нужно сосредоточить внимание на создании хронологически дробной характеристики «русского» гончарства в Сибири по узорегиональному принципу. Опыт подобной работы применительно к Кузнецкому краю показал ее высокую аффективность. С опорой на хорошо датированные комплексы Кузнецка (построй, строительные ярусы объектов XVIII-XX вв.) собраны эталонные коллекции керамики, которые позволяют в полувексовых интервалах датировать гончарные комплексы любых населенных пунктов региона. К сожалению, для других территорий этот набор признаков, видимо, работать не будет. Интересно, что все основные переселенческие волны XVII-XX вв. в Кузнецком крае, выявленные по письменным источникам, нашли отражение в существенных переменах, наблюдаемых в местных гончарных традициях. Как мы уже отмечали, с одной из этих переселенческих волн конца XVIII - начала XIX вв. был принесен кустарный домашний промысел изготовления лепной посуды, который был воспринят и закрепился в хозяйственном комплексе усть-ирасских шорцев [18].

Дальнейшее археологическое изучение поселенческих и погребальных памятников Притомья, при условии выполнения их по комплексной программе с участием этнографов и привлечения всего разнообразия архивных источников, позволит более детально и точно осветить этнокультурные особенности первых волн русских переселенцев, их вклад в формирование культуры жителей Кузнецкого края.

Примечания

1. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956.
2. Панов В.И. История заселения Кузнецкого района (XVII - нач. XX вв.): племенной и этнический состав переселенцев // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1998. Вып. 3. С. 36-53; Чигрик Г.М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка в XVII в. // Русские говоры Сибири. Томск, 1971. С. 89-95; Скрябина Л.А. Русские Притомья. Кемерово, 1997; Гончарова Т.А. Население нижнего Притомья: основные этапы формирования (в XVII - XX вв.) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тюмень-Омск, 2000. С. 149-152.
3. Люцидарская А.А. Усадьбный комплекс Восточной Сибири нач. XVIII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск, 1989. С. 144-149; Она же. Усадьбный комплекс Западно-Сибирского города XVII - нач. XVIII вв. // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 42-51; Она

- же. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 152-159; Майничева А.Ю. Развитие традиционного жилища русских крестьян Западной Сибири // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 120-128; Скрыбина Л.А. Русские Притомья; Балюк Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI — начало XX вв.). Тюмень, 2002. 180 с.
4. Татаурова Л.В. Культура русских Сибири в археологических исследованиях: проблемы и перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 3-8.
5. Скобелев С.Г. Саянский острог — памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 185-208; Колпцова С.В., Воробьев А.А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2001. Вып. 3. С. 154-159.
6. Ширин Ю.В. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII—XVIII вв. в Кузнецком крае // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 441-443.
7. Основная часть коллекций хранится в Новокузнецком краеведческом музее (НКМ) и в Историко-архитектурном музее «Кузнецкая крепость» (ИАМКК).
8. Материалы раскопок Ю.В. Ширина на поселении Ступин Лог хранятся в ИАМКК (по Книге поступлений коллекция имеет № 769).
9. Ширин Ю.В. Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII века // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово, 1992. Рис. 2; 3.
10. Материалы раскопок Ю.В. Ширина на поселении Малово-1 хранятся в ИАМКК (по Книге поступлений коллекция имеет № 939).
11. См. публикацию Г.Ф. Миллера в данном сборнике.
12. Архив ИАМ «КК», Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
13. См. публикацию Г.Ф. Миллера в данном сборнике.
14. Материалы раскопок А.И. Мартынова на поселении Кузнецкое хранятся в НКМ (по Книге поступлений коллекция имеет № 4081).
15. Материалы раскопок Ю.В. Ширина на поселении Кучугур хранятся в ИАМКК (по Книге поступлений коллекция имеет № 779).
16. Усков И.Ю. Ревизские сказки как источник по истории Среднего Притомья // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2002. С. 153-175.
17. Мельников Б.В. Характеристика гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 394-399.
18. Ширин Ю.В. Консервация древних традиционных ремесел у кузнецких татар // Сибирский город вчера и сегодня (Тезисы научно-практической конференции, посвященной 380-летию Новокузнецка). Новокузнецк, 1998. С. 95; Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М., Л., 1936.

Новый документ о сереброплавильном промысле на р. Каштак

Каштакский острог и рудник упоминаются в историко-краеведческой литературе и в трудах по истории техники как первый опыт налаживания и организации горнорудного и сереброплавильного дела в Западной Сибири [1]. Авторы этих работ специально не рассматривали истории возникновения Каштакского сереброплавильного промысла и опирались, как правило, не на архивные материалы, а на известные им публикации документов. К 1860-м гг. было опубликовано 7 документов, в которых нашли отражение история открытия серебряной руды на р. Каштак и попытка наладить здесь сереброплавильное производство [2]. В научной литературе есть ссылки лишь на 2-3 из них [3]. А.А. Кузин, автор обобщающего труда по истории открытия рудных месторождений в России, обошел эти документы молчанием [4]. По всей видимости, остались неизвестны они и А.В. Коняеву, автору последней работы по истории Каштакского сереброплавильного промысла [5].

В целом опубликованные документы достаточно полно отражают историю Каштакского рудника. Вместе с тем некоторые её моменты оставались не совсем понятными. Объясняется это прежде всего тем, что почти все опубликованные документы представляют собой преимущественно царские грамоты и указы. Они составлялись на основе отписок томского воеводы В.А. Ржевского, находившегося на воеводстве с 1694 по 1699 г. [6], и акцентировали внимание лишь на главном моменте, оставляя без внимания предысторию вопроса. Только в одном случае мы имеем отписку самого В.А. Ржевского. Поэтому документ, публикуемый нами, представляет несомненный интерес, поскольку в нем собраны отписки томского воеводы, которые позволяют глубже осветить историю Каштакского рудника.

Данный документ мы назвали «Экстрактом» Гмелина-Клеопина. Он представляет собой подборку отписок В.А. Ржевского, копии которых, вероятно, хранились в Томской канцелярии. В нашем распоряжении была фотокопия «Экстракта», которая хранится в фондах Кемеровского областного краеведческого музея [7].

Согласно показанию Н. Клеопина, который в 1730-х гг. являлся обергмейстером Сибирских казенных заводов, данный документ был скопирован им в 1742 г. у И.Г. Гмелина, одного из участников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции. С последним Н. Клеопин встретился на Алапаевских железных заводах, расположенных на р. Алапах, притоке р. Нейны. Гмелин побывал здесь во время своего возвращения из Сибири в Санкт-Петербург.

Сам «Экстракт» был составлен Гмелиным в Томске, в котором он побывал дважды. Первый раз он посетил его вместе с Миллером в октябре 1734 г., но пробыл здесь недолго. Уже в начале декабря 1734 г., опять же вместе с Миллером, он отправился в Енисейск [8]. Второе посещение было более длительным. Расставшись с Миллером в Красноярске весной 1740 г., Гмелин в сентябре того же года отправился в Томск, где прожил всю зиму 1740/41 г. [9]. Именно в это время им и был составлен «Экстракт». Он представляет собой посприизведение пяти отписок В.А. Ржевского и письма А. Лсвандиана к царю, относящихся к истории открытия серебряной руды на р. Каштак и построения здесь сереброплавильного завода.

Хотя Гмелин по образованию и роду деятельности был ботаником, но в ходе поездки по Сибири он интересовался историей этого края, в том числе собирал сведения о горном и заводском деле Сибири [10].

Наша публикация рассчитана в первую очередь на краеведов и носит научно-популярный характер. Вместе с тем она будет интересна и специалистам, изучающим становление горной промышленности Сибири XVII—XVIII вв. Поскольку в наших руках находится только фотокопия «Экстракта», то дать развернутую археографическую характеристику документа не представляется возможным. Следует лишь указать, что в ряде случаев переписчик заменил даты от сотапрения мира на современную ему от рождества Христова. При подготовке «Экстракта» к публикации мы произвели разбивку текста на абзацы и предложения и расставили знаки препинания, приблизив пунктуацию к современной.

«Экстракт» Гмелина-Клеопина

(л. 512) В КАНЦЕЛЯРИЮ ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКИХ И КАЗАНСКИХ ЗАВОДОВ, ОТ ОБЕРГМЕЙСТЕРА НИКИФОРА КЛЕОПИНА ДОНОШЕНИЕ

Напрели сего преднаписанной канцелярии в бытность мою при Красноярских заводах, ис тамошнего начальства, в бышем, в давно прошедших годах, в Томском уезде при речках, именуемых Коштаках, серебряном промысле, и что требуется от Томской воеводской канцелярии об оном, известия не получено, со обстоятельством донесено; нынеже, в случае бытности моей при Алтаевских заводах и при свидании тут с бывшим недавно здесь доктором господином Гмелиным, по разговорам с ним, уведомлено о упомянутом Коштацком промысле, что у него основательное известие о том промысле есть, которое тогда ж по желаемой моей прозбы списано и при сем оное, для ясного ведения и рассмотрения, канцелярии главного заводов правления прилажаю, октябрь 2-го дня 1742 году. // (л. 512 об.)

ЭКСТРАКТ О бышем в давних годах Сибирской губернии в Томском уезде при речках именуемых дву Коштаках серебряном промысле, выписанном из собранных известия господина доктора Гмелина, в котором явствуют следующие обстоятельства:

1-е. Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белаы России самодержцем, холоп ваш, Васка Ржеяской, челом бьет. В нынешнем, государь, 1696-м году пасылал я, холоп ваш, ис Томска в горныя порубежныя волости для ясашиного сбора томского сына боярского Степана Тупалского с товарищи. И он, Степан, приехав в Томск, явил мне, холопу вашему, с фунт руды серебряной. А по скаске его, Степановой, что тою руду дал ему горной порубежной Шуйской волости князеу Мышан Кайлачкаю; а по ведомости всяких иноземцев, что тою руду у калмыцкого тайши Боштухана плавили и выносили из нее серебро. И в нынешнем же, государь, 204 году пасылал я, холоп ваш, ис Томска для той руды к нему же, князеу Мышану, сына боярского Степана Тупалского с товарищи и он, князеу Мышан, указал то место, где та руда онаячлась на речке Коштаке. И взяв он, Степан, тою руду пудов с ясем и привез в Томской, и тот князеу Мышан Кайлачкаю приехал с ним же, Степаном Тупалским, в Томской и был челом вам, великим государем, чтоб ему, Мышану, со всеми своими улусными людьми перекачевать от киргизских людей в Томской и быть под вашею, великих государей, великодержавною рукою в вечном холопстве и яск давать против прежнего и на том он, Мышан, по своей вере в Томском приведен к шерти, золота, и мед пил, что ему, Мышану, со всеми своими улусными людьми на ваше, великих государей, имя ехать // (л. 513) в Томской и служить вам, великим государем, верно, безо всякой измены. Да в нынешнем же, государь, 204-м году явилась в горе на Томе реке руда, от Томского в полуверсте, а сказывают, что она серебряная же; да в другом, государь, месте, на Ушайке реке, от Томского в трех верстах, явилась в горе руда медная; и тех серебряных руд четыре пуда, да медной руды два пуда запечатая в сумы вашею, великих государей, Томскою печатью и, подписав к ним ярлыки, послал к вам, великим государем, к Москве, и велел подать в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищи. А в Томском, государь, тою серебряной и медной руды переплавлять некому, мастера нет; потому, что вы, великие государь, укажете.

2-е. Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белаы России самодержцу, холоп твой, Васка Ржеяской, челом бьет. В нынешнем, государь, в 205-м году по вашему, великого государя, указу и по грамоте послал я, холоп твой, для взятия руды томских детей боярских Степана Тупаловского, Яковлева Алпатова с служилыми людьми сорок челомаек и он, Степан с товарищи, к той руде ездил и по речке Коштаке тою руду копали и брали той руды со всякой жилы опытно и подписали ярлыки, которая руда на которой жиле взята сверху, в глубину на сколько аршин и, приехав в Томской той руды явили мне, холопу вашему, в приказе пуд с 15; а по мере той руды сверху земли явилась жила в длину в два местах 15 аршин с четвертью, в ширину два аршина, и по концу той жилы копали для ведомости с которую сторону та жила явилась; и по концу тех жил явилось сверху чем той земли в толщину два аршина; под ней красной глины слой толщиной пол аршина, а под красной белой глины слой толщиной пол аршина, а под такою белую глиною явилась жила той //

(л. 513 об.) руды. А подлинно де о той руде привезать неважно потому, что стало место микре, а люди к тому делу не заобычны, а копать по-смотреть подлинно и воду отвезать не умели; а повыше того места болотечко кочковатое малое, а длину сажень на 20, а попереч на пять. А у того болота рудяные жилы пришли горю, а около того места угоди, где та руда явилась. Сверх речки Каштаку идет в нее речка ж Малый Каштак и промеж ими гора невысока, а на горе елань а длину верст на две, а ширина той елани на версту. А ая такую еланью всякой лес, а промеж обеих рек Каштаков перешел лес, а с правую сторону реки Каштаку гора высокая, на ней лес же берсяник и лисьянкой, за лесом елани. А с левую сторону реки Каштаку, сверх идучи от речки Малого Каштаку, гора ж высокая, на ней лес и елани, а в тех лесах и речках бобровые и собольные промыслы есть и кочуют на тех урочищах горные порубежные ясачные люди князцы Козодой да Мышан с удельными своими людьми.

3-е. Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, холоп твой, Васка Ржевской, челом бьет. В нынешнем, государь, в 1697-м году июля в 7 день по твоему, великого государя, указу приехали в Томской к рудоплавному делу грек Александр Левандиан с товарищи десять человек и твой, великого государя, указ против грамоты я, холоп твой, ему, Александру, сказал, и которая руда привезена в Томской с речки Каштаку и тое руду велю я, холоп твой, ему, Александру, в Томском переплавить пуд 20 и что из нея явится пошлю к тебе, великому государю, в Москве. И работные люди ему, Александру, и кузнечы отведены; июля с 8 числа он, Александр, начал строить к тому рудоплавному делу всякие припасы и снасти и строит по нынешнее число и горн для опытов, переплавки всяких руд и разделения, построили в Томском. А переплавить, государь, еще той руд не успели для того, что многие у них // (л. 514) припасы к строению того дела несовершались. Да по твоему, великого государя, указу прислана в Томской к рудоплавному делу с детьми боярскими с Михаилом да с Григорьем Шутновыми твоей, великого государя, денежной казны 500 рублей, 10 труб по сажени, 10 пуд стали, 50 пуд свинцу, 20 пфтей кож яловичных, молот в 35 фунтов, две кирки в 30 фунтов, два молотка в 25 фунтов, и то все с ним, Михаилом, в Томской пришло. А на речку Каштак томскому татарскому толпе Семену Лаврову и всему полку я, холоп твой, к строению того рудоплавного дела в поход приказал быть готовым; а малыми людьми к тому делу киргизы не допустят. Вышлю ево, Александра с товарищи, из Томского с служивыми людьми августа с 15 числа, а до того числа выслать, государь, ево, Александра, и служивых людей невозможно для того, что вскоре всяких запасов устроить не успел.

4-е: Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу холоп твой, Васка Ржевской, челом бьет. В прошлом, государь, 205-м году по твоему, великого государя, указу и по грамоте в горные порубежные волости, ко князю Мышану да Козодаю, посылал я, холоп твой, для ваятия руд и велел я, холоп твой,

на той жиле копать в глубину гажен восем или больше и со всякой жилы брать оныи, которой знак на сколке аршине ваят будет на низу, сверху и те знаки приказал я, холоп твой, класть в особые сумы и подписывать на них ярлыки, которой знак на сколке сверху аршине ваят, и посылал с ним, Степаном, всякие железные припасы чем тот камень рассекать; и они, Степан с товарищи, на то место и к знаку серебряной руды приехали и стали против указу копать яму и сверху землю раскопали до камня, того знаку серебряной руды, и тот камень ломали сверху. // (л. 514 об.) а просечь того камня никак в глубину не умели, и того камня набрав, привезли ко мне в Томский. И я, холоп твой, тот ево привозной, Степаноя, камень показав греку Александру Левандиану с товарищи и Александр, смотря ево, скажал, что знак тот камень серебряной руды, только де он лаят не умеючи, самой верхней, и много из него серебра не явится. И я, холоп твой, габрав того камня 15 пуд да прежнего привозу 204 году один пуд и всего 16 пуд, приказал ему, Александру, все переплавить на один и плавить при себе; и он, Александр с товарищи, плавил тот камень при мне, холопе моем; ис того камня ис 16 пуд вышло серебра 25 золотников самого чистого, выше ефимовного множим. И он, Александр, смотря на то серебро скажал: если будет тот камень ваят был умеючи в глубину и он бы чаял ис того камня пребольшого знаку в серебре. И прошлого ж 205 году августа 26 день по моему, великого государя, указу послал я, холоп твой, ево Александра, со всеми товарищи на речку Каштак к тому вышеписанному знаку серебряной руды. Велел ему промысел чинить по тому знаку как ему милостив бог помощи подаст, а для обережения с ним, Александром, татарского голову Семена Лаврова и служивых людей, детей боярских, конных и пеших казачья, и чутских мурз, и белых калмыков, и юртовских подгородных татар 800 человек; и по моему, великого государя, указу и по грамоте приказал им всем служивым людям на том месте поставить тын построженем, вместо иаб срубить башни у того тыну и в тех башнях велел я покласть печи для прибежища ему, Александру с товарищи и служивым людям, которые будут на карауле, так же и работным людям; велел построить и с тех башен и бии пушечного и мелкоу орудья для того государя, что // (л. 515) место стало к самому смежеству Киргизской земли, а в тех Киргизских и в иных смежных немирных землях ныне, государь, чинится шатость великая и нестройство и междоусобие и ходят яоряют под тую государевы остроги и ясажные власти и разяорения всякия чинят. Да с ним же, татарским головою Семеном Лавровым, и с греками послал я, холоп твой, снастей: мех рудоплавленный построен из двух кож, 2 пуда 10 фунтов стали, 20 свиныхок по 2 фунта, 5 козлей по 6 фунтов, 8 хералих нарей, 7 лихнарей цехала (?), 6 молотов по 13 фунтов, лом 25 фунтов, 9 чияи по 2 фунта, 2 маси по 3 фунта, 2 суглеса по 2 фунта, 2 чиндера, 10 заступоя, 15 тюлюгов по 6 фунтов, 6 молотков по полутора фунта, 10 скобелей, 20 топороя, 3 пазника, 11 просекоя, 2 тесла, 3 напоры болия, 5 долот, 7 пуд железа тянутова, 10 пуд свинцу, сала голяжьева 4 пуда. Да сухим путем на телегах запусу с ними отпущено: муки ржаной 201 пуд бес четверти, круп

овсяной и яшной 39 пуд 37 фунтов с полуфунтом, сухарей 51 пуд с четвертью, соли 7 пуд; да дощеником отпущено ядою муки ржаной 722 пуда с четвертью, круп овсяной и яшной 143 пуда 39 фунтов, да соли 13 пуд, сала топяжнева в бочках 12 пуд, муртасану 5 пуд, да чюруфу 3 пуда, да с ним же послал я дву человек кузнецов со всеми кузнецкими приласами, да 30 человек работных людей. А серебро которое вышло из переплавки, послал я, холоп твой, к тебе, великому государю, к Москве, запечатая в двух ящичках, твоею, великаго государя, томскою печатью с нарошными посыльщики с томским // (л. 515 об.) сыном боярским Савельем Тутуриным да с конным казаком с Ывашкою Великосельским и велено им отписку и серебро подать и самим явиться в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи.

5-е: Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу холоп твой, Васка Ржевской, челом бью. В нынешнем, государь, 206-м году приезжал в Томской с Каштака грек Александр Левадиан и был челом тебе, великому государю, чтоб у рудоплавных заводов в прибавку к острогу построить караульные башни и от острогу к башням учинить крепости для того, что жилы серебряной руды пошли от острогу на три стороны каменных гор. А на тех де горах сын боярской Семен Лавров по указным памятам, каковы ему даны ис Томского, крепостей никаких не построил, а бес крепостей де ему, Александру, у тех гор промыслу чинить невозможно для того, что неприятельская люди могут у того дела, изъехав загоном, побить их и работных людей. И явчел он, Александр, промыслять та рудоплавное дело от острогу подкопом и подкопу прогек по той серебряной жиле на 50 аршин к горе и в том подкопе явилась де вода от ключей великая со всех сторон для того, государь, что та место низкое и болотное и от того де ему, Александру, учинилась в подкопном деле остановка великая от умножения ядоного; и за зимнем временем отвести воды им невозможно ни каким стропением. Только тот подкоп они, государь, не покинули, работают и по нынешнее число, а ядоу из него выбавливают ведрами; а знак той же жиле серебряной руды переменялся к лучшему и по переплавке сво, Александровой с товарищи, из того знаку, который нынече в промыслу ступит, выходит ис пуда по четыре золотника серебра чистого против прежнего знаку, каков к тебе. // (л. 516) великому государю послан в Сибирской приказ. И по скаске его, Александровой, как дойдет подкопом до горы и вступит в гору еще чает он всякой в том знаку перемены к лучшему конечно во всякой надежде неизменно. И которой знак серебряной руды ныне, государь, идет в промыслу и того знаку послал я к тебе, великому государю, к Москве в Сибирской приказ 3 фунта. И будет плавить из сего знаку по его, Александровой, скаске на один гарн, в сутки будет он плавить руду по 30 пуд; а серебра ис того станет выходить по 120 золотников. И будет, государь, та серебро положить в цену по 3 алтына по 2 денги золотник, и того будет 12 рублей, ис того янйдет против твоего, великаго государя, указу по(с)той грекам и кормовые работным людям на одне ж сутки по 4 рубли и затем в остатках в прибыль тебе, великому государю, будет по осми рублей на одне ж сутки от

одного горну. А будет на пять горнов против твоего, великого государя, указу плавить и того с тех пяти горнов будет выходить в одне сутки тебе, великому государю, прибыли по 40 рублей. Да грекам и работным людям против твоего ж, великого государя, указу в те же сутки с тех горнов будет выходить сверх тех 40 рублей по 20 рублей. Только нынече он, Александр с товарищи, сего аяку плавит не будет для того, государь, чтоб к лучшему не остановить подкопного дела; конечно, чает он в скорых числах аяк той серебряной жиле переменится к лучшему, естли подкопом яступит в гору. И я, холоп твой, сая, грека Александра Левандиана, из Томского отпустил по прежнему в Каштанской острог и крепости в прибавку около промыслу построить велел со всяким укреплением, надолгобами и рвом укрепить. А что в предки у него, // (л. 516 об.) Александра, явится в промыслу лучшего и в том я, холоп твой, к тебе, великому государю, в Сибирской приказе писать буду тот час. Да по сая ж, государь, Александровой, сказке надобно к весне работных людей ему, Александру, к промыслу против твоего, великого государя, указу 250 человек; и тех работных людей ис каких чинно ты, великий государь, укажешь брать; а охотников нынче к оной работе никого нет для того, что место стало новое, а гулящих людей, и отпущенников, и ссыльных без домовых холостых людей и кланых детей в Томском много, а без твоего, великого государя, указу в неволю брать их к той работе не смею; и они без твоего, великого государя, указу будут непослушны. А хлебные, государь, запасы для рудоплавного дела работным людям провадить ис Томского возможно водою, не великим трудом, по Кие вверх, не дошед до того рудоплавного дела за полдницу: построю на той реке Кие, на броду, анбар во всякой крепости, огородить яело тыном и всякия хлебныя запасы с судоя сыпать буду в тех анбарах для того, государь, что Каштанскому острогу ближе того водным ходом подходу ниже нет. А от тех анбар яело я, холоп твой, запасов провадить (я) Каштанской лошадами и буде, государь, тот рудоплавной серебряной завод твоим, великого государя, счастием разширится во всяком преумножении и в нем твоим, великого государя, людям, всем православным христианам, надобно на заступление святой церковь и со служителем, кому безкровную жертву приносить поглову. А нынече в нем построена чаганя во имя великих иерархов вселенских учителей Василия, Григория, Иоанна и греми тебе, великому государю бьют челом, чтоб их ты, великий государь, пожаловал, указал у них быть священнику для всякого исправления. И тому, государь, Каштанскому острогу и всякому около сая угодию, в каком месте знак тех // (л. 517) серебряных руд жил и в которую сторону пошли и на котором месте промысл у греков стоит, тому всему послал я, холоп твой, к тебе, великому государю, чертеж под сею отпискою, отписал всякою подлинною очискою.

Перевод з греческого письма.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу бьют челом работники твои последнийшия, Алешка Лавантьян с товарищи. По твоему, великого госу-

доря, указу поехали мы с Москвы в Томское 1697 году февраля в 21 день ради серебряной руды в Сибирь, в Томское, и приехали мы месяца июля в 7 день к столнику и воеводе Василью Андреевичу Ржевскому. И принял он у нас яши, великаго государя, указ и грамоты и показал нам руду, которую привезли ему от городка и приказал нам ту руду плавить. И мы готовили снасти и что надобно к тому явяду и так плавили руду, которой было всего весом 16 пуд и из той руды вышло золотишка серебра 25, которое серебро послал к вам, великому государю, тот же столник и воевода. И по совершении того мы готовили снасти снасти, а столник и воевода готовил по указу посылать нас к городку; и поехали мы оттуду августа 27 числа и доехали до городка в 20 дней и почали рудоплавники копать подкопом; толко руда есть меж болот, и время зимнее и воды великия выходят из болот; и для того нужда велика в том есть. Толко мы советовали по обычаю нашего художества и приказали на двух ближних горах копать, которые суть супротива течи воды, по обычаю нашего художества, чтоб шли подкопом; а толко нам дали сроку и время на 3 дни и копали, а больше не дали потому, что после трех дней приехали киргизы и отнюд не дали нам копать. //

(л. 517 об.) А наипаче один товарищ из наших, Симеон, был в подкопе и едва ушел оттуду, чтоб не убили. Однако ж в тот день ранили людей и убили до смерти двух, которые были на сенокосе и лошадей много отняли, а после двух дней отошли поганцы и поехали во свои жилища. И я с ними на другой день поехал и полк в Томское, а я оставил моих товарищей в городке, а сам возвратился в Томское рассмотреть как можно нам и поступить в то дело, потому что наше сие художество со страхом и войною не может совершиться; нам надобно копать в горах, а неприятели нас убивают и боятся того мы, бедные, потому что не имеем никакой обережи. Однако ж де как я возвратился в Томское, приказал моим товарищам, чтоб они не сидели праздны, а с великим бережением бы копали там, на первом месте, и подкоп в воде, а не в ином месте для того, что боимся от неприятелей, чтоб не убили; и так почали товарищи мои и копали в болоте и воде. А стужи великия и с великими трудами копали и рыли подкоп, а жила рудная все прямо идет, как и прежде сего, однако ж де ныне разделилася: руда идет на три части, а к тому товарищи мои присылали руду в Томское и я её плавил, и есть слово в слово как прежняя. А не способны нам ныне так работать, потому что надеемся на бога, чтоб сыскать лучей способ; и буде неприятели не будут нам докучат и учнем копать меж гор, тогда уповаем на милость божью, что будет нам zelo прибылее и ныне сам выехал и опять пойду там в городок и что бог даст вперед лаки учну писать к вам, великому государю, и что время покажет, а сами милости просим и молим господу богу и преславную его мать тоже же хранит вашего царского ВЕЛИЧЕСТВА, а нам сиротам и странным, чтоб указали мы, великий государь. // (л. 518) беречь и хранить нас, дабы могли копать меж гор. Великий государь царь смилуйся, пожалуй.

Никифор Клеппин.

РГАДА. ф. 271, Д. 854, л. 512 – 518.

Примечания

1. Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1949. С. 44; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. М., 1978. С. 109.
2. Спасеский Г.И. Грамота о первоначальном горном производстве в Сибири // Сибирский вестник. СПб., 1822. Ч. XX. Кн. 10. С. 117–128 (269–280); Он же. Две грамоты о начале горного промысла в Сибири // ВОИДР. 1850. Кн. 7. С. 5–14.; ПСЭ. 1-е, 1830, с. 268–270; ДАИ. 1867, № 77/X–XI, с. 333–341.
3. Данилевский В.В. Русская техника. С. 44; Очерки..., С. 109.
4. Кузип А.А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. М., 1961. С. 104–106, 318–322.
5. Коптев А.Я. 300 лет со времени первого серебряного промысла в Западной Сибири // Страницы истории Алтая. 1997 г. Календарь памятных дат. Барнаул, 1996. С. 84–86.
6. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 178.
7. Данный документ указала нам старший научный сотрудник КОКМ Л.Ф. Кузнецова, за что авторы публикации выражают ей искреннюю признательность.
8. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 150.
9. Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин. 1709–1755. М., 1990. С. 25.
10. Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин. С. 107–110; Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 155–157, 177–181.

Начало сереброплавильного производства в Сибири

В 1822 г. Г.И. Спасский, известный сибирский историк и издатель, опубликовал в журнале "Сибирский вестник" грамоту "О первоначальном горном производстве в Сибири" [1], которую он получил от томского гражданского губернатора и начальника Колывано-Воскресенских заводов П.К. Щурлова. Однако, как отметил известный русский геолог профессор Г.Е. Щуровский, "по незначительности и собственным источникам" она оказалась забытой, "и в некоторых журналах не так давно упоминали об ней, как о новости" [2]. Вскоре после выхода в свет книги Щуровского в руки Спасского попала еще одна грамота, касающаяся первых шагов сереброплавильного производства в Сибири. Осознавая важность этих документов "к истории русского горного промысла", Спасский "почел не лишним сообщить вместе обе эти грамоты", которые и были помещены им в ближайшем издании Московского Общества истории и древностей Российских [3]. Публикацию документов предваряет небольшая справка, найденная по этому предмету в Барнаульском горном архиве [4].

В августе 1749 г. прапорщик геодезии Колывано-Воскресенских горных заводов И. Старцев сообщил своему начальству, что при описании Томского уезда в 1741 г. [5], он, будучи "учеником при поручике геодезии Шишкове [6], заметил место жилья, небольшой острог и остатки горных работ. Это место находится по реке Кий и впадающей в нее речки Серда, возле татарских Тузьюльских юрт, получивших название по речке Тузьюльгу, и лежащих от устья Серды вверх по правой ее стороне, при большой дороге из Томска в Красноярск. Несколько ниже этих юрт впадает в Тузьюльску речка Каштак [7], и по ней вверх от юрт около 10 верст, втекает ключ, при котором собственно и были горные работы" [8]. К этому следует добавить только, что р. Серда это современная Серта, а Тузьюльску — Тисулька, протекающая с восточной окраины пгт. Тисуль Кемеровской области. В своем рапорте Старцев отметил, что "тамшние татары объявили Шишкову, что в этом месте руду вырабатывали греки и плавил ее, но получали ли серебро, того им неизвестно" [9]. Обнаруженные геодезистами "место жилья" и горные выработки являлись остатками Каштакского острога, построенного для охраны первого в Сибири сереброплавильного завода (Рис. 1).

Спасский, опубликовавший эти документы, и уже тогда пытавшийся выяснить судьбу первого горного промысла в Сибири, вынужден был констатировать, что "были ли принимаемы еще какие меры к исследованию рудных приисков при р. Каштаке — неизвестно, хотя они и заслуживали бы того..." [10].

Опубликованные Спасским документы не единственные, относящиеся к истории Каштакского острога и начала горного промысла в Сибири. В 1830 г., в подготовленном под руководством М.М. Сперанского "Полном собрании законов Российской империи", был опубликован именной указ Петра I "О посылке в Томск грека Александра Левандиана с товарищи для изыскания в Сибири серебряных руд и о разноможении рудников" [11], в котором даются общие сведения о нахождении серебряной руды на речке Каштак. В 1867 г. в "Дополнениях к Актам историческим" было опубликова-

Рис. 1. Местонахождение Каштакского острова и рудника.

но еще четыре документа по истории первого сереброплавильного производства в Сибири — “Царская грамота томскому военному Василию Ржевскому об отправлении из Москвы грека Александра Левандиана с товарищами для плавки руд на речке Коштаке”, отписки Томского воеводы Василия Ржевского и грека Александра Левандиана... о ходе работ по добыванию серебряной руды на речке Коштаке” и “Разпросные речи грека Спиридона Мануйлова... в Сибирском приказе о том же” [12]. Наконец, следует отметить и несколько документов, помещенных в “Памятниках Сибирской истории”, которые позволяют установить время основания острога казаками и причины, приведшие к этому [13]. Наконец, в нашем распоряжении имеется еще один документ, публикуемый в настоящем сборнике [14].

Наряду с публикацией документа появляются и первые исследования, посвященные истории поисково-разведочных работ в России. Как правило, основное внимание их авторы уделяли истории геологоразведочного дела петровского и послепетровского времени. Вместе с тем, в них нашла отражение и история горного промысла XVII в. [15] Работы советских авторов значительно расширили наши представления о первоначальном периоде развития горного промысла в Московском государстве. Однако эти работы являются краткими сводками, перечисляющими отдельные даты и места открытий, в числе которых упоминается и открытие серебряной руды на р. Каштак [16].

В 1961 г. вышла работа А.А. Кузина, посвященная истории открытия рудных месторождений в России, в которой впервые на основе неопубликованных материалов из фондов ЦГАДА, приводились достаточно полные сведения об истории открытия серебряной руды на р. Каштак и попытке рудознатцев «из греков» наладить здесь производство серебра [17]. Но и в этой работе история создания первого в Сибири сереброплавильного производства не нашла своего достаточного освещения. Данное обстоятельство побудило барнаульского историка А.В. Контева в первой главе своей диссертации специально рассмотреть вопрос о “горном промысле” на р. Каштак. Как подчеркивает автор в автореферате диссертации, им “впервые на документальной основе сделана попытка детально исследовать данную проблему” [18]. К сожалению, в самом автореферате эта проблема не нашла отражения, но в небольшой статье, посвященной 300-летию со времени первого серебряного промысла в Западной Сибири, данный автор дал её краткое изложение [19]. Судя по этой статье, хранящиеся в ЦГАДА, ГААК и АРАН материалы, используемые в ней, ничего существенно нового, в сравнении с уже известными документами, не содержат. К сожалению, неясно, знаком ли Контеву с указанными нами документами, так как в своей статье, в перечне источников и литературы, он упоминает только именной указ Петра I [20].

Все авторы, писавшие о горном промысле на р. Каштак, касались лишь самого сереброплавильного производства. Но при руднике был поставлен и острог, который остался вне поля зрения исследователей. Лишь в работе Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского есть описание этого острога, правда, без попытки дать его реконструкцию [21].

Каждый из упомянутых нами документов, взятый в отдельности, не дает полной картины событий, но в совокупности с другими опубликованными материалами, относящимися к геологоразведочному делу на Урале и в Сибири в XVII в. в целом и Каштакскому руднику, в частности, все же позволяют выяснить последовательность и характер заводимого на р. Каштак сереброплавильного производства, а также причины, приведшие к его закрытию и забвению.

Чтобы понять причины строительства Каштакского острога и попытки наладить здесь производство серебра, необходимо немного углубиться в историю формирования горно-металлургического производства в Русском государстве. В силу геологи-

ческих и географических особенностей Восточноевропейской равнины, на которой происходило формирование Московского государства, наша страна долгое время не имела собственных месторождений руд благородных и цветных металлов. Это обстоятельство предопределило отсутствие на Руси горного промысла, специалистов-рудознатцев и плавильщиков. В русских княжествах XI—XV вв. добывалась и плавилась только болотная железная руда. Цветные и благородные металлы, в первую очередь медь, серебро и золото, наши предки получали из-за границы — европейских и восточных государств [22]. Дважды побывавший в Москве посол австрийского императора С. Герберштейн отмечал, что в русской земле нет иного серебра, кроме ввозимого из-за границы [23], а Г. Котошихин писал: “в Московском государстве золота и серебра не родится, хотя в крониках пишут, что Руская земля на золото и на серебро урожайная, однако сыскати не могут” [24].

В конце XIV в. в ряде княжеств Северо-Восточной Руси начинается чеканка собственной монеты [25]. Она полностью базировалась на привозном европейском серебре, поступавшем на Русь в слитках, а с начала XVI в. в виде европейской серебряной монеты — талера [26]. В этой связи необходимость поиска собственных месторождений серебра, а также и других металлов, была осознана, но всей видимости, достаточно рано. Однако приступить к их поискам удалось только после ликвидации ордынского ига.

Начало горно-металлургического промысла в Московском государстве относится к 1491 г., когда великий князь Московский Иван III послал первую поисково-разведочную партию на небольшую речку Цильму, левый приток одной из крупнейших рек Русского Севера — Печоры. Для этой цели были приглашены иностранные мастера из Европы, из стран с развитым горно-металлургическим производством. Краткие известия об этой экспедиции сохранились в Вологодско-Пермской летописи: “В лето 6999 (1491 г.) марта в 2 отпустил князь великий Иван Васильевич всея Руси Мануила Илариена сына Грека да с ним своих детей боярских, Василья Ияанова сына Болтина да Ивана Брюха Кузьмина сына Коробьина, да Ондриюшку Петрова, с мастера с Фрязы серебра делати и меди на реце на Цылме, а делавшю с ними, кому руда копати, с Устюга 60 человек, з Двины сто человек, с Пенеге 80 человек, а Пермич и Вымич, и Вечегжан, и Уссулич сто человек, тем корм провадити в судех до места, а не делати” [27]. Летопись не уточняет, почему в качестве объекта поиска руды избрана далекая и труднодоступная местность. Можно лишь, вслед за Н.М. Карамзиным, предположить, что “издавна был у нас слух, что страны полунощныя, близ Каменного Пояга, изобилуют металлами: присоединив к Московской державе Пермь, Двинскую землю, Вятку, Иоанн желал иметь людей сведущих в горном искусстве” [28]. Ранее, в 1482 г., Иван III, отправляя к венгерскому королю Матвею Корвину дьяка Ф. Курицына, “требоваа от Матфея, чтобы он доставил ему... горных мастеров, искусных в добывании руды золотой и серебряной, также в отделении металла от земли”. “У нас есть серебро и золото”, велел он сказать королю, “но мы не умеем чистить руды” [29]. В этой связи интересно отметить, что представление о наличии на Печоре и ее притоках серебра и меди сохранялись у русского населения Прикамья еще в начале XVII в. [30].

Как свидетельствуют сохранившиеся документы, иностранные рудознатцы нашли на Цильме серебряную руду, не доходя до р. Космы за “пол днища, а от Печоры реки за семь днищ. А места того, что нашли на десяти верстах” [31]. Сведений о промышленной разработке этого месторождения не сохранилось. По всей видимости, промышленного освоения и не было. Попытки наладить поиск серебряных и медных руд с

помощью иноземцев продолжались и в XVI в., однако каких-либо серьезных результатов они не принесли. Известно, например, что английские купцы, основавшие для торговли с Московским государством так называемую Русскую компанию и получившие большие привилегии на свою деятельность [32], пытались организовать в России поиск металлических руд. В 1567 г. Дженкинсон, один из агентов Русской компании, имел "поручение исходатайствовать у царя позволение для компании заложить копи железной руды в северо-востоку от Вологды [33]. По привилегии 1569 г. И. Грозный пожаловал английским купцам позволение выстроить дом в Вычегде и искать там залежи железа, а там, где они удачно найдут его, построить дома для выделки этого железа" [34]. Бурные 60-70-е годы и особенно события рубежа XVI—XVII вв. не создавали, однако, благоприятных условий для развития горнорудного промысла [35].

Только во втором десятилетии XVII в. начинаются интенсивные поиски медных и серебряных руд, а также руд других металлов. Основными районами поисково-разведочных работ становятся Урал и Сибирь. Так, в фонде Сибирского приказа сохранились некоторые дела об организации специальных экспедиций для поиска серебряных руд на Урале и в Восточной Сибири [36]. В 1617 г. в 13 км к северу от Соликамска, в Григоровой горе на Каме близ устья р. Камгорки, были открыты медные руды, на базе которых в 1630-х годах был построен первый в Московском государстве Пышкарский медеплавильный завод, действовавший до 1666 г. [37].

Особое внимание московское правительство уделяло поискам серебряной руды. В XVI в. известно более десятка поисково-разведочных партий, целью которых был поиск серебряной руды [38]. Укажем лишь наиболее крупные из них. В 1627—1630 гг. на р. Тунгуску в Восточной Сибири была направлена "серебряная" экспедиция Я. Хрипунова, бывшего до этого енисейским воеводой, которая окончилась неудачей [39]. Много сил и средств было затрачено на поиски серебряной руды в Уральских горах. Наиболее интересна и показательна в этом отношении экспедиция под руководством думного дворянина Я. Г. Хитрова, которая вела поиски руды в окрестностях Катайского острога в бассейне р. Исеть. Экспедиция была организована Тайным приказом [40]. В ней было задействовано более 500 человек, для которых на р. Исеть, недалеко от Катайского острога, был построен городок. Поиски серебряной руды проводились летом и осенью 1672 г. Но и здесь результаты были неутешительными [41]. Как отмечает Е. В. Ястребов, после прекращения этих работ "Хитрово с товарищи" отправился искать руду в тобольские степи, а затем в Кузнецкий острог и в Томский у., так как перед отъездом на Урал он получил указание искать серебряную руду не только на р. Исеть, но и в других местах, о которых ему станет известно, "но и там она не была найдена" [42]. В известных нам документах о поисках серебряной руды экспедицией Хитрова в Притомье сведений нет. Известно лишь, что в 1671—1672 гг. тобольские воеводы узнали, что выше Кузнецка по р. Томи имеется склада, которую "привозят... в Кузнецкой колмыки", да "в деревнях всяких чинов людей в десяти верстах камель хрусталь". Кроме того, в этой же отписке томского воеводы князя Д. А. Барятинского говорится, что "во 180 (1671/72) году приехал с Москвы кузнецкой же казак Мишка Попов и в Кузнецком сказал: явил де он, Мишка, из-за Телеского плера к Москве серебряной руды, и по опыту, в планке, из той руды было серебро... И присланы из Тоболска в Кузнецкой для подлинного провеживания в те места тобольские сын боярский Савва Жемотин да подьячий Иван Лосев" [43]. Однако ввиду того, что тобольские посланцы прибыли в Кузнецк без ведома томского воеводы как главы Томского разряда, в ведении которого находился Кузнецкий острог, то Д. А. Барятинский запретил кузнецкому воеводе Г. Волкову оказывать какое-либо содействие Жемотину и Лосеву [44].

После неудачи экспедиции Я.Т. Хитрово поиски серебряной руды переместились в Восточную Сибирь, где на рубеже 70—80-х годов были открыты серебряные руды на р. Аргунь и ее притокам, в районе Нерчинского острога. Их разработка началась только в начале XVIII в., что объяснялось сложной политической обстановкой в этом регионе, а также отсутствием необходимых специалистов [45].

Стоит упомянуть также и попытку наладить ввоз в Россию серебра из Китая в обмен на русские товары. Эта идея возникла в московских правительственных кругах в связи с отправкой в Пекин русского посольства во главе с переводчиком Посольского приказа Н.Г. Спафарием. Одним из пунктов наказа, полученного Спафарием в Посольском приказе, был пункт "о присылке в обмен на русские товары серебра" [46], "пуд по тысяче, по две, по три и больше" [47]. Однако цинские власти Китая отказались удовлетворить эту просьбу [48]. Отказ не обескуражил Москву. Эта идея, не реализованная при посольстве Спафария, не была забыта. К ней вернулись через десять лет при отправке в 1686 г. посольства Ф.А. Головина для урегулирования русско-китайского пограничного конфликта в районе Албазинского острога [49]. По мнению правительства "и цинские послы и отдельно торговые люди могли бы доставлять в Москву более 3 тыс. пудов серебра, которое казна обязывалась принимать "по настоящей цене" [50]. И в этом случае Китай отказался удовлетворить просьбу русского правительства.

В свете всего вышесказанного уже не будет казаться странным факт отправки в совершенно необжитые места, где еще не было ни одного русского поселения, горно-рудной экспедиции с целью заведения здесь сереброплавильного промысла.

С 80-х годов XVII в. московское правительство все настойчивее требует от местных властей принимать самые решительные меры по поиску руд благородных металлов. Назначаемые в сибирские города воеводы перед отъездом из Москвы получали царские указы, в которых красной нитью проходила мысль: "про золотую руду, и про серебро, и жемчуг, и камень, и медь, и олово, свинец, и железо... и про всякие узорочные товары, и про всякие угоды спрашивать иноземцов подлинно" [51]. Несомненно имел такой указ и прибывший в 1694 г. в Томск воевода В.А. Ржевский. Посылая зимой 1695-1696 гг. томского сына боярского С. Тупальского в спорные порубежные владения для сбора ясака, В.А. Ржевский должен был дать ему инструкцию, наподобие тех указов, которые получали воеводы в Москве. В нашем распоряжении такой инструкции нет, но она, по всей видимости, мало чем отличалась от той, которую давал иркутский воевода Леонтий Кислянский, который "заказывал всяких чинов русским людям и ясашным сборщикам, чтоб они про всякие руды и узорочья проводывали; и ясашные сборщики у ясашного сбору у иноземцев спрашивали со всяким домогательством ласкою и подарками..." [52].

Рассмотрим события, насколько это возможно, в хронологической последовательности. 10 сентября 1696 г. в Москве получили отписку В.А. Ржевского, в которой сообщалось о найденной на р. Каштак серебряной руде. Вместе с отпиской в Москву были доставлены и два пуда каштакской руды. Самой отписки в нашем распоряжении нет, но её основные положения пересказываются в царской грамоте, отправленной томскому воеводе в январе 1697 г. [53]. Более подробно обстоятельства открытия серебряной руды на р. Каштак описываются в "Экстракте" Гмелина-Клеопина [54].

Прежде всего следует пояснить, о каких "порубежных" волостях идет речь и кто такой Болштухан.

После основания в 1604 г. Томского города был образован Томский уезд, в состав которого вошли ближние волости и городки местного населения. Согласно царскому

указу, томские воеводы стремились облажить ясаком не только ближние, но и достаточно удаленные от Томска волости по рекам Обь, Чулым и другим [55]. Подчинение власти томских воевод новых «землиц» способствовало расширению первоначальной территории уезда, в частности, в Притомье и Причулымье. Однако попытка томских служилых людей покорить енисейских кыргызов, основные кочевья которых находились к югу-востоку от Томска, по реке Иня [56] и в районе Божьего прера, до конца XVII в. не имела успеха. К 1620-м годам на юго-востоке Томского уезда, в северных отрогах Кузнецкого Алатау, складывается граница между владениями России и кыргызов, которая в документах этого времени получила наименование «Киргизского рубежа» [57]. Здесь и были расположены так называемые «порубежные» волости, которые издавна находились в сфере влияния кыргызских княжеств (Рис. 2). Эти волости на протяжении всего XVII в. являлись объектом борьбы между томскими воеводами и кыргызскими князьями за право сбора с местного населения ясака. В Томск жители порубежных волостей вносили неокладный ясак, т. е. ясак, который нельзя было положить в определенный размер. В ясачных документах встречается название: «Неокладные порубежные волости, которые живут в киргизах и дают ясак не в оклад». Временами поступление ясака с этих территорий прекращалось. Население этих волостей в документах называлось лустами (шушдами) и камларами [58]. Глава одной из таких волостей, Шуйской, князец Мыша (Мышан) Кайлочакон и указал С. Тупальскому месторождение серебряной руды на р. Капштак.

Калмыцкий Боштухан это Галдан Бошпекту-хан — правитель Джунгарии, пришедший к власти после смерти своего старшего брата Сенге в конце 1670 г. Появление джунгар в этом районе объясняется тем, что кыргызы и подчиненные им племена во второй половине XVII в. оказались в зависимости от Джунгарского ханства [59].

Рис. 2. «Кыргызский рубеж» и порубежные волости Томского уезда (по В.С. Синяеву)

Значительный период своего правления Галдан проявлял в борьбе с Цинским Китаем за обладание Восточным Туркестаном. Эта борьба в конечном итоге привела к потере им своего влияния в Джунгарии и гибели в 1697 г. [60]. Как отмечает И. Я. Элаткин, монгольские и китайские источники очень скупы в осуждении внешней и особенно внутренней политики Галдана. Поэтому упоминание нашего документа о попытке джунгарского хана наладить производство серебра представляет несомненный интерес.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что к приходу русских в Притомье и Среднее Приобье только население северной части Горного Алтая (современная Горная Шория) умело плавить металл, преимущественно железо. Каких-либо сведений о наличии навыков металлообработки или плавки металлов у других аборигенных групп этого региона, а также обитавших в птругах Кузнецкого Алатау, русские документы не содержат. В этой связи указание Мышана на наличие в его владениях серебряной руды интересно двойное. Можно думать, что сведения о рудных месторождениях были известны местному населению, а через них стали известны и джунгарам, которые раньше томских служилых людей проявили интерес к поискам серебра в этом регионе.

Вернемся, однако, к нашему вопросу. В ответ на отписку томского воеводы ему были отправлены две грамоты, в которых сказано: "велено той руды искать и копать в глубину, или куды жила являца, сажень на пять и на шесть и на десять, а на всякой сажени руд брать по пяти или шти фунтов и прислать те опыты к Москве в Сибирской приказ, а князю Мыша напиею великого государя милостию обнадежить: буде из той руды впрядь прочная прибыль учинитца и он иные прибыльные дела покажет, и ча то от нас великого государя будет пожалован" [61]. Эти грамоты в Томске получили, вероятно, весной или в самом начале лета 1697 г. Точной даты мы не знаем. Однако известно, что, выполняя распоряжение Сибирского приказа, В. А. Ржевский летом 1697 г. отправил внозя к князю Мышану С. Тупальского с наказом, добыть на р. Каштак еще серебряной руды [62].

Эта руда, а также один пуд взятой ранее, всего в количестве 16 пудов, была представлена прибывшим 7 июля 1697 г. в Томск А. Лаяндиану "с товарищи". Проведенная греками опытная планка этой руды дала выход всего "25 золотников (1 золотник — 4, 2657 г) серебра, и то де серебро послал он, Василей, к великому государю к Москве в Сибирской приказ". Греческие мастера констатировали при этом, что "против опытной руды, из которой они чинили опыт на Москве, преж поезду своего, в Томском та руда была плоше, потому что она верховая" [63]. Правда, в отписке из "Экстракта" Гмелина-Клеопина томский воевода утверждал, что "из того камня, из 16 пуд, вышло серебра 25 золотников самого чистого, ныне ефимопного мнотим" [64].

Отписка Ржевского и "опыты" с присланной им в Москву рудой совпали по времени с очень важными событиями. Только что, в июле 1696 г., успешно завершился второй Азовский поход. Турецкая крепость Азов и север-восточная часть северного побережья Азовского моря вошли в состав России. 30 сентября в Москве торжественно встречали участников этого похода [65]. На заседаниях 20 октября и 4 ноября того же 1696 г. Боярская дума приняла решение о строительстве Азовского флота [66]. Петр I готовится к поездке в Западную Европу в составе Великого посольства. Россия, по мысли Петра, должна вступить в решающую фазу борьбы за обладание северным побережьем Черного моря и Крымом. Все это требует огромных финансовых расходов. Состояние государственной казны в течение всего XVII в. было крайне тяжелым. Как и прежде страна полностью зависела от привозного европейского серебра [67], а также других металлов. Даже свои потребности в железе Россия почти наполовину удов-

летворяла за счет импорта, главным образом шведского и английского. Оно шло преимущественно на приращивание огнестрельного и холодного оружия [68]. Так, по справке приказа Большой казны с 1693 по 1699 г. только в Москву было доставлено 142992 пуда шведского железа [69]. Еще большее значение имела шведская медь, являвшаяся "основным и единственным сырьем для русской медной промышленности" [70].

Между тем, "опыты" с каштакской рудой хотя и не были очень хорошими, но все же давали надежду на более высокий процент выхода серебра в случае, если ту руду "промышлять в глубь". Так, в письме рижского мастера И. Миллера, которое поступило в Сибирский приказ 20 декабря 1696 г., было написано: "Томская руда добра образом и в глубине пребогатая будет, потому что лутче, на исподи чинитца о серебре" [71]. Тимофей Левкин, мастер-рудоплавильщик Сибирского приказа, после проведения "опыта" сказал: "серебро де из той руды явилось; а по смете его той руды из тридцати пуд серебра выходить будет по семдесят по два золотника; а буде промышлять в глубь, чает он, что будет лутче" [72].

В этой ситуации, по получении обнадеживающих известий о каштакской руде от мастеров-рудоплавильщиков, и зародилась мысль о создании на р. Каштак сереброплавильного завода. По всей видимости, эта идея была высказана греческим мастером А. Левандианом, который со своим старшим братом Вениамином, состоял на службе в Сибирском приказе. Вряд ли Александр предполагал, с какими трудностями предстоит столкнуться ему и его товарищам. О Сибири он имел представление преимущественно по воеводским отпискам да рассказам служилых людей, приезжавших в Москву по служебным делам. Впоследствии, в одной из своих отписок в Сибирский приказ, Левандиан писал, "что здесь мы людина чужестранцы и никакого подлинного и надежного оберетателя нам нет, все нас ненавидят; толкн бы нас не берег столник и воевода Василий Андреевич Ржевской, уже бы мы едва в живых были не меньше киргиз и от томских граждан. В остроге для береженья живут служилые люди; и сын боярский Семен Лавроя служилых людей из острогу для обереженья за работными людьми и за нами с ружьем не посылает, да и сами они, служилые люди, не ходят, и всегда он, Семен, ждет и радуется нашей погибели, как бы нас искоренить; не токмо нас, и следу нашего ненавидит" [73]. Но все эти трудности как межличностных отношений, так и природного и технического характера Левандиану предстоит еще только испытать. Пока же, в Москве, перед его глазами были примеры несколько иного рода.

С 30-х годов XVII в. иностранные мастера и предприниматели при содействии Русского правительства развили достаточно активную деятельность по устройству в Московском государстве крупного промышленного производства в форме мануфактур, преимущественно по выплавке железа из болотных руд и его дальнейшей обработке [74]. Все эти мероприятия проводились в пределах Европейской России. Но уже вплотную подступались к рудным богатствам Урала и присматривались к Сибири. В 1688 г. "иностранец Кондратий Нордерман обратился к Московскому правительству с письмом, в котором... просил дать ему возможность основать товарищество по разработке нерчинских серебряных руд" [75]. В силу каких-то причин предложение Нордермана не было принято.

А. Левандиан сделал предложение о передаче ему месторождения на четыре года. За это он с десятью товарищами обязывался организовать прибыльный для государства сереброплавильный завод на определенных условиях. Эти условия были закреплены в специальном договоре, заключенном между Левандианом и московским правительством. Суть этого договора достаточно полно сформулирована в именном указе Петра I: "А что по промыслу из той руды выходить будет, и ему, Александру с това-

риши, за промыслы и за труды его велеть давать из всяких 10 пуд золота или из серебра или из меди, или что по промыслу из той руды выйдет будет, по два пуда сверх всяких харчей. А ему, Александру с товарищи, велеть у того рудоплавного дела против его уговора, буде прочная и прибыльная руда в полгода сыщется, быть 4 года, а в те годы совершенно ему, Александру с товарищи, тому рудоплавному и серебряному и всякому делу научить русских охочих людей, грамотных и неграмотных из томчан, каких чинов пристойно, опытом и всякому мастерству, чему сами умеют, и чтоб без них то дело не стало, по 3 человека" [76].

Упомянутый царский именной указ был написан 18 декабря 1696 г. Он появился благодаря энергичной деятельности главы Сибирского приказа А. А. Виниуса [77], который поддержал предложение греческого мастера. Кроме того, в указе говорилось: "Гречанина Александра Левандиана с товарищи десяти человек послать в Томской к тем местам, где та руда явилась, и дать ему, Александру с товарищи, по уговору свое, великого государя, жалованье для проезда в Сибирь...; И в тех местах, где жили серебряные руды явятся, чинить ему, Александру с товарищи, о серебре промысла со всяким радением..." Кроме того, А. Левандиану были даны 2 кузнеца "добрых, чтоб кузнечному всякому делу умели, да 30 человек работных людей".

После полуторамесячного пребывания в Томске, куда, как отмечалось выше, А. Левандиан прибыл 7 июля 1697 г., экспедиция 27 августа 1697 г. отправилась к месту назначения, "г сыном боярским Семеном Лавровым... а с ними для обережи служилых людей 800 человек с пищалми и с копья и с луки, до три пунки... и иные запасы. И шли они Александр с товарищи от Томского до речки Коштак на лошedah 20 дней". Прибыв на место 15 сентября, "служилые люди поставили острог, мерою по 20 сажень все четыре стены, окопан ровом, а по углам 4 башни рубленые, а в них четыре избы" [78]. "Экстракт" Гмелина-Клеопина добавляет, что в остроге "построена чаговня во имя великих иерархов вселенских учителей Василия, Григория, Иоанна" [79].

Постройка острога была совершена в четыре дня, а "в шестой день, — рассказывал, вернувшийся в Москву в сентябре 1698 г. один из товарищей А. Левандиана, С. Мануйлов, — пришли неприятельские киргизские люди многолюдством и чинили на них и на служилых людей японские напуски по три дни, а в тех напусках одного служилого калмыка да на сенных покосех дву человек русских людей побили до смерти". Встретив упорное сопротивление русских служилых людей, нападавшие были вынуждены пойти на переговоры: "А после де бою, на четвертый день, киргизы с государевыми людьми договорились и шертовали, что им к тому острогу войною не приходить" [80].

После примирения с кыргызами "томские де служилые люди, оставя в остроге осадных людей, пришли все в Томской октября в 5 день 206 (1697) году". В остроге было оставлено 60 служилых людей во главе с Семеном Лавровым [81].

1 октября 1697 г. греки приступили к работам: "Копали в глубину яму шесть сажень трехаршинных... А жила из той подкопной ямы разделилась на четыре стороны... землю ту копая с великим трудом и мучением, шли подкопом шесть недель, вошли в землю длиною спрок одна сажень трехаршинных" [82].

Наступившая зима заставила прекратить работы, которые возобновились только в марте 1698 г. Дело продвигалось медленно. Этому мешала не только угроза нападения со стороны кыргызов, которые, несмотря на договор, не оставляли попыток вытеснить русских из этих мест. Еще в большей степени на ход работ оказывали влияние достаточно сложные условия залегания рудной жилы и слабая техническая оснащенность экспедиции. Грунтовые воды заливали шурфы, в день приходилось выливать до 10 тысяч ведер воды. 30 работных людей, прибывших с Левандианом, было явно не-

достаточно. Их требовалось гораздо больше, однако, как отмечал в своей отписке В.А. Ржевский, "из охочих к работе никто нейдет, а гулящих и отпущенников и казачьих детей в Томском... много, толку они без твоего, великого государя, указа мне, холопу твоему, будут непослушны" [83].

И все же А. Левандиан надеялся на успех. Как писал в одной из своих отписок томский явевода, рудная жила, по словам греческого рудознатца, шла в направлении горы, "а знак руды переменился к лучшему, и по переплавке выходит из пуда по четыре золотника серебра чистого, а как вступит в гору, чают перемены к лучшему" [84]. Позднее, отчитываясь в Сибирском приказе о работе на руднике, С. Мануйлов говорил по этому поводу: "в таких же местах, где он, Александр, родился, серебряной руды знаки, когда доходить жилам до гор, и в горах бывает прямая руда серебряная" [85].

В.А. Ржевский подсчитал примерную прибыль, которая может быть получена в случае успеха начатого дела. Получилось чистой прибылью по 8 рублей в гутки с одного горна [86].

Время шло, но перемен к лучшему не наблюдалось. Полгода, в течение которых Левандиан обещал наладить производство серебра на р. Каштак, пропало. В июле 1698 г. томскому явеводу была направлена из Москвы грамота, в которой предписывалось, в случае неудачи с заведением на р. Каштак сереброплавильного промысла, направить А. Левандиана с помощниками в Нерчинск для организации там также сереброплавильного дела [87]. Однако работы на р. Каштак продолжались еще в течение года.

В 1699 г. выяснилось, что руда на р. Каштак невысокого качества, а геологические условия для ее добычи неблагоприятны: выработки заливала вода, руда пошла "жесткая, каменистая, с колчеданом", которую греки не умели плавить. Наряду с этим рудник подвергался частым нападениям "немирных киргизов". Как отмечал в своей отписке А. Левандиан, "от приходу неприятельских людей работать было в горах, как куды жилы пошли, невозможно, для того что сын боярской Семен Лавров против указных памятей от воеводы из Томского на тех горах никаких крепостей не построил" [88]. Все это вынудило отказаться от дальнейших работ. Каштакский рудник был заброшен, а Левандиан со своими помощниками получил указание отправиться в Нерчинск со всеми инструментами и припасами. В июне 1700 г. А. Левандиан прибыл в Нерчинск, откуда отправился за Аргунский острог на р. Серебряную, где ранее добывалась серебряная руда. С помощью греческих мастеров здесь был построен сереброплавильный завод, заложивший основание будущему Нерчинскому горному округу [89].

Как уже отмечалось, Каштакский острог был построен за четыре дня. Никаких чертежей или рисунков острога не сохранилось. Имеется лишь очень скудное его описание, которое приведено нами выше. В исторической литературе до настоящего времени не было попыток дать графическую реконструкцию острога, по всей видимости, в силу ограниченности источников. Даже в известной работе Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского приводится лишь словесное описание Каштакского острога. Авторы не указывают, какими они пользовались материалами для своего описания. Предположительно, это отписка С. Лаврова, первые строки которой приведены в качестве своего рода эпиграфа в начале заметки о Каштакском остроге. Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский отметили, что на р. Каштак "был построен небольшой тыновой острог с периметром стен в 80 сажней. На трех углах острога на жилых избах были вырублены башни, на четвертом углу стояла высокая изба-"горенка" грека Левандиана. На проезжих воротах возвышалась башня-часовня "трех святителей". Внутри острога размещались амбары, кузницы для плавки руды и четыре избы-полуземлянки для служилых и работных людей, а за острогом у реки — бани" [90].

Принимая во внимание данное описание, мы должны отметить, что оно не во всем согласуется с тем описанием, которое мы приводили выше. Кроме того, очень небольшая по объему (1 стр.) заметка об этом остроге содержит ничем не оправданные ошибки. Так, год основания острога указан 1698, на самом деле — сентябрь 1697 г. Авторы утверждают, что для "постройки завода и острога были посланы грек А. Леонидян и С. Тупальский вместе со своими братьями", и действительности острог ставил С. Лаврля. Далее авторы пишут, что "в начале XVIII в. завод был заброшен, а вскоре киргизы сожгли и острог". О времени оставления острога мы скажем ниже, что касается завода, то это произошло, как уже говорилось, в 1699 г. Наконец, авторы без тени сомнения утверждают, что "ныне Каштак — село Тисульского района Кемеровской области. Расположено на р. Каштак." Такого села никогда не было и нет. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на карту Кемеровской области или полистать справочник А.А. Мытаряя [91]. В списке литературы, которую использовали авторы "Летописи", мы не нашли ни одной работы, где хотя бы косвенно упоминался Каштакский острог.

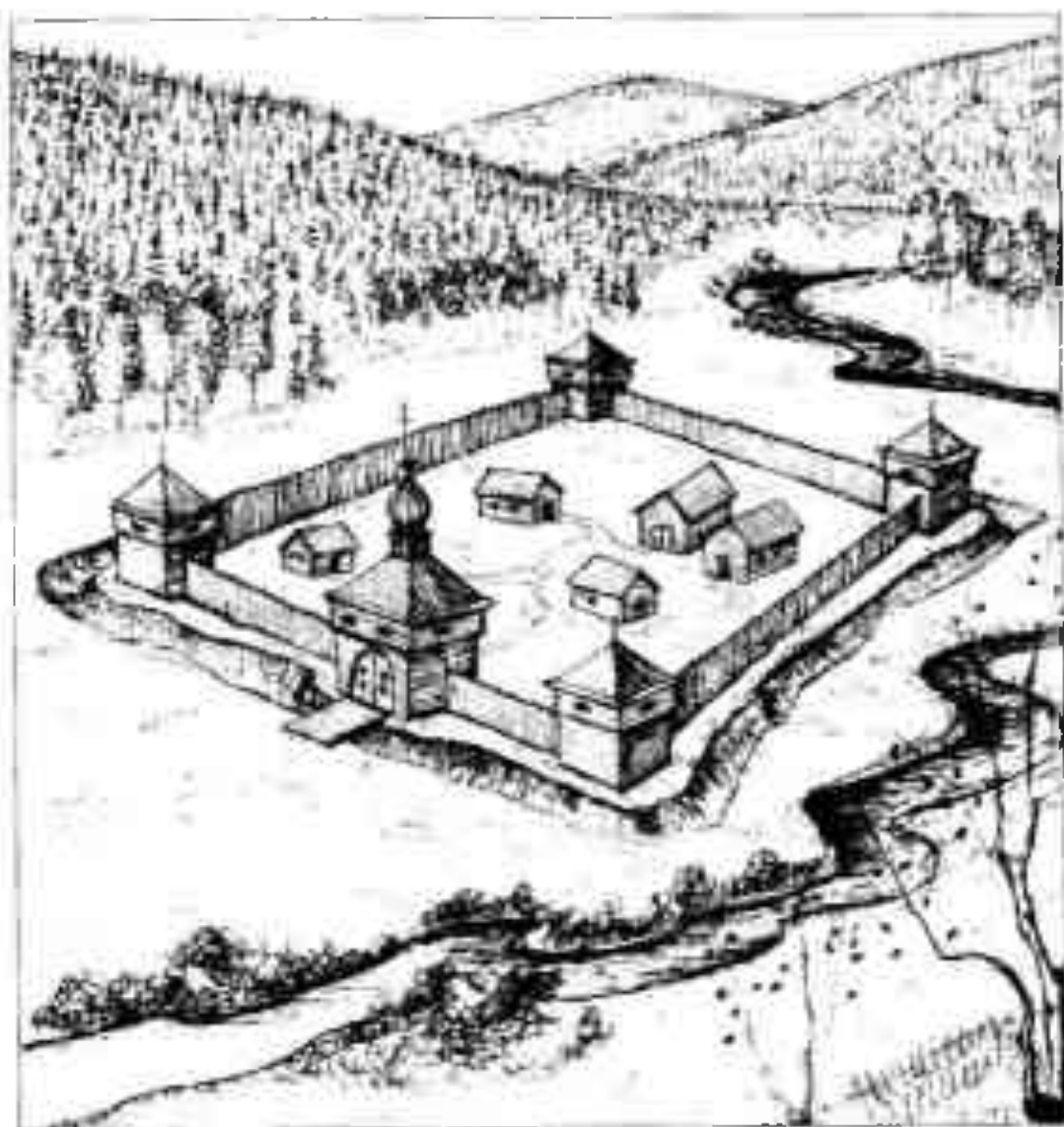

Рис. 3. Реконструкция внешнего вида Каштакского острога.

Исследования историков архитектуры показали, что "сибирские крепости XVI—XVII вв. состояли почти из однотипных построек... Жилые дома в самой крепости строились редко. Сменные "годовальщики" располагались в жилых атажах башен, а постоянные служивые люди и другое население ставили свои усадьбы на посаде. Церковь в виде надпратной часовни либо отдельного здания также являлась неизбежным элементом застройки" [92].

Осознавая всю сложность реконструкции острога при полном отсутствии каких-либо чертежей или ризунков, автор все же решился на такой шаг, так как при всей скудости нашего источника он, тем не менее, фиксирует основные параметры острога (Рис. 3). Кроме того, Каштакский острог существовал, по всей видимости, не более 6-8 лет, и имел население, состоявшее исключительно из служилых людей — «годовальщиков», и никакого посада не имел. Лишь первые два года в нем проживали несколько десятков мастеров и рабочих людей.

После отъезда греческих рудокопцев в Восточную Сибирь, Каштакский острог какое-то время продолжал функционировать как порубежная крепость на границе с Киргизской землицей. Так, в мае 1700 г. томский толмач А. Кожевников был отправлен к послам джунгарского контайши, которые находились в это время у киргизов. В памяти, данной А. Кожевникову, было написано: "Ехать тебе в Каштацкой острог, из острога киргизского посланца, который с тобою отпущен из Томского, отпустить в Киргизы и приказать с ним, посланцом, чтоб послы контайши прислали из Киргиз по тебя подводы и пригата, знатного человека, кому тебя принять" [93].

Томский посланник должен был высказать им "киргизские вины". И так достаточно сложные отношения между русской администрацией и кыргызами, после постройки Каштакского острога приобретают характер военных столкновений, свидетелем чего является приводимый ниже документ.

"Киргизские вины. В прошлом 206 (1697/98) году, ноября в 14 день, киргизской князец Корчинко Ереняков с улусными своими людьми приходил войною на Чюлым реку на русские деревни, и в тех деревнях побил до смерти русских людей, мужеска полу и женска, 14 человек, а дома их разграбили, а одного человека поймав, живьем, и ногами вверх привезали на дерево и рогпорол у него грудь, и ругались всячески; да лошадей отогнали 310 лошадей, да ясашных людей грабежом взяли 30 соболей, 15 бобрров, 6 лисиц красных, 2 рясомеки. Да в прошлом 205 году, они ж киргизы мелеских, ясашных людей, князца Енбейка с товарищи, грабили ж, котлы и топоры отнимали, и отогнали у них 20 лошадей, да грабежом взяли 7 лисиц, 20 соболей, 3 рясомеки, 80 белок, 40 горностаев. Да того же году, они, киргизские люди и шуйские мужики, подъезжали под Верхотомской острог ворояски, и отогнали у верхотомских крестьян 17 лошадей, 50 скотин рогатой; а бегучи дорогою, по ястям, того скота приколоси много число. Да в нынешнем в 208 году, сентября в . . . день, огенью, киргизской князец Корчинко Ереняков с улусными своими людьми приходил войною вверх Томи реки и русских людей побил до смерти 7 человек, а дома и всякие пожитки разграбили, и отогнали полтораста лошадей да 70 скотин рогатых. Да в том же году, он же, Корчинко Ереняков, посылал ворояски киргиз на Чюлым реку; и те киргизы в ясашных волостях убили до смерти служилых людей 5 человек, а платья и ружье побрали. Да некоторые служилые люди посланы были в ясашные волости из Ачинского острога для ясачного сбора, и они, киргизы, переимав тех служилых людей и связав им руки и ноги, взяли по юртам, а всякое наругательство чинили, и избив и израня их на смерть, под Ачинским острогом отдали их на выкуп; а выкупу взяли за них 10 портищ сукопных

сермяжных; да чюлымских ясачных людей отогнали 200 лошадей, да грабежем взяли 6 сорков соболей, 100 лигиц, 40 розсмак, 700 горностаев, 5000 белок" [94].

По возвращении из поездки А. Кожвинков в своем отчете указывал, что киргизский князь К. Ереняков выговаривал ему, что "де в прошлых годах отец мой Корчинков, Ереняк, войны чинил, про то де он, Корчинко, не знает, а что де брат его, Корчинков, Чагунко, и он, Корчинко, под Томским в деревнях и в ясаших волостях воевали, и то де для того, что де русские люди Каштаккой острог поставили на их Киргизской земле насилством своим" и требовал, чтобы русские люди "Каштак свели". В противном случае, говорил киргизский князь, "будет де и впрядки Каштак сведен не будет, и я воевать стану" [95].

Действительно, осенью 1700 г. киргизы перешли к активным ясеиным действиям против русских поселений в Томском и Кузнецком уездах. Так, 17 сентября "пришли киргизы ж и черные калмыки и шусты, которые жили под Томском, и горные татары, и под Кузнецким де монастырь сожгли, и деревни разорили, и крестьян побили, и выезжих беглых калмыков, которые жили в Кузнецком, юрт со сто разорили, и жен и детей их и рогатой и всякой скот побрали в полон". Одновременно "киргизские и шусты впрядские люди пришед человек с 70, Томского уезду Бурнашевой, Бедринной деревень на полях побили до смерти 15 человек мужеска и женска полу, и иных и сыскать не могли, и скот отогнали" [96].

Высказывали свое недовольство и служилые люди, посылавшиеся на годовую службу в Каштакский острог. Так, прибывший в конце 1700 г. в Москву томский сын боярский Калина Греченинов на допросе в Сибирском приказе сказал следующее: "а им де служилым людям от того Каштакского острогу разорение великое, и нам, великому государю, прибыли и паших земель и лесов нет, и про киргизской приход с ведомостию за дальностию вскоре никакими делы послать невозможно; а служилые де люди, которые посылаются в тот острог, живучи, нужу и голод терпят великой, а иные одыжижали и померли; а неприятельские де люди около того острогу живут в самых ближних местах, и из того острогу для дрова и воды не выпускают; а служилые люди в тот острог вместо себя наймут на полгода рубля по девяти и по десяти, и от тех наймы разорились, и чтоб тот Каштаккой острог свести" [97].

В ноябре 1734 г. Г.Ф. Миллер составил "Историко-географическое описание Томского уезда", в котором перечислил остроги, имевшиеся на территории уезда; их оказалось 7: Ачинский, Верхотомский, Мелесский, Сосновский, Умренинский, Уртамский и Чаусский. При этом Миллер заметил, что "все остальные остроги в настоящее время гарнизонов не имеют; лишь вначале, когда этим местностям угрожали киргизы и калмыки, они были точно так же снабжены гарнизонами" [98].

Окончательно острог был покинут, по всей видимости, после 1703 г. Летом этого года джунгары увели основную массу енисейских кыргызов на территорию Джунгарского ханства [99]. Непосредственная угроза Томскому уезду и спорным порубежным волостям, таким образом, исчезла. Тем самым исчезла и надобность в сохранении Каштакского острога и содержания здесь служилых людей.

Примечания

1. Спасский Г.И. О первоначальном горном производстве в Сибири // Сибирский вестник. 1822. Ч. XX. Кн. X. С. 117–128 (269–280).

2. Щурянский Г.Е. Геологические путешествия по Алтаю с историческими и статистическими сведениями о Колыванно-Воскресенских заводах. М., 1846. С. 393.
3. Спасский Г.И. Две грамоты о начале горного промысла в Сибири // ВООИДР. 1850. Кн. 7. С. 5–14.
4. Спасский Г.И. Две грамоты... С. II–III.
5. Социально-экономические, политические и общегосударственные интересы требовали познания внутренней территории Русского государства. Одной из насущнейших задач, стоявших перед Россией в первой четверти XVIII в., являлось географическое описание страны и составление возможно точных для своего времени карт — как всего государства в целом, так и всех его частей в отдельности. Старые русские карты XVII в., выполненные в виде "чертежей", были совершенно неудовлетворительны ни с научной, ни с практической точек зрения. Поэтому не случайно, что одним из первых учебных заведений, возникших при Петре I, стала "Навигацкая школа" в Москве, которая готовила "учеников геодезии". Более серьезную подготовку имели выпускники Морской академии, созданной в 1715 г. К 1720–1725 гг. можно насчитать около 50 годных для самостоятельной работы геодезистов. [Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.: Л., 1946. С. 11–23; Флеровская М.А. Навигацкая школа // ВИ. 1973. № 10. С. 215–219]. Перед ними была поставлена очень серьезная государственная задача, которая в сжатом виде сформулирована в главе XLVIII ("О ландкартах и чертежах") Генерального регламента от 28 февраля 1720 г. "И дабы каждый коллегиум о состоянии государства и о принадлежащих ко оному провинциях подлинную ведомость и известие получить мог, то ради надлежит в каждой Коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты (или чертежи), которые по времени изготавлены быть имют, именно описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и протчая" [ПСЗ. 1-е, 1830, Т. V, № 3534]. С 1720 г. начаты работы по съемке и составлению карт внутренней территории, главным образом, Европейской России. В 1725–1726 гг. геодезистом Петром Чичаговым составлена "Ландкарта Сибирской губернии от Тобольской провинции города Кузнецка и дистриктом к новозаведенному Воскресенскому заводу [Александров Б.В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.: Л., 1946. С. 316. № 238]. В сентябре 1737 г. геодезист Василий Шишков составил ландкарту Томского, Красноярского и Кузнецкого уездов, опубликованную недавно А.В. Контьевым [Контьев А.В. Картографические исследования юга Западной Сибири в 30-е годы XVIII в. // Историческая и современная картография в развитии Алтайского региона. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции 25–26 ноября 1997 г. Барнаул, 1997. С. 47]. Эта работа приводилась по указанию В.Н. Татищева, которому в мае 1737 г. было поручено составление ландкарт России [Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век (первая половина). М.: Л., 1965. Вып. 2. С. 319–320; Розен М.Ф. Алтай на чертежах и картах XVI–XIX вв. // Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980. С. 47]. И, наконец, в 1739–1743 гг. брат В. Шишкова Иван Шишков проводит подробное описание Томского и Кузнецкого уездов по специально подготовленной Татищевым анкете [Миненко Н.А. "Описания" Томского и Кузнецкого уездов геодезиста Ивана Шишкова как историко-этнографический источник // Сибирские источниковедение и историография. Новосибирск, 1980. С. 73–74].
6. В эти годы были два геодезиста с фамилией Шишкова — Василий и Иван [Андреев, 1965. С. 325, прим. 47; Розен, 1980. С. 47]. Н.А. Миненко считает, что это были братья [Миненко, 1980. С. 73–74].
7. В исторической и географической литературе и картах этот топоним встречается в написании Каштак [Мытарев А.А. От Абы до Яи. Географический словарь Кузбасса. Ке-

- мерова, 1970. С. 69] и Коштак [Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. М., 1978. С. 109]. Мы придерживаемся написания Кап-
так, как принято в современной географической литературе.
8. Спасский Г.И. Две грамоты... С. II.
  9. Там же.
  10. Спасский Г.И. Две грамоты... С. III.
  11. ПСЗ, 1830, Т. III, № 1561.
  12. ДАИ, 1867, Т. X, № 77/X—XI.
  13. ПСИ, 1882, №№ 1—3, 13, 23, 32.
  14. См. публикацию в данном сборнике: Добжанский В.Н., Углов И.Ю. Новый документ о сереброплавильном промысле на р. Каптак.
  15. Полстика И., Блинов М. История освоения русских горных земель // Памятная книжка для русских горных людей. СПб., 1862. С. 200—201; Хмыров М.Д. Металлы, металлообрабатывающие изделия и минералы в древней России. М., 1875.
  16. Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1946. С. 44; Хабакья А.В. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. М., 1950; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. М., 1978. С. 109—110.
  17. Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. М., 1961. С. 104—106.
  18. Контея А.В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири (конец XVII — первая половина XVIII в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. С. 11.
  19. Контея А.В. 300 лет со времени первого серебряного промысла в Западной Сибири // Страницы истории Алтая. 1997 г. Календарь памятных дат. Барнаул, 1996. С. 84—86.
  20. Контея А.В. 300 лет... С. 86—87.
  21. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 178.
  22. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 268—318; Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952. С. 103—105.
  23. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 90.
  24. Котляшин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 99.
  25. Янин В.А. Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. I. Материальная культура. М., 1970. С. 320—335.
  26. Потин В.М. Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII веках // Прошлое нашей родины в памятниках лумизматики. Л., 1977. С. 50—104; Спасский И.Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. // Археологический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 106—111.
  27. ПСРА, 1959, с. 288; см. также: Дорьяни П. Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 264.
  28. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. II. Т. VI. Стб. 140.
  29. Карамзин Н.М. История государства Российского. Стб. 108.
  30. Ястребля Е.В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в.

- М., 1974. С. 57, 67; Кузин А. А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. М., 1961. С. 73.
31. Кузин А. А. История открытий... С. 71.
  32. Willac T. S. The Early History of the Russia Company 1553–1603. Manchester, 1956. p. 48–69.
  33. Любименко И. История торговых сношений России с Англией. XVI век. Юрьев, 1912. С. 91.
  34. Кашин В. Н. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1925. С. 89.
  35. Кузин А. А. История открытий... С. 54, 71–72.
  36. Оглобин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900. Ч. 3. С. 347–351; Новомбергский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В. Материалы к истории разведки и поиска полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. (по материалам Сибирского приказа) // Очерки по истории геологических знаний. М., 1959. Вып. 8. С. 3–50.
  37. Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 33; Ястребов Е. В. Поиски... С. 55–59, 64; Любимирова П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVI, XVII и нач. XIX вв.). Географическое размещение металлопромышленности. Л., 1937. С. 23–24.
  38. Кузин А. А. История открытий... С. 71–114.
  39. Новомбергский Н. Я. и др. Материалы... С. 8–10.
  40. Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. — Пг., 1917. С. 157–158. Он же. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937. С. 143.
  41. Ястребов Е. В. Поиски... С. 68–71.
  42. Ястребов Е. В. Поиски... С. 71.
  43. ДАИ, 1857, Т. VI, С. 328–329; см. также: РМО, 1996, № 143, С. 273; Серокин М. Е. Из истории разведки полезных ископаемых на территории Кузбасса // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1970. Вып. II. С. 247.
  44. ДАИ, 1857, Т. VI, С. 329.
  45. Новомбергский Н. Я. и др. Материалы... С. 23–31.
  46. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 149.
  47. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958. С. 110.
  48. Яковлева П. Т. Первый... С. 156.
  49. Мясников В. С. Империя Цин... С. 187–188; Яковлева П. Т. Первый... С. 115–136.
  50. Мясников В. С. Империя Цин... С. 220–221.
  51. АИ, 1842, Т. V, С. 105.
  52. ДАИ, 1867, Т. X, № 77/III, С. 324–325.
  53. ДАИ, 1867, Т. X, № 77/X, С. 333–334.
  54. РГАДА. Ф. 271, Д. 854, Л. 512 об.; см. также публикацию В. Н. Добжанского и И. Ю. Ускова в настоящем сборнике.
  55. Бояршинова Э. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // ТТГУ. Томск, 1950. Т. 112. С. 21–44; Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв. Сборник документов. / Сост. А. Н. Бачинин, В. Н. Добжанский. Кемерово, 2000. С. 7–28. № 1–2.

56. В XVII—XVIII вв. участок р. Чулым от слияния Белого и Черного Июсов и до устья р. Урюп назывался Иксом [см.: Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири дореволюционного периода. Новосибирск, 1988. С. 65, 69; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 80—81; Миллер Г.Ф. Путешествие из Красноярска в Томск, 1740 г. // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 211—213; Миллер Г.Ф.; Путешествие от Красноярска через степи реки Июс до реки Абакана и Саянского острога, а оттуда через Лугазинский и Ирбинский медный и железный заводы до Абаканска и далее вниз по Енисею назад до Красноярска, 1739 г. // Сибирь XVIII века и путевых описаний Г.Ф. Миллера. (История Сибири. Переписчики. Вып. VI). Новосибирск, 1996. С. 144, прим. д-е.] Это название сохраняется практически до нашего времени. По данным А.П. Дуляпина у чулымских татар, проживающих ниже устья р. Кии, эта река называется Цём, а выше Кии — Юс. Июс [Дуляпин А.П. Топонимы // Родной край. Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск, 1974. С. 109].
57. Синяев В.С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII в. // Труды ТОКМ. Томск, 1956. Т. V. С. 83—87. В свете всех историко-географических реалий XVII в. предложенная В.С. Синяевым граница между русскими владениями и «Киргизской землей» требует уточнения. Тем не менее, карта-схема «Порубежных волостей», которую дает Синяев в своей работе в целом приемлема для нашей работы.
58. Бояршинова Э.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды ТГУ. Томск, 1950. Т. 112. С. 31—32, 40; Долгих В.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 100.
59. Кызласов Л.Р., Колкрен К.Г. Хакасия в XVII — начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 182—185.
60. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964. С. 229—318.
61. ДАИ, 1867, т. X. №77/X. С. 334.
62. РГАДА. Ф. 271. Д. 854. Л. 514 об.; см. также публикацию В.Н. Добжанского и И.Ю. Ускова в настоящем сборнике.
63. ДАИ, 1867, т. X. №77/X. С. 340, см. также Спасский Г.И. О первоначальном горном промысле в Сибири // Сибирский вестник. 1822. Ч. XX. Кн. X. С. 117—118 (269—270).
64. РГАДА. Ф. 271. Д. 854. Л. 514 об.; см. также публикацию В.Н. Добжанского и И.Ю. Ускова в настоящем сборнике. Ефимками в Московском государстве называли западноевропейские серебряные монеты — талеры. После переплавки на Денежном дворе этих монет из полученного серебра чеканили русские деньги.
65. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 320—344.
66. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 111—112.
67. Медников А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 152—233.
68. Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994. С. 54—76.
69. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М., 1960. Приложение. С. 554.
70. Шаскольский И.П. Русская морская торговля... С. 66.
71. ДАИ, 1867, т. X. №77/X. С. 335.

- 72 ДАИ, 1867, Т. X, №77/X, С. 334.
- 73 ДАИ, 1867, Т. X, №77/X, С. 339.
- 74 Гейман В.Г., Устюгов Н.В. Мануфактура // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 87–113.
- 75 Кузин А.А. История открытий... С. 112.
- 76 ПСЭ, 1830, Т. III, № 1561, С. 269.
77. Сколь велика роль А.А. Виниуса в становлении и развитии в этот период времени отечественного горно-промышленного дела хорошо видно из переписки Петра I и главы Сибирского приказа [см.: Пигьма... С. 629, 633, 637, 638, 664, 709 и др.]. Отец А.А. Виниуса, голландский купец и предприниматель А. Д. Винкус, в 1632 г. построил первые в России чугуноплавильный и железоделательный заводы в 15 км от Тулы [см.: Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1828. С. 6–10]. Сам Андрей Андреевич, будучи уже русским подданным, в 1675 г. получил царскую жалованную грамоту на поиски различных металлических руд "по всем городом и уездам и по рекам... и по иным местам" [см.: ДАИ, 1859, Т. VII, С. 56]. Он хорошо знал положение, в котором находилось Московское государство в связи с отсутствием собственных рудных источников. Поэтому, находясь во главе Сибирского приказа, прилагал все свои знания и энергию для решения этой проблемы.
- 78 ДАИ, 1867, Т. X, №77/X, С. 340; см. также: Коптев А.В. 300 лет... С. 85.
- 79 РГАДА. Ф. 271. Д. 854. Л. 516 об.; см. также публикацию В.Н. Добжанского и И.Ю. Ускова в настоящем сборнике.
- 80 ДАИ, 1867, Т. X, №77/X, С. 340.
- 81 Спасский Г.И. Две грамоты... С. 10–11.
- 82 ДАИ, 1867, Т. X, №77/X, С. 338.
- 83 Там же, см. также: Спасский Г.И. Две грамоты... С. 6.
- 84 Спасский, 1850, с.5.
- 85 ДАИ, 1867, Т. X, №77/X, С. 341.
- 86 РГАДА. Ф. 271. Д. 854. Л. 516 об.; см. также публикацию В.Н. Добжанского и И.Ю. Ускова в настоящем сборнике.
- 87 Спасский Г.И. Две грамоты... С. 8–9.
- 88 ДАИ, 1867, Т. X, №77/X, С. 339.
- 89 Троицкий А.К. Иван Евстафьевич Власов — воевода-рудознатец XVII в. М., 1963. С. 39; Кузин А.А. История открытий... С. 106–113.
- 90 Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. С. 178.
- 91 Мытарев А.А. От Абы до Яи. С. 109.
- 92 Кочеданова В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 35.
- 93 ПСИ, 1882, С. 69, № 13.
- 94 ПСИ, 1882, С. 70–71, № 13.
- 95 ПСИ, 1882, С. 72, 73, № 13.
- 96 ПСИ, 1882, С. 101, № 23.
- 97 ПСИ, 1882, С. 102, № 23; С. 131–132, № 32.
- 98 Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда... С. 74–76.
- 99 ПСИ, 1882, С. 232, № 58; Бутаева В.Я., Абдыкалыков А. Материалы... С. 207–209, № 60.

Герард Фридрих Миллер

Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г.*

(л. 1) Кузнецкий уезд граничит на юге с суверенной калмыцкой областью нынешнего владельца Галдан-Церина, на востоке — с Красноярским и на севере — с Томским уездами, а на западе — с расположенными на Иртыше крепостями.

На юге его основную и большую часть занимают горы Алтай, которые тянутся непрерывной цепью от Иртыша до китайско-монгольской границы. Они начинаются на западе, в области кыргызских казаков, где они связаны с Уральскими горами, проходящими через середину земли башкир. А Уральские горы примыкают к Рифейским, образующим границу между Россией и Сибирью, а на севере — границу между Европой и Азией. В области кыргызских казаков горы называются Kopschi. Отсюда они поворачивают на восток к Иртышу // (л. 1 об.) и достигают его в 50 верстах выше Семипалатинской крепости возле устья реки Zag-gurban; это место преодолевается с большими трудностями теми, кто путешествует из Сибири в Калмыкию. А от реки Zag-gurban горы тянутся вверх вдоль юго-западного берега Иртыша, пока не переходят через него возле Усть-Каменогорской крепости, и отсюда — на 200 верст прямо на север, далее на восток до Оби, затем немного севернее вплоть до реки Енисея. Между Иртышом и Обью наиболее употребительно название Алтай. Оно калмыцкое и означает Золотые горы. Удачное название, если бы оно описывалось на природе!

Правда, в этих горах в очень многих местах открыты следы больших ям и старых шурфов, из чего явствует, что прежние здешние жители также не забывали искать металлы, как это таким же образом замечено кое-где в Уральских // (л. 2.) и Рифейских горах. Только это лишь медные жилы, которые, однако, очень обильны и высокой пробы. (далее на л. 2 следует зачеркнутый текст: В старых татарских историях очень часто

---

* Данная публикация — перепечатка текста, подготовленного А.Х. Элертом и опубликованного в книге: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера: История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 17-36.

упоминается царство Алтыи. Оно, несомненно, помещалось в этих местах и, вероятно, дало горам название, полученное им самим из-за его богатства, почерпнутого все же откуда-нибудь из другого места. Драгоценности, которые прежде очень часто находили в могилах между Иртышом и Обью, являются несомненным тому свидетельством. А то, что нация, которая здесь жила, была татарская, а не калмыцкая или монгольская нация, доказывается наличием остатков костей, которые всегда одновременно встречаются в могилах. Ибо упомянутые последними народы не привыкли закапывать своих умерших, но представителей знатных сословий сжигают, а простых людей оставляют лежать в чистом поле на съедение зверям.) //

(л. 2 об.) Все значительные реки Кузнецкого уезда берут свое начало в вышеописанных горах. Иртыш, однако, имеет свои истоки в большом удалении сразу по ту сторону гор, пересекая их все же по всей ширине. А Обь, самая значительная среди всех, вместе с рекой Томью, которая, несмотря на ее короткое течение, не намного уступает обоим предыдущим, впадает в середине гор. Иртыш. (написано над строчкой: хотя он уже описан мной в другом месте, здесь) не может быть пропущен, потому что должны быть учтены несколько маленьких рек, впадающих в него с восточной стороны; из-за их близости они должны быть причислены к Кузнецкому уезду. Это Бухтурма, Ульба и Уба. Хотя вверх по течению от Бухтурмы есть еще две подобные реки, также впадающие в Иртыш с востока, — *Narın* и *Kurtaschim*, — однако они текут по ту сторону гор и из-за их отдаленности здесь уже не могут учитываться, разве что будет желание расширить границы Сибири до озера *Notz-Saissan*. //

(л. 3) Устье реки Бухтурмы находится на расстоянии лишь полдня пути вниз по течению Иртыша на маленьких ботах от Усть-Каменогорска. Только при этом надо иметь в виду, что вышеуказанное течение, медленное от озера Зайсанского до Усть-Каменогорска, в этой местности является столь быстрым, что для упомянутого полдня пути можно принять по меньшей мере 100 верст. На самой Бухтурме течение такое быстрое, что против него почти невозможно идти на вслах. Вся река выглядит одним непрерывным порогом. На обоих берегах находятся очень высокие и крутые горы. Ширина устья до 20 сажень. А ее исток, вероятно, находится поблизости в одном месте с истоками Чарыша, который с юго-запада впадает в Обь.

Ульба протекает примерно в 2 верстах мимо Усть-Каменогорской крепости и в 8 верстах ниже все через два устья впадает в Иртыш. Она в большинстве мест имеет ширину в 20-25 сажень и часто делится на различные рукава. Точно так же // (л. 3 об.) и Уба, которая еще чуть шире Ульбы и в 82 верстах ниже неоднократно упоминавшейся крепости впадает в Иртыш. Истинные истоки обеих последних рек в горах неизвестны. А все три реки имеют то общее, что они, как и Иртыш в этих местах, имеют каменистое дно и берега, а также, исключая высокую весеннюю воду, очень мелки.

Обь, которую как калмыки, так и татары называют *Умаг*, образуется от слияния двух довольно больших рек — Бии и Катунь. Первая из них течет с юго-востока, а вторая — с юга. Бия из этих двух рек большая и берет начало из озера в середине гор, которое калмыки и татары называют *Altın-ног* или *Altın-kul*, а русские — Телегское озеро. Калмыцкое и татарское названия имеют общее с Алтайскими горами происхождение. А русское появилось от одного татарского народа, живущего возле озера, который сам себя называет телесы. Вместо этого в старых татарских историях раньше оно было известно под названием Китайское озеро. Это Телегское, или Алтынское, озеро протянулось в длину с юго-востока на // (л. 4) северо-запад на 100 верст, тогда как ширина его не более 4,6 верст. С одного берега можно видеть другой невооруженным глазом. А берега кругом очень высокие и скалистые, за исключением того, что в нескольких местах, где впадают реки, встречаются низкие места и долины. Вода в озере

без малейшего заметного течения. Северная половина зимой иногда замерзает, так что можно переходить, южная — никогда. Дно глубокое и скалистое. С юга в озеро впадает большая река, которую калмыки и тамошние татары называют *Tschuluschman*. Ширина ее до 50 саженьей, большей частью очень глубока, но не быстрая; дно каменистое. С востока в озеро течет еще другая, также довольно большая, река *Чулыш* и с запада несколько маленьких рек и речек, которые не так примечательны. Вода как в озере, так и в тамошних реках поднимается, вопреки обыкновению других мест, лишь в середине лета, когда наибольшая жара и тает снег на высоких горах, поскольку весеннее солнце для этого недостаточно продолжительно.

Река Бия в том месте, где она вытекает из озера, очень быстрая и приходит через различные пороги, но вскоре она теряет скорость, // (л. 4. об.) когда едешь вниз по течению. С восточной стороны, примерно на полпути между севером и слиянием с Катунью, в Бию впадает другая река средних размеров, которую татары называют *Kissu*, что означает *Лебедь-река*, и поэтому русские называют ее *Лебедь-река*. По обе стороны Бии на всем ее протяжении непрерывно тянутся горы. Она имеет в большинстве мест ширину в 100 и более саженьей, а также довольно глубокое и каменистое дно.

Катунь, которая возле устья имеет ширину, равную примерно половине ширины Бии, а в остальном обладает одинаковыми с нею свойствами, на своем пути принимает в себя с западной стороны две довольно большие реки, из которых нижняя называется *Setja*, а верхняя *Chaga-gol*, что по-калмыцки означает *Черная река*. Помимо них имеются еще другие маленькие реки и речки, впадающие с обеих сторон, которые, однако, не так нуждаются в рассмотрении.

Обь в Кузнецком уезде течет большей частью на северо-запад. Ее ширина от 200 до 300 саженьей, иногда также, при высокой воде, более версты, когда низкие места на ней позволяют выйти воде из берегов. // (л. 5) Как и Иртыш, она имеет обыкновение часто менять свое течение и подмывать то один, то другой берег или, порою, совершенно прорывать их, отчего возникает множество маленьких и больших островов, которые образуются этими различными рукавами реки. Дно песчаное и река везде очень глубока и судокhodна. Расстояние от Иртыша до Оби по прямой дороге через степь, лежащую между ними, местами не превышает 300 верст.

В Обь, пока она течет по территории Кузнецкого уезда, с западной стороны текут следующие реки, выделяющиеся из других: *Petschatpa* по-калмыцки *Besch*, самая верхняя, или южная, из них; затем следуют вниз по течению Оби река *Ануй*, по-калмыцки *Jelanga*; далее *Чарыш*; а с ней *Алей*, по-калмыцки *Алш*; после нее *Барнааул*, по-калмыцки *Вого-пог*; и, наконец, *Касмола* или, в калмыцком произношении, *Chastala*.

Чарыш — самый большой и значительный из них и недалеко от устья имеет ширину примерно в 50 саженьей. Его исток находится в // (л. 5 об.) Алтайских горах, в том месте, где, как выше сказано, возникает также и Бухтурма, текущая в Иртыш, и между обими источниками посередине имеется лишь одна большая гора. Уверяют, что исток реки *Nalim* также должен быть в небольшом отдалении отсюда. Направление течения Чарыша вначале с юго-востока на северо-запад, во время которого он в горах принимает в себя с юга еще также довольно большую реку, называемую калмыками *Chairkum-gol*. А затем, когда он уже оставил горы, Чарыш поворачивает к Оби на северо-восток и здесь в него впадает маленькая речка *Алкторка*, которая тоже имеет исток в горах и из-за своей светлой воды называется калмыками *Zidap-usup*, то есть *Белая Вода*.

Реки, впадающие выше Чарыша, как и впадающий ниже *Алей*, возникают точно так же в горах Алтай. А *Барнааул* и *Касмола* — в степи из двух расположенных поблизости друг от друга озер, которые имеют много островов и поэтому называются по-русски *Островные озера*. //

(л. 6) Выше приведенное калмыцкое название реки Барнааул также выводится отсюда, так как оно означает в этих словах не что иное, как Серое озеро, так как эта река помимо озера, из которого она возникает, течет еще через много маленьких озер и эти озера посредством их взаимосвязи собственно и образуют реку.

Возле указанных обеих рек Барнааул и Касмола, от их устьев поперек через степь до Иртыша, имеется большой березовый и сосновый лес, который разделен посреди степи на полпути между Обью и Иртышом. Та часть, что к Оби, называется вследствие соседства неоднократно упомянутых маленьких рек то Барнааульским, то Касмолинским бором, а тот, что к Иртышу, — Иртышным бором. Местность, где последний достигает Иртыша, находится немного ниже Семипалатинской крепости.

В местности, где оба леса отделяются друг от друга, в середине степи расположено соляное озеро, в котором соль, подобно как в Ямышеве, гадится на дне и считается очень хрпшей для употребления в пищу. От Оби досюда приблизительно 200 верст. По форме это озеро составляет почти правильный круг // (л. 6 об.) с диаметром в одну версту. Соль лежит на дне слоем толщиной примерно в ширину ладони и после того как ее поднимают, она гсаждается внонь. Над ней имеется светлая соленая вода на высоту в один фут или, в середине, еще немного выше. Но как соль, так и воды имеют в себе немного красного и фиолетового цвета, а также резкий запах, как у Ямышевского соляного озера. Название, которое дали озеру, возникло по поводу леса, между которым оно находится, а именно Боровое соляное озеро. Поблизости от него в нескольких сажених к югу имеется маленькое пресное озеро с прозрачной и очень приятной на вкус водой.

Другое подобное соляное озеро находится в той же степи, на расстоянии почти в 200 верст к северо-западу от Борового, которое также расположено посередине между Обью и Иртышом и от каждой из этих рек удалено не более, чем на 150 верст. Оно, однако, гораздо больше предыдущего. В любом случае уверяют, что оно по величине в четыре раза превосходит соляное озеро у Ямышева, которое все же имеет в окружности более 9 верст. В него // (л. 7) из вышеупомянутого Касмолинского Островного озера течет река Колунда, по которой также и озеро называется Колундинским соляным озером.

Еще одно достопримечательное, однако пресное, озеро находится в степи между Обью и Иртышом, почти в 200 верстах к юго-востоку от Борового озера, которое имеет продолговато-круглую форму с севера на юг и длину от 3 до 4 верст, а ширину от 2 до 3 верст. Из него при высокой весенней воде в 15-20 верстах отсюда в вышеназванную речку Локтовку впадает исток. Оно имеет такое свойство, что вода в нем даже при совершенно тихой погоде волнуется, отчего уже в давние времена русскими караянами, которые на пути из Томска в Калмыкию пересекали эту местность, ему было дано название Колыванское. Калмыки называют его Схача-пог, то есть Черное озеро, поскольку вода в нем темноватая. //

(л. 7 об.) С восточной стороны в Кузнецком уезде в Обь текут лишь две реки, которые больше других подходят для описания. Это реки Чумын и Бердь. Устье Чумыша находится в немногих верстах ниже устья упомянутой ранее реки Касмола, а устье реки Бердь — на границе Томского уезда. Первая песчаная и глубокая, а вторая каменистая и мелкая. Каждая шириной примерно в 2 сажени. Обь между ними делает большой поворот на запад, что является причиной того, что степь здесь между Обью и Иртышом гораздо уже, чем в других местах.

Хотя река Томь впадает, как и остальные реки, в Обь, но поскольку это происходит лишь уже в Томском уезде, то здесь ее можно рассматривать также как главную реку. Она течет, точно так же, как Обь и Иртыш, большей частью на северо-запад и

протекает почти везде через горы таким образом, что там, где остальные места совершенно ровные, на Томи, тем не менее, видны высокие скалы. В большинстве мест ее ширина составляет от 100 до 200 саженьей. Дно повсеместно очень каменистое и // (л. 8) не очень глубокое. (далее зачеркнуто: При высокой весенней воде по ней все же можно ходить на дощаниках.)

Две другие реки, впадающие в Томь с западной стороны, пропуская все остальные маленькие, имеют одинаковые с ней свойства. Верхняя называется Мраса, а нижняя Кондома. Оба устья находятся на расстоянии не более 30-40 верст друг от друга. Каждая шириной примерно в 40 саженьей и обе принимают в свою очередь в себя много маленьких рек и речек. От устья Кондомы Томь становится судоходной таким образом, что в любое время по ней можно ходить на больших лодках, а весной по высокой воде также и на дощаниках. А выше по течению из-за многочисленных мелких мест и быстрого течения очень трудно ходить и на маленьких лодках.

(написано на полях: Между устьями обеих упомянутых сейчас рек на север-восточном берегу реки Томи, немного выше впадающей в Томь с востока реки Абашевой, находится горящая гора, которая по причине текущей здесь очень быстро воды называется татарами *Sasir-tau*. Она, однако, не выбрасывает из себя собственно огонь или пламя, но лишь выпускает через различные отверстия постоянный дым и не без сходства с горящим торфяником, да и гореть она начала лишь приблизительно 20 лет назад.)

В Кузнецком уезде нельзя пропустить еще одну реку, которая берет свое начало недалеко от западного берега Томи на Томской границе и называется кузнецкими жителями, как русскими, так и татарскими, Уен. Вскоре после своего истока она, однако, продолжает течение по Томскому уезду и впадает в Обь немного верст ниже реки Берды, // (л. 8 об.) где она носит название Иня. Ширина ее равна примерно 20 саженьям, дно мелкое и каменистое.

Непосредственно перед русским завоеванием этих мест ими, а также ранее всеми томскими и еще несколько позднее красноярскими местностями владели кыргызы, языческая татарская нация, и остальные татарские жители должны были платить им дань. Тут то там еще находят следы старых городов и укреплений, в которых находились эти народы. Калмыки в это время заселяли всю степь между Обью и Иртышом вплоть до реки Омь и до границ Томского уезда к западу от Оби. Первые вскоре отошли и присоединились ко вторым, с которыми они с этого времени действовали сообща и еще сейчас живут смешанно с ними. Последние, однако, до нынешнего столетия держались прочно, пока все же, наконец, сами не очистили поле и не перешли на ту сторону Алтайских гор.

Те калмыки, которые в настоящее время живут ближе всего к Сибири — это жители так называемого на многих ландкартах края Канкаратай. Они на их собственном языке называют себя // (л. 9) именем *Unpichai*, что на калмыцком означает «дающий богатство», и живут в горах и верховьях реки Чарыш и на реке *Chaitkum*. Их насчитывается до 270 семей и они платят дань калмыцкому владельцу соболями, которые на всем Алтае и особенно в этих местах имеют прекрасные черные, но небольшие и короткошерстные шкурки. Каждый женатый платит по 5 соболей в год, а неженатые не платят. Зато они не служат на войне. Их оружие — лук и стрелы. Некоторые также стреляют из ружей.

Название Канкаратай или, скорее, Ханкаратай несправедливо прилагается ко всему этому краю. Во всех Алтайских горах есть единственная гора недалеко от восточного берега реки Чарыш, в половине дня пути выше устья реки *Chaitkum*, которая очень выделяется среди других высотой и остроконечностью и которая именно так называется калмыками. Название на калмыцком и татарском означает «царский сосновый лес», так как гора очень густо поросла соснами.

У калмыков есть одна легенда. Давно в этих местах правил хан, ставка которого располагалась между реками Бией и Катунью в месте их слияния. // (л. 9 об.) Однажды он отправился на войну против своих врагов, и так как он оставлял двух жен, которых очень любил, то перед отъездом он договорился с ними, что если они получат известие о его смерти, то сами покончат с собой; сам он хотел поступить точно так же при получении такого известия о них. Как только он благополучно вернулся из похода в район указанной горы, то для проверки верности своих жен послал вперед слугу и велел сообщить, что якобы он погиб в одном из граждений. Обе супруги по получении этого печального известия сразу же, так что этому не смог помешать посланец, бросились в упомянутые две реки. А так как одну из них звали Би, а другую Катуня, то реки получили от них свои имена. А хан, который стоял в середине этой местности, услышав об этом, чтобы со своей стороны не нарушить верности, поднялся на гору и точно так же разбился с нее насмерть. Это является причиной названия Ханкарагай. //

(л. 10) Удивительно, что русская сторона не прилагала много усилий для присоединения этих мест. (Далее зачеркнуто. Одна татарская нация, которая сама себя называла телеутами, калмыки называют их теленгутами, русские белыми калмыками, подчинилась большей частью совершенно добровольно. Они жили тогда на реках Алей, Барнаул и Касмола в шатрах, сделанных из бересты, которые они транспортировали с места на место. Однако сейчас они живут на восточном берегу реки Томи.) Телеуты, татарская нация, которые тогда под калмыцкой властью жили на реках Алей, Барнаул и Касмола, подчинились большей частью совершенно добровольно и поменяли свое старое местожительство на восточный берег реки Томи. Однако остальные из них, которые не подчинились, отступили и сейчас еще кочуют по рекам Катунь и Хара-гол. Это обычно так называемые калмыками и русскими теленгуты, которые прозываются также белыми калмыками. Раньше их постоянно использовали в качестве толмачей между русскими и калмыками, так как все они помимо татарского языка понимают и калмыцкий, и когда русский посол или нарочный отправлялся из Тобольска в Калмыкию, то он обычно в местности, где сейчас стоит семипалатинская крепость, // (л. 10 об.) стоял до тех пор, пока посланные им люди не встречали в степи теленгутов, которые должны были сопровождать их до калмыцкой Урги.

Со всеми остальными татарами также не было никаких трудностей привести их к послушанию после отхода кыргызов как хозяев этой страны. Без возражений они платили требуемый с них ясак и даже не роптали против того, что в то же самое время с них еще требовали прежнюю дань калмыки как приемники кыргызов. Это произошло также не сразу, а очень постепенно, что эти народы были совершенно обьясачены. Вначале довольствовались самой малой данью, которая впоследствии со временем была увеличена по состоянию дел и в пропорции с другими ясачными народами. Да недаром еще различные татарские местности на калмыцкой границе, которые до этого платили дань только калмыкам, были обьясачены.

Упомянутый сбор с этих татарских народов ясака был вначале единственным намерением русской стороны в этих местах. По этой причине // (л. 11) нынешний город Кузнецк был вначале построен лишь как маленький острог, в котором посланные ясачные сборщики могли быть в безопасности от любого нападения. Позже, однако, когда увидели, как удобен этот край и для поселения русских жителей, то были основаны также со временем деревни и села, и маленький острог превратился в довольно большой город.

Строительство города или, скорее, первого острога Кузнецка произошло в 1617 г. от Рождества Христова, или в 7125 г. по старому русскому летоисчислению от сотворения мира, в царствование светлейшего царя Михаила Федоровича, заслуги которого в

расширении и освоении Сибирского царства также неизвестны. Контроль над строительством был поручен я Тобольске голове тобольских татар по имени Молчан Лавроу и сыну боярскому из Тобольска Остафию Михалевичу, которые имели для работы под своим началом достаточное число казаков обычной сибирской ландмилиции из городов Тобольска, Тюмени и Томска.

Они выбрали место на северо-восточном берегу Томи, напротив устья реки Кондомы, где я Томь впадает маленькая речка Бряза. А так как там в это время жили те татары, которые и сейчас еще на Кондоме кормятся большей частью плавкой железа и наряду с этим как кузнецы перерабатывают железо для различных нужд, то поэтому острогу было присвоено название Кузнецк. // (л. 11 об.) Однако татары и калмыки по маленькой речке Аба, которая впадает я Томь с юго-запада, в 2 верстах ниже Кузнецка, дали пункту название Аба-луга. Следует при этом отметить, что слово луга я обоих языках означает не только город, но и любое простое деревянное здание или дом; многие телеутские татары, которые в Кузнецком уезде наряду с шатрами имеют также деревянные дома, называют их точно так же.

Как острог вышеуказанным образом вначале был основан лишь из-за сбора ясака с татар, так он продолжительное время не имел иных жителей, кроме приказчиков и казаков. Также сомнительно, чтобы позже сюда самостоятельно переселялись колонии торговцев, поскольку и сейчас еще здесь почти не заметны следы коммерции. А последнее заселение следует приписать, главным образом, многим посланным сюда в немилости людям. Равнину, однако, начали возделывать, кроме немногих направленных сюда колоний, большей частью беглые крестьяне Тарского, Тюменского и Верхотурского уездов, которые путем побега хотели избежать обычных налогов и попадали сюда через Барабинскую степь.

Момент, когда острог по высочайшему указу царского величества был повышен и провозглашен городом, падает на 1689 г. от Рождества Христова. Острог, однако, от этого не исчез, // (л. 12) а и сейчас еще находится в центре города. К тому же вне его для большей защиты от вражеских нападений кыргызя и калмыков я 1717 г. на самом верху берега Томи, севернее острога, была заложена еще одна цитадель, связанная с городом посредством деревянной стены со стороны, противоположной реке.

Острог возведен на средней высоте берега четырехугольным палисадом, длиной по окружности в 194 сажени. Я нем находится соборная церковь Препображения Господня, построенная много лет назад, которая, однако, 9 июня этого 1734 г. была полностью уничтожена внезапным пожаром, который в ней самой и возник. Этот пожар тогда одновременно уничтожил половину деревянного острога и я городе около 50 жилых домов с пристройками. Острог, однако, с того времени полностью восстановлен. Я нем, помимо дома воеводы и канцелярии вместе с различными магазинами и амбарами, не находится больше никаких зданий.

Канцелярия точно так же имела несчастье я ночь с 1 на 2 марта 1729 г. полностью сгореть от возникшего я ней пожара, отчего было утрачено особенно много архивных рукописей и документов и разорвано я суматохе. Все же большая их часть была спасена, и самые старые рукописи, которые еще имеются я наличии, относятся // (л. 12 об.) к 1131, или 1623, году. А кроме этого огонь тогда не захватил никаких других зданий.

Вне острога находится до 500 домов горожан и получающих жалованье служилых и казаков, которые расположены частично я нижней части берега и частично на его средней высоте и которые имеют приходскую церковь, посвященную Св. Одегитрии Богородице. Здесь еще есть часовня, или молельня. А вся окружность по обводной стене со стороны суши, построенной из положенных друг на друга бревен и вбитых между ними кольев и имеющей 8 ворот, составляет 2 версты 284 сажени. В эту окруж-

ность заключена также цитадель, которую соорудили по структуре тамошнего гористого берега из насыпанных четырехугольником валов с бастионами на углах и с двумя ярусами, над которыми стоят деревянные башни, с длиной в 188 сажень и шириной в 38 сажень. В ней, кроме часовни, не находится больше никаких зданий. А ворота как этой цитадели, так и нижнего города защищены пушками, которых в общей сложности при городе имеется: 1 железная четырехфунтовая, 4 медные и 4 железные трехфунтовые, 2 медные и 2 железные двухфунтовые и 1 медная и 1 железная // (л. 13) треснувшие, вместе с относящейся к ним амуницией.

Впрочем, к городу следует причислить еще и Рождественский монастырь в 2 верстах ниже города на северо-восточном берегу Томи, напротив устья реки Абы. Сейчас, правда, его лучше называть не монастырем, а пустынью, поскольку монахи его частью умерли, а частью из-за бедности монастыря отправились куда-нибудь и другое место и сейчас в нем, помимо настоятеля, живут только два монаха.

Город и относящийся к нему уезд управляются воеводой, который сейчас подчиняется непосредственно Сибирской губернской канцелярии в Тобольске, тогда как раньше он должен был направлять свои рапорты в Енисейскую провинциальную канцелярию. А именно, вначале, при разделе Сибирской губернии на определенные провинции, Кузнецкий уезд был приписан к Енисейской провинции, что, однако, впоследствии из-за возникшего от этого неудобства, что рапорты, которые таким образом шли большим круглым путем, поступали в губернию слишком поздно, было изменено включением уезда в Тобольскую провинцию. (Написано на полях: Печать города: бегущий и чистом поле волк, вокруг которого стоят слова «Печать Ея императорска[го] величества Сибирской губернии города Кузнецка».)

Из числа служилых, получающих жалованье, и яденней // (л. 13 об.) ландмилиции в штате Кузнецка приводятся: 5 дворян, 25 детей боярских, 300 конных и 200 пеших казаков, (написано на полях: среди которых 1 калмыцкий и 1 татарский толмач). К чему еще добавляются 20 абинских татар, которые также получают жалованье и служат подобно казакам. Нынешней осенью 1734 г. указанная ландмилиция по распоряжению губернской канцелярии была усилена для более безопасной охраны границ ротой регулярной пешей милиции Якутского гарнизонного полка.

Дворяне и дети боярские используются здесь, как и во всех других местах Сибири, для различных посылок и комиссий, также в городе в качестве казачьих голов, комиссаров при таможне, приемщиков годового ясака от татар и приказчиков или чиновников в (написано над строкой над зачеркнутым: крепостях и слободах) нижних дистриктах. Канцелярия укомплектована двумя канцеляристами и двумя подканцеляристами, которые, однако, не получают жалованья, а копиисты берутся из числа казаков. Кроме того, в городе еще не учреждена ратуша для бюргерства. Ее функции выполняет канцелярия и таможня. (Написано на полях: Русских жителей, платящих подушную подать, в городе Кузнецке и во всем Кузнецком уезде насчитывается 6 782 человека (далее зачеркнуто: доход от которых причисляется Енисейскому гарнизонному полку).)

Помимо города Кузнецка в Кузнецком уезде имеется еще 6 укрепленных пунктов. На Оби расположены обе // (л. 14) крепости — Би-Катунск и Белоярск, Малышевская слобода и Бердский острог. На Томи находится Мунтацкий острог, или станец, и к юго-западу от Оби в Алтайских горах — Колыванно-Воскресенские медные заводы дворянина Акинфия Демидова. Каждый пункт, как и город, имеет определенные русские деревни, находящиеся под его управлением, и это приводит к тому, что Кузнецкий уезд делится на 7 нижних дистриктов.

К дистрикту, относящемуся непосредственно к городу, причисляются: в первую очередь большое село с церковью — Ильинское, или Красноярское, которое находит-

ся в 14 верстах ниже города на западном берегу Томи и снабжено артиллерией из двух трехфунтовых и четырех двухфунтовых медных пушек, а затем еще 45 протых деревень, которые расположены частью на Томи, выше и ниже города, частью на Кондоме, частью на Абе (далее зачеркнуто: и на впадающих в нее других речках), частью на Ускате, который в 20 верстах ниже города с западной стороны впадает в Томь, частью на речке Бачат, которая впадает в Усу, или Иню, и частью в верховьях реки Чумыш. Эти местности были заселены самыми первыми, так как они получали наибольшую защиту от города.

Следующий дистрикт на Томи Мунгатский, в которому относятся 13 деревень, // (л. 14 об.) частью на Томи и частью на Усене реках. Мунгатский острог, или станец (далее зачеркнуто: где живет чиновник этого дистрикта), был построен в 1715 г. присланными кузнецкими казаками как главный пункт дистрикта по просьбам многочисленных поселенцев, которые хотели поселиться в этой местности. Он расположен на западном берегу Томи, в 135 верстах от Кузнецка по прямой дороге. Состоит из обводной стены, сооруженной из бревен и кольев в виде полукруга со стороны, противоположной берегу. Внутри нее находятся, помимо дома приказчика, судной избы, магазина и амбара, несколько частных домов. А остальные жилые дома вместе с часовней находятся вне острога. Со стороны реки никаких укреплений нет. Вся окружность при измерении была определена в 410 сажень. Гарнизон состоит из беломестных казаков, которые за свою службу освобождены от подушной подати и пользуются свободным хлебопашеством. Название острога взято от речки Мунгат, впадающей в 2 верстах выше него с запада.

Бикатунская крепость была основана в 1709 году по царскому указу из Сибирской губернской канцелярии // (л. 15) как форпост Кузнецкого уезда против калмыков и кыргызов и для большей защиты ясака с живущих в отдалении татарских народов. Она, однако, сразу же на следующий год имела несчастье быть сожженной дотла вражескими силами калмыков под предводительством калмыцкого зайсана по имени Духар после того, как она была оставлена гарнизоном из 100 казаков. Впоследствии она была вновь построена в 1718 г. и с тех пор не подвергалась никаким вражеским нападениям. Она расположена на северо-восточном берегу реки Бии, в 6 верстах выше того места, где в нее впадает Катунь. А старые развалины первой крепости еще сегодня видны в 1 версте ниже нынешней. Таким образом, это неверно, когда из названия делают вывод о том, что крепость заложена прямо на месте слияния обеих рек. И поэтому простым людям она известна большей частью под именем Бийск или Бийская крепость.

От города Кузнецка досюда 210 верст по прямой дороге на юго-запад. По дороге дважды пересекают реку Чумыш, имеющую очень извилистое течение. Первая переправа находится в 30 верстах от Кузнецка, а вторая — в 80 верстах от первой. Между обеими переправами на протяжении первых 50 верст находится густой (написано на полях: кедровый, сосновый, пихтовый, лиственничный, березовый и осиновый) лес, в котором дорога с трудом используется иначе, чем верхом на лошади. //

(л. 15 об.) Строение крепости состоит из положенных друг на друга бревен и яблтых между ними кольев, и оно основано в виде продолговатого четырехугольника. Его длина вдоль реки составляет 24 сажени, а ширина 20 сажень. На 4 углах построены боевые башни. И еще одна башня находится над воротами, которые ведут в крепость со стороны, противоположной реке. Каждая из этих башен имеет для защиты железную пушку; из них 3 трехфунтовые, а калибр остальных 2 не указан. Вокруг крепости еще протянут ров с поставленными вокруг рогатками и надолбами. Кроме часовни и дома приказчика, в котором находится также судная изба, и одного амбара, ни в крепо-

сти, ни вне ее больше нет никаких отдельных зданий. Для гарнизона, который летом состоит из 40, а зимой из 25 конных казаков, под 4 башнями на углах крепости построены казармы.

Относящийся к крепости дистрикт из деревень расположен частично по Бие и Оби, выше и ниже крепости, частично на речке, впадающей в Обь с востока в 26 верстах ниже // (л. 16) и носящей название Il-kul. Это название возникло от татарского наименования озера, из которого речка берет свое начало, и которое означает не что иное, как Собачье озеро. Однако в этом дистрикте имеется в общей сложности лишь 6 деревень, которые к тому же были основаны здесь немого лет назад.

Белоярская крепость была построена в 1717 г. посланными сюда кузнецкими казаками. Расположена примерно в 120 верстах ниже Бикатунской крепости по прямой дороге на северо-восточном берегу Оби, который здесь очень высок и состоит из белой глины, от чего и крепость получила свое название. От Кузнецка досюда 268 верст. Положение крепости очень благоприятное. С двух сторон она окружена Обью, которая здесь делает поворот, а с третьей — болотами, маленькими озерами и разливами Оби в этой низменной местности.

Споружение состоит из четырехугольного палисада, каждая сторона которого в 20 сажений, с боевыми башнями по углам и еще с башней над воротами крепости со стороны, где к ней есть подход. Эти башни имеют артиллерию из 2 трехфунтовых и 3 маленьких железных пушек, калибр которых не указан. Снаружи с одной стороны перед воротами поставлены рогатки. Дом приказчика, // (л. 16 об.) судная изба и магазины — единственные здания в крепости. Однако вне ее, внизу впаде реки, построено много частных домов вместе с церковью, посвященной святым апостолам Петру и Павлу. Вокруг них, от берега реки до вышеуказанного низкого обводненного места, протянута обводная деревянная стена из положенных друг на друга бревен и битых между ними кольев. Жители — большей частью беломестные казаки, которые одновременно служат гарнизоном крепости.

К дистрикту Белоярска относятся 34 деревни, часть которых расположена выше и ниже крепости на северо-восточном берегу Оби и на впадающих в нее здесь маленьких речках, а другая, большая, часть — на обоих берегах реки Чумыш, от ее устья и на 120 верст от Оби по гуже. Устье реки Чумыш находится на расстоянии примерно 50-60 верст от Белоярска.

Малышевская слобода была основана в 1722 г. по просьбам живших в этой местности крестьян из-за большой отдаленности от Бердского острога, к которому они до этого относились. Им был дозволен собственный приказчик, который живет в слободе. // (л. 17) Она расположена в 60 верстах ниже устья реки Чумыш, на северо-восточном берегу Оби и получила название от деревни, которая стояла на этом месте и была основана крестьянином Малышевым.

Она состоит из обводной деревянной стены из бревен и кольев, которая проведена к берегу реки в виде полумесяца. На стене построены 3 боевые башни, вокруг ров, а также поставлены рогатки и надолбы. Сначала такая же стена была протянута и со стороны реки, которая, однако, прекратила существование из-за течения, постепенно подрывающего берег. Жители сами были строителями крепостных сооружений; они также сами содержат гарнизон. Его артиллерия состоит лишь из одной трехфунтовой железной пушки. Внутри укрепления находятся дом приказчика, судная изба, магазины и несколько частных домов. А остальная часть частных жилищ находится снаружи без какого-либо защитного споружения. //

(л. 17 об.) К дистрикту слободы относятся 21 деревня, которые расположены как выше, так и ниже нее вдоль северо-восточного берега Оби и на впадающих в нее ма-

леньких речках. В двух местах дистрикта — на устье речки Нижняя Сузунка, в 8 верстах выше слободы, и возле деревни Куликовой, в 12 верстах выше предыдущего места, на Оби — можно еще видеть следы старых городов, которые были построены здесь прежними жителями этих мест, вероятно, кыргызами. Они состоят из земляных валов и глубоких рвов с выкопанными тут и там ямами, над которыми, кажется, стояли дома.

Бердский острог был построен в 1717 г. по прошению многих новых поселенцев, которые прибыли сюда незадолго до этого из различных мест, чтобы поселиться здесь, на Оби и Берди, надолго. Он расположен в 120 верстах ниже Малышевской слободы по прямой дороге на северо-восточном берегу Оби, немного выше устья реки Бердь, которая и дала название пункту. (Далее зачеркнуто: От Кузнецка досюда по сухопутной дороге, которая, однако, проложена с некоторыми отклонениями, 380 верст.)

Соединение обеих рек, которые окружают острог с двух сторон, делает необходимым укрепление лишь одной трети его окружности, и стена, состоящая из бревен и кольев, проведена в виде // (л. 18) дуги от Оби до Берди. За стеной есть еще ряд с поставленными вокруг ратками и надолбами, жилые дома вместе с публичными зданиями: церковью Сретения Богородицы, домом приказчика, судной избой и амбарами все находятся внутри острога. Гарнизон состоит из беломестных казаков, которые из артиллерии имеют лишь одну трехфунтовую железную пушку.

К острогу относятся 45 деревень, которые расположены частично вверх по Оби, частично на (написано на полях: южном берегу) Берди вместе с впадающими в них маленькими речками. Небольшое число деревень находится также на некоторых речках, впадающих с севера в Чумыш. Оби и Бердь образуют здесь границу между Томским и Кузнецким уездами, поэтому все деревни на других сторонах Оби и Берди относятся уже не к этому острогу, а к Чаускому острогу Томского уезда. (Далее зачеркнуто: В прилагаемом в конце списка всех деревень Кузнецкого уезда будет особо указано название и местоположение каждой деревни.)

Колыванно-Воскресенский медный завод дворянина Акинфия Демидова был основан в 1728 году по разрешению высочайшеуправляющего Сената и государственной Берг-коллегии // (л. 18 об.) вследствие найденной в Алтайских горах богатой медной руды. Он расположен в этих горах, в 200 верстах на юго-запад-запад от Бикатунской крепости, на маленькой речке Белой, впадающей в Локтояку. А в речку Белую впадает еще один источник, берущий свое начало в находящемся в 6 верстах к востоку от завода озере Белом, которое калмыки из-за обильных пен, выбрасываемой на берег, раньше называли Коосун-пот, то есть Пенное озеро.

Название Колывань взято от вышеупомянутого Колыванского озера, которое находится в 30 верстах к западу от завода. А причиной этого было то, что в момент основания завода было известно еще очень мало об этих местностях и не знали названия какого-либо более близкого места, по которому можно было бы назвать этот завод. Подобно этому и гора (написано на полях: в 6 верстах к юго-востоку от завода) где впервые была найдена руда, названа Колыванской, а маленькая речка у ее подножья, которая течет в Локтояку, — Колыванной. Позже от другой горы в окрестностях (написано на полях: в 7 верстах к юго-западу от завода), в которой на Пасху // (л. 19) была также найдена хорошая медная жила, было еще добавлено название Воскресенский.

Другие горы, в которых начали добывать медную руду: (написано на полях: Богоявленская гора, в 5 верстах к западу от завода) Локтовская — на речке Локтояке, в 12 верстах к юго-западу от завода; Пихтовая (написано на полях: на речке Каменке, которая впадает в Алей) в 33 верстах к югу от завода; Гольцовка (написано на полях: на той же речке), в 2 верстах к юго-западу от Пихтовой; Плоская гора — на северо-восточном берегу реки Убы, в 53 верстах к югу от Пихтовой; и гора Медвежья — на том же

берегу реки Убы, в 10 верстах к югу от горы Плоской. Помимо них и нынешнем году были открыты еще два богатых места — одно в 5, а другое в 15 верстах от берега Иртыша, в районе речки Березовки, которая в 39,5 верстах ниже Усть-Каменогорской крепости впадает в Иртыш.

Хотя первоначальное основание завода произошло уже в 1727 г. и он был построен на речке Колыванке, недалеко под вышеуказанной Колыванской горой, однако это не должно приниматься во внимание из-за того, что работа здесь была совершенно незначительная и механизмы приводились в движение не с помощью воды, а вручную. Сейчас, напротив, все приводит в движение речка Белая, уровень воды в которой для этого поднят посредством дамбы. // (л. 19 об.) Здесь имеется в ходу 5 плавильных печей наряду с 2 очистными горнами и 1 пухогорном. Сейчас все же не доводится до готовности больше меди, чем может быть приблизительно потрачено ежегодно на продажу различной посуды, которую здесь на заводе из нее изготавливают. Остальное в черном виде отпущается на большие Невьянские заводы Демидова.

Крепость, находящаяся при заводе, состоит из земляного вала, насыпанного правильным квадратом со сторонами в 50 сажень, который с внутренней стороны обнесен еще палисадом, а с внешней стороны рвом и рогатками; четыре бастиона снабжены пушками. В крепости, помимо заводской конторы, магазинов и амбара, имеется несколько жилых домов приказчиков и мастеров, находящихся при заводе. Остальные жилые дома находятся вне крепости, как и плавильный завод с относящимися к нему фабриками. А все это обнесено еще с двух сторон деревянной стеной из бревен, имеющей двое ворот, украшенных башнями. С двух других сторон находятся две большие и высокие горы, которые служат природным укреплением пункту. Гарнизон состоит из 100 кузнецких конных казаков. // (л. 20) жалованье которым платит собственник завода.

Имеется также небольшой дистрикт из деревень, относящихся к Колывано-Воскресенскому заводу, основанный немного лет назад Демидовым. Их насчитывается 8, и четыре из них расположены на Чарыше, а остальные четыре — на реках Алей, Барнаул и Касмола, на дороге, ведущей от плавильного завода к месту впадения Чумыша в Обь, где Демидовым налажена удобная переправа через Обь. На Чарыше, в 70 верстах от завода, в деревне Порошиха находится место, где медь с завода погружают в транспорты до Невьянских заводов. Здесь также строят требующиеся для этого суда, которые называются коломенками, и эти коломенки во всем похожи на те, на которые грузят на Чусовой железо и медь с екатеринбургских и других императорских и демидовских заводов. //

(л. 19 об.) (Написано на поле с примечанием — Поместить в конце следующей страницы. Выше уже было сказано, как были впервые заселены русскими жителями пункты, расположенные на реке Томи и в других окрестных местах. Опасность вражеских нападений калмыков и кыргызов была причиной тому, что длительное время не решались расширяться дальше. А о тех деревнях, которые расположены на Оби и впадающих в нее маленьких речках, можно сказать, почти без исключений, что они не намного старше тех крепостей, острогов и слобод, в которых они были причислены. Даже с окончанием прошлого столетия расположенные поблизости от города местности выдержали ожесточенное нападение от этих народов, во время которого среди прочего были полностью разгромлены Рождественский монастырь и живущие немного ниже него телеуты. Это нападение не должно сейчас вновь рассматриваться, о нем уже было упомянуто при крепости Бикатунск.) // (л. 20) (Написано на поле. Место вставки указано после примечания в тексте, заключенного в скобки — Досбавление, написанное на поле на предыдущей странице: Приводить подробный рассказ о всех проведенных там тут, то там враждебных действиях было бы здесь слишком пространно. Будет

достаточно, если я скажу, что только с 1690 г. по 1710 г. ущерб, причиненный калмыками в Кузнецком уезде сожжением деревень и грабежом жителей, исчисляется в 21 345 рублей. Но с 1710 г. в дальнейшем этими калмыками не предпринималось больше ничего враждебного. Зато Колывапо-Воскресенский завод еще иногда кое-что терпит от набегов кыргызских казаков, так как они имеют такое обыкновение, что ежегодно в начале августа пересекают Иртыш и делают небезопасной всю степь между Иртышом и Обью вплоть до реки Алей. Причем в 1728 г. они угнали с луга до 350 принадлежащих заводу лошадей, а в 1733 г. убили несколько человек совсем рядом с заводом.) (Далее на л. 20 зачеркнуто: Татарские народы Кузнецкого уезда поделены на определенные волости, то есть маленькие дистрикты, подчиняющиеся приказчику, или образуют особые нации. Ближайшими к городу являются абинские татары, которые от неоднократно упомянутой маленькой реки Абы, на которой они. Здесь же, на полях, зачеркнуто: Каждая волость имеет своего башлыка или князю, который.) //

(л. 20 об.) О татарских народах Кузнецкого уезда вообще следует сказать, что они большей частью не имеют постоянного местожительства или деревень, а обычно меняют их часто, смотря по обстоятельствам их пропитания. Все же они держатся большей частью друг подле друга в определенных родах и маленьких дистриктах, (написано на полях: по которым они как в канцелярском реестре известны, так и в описании края должны быть указаны).

Напротив города Кузнецка на юго-западном берегу Томи, выше устья реки Кондомы, живут абинские татары, сами себя называющие Abalar, которые получили свое имя от часто упоминавшейся маленькой реки Абы, на которой они издавна жили. (Далее зачеркнуто: сейчас они живут выше Кондомы, а также на юго-западном берегу Томи) Их численность не превышает 30 семей, из которых 20 человек состоят на службе подобно русским казакам. А остальные вместо ежегодного ясака лишь иногда дают подводы, что отличает их от остальных татар с начала завоевания этих мест, поскольку они были первыми, кто добровольно подчинился русской власти. (Далее зачеркнуто: На каждую нижеследующую волость, напротив, положена определенная дань, или ясак, которые все же в некоторых волостях отличаются друг от друга у живущих в них людей.) //

(л. 21) На все нижеследующие татарские дистрикты, или волости, напротив, положена определенная дань, или ясак. Они находятся частью на реке Томи ниже от Кузнецка и на реке Чумыш, частью вверх по Томи вплоть до границы Красноярского уезда, частью на реке Мрасе и на впадающих в нее маленьких реках, частью на реке Кондоме и частью на реке Бие и на Алтынском озере наряду с другими тамошними местами.

Ниже города вниз по Томи и на реке Чумыш расположены:

1. Керетская волость, в местах прежнего жительства абинских татар, на устье реки Абы. Жители называют себя Keresch. Из них только 10 человек платят ясак.

2. Телеутская, или, иначе, волость так называемых белых калмыков, о которых до этого уже было упомянуто, на северо-восточном берегу Томи, от Рождественского монастыря до устья реки Ускат. Из них 151 человек, платящих ясак.

3. Тюлюбердская и

4. Баянская, от устья реки Ускат до границы Мунгатского // (л. 21 об.) дистрикта. В первой платят ясак только 4 человека, а во второй 28 человек. Однако название баянских татар в обычной речи почти неизвестно, а обе волости называются общим именем тюлюберцы.

5. Кытымская, жители которой называют себя Kystimi, по реке Бачат, которая с запада впадает в Уен, или Иню, и в верховьях реки Чумыш. В ней имеется 63 плательщика ясака.

6. Тагапская и

7. Тогульская, вния вдоль реки Чумыш вплоть до расположенных на этой реке русских деревень, относящихся к Белоярску. В первой 39, а во второй 31 плательщик ясака. Последние получили свое название от речки Тогул, впадающей с востока в Чумыш; выше нее в Тагапской волости в Чумыш впадает с той же стороны другая речка, под названием Улкелеп. Немного тогулов живет также на реке Абе смешанно с русскими. Выше города по Томи до границы Красноярского уезда находятся:

1. Богоракола, в местности, где в Томь впадает Мраса. В ней имеется 27 жителей, платящих ясак.

2. Мойнакова, в 30—40 верстах // (л. 22) выше предыдущей волости, между устьями двух впадающих в Томь с востока речек, носящих названия Ussa и Bjel. Здесь имеется 49 плательщика ясака.

3. Сагайская, недалеко от истока Томи, на речке Ахис, текущей с севера в Абакан, и в верховьях реки Июс, которая в Томском уезде после соединения с рекой Урупом принимает название Чулым. Жители первой местности называют себя ия-за соседства реки Томи Tom-Sagai, а жители второй местности — Ijua-Sagai. В обеих местностях имеется 53 плательщика ясака.

4. Бельтирская, в степях по реке Абакану, впадающему в Енисей, и по речке Талытл, впадающей в Абакан с севера. В ней имеется 45 плательщика ясака.

По реке Мрасе и впадающим в нее речкам:

1. Башбаякова, от места в 10 верстах выше устья Мрасы и вверх по ней до впадающей в Мрасу с запада реки Умзас. В ней имеется 46 плательщиков ясака.

2. Едеева, в полутора днях пути на лодках вверх по течению от устья реки Умзас, в районе речки Tasch-jilga, впадающей в Мрасу с востока, // (л. 22 об.) по которой находится руда, богатая железом. К ней относятся 24 плательщика ясака.

3. Тогоякова, вверх по реке Умзас, в горах, в половине дня пути верхом к западу от Мрасы. К ней относятся 4 плательщика ясака.

4. Елейская, по реке Мрасе, в одном дне пути выше речки Tasch-jilga на лодках против течения. К ней относится также один улус в горах вверх по реке Умзас. В общей сложности здесь имеется 27 плательщиков ясака.

5. Ближняя Карга, по реке Ортон, возникающей в одном месте с Абаканом и впадающей в Мрасу с восточной стороны между Едеевой и Елейской волостями. К ней относятся 43 плательщика ясака. Слово «карга» означает в татарском языке ворону. Однако жители сами не знают, почему им было дано такое название.

6. Кузешева Карга, по реке Мрасе, в одном дне пути от Елейской волости, в местности, где в Мрасу с западной стороны впадает река Сюртка, а немного выше — река Базас с восточной стороны. Здесь имеется 17 плательщика ясака.

7. Кызыл-Карга, по речке Пузас, впадающей в Мрасу с западной стороны. В ней имеется 15 плательщиков ясака. //

(л. 23) 8. Кивинская, по речке Котег, которая впадает в Мрасу с восточной стороны немного выше Пузаса. К ней относится 31 плательщик ясака.

9. Кивинская, по Мрасе, выше всех предыдущих. В ней имеется 12 плательщиков ясака.

10. Иаушерская, по упомянутой речке Пузас, впадающей в Мрасу, выше Кызыл-Каргинской волости. Здесь имеется 21 плательщик ясака.

По реке Кондоме и впадающим в нее речкам:

1. Барсаяцкая, в 30-40 верстах от места впадения Кондомы в Томь. В ней имеется 35 плательщиков ясака.

2. Бешбаякова, или, иначе, Катунская, в 30-40 верстах выше предыдущей волости, в местности, где с восточной стороны в Кондому впадают через одно устье две реки — Telbes и Mandabasch (на последней находят особенно хорошую железную руду). Название Катунская возникло от расположенной на восточной стороне Кондомы, между предыдущей и этой волостями, горы, которую по-татарски называют Katun-lau, то есть Огненная гора. К ней относятся 44 плательщика ясака.

3. Етиберская, вверх по реке Мандабаш, // (л. 23 об.) примерно в 40-50 верстах от ее устья, где в нее впадают еще несколько речек — Базас, Анзас и Манзас. Она включает в себя 34 плательщика ясака. Жителей называют также Kallag, хотя в настоящее время это название не особенно употребительно.

4. Етиберская, по реке Кондоме, в 50 верстах выше Бешбаяковой волости. Имеет 46 плательщиков ясака. Здесь с западной стороны в Кондому течет река Антроп.

5. Елейская, по Кондоме, в 40-50 верстах выше предыдущей волости, где в Кондому с западной стороны впадают две речки — Ulokan и Mamscha (последняя южнее). Здесь 27 плательщиков ясака.

6. Карачерская, иначе Шорская, так жителей обычно называют Schori и это имя они передали также остальным своим соседям, по Кондоме, в 30 верстах выше предыдущей волости. К ней относятся 72 плательщика ясака.

По реке Бие, на Алтынском озере и в других тамошних местах: (далее на л. 23 об. идет зачеркнутый текст под номерами 1 и 2, который затем повторен на л. 24 об. под номерами 6 и 7) //

(л. 24) 1. Шлакальская, по реке Ки, или Лебедь, в 60-70 верстах от места ее впадения в Бию. Имеет 43 плательщика ясака.

2. Каргинская, на той же реке, ниже предыдущей. Состоит лишь из 6 плательщиков ясака.

3. Кумандинская, у места впадения реки Ки в Бию и на протяжении половины дня пути вниз по Бие. Включает 105 плательщиков ясака. Всю эту местность татары и калмыки называют Cumanda.

4. Юская или, лучше, Еутская, (написано на полях: так как жители называют себя Jetti), в горах между реками Бия и Катунь, в половине дня пути от самых нижних кумандинских улусов, на речке Пуша, которая с востока впадает в Катунь. Здесь имеется 11 плательщиков ясака.

5. Кузенская, по реке Бие, в половине дня пути вверх от Кумандинской волости. Имеет 28 плательщиков ясака. Несколько выше нее с восточной стороны в Бию течет река Талей, которая получила свое название оттого, что она зимой не замерзает. //

(л. 24 об.) 6. Камляшская, по реке Бие, в половине дня пути выше предыдущей волости, где в нее с западной стороны впадает река Копша. Сюда относятся 49 плательщиков ясака.

7. Кергенская, в половине дня пути выше предыдущей волости, на восточном берегу Бии, где она берет начало из Алтынского озера. Здесь находятся 39 плательщиков ясака.

8. Тау-Телеутская, (написано на полях: в горах, от которых она и получила свое дополнительное название), на реке Катунь, где в нее с запада впадает большая река Setja, а с восточной стороны две речки — Ischa и Ischra (последняя южнее). Состоит из 34 плательщиков ясака.

9. Телеская, на Алтынском озере и возле устьев впадающих в него рек Чулушман и Чулыш. (Написано на поле вместо зачеркнутого в основном тексте — Последние две местности, однако. Она является местом жительства уже упомянутых телеских татар, которые, однако, еще не положены один за другим совершенно в ясак, но вообще лишь вносят добровольно ежегодный определенный оброк.

Материя ясака состоит из соболей или из их эквивалента другими мехами и промысловой дичью. Лисьи шкурки, шкуры волков и медведей, а равным образом и оленьи и лосиные кожи, если они особенно // (л. 25) большие и хорошие, приравниваются каждая к одному соболу. Грнostaи берутся по 8-10 штук за соболя, а белки — по 40 за соболя. Пять соболиных хвостов или четыре мускусные сумки точно так же являются эквивалентом одного соболя. И если среди прочего имеется что-то плохое или поврежденное, то к этому добавляется что-либо другое до тех пор, пока сумма не составит стоимость одного (написано над зачеркнутым — хорошего: среднего) соболя. А такой соболю оценивается в Кузнецкой канцелярии в 1 — 1,5 рубля.

Все волости и относящиеся к ней ясачные платят неодинаковое число соболей. Живущие рядом с Кузнецком телеуты являются, (написано на полях: по указанной выше причине), привилегированными по сравнению с другими и платят лишь по одному соболу с человека. Равным образом с тау-телеутов, сколько их до сих пор охотно склонилось к ясаку, также берется лишь по одному соболу с человека. А телессы вообще платят всего 60 соболей, не принимая во внимание число людей или семей. Кроме того, численность тамошней телеутской нации на калмыцкой границе составляет до 350 семей, а телесские деревни — не намного меньше.

В остальных волостях такса различается в соответствии с силами или возможностями людей. Она возрастает от 1 до 6 соболей, которые каждый ясачный должен ежегодно уплатить и зависит // (л. 25 об.) от суждения ясачных сборщиков, как высоко они хотят оценить человека. Самыми богатыми являются Богораковая, Мойнакова, Сагайская, Бельтирская, Карачерская и Кергешская волости, а самыми бедными — Керешская, Тюлюбердская, Тогаянская и Тогульская. Суммированный ясак со всех волостей вообще составляет приблизительно по три соболя или их эквивалент с человека.

Волости по Топи, выше и ниже города Кузнецка, наряду с расположенными по Чумышу, равно как и из Сагайской волости, доставляют свой ясак сами в город (написано на полях: и сдают его в воеводскую канцелярию). А в остальные отдаленные волости из канцелярии ежегодно посылаются определенные комиссары и сборщики, которые забирают ясак. Все это совершается без малейшего принуждения, так что даже некоторые удаленные волости обычно сами приносят свой ясак в волости, расположенные по дороге, и не ждут, пока сборщики потребуют его с них на их родине. Таким образом из Тогаянской волости приносят их ясак в Елейскую, из Ближней Каргинской, Кызыл-Каргинской, // (л. 26) Кияинской, Ковинской и Изаушерской — в Кузешеву, (написано на полях: из Еутской — в Кумандинскую), а телесские татары — в Кергешскую волость.

До этого упоминались две реки, из которых первая, Мандабаш, впадает в Кондому, а вторая, Таш-йылга, в Мрасу, что на них находится богатая железная руда. Живущие здесь в окрестных местах татары стремятся по своим возможностям лучше использовать это данное природой богатство и плавят руду, (написано на полях: которую они предварительно размалывают в мелкий порошок), в маленьких ручных печах в железо. В Бешбаяковской и Едейской волостях по Мрасе имеются различные улусы, которые почти исключительно от этого имеют себе пропитание, а по Кондоме все волости, исключая последнюю Карачерскую, занимаются этим ремеслом. Они издавна, с первого заповедания этих мест, уплачивали свой ясак выплавленным ими железом, что, однако, позднее переменилось, когда [русские] в Сибири сами начали использовать железную руду.

Между тем, как это выше показано, калмыки, невзирая на то, что эти местности были объявлены с русской стороны, все же не прекратили требовать с них старый ясак для себя. И действительно, большинство волостей вплоть до сего дня приучены упла-

чивать его. Таким образом, те татары, которые плавят железо, // (л. 26 об.) имеют перед остальными преимущество в том, что они еще постоянно могут приносить этому народу ясак своим железом, вместо мехов. Некоторые же волости, которые не имеют поблизости железной руды или не умеют ее плавить, покупают железо у других для ясака калмыкам, которые в противном случае установили таксу в пушнине по 5 саболей с человека без различий. А те татары, которые больше не платят ясака калмыкам, вначале все жили ниже города Кузнецка и по Чумышу, исключая Таганскую волость; вслед за этим татары расселенных в самом низу Кондомы Барсаяцкой и Бешбаяцкой волостей; и, наконец, живущие вверх по Томи и на ее истоках богорацкие, мыйнакяцкие и сагайские татары.

Каждая волость имеет двух приказчиков из своей среды, которые должны следить за тем, чтобы ясак правильно поступал с каждого человека. Первый и самый значительный из них называется (далее зачеркнуто: у них бацлыком, что является почетным титулом. Ему наследуют потомки или, после их кончины, титул передается самому богатому и уважаемому из остальных) // (л. 27) у них бацлыком, а другой — есаулом. И нет ни малейшей причины предполагать, что названия большинства волостей произошли от имен бацлыков и есаулов, которые возглавляли их при первом завоевании края.

Религия всех без исключения является языческой, без малейших следов служения Богу. Все, что об этом следует сказать, состоит из почитания и моления дьявола. Об этих особых церемониях, как и об обычаях и нравах этих народов, при другом случае должен последовать подробный рассказ. //

(л. 28) СПИСОК ВСЕХ РУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КУЗНЕЦКОМУ УЕЗДУ

1. Непосредственно к городу относятся:

а). От Кузнецка вверх по реке Томи:

1. Атамонова, на западном берегу р. Томи, приблизительно в 10 верстах выше Кузнецка.
2. Бараткова, на том же берегу, в 8 верстах от предыдущей.
3. Безрукова, на восточном берегу, немного выше впадающей с востока р. Абашевой, в 20 верстах от Кузнецка.
4. Ефтиферья, или Безрукова, на западной стороне, на маленьком рукаве р. Томи, в 4 верстах от Баратковой.
5. Карпова, на западной стороне, на маленькой речке Черембезя, в 2 верстах от ее устья и в 3 верстах от Ефтиферья.
6. Каргаполова, на западном берегу, ниже устья маленькой речки Бадабас, в 8 верстах от Карповой.

б). От Кузнецка вверх по Кондоме:

1. Муратова, на восточном берегу р. Кондомы, в 8 верстах от Кузнецка.
2. Букина, на западной стороне, на маленьком Менгерном озере, которое имеет сток в р. Кондому напротив предыдущей деревни.
3. Филиппова, на западном берегу, в одной версте от предыдущей деревни.
4. Куртуковья, на западном берегу, в 2 верстах от предыдущей деревни. //

(л. 28 об.) 5. Ашмарина, на восточном берегу, в 18 верстах от Кузнецка.

6. Гадасна, на том же берегу, в 15 верстах от предыдущей деревни.
  7. Кузедеева, на том же берегу, в 70 верстах от Кузнецка.
- с). Вниз по реке Томи:
1. Митина, на западном берегу, в 6 верстах ниже Кузнецка.
  2. Бедарюва, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей.
  3. Севергина, на восточном берегу, напротив предыдущей деревни.
  4. Ильинское, (написано на полях: или Красноярское), село, на западном берегу, в 5 верстах от Бедарювы.
  5. Шерохова, на том же берегу, в 4 верстах от предыдущей.
  6. Антонова, на восточной стороне, на маленьком рукаве р. Томи, напротив предыдущей.
  7. Тихонова, на том же рукаве р. Томи, в 2 верстах от Антоновой.
  8. Мокроусова, на восточном берегу, в 4 верстах от предыдущей деревни.
  9. Сидорова, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей.
  10. Терехина, на том же берегу, в 4 верстах от предыдущей.
  11. Першуткина, на том же берегу, в 4 верстах от предыдущей.
  12. Тихонова, (написано над строкой над зачеркнутым — а иначе Какошниковы курты, так как здесь живут также татары: или Мамышева, в 15 верстах от предыдущей), на том же берегу. //
- (л. 29) 13. Лачинова, или Басва, на восточном берегу, в 60-70 верстах ниже предыдущей, на границе Мунтатского дистрикта.
- д). Вверх по реке Абе, которая впадает в Томь, напротив Рождественского монастыря:
1. Бунгурская, в 6 верстах от западного берега р. Томи, немного выше устья речки Бунгур, с юга впадающей в Абу.
  2. Калачева, на южном берегу р. Абы, в 6 верстах от предыдущей деревни.
  3. Лучева, на речке Чараб, которая немного ниже Калачевой с северной стороны впадает в Абу, в 4 верстах от ее устья.
  4. Монастырская, в 8 верстах от Калачевой вверх по р. Абе. Принадлежит Рождественскому монастырю.
  5. Усова, на реке Абе, где ее исток находится недалеко от дороги, ведущей из Томска в Кузнецк, в 6 верстах от Монастырской.
- е). Вверх по реке Ускат, которая в 30 верстах ниже Кузнецка и в полутора верстах ниже деревни Терехиной с западной стороны впадает в Томь:
1. Баршукова, на северном берегу речки, в 1 версте от устья.
  2. Галашаппсва, на южном берегу, в 1 версте от предыдущей.
  3. Игадина, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей.
  4. Логина, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей.
  5. Беляева, на том же берегу, в 2 версты от предыдущей. //
- (л. 29 об.) 6. Недорезова, или Паялова, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей.
7. Мельникова, на северном берегу, напротив предыдущей деревни.
  8. Красулина, на южном берегу, в полутора верстах от Недорезовой.
  9. Анисимова, на северном берегу, в 2 верстах от предыдущей.

10. Терситьева, на том же берегу, в 9 верстах от предыдущей. Недалеко отсюда в степи на Томской дороге берет начало р. Ускат.

г). По речке Бачат, которая с запада впадает в Уен, или Иню:

Бачатская, по обе стороны р. Малая Бачат, которая в 10 верстах отсюда с юга впадает в р. Большая Бачат, в 15 верстах от Ини и в 85 верстах от Кузнецка по прямой дороге.

д). Вверх по реке Чумыш:

1. Чумышка, или Костенка, на левом берегу реки, в 32 верстах от Кузнецка.

2. Верх-Чумышка, или Черепанова, на том же берегу, в 50-60 верстах выше предыдущей деревни, в 80 верстах от Кузнецка по прямой дороге и в 10 верстах от деревни Бачатской.

3. Афонина, в одной версте выше предыдущей деревни, на том же берегу реки Чумыш, недалеко от ее истока. //

(л. 30) II. К Мунгатскому острогу относятся:

а). По реке Томи вниз по течению:

1. Крепичина, в 2 верстах выше острога, немного ниже устья речки Мунгат, впадающей с запада.

2. Чердицкова, или Банная, на той же стороне, в 8 верстах ниже острога.

3. Нижнеяргская, на той же стороне, в 6 верстах от предыдущей.

4. Березовка, на том же западном берегу р. Томи, в 6 верстах от предыдущей деревни, на устье речки Березовки.

б). По реке Уелу, или Иню, вниз по течению:

1. Верх-Уенская, или Караканская, на левом берегу реки, в 30 верстах от расположенной на реке Ускат деревни Терентьевой.

2. Ефтифеева, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей.

3. Коновалова, на правом берегу, в 3 верстах от предыдущей.

4. Меретская, на устье речки Мереть, с востока впадающей в Иню, в 28 верстах от Коноваловой.

5. Хмелева, на том же правом, или восточном, берегу, напротив устья речки Касмы, в 26 верстах от предыдущей деревни.

6. Бреханова, вверх по р. Касме, в 40 верстах от ее устья и в 150 верстах по прямой дороге от Кузнецка, на Томской дороге.

7. Драченина.

8. Запьярная.

9. Грамотеева, все три на левом берегу реки Ини, ниже Хмелевой. //

(л. 30 об.) III. К Бердскому острогу относятся:

а). На восточном берегу реки Оби, от острога вверх по течению:

1. Ельцовка, в 7 верстах от острога, на устье речки Ельцовки.

2. Мильтюсская, в 10 верстах от Ельцовки, на устье речки Мильтюс.

3. Гуселетова, в 5 верстах от Мильтюсской.

4. Тулильская, в 6 верстах от предыдущей деревни, немного ниже устья речки Тулы.

5. Броздина, в 3 верстах от предыдущей, немного ниже устья речки Броздики.

6. Атамонова, в 1 версте от Бродянки.
7. Усть-Караканская, в 4 верстах от Атамоновой, немного ниже места впадения р. Каракан в Обь.
8. Заявлялая, вверх по р. Каракан, на ее северном берегу, в 1 версте от предыдущей деревни.
9. Закаряжина, на северном берегу р. Каракан, в 1 версте от Заявлялой.
10. Печатнова, на том же берегу, в 1 версте от предыдущей.
11. Жаркова, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей.
12. Мыжланова, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей.
13. Тачкова, на том же берегу, в 1 версте от предыдущей.
14. Силина, на том же северном берегу р. Каракан, в 3 верстах от предыдущей.
- в). На южном берегу реки Бердь, вверх по течению: //
- (л. 31) 1. Речкуновa, в 1 версте от острога.
2. Луговая, в 2 версты от предыдущей.
3. Сорпкина, в 2 верстах от предыдущей.
4. Шадрина, в 7 верстах от предыдущей.
5. Морозова, в 5 верстах от предыдущей.
6. Вершинина, в 4 верстах от предыдущей.
7. Тайменка, в 1 версте от предыдущей, на устье речки Тайменки, впадающей в Бердь с юга.
8. Чернодырова, в 5 верстах от предыдущей. Половина ее находится на р. Бердь, а половина — на маленьком озере в 2 версты выше.
9. Койнова, в 4 верстах от предыдущей, немного выше устья р. Койники, впадающей с юга.
10. Шипкова, вверх по речке Койнике, в 6 верстах от предыдущей деревни.
11. Шипунова, в 1 версте от Койновой, немного ниже места впадения речки Шипуники в реку Бердь.
12. Каинова.
13. Шадрина, обе вверх по р. Шипунике.
14. Детлева, на р. Бердь, в 2 верстах от Шипуновой.
15. Елунина, в 11 верстах от Детлевой, на речке Елбаш, в 1 версте от места ее впадения в р. Бердь.
16. Ирляская, на р. Бердь, в 4 верстах от предыдущей.
17. Девкина, в 5 верстах от предыдущей, на маленькой речке, которая в 2 верстах отсюда впадает в Бердь.
18. Легостаева, на Берди, в 5 верстах от предыдущей.
19. Барабинская, в полутора верстах от Легостаевой.
20. Усть-Инона, в 3 верстах от предыдущей, немного ниже места впадения речки Ин в р. Бердь.
21. Черепанова, в 5 верстах от предыдущей.
22. Никонова, в 2 верстах от предыдущей.

23. Кракочья, в 3 верстах от предыдущей. //

(л. 31 об.) 24. Маслянова, в 5 верстах от предыдущей.

25. Мамонтова, в 7 верстах от предыдущей.

26. Погпрелка, в 10 верстах от предыдущей.

с). На границе Белоярского и Малышевского дистриктов:

1. Безменова, на восточном берегу реки Тайменки, впадающей с севера в Чумыш, в 35 верстах от ее устья.

2. Капслена, на устье реки Улубердь, с востока впадающей в Тайменку, в 15 верстах ниже Безменпой.

3. Анисима, на северном берегу р. Улубердь, в 4 верстах от ее устья.

4. Юлагина, на той же р. Улубердь, в 8 верстах выше Анисимой.

5. Петухова, на истоке маленькой реки Ини, которая впадает в Обь в Малышевском дистрикте.

IV. К Малышевской слободе на восточной стороне реки Оби относятся:

а). Вниз по реке Оби:

1. Протникова, в 2 верстах от слободы, на северном берегу р. Каменки, которая ниже следующей деревни впадает в Обь.

2. Каргаполова, в 5 верстах от Протниковой, немного выше устья предыдущей реки Каменки.

3. Малышева, на рукаве реки Оби, в 3 верстах от предыдущей деревни.

4. Коновалова, на том же рукаве реки Оби, в 2 верстах от предыдущей.

5. Наскова, в 2 верстах от предыдущей, на том же рукаве // (л. 32) реки Оби, который в 1 версте отсюда вновь соединяется с большой рекой, после того, как он отделился от нее между Протниковой и Каргаполовой.

6. Алацкая, немного ниже места впадения реки Алак в Обь, в 30 верстах по прямой дороге через степь от Каргаполовой.

7. Рожектаева, на Оби, в 10 верстах от Алацкой.

8. Костылева, на рукаве Оби, в 7 верстах от предыдущей.

9. Малетина, на Оби, в 4 верстах от предыдущей.

10. Милованова, на Оби, в 4 верстах от предыдущей.

11. Чингиска, на Оби, в 3 верстах от предыдущей и в 2 верстах выше устья реки Чингис, впадающей в Обь.

12. Белова, на Оби, в 7 верстах от предыдущей.

13. Каменка, в 8 верстах от предыдущей, немного ниже устья реки Каменки, впадающей в Обь.

б). Вверх по реке Оби:

1. Нижняя Сузунская, на южном берегу реки Нижняя Сузунка, в 1 версте от места ее впадения в реку Обь и в 8 верстах от слободы.

2. Верх-Сузунская, в 7 верстах от предыдущей деревни, на южном берегу впадающей в Обь реки Верхняя Сузунка, в 2 верстах от ее устья.

3. Куликова, в 5 верстах от предыдущей, на устье маленького истока, который вытекает из расположенного неподалеку озера и впадает в Обь.

4. Ускауска, на устье такого же маленького истока, вытекающего из озера и впадающего в Обь, в 5 верстах от Куликовой.
  5. Усть-Меретская, в полутора верстах от предыдущей, немного ниже устья впадающей в Обь реки Мереть.
  6. Верх-Меретская, или Сычева, вверх по реке Мереть. // (л. 32 об.) в 7 верстах от ее устья.
  7. Усть-Инская, в 10 верстах от Усть-Меретской, немного ниже устья реки Ини, впадающей в Обь.
  8. Обяицкова, на рукаве реки Оби, в 2 верстах от предыдущей деревни.
- V. К Белоярской крепости относятся
- а). От крепости вверх по реке Оби:
    1. Чесноковка, на реке Чесноковке, которая немного выше крепости впадает в Обь, в 3 верстах от ее устья.
    2. Фирсова, на реке Логихе, впадающей в Обь, в 5 верстах от ее устья.
    3. Прокпьевна, на той же реке, в 3 верстах от предыдущей деревни.
    4. Максарова, на той же реке, выше предыдущей деревни.
    5. Бобровская, на месте впадения реки Бобровки в Обь, в 30-40 верстах от крепости.
  - б). От крепости вниз по реке Оби:
    1. Черемшанская, в 2 верстах от крепости, на реке Черемшанке, впадающей в Обь, в полуверсте от ее устья.
    2. Зудилова, на той же реке Черемшанке, в 5 верстах от ее устья.
    3. Кармацкая, в 4 верстах ниже места впадения реки Черемшанки в Обь.
    4. Повалихина, в 15 верстах от крепости, на реке Повалихе, в 4 верстах от ее устья.
    5. Речкуновна, на Оби, в 30 верстах от Повалихиной. //
    - (л. 33) 6. Красноярская, или Черомная, в 12 верстах ниже Речкуновой и в 2 верстах выше места впадения реки Чумыш в Обь.
  - в). Вверх по реке Чумыш:
    1. Усть-Чумышка, на южном берегу реки, в 1 версте от ее устья.
    2. Езова Большая, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей.
    3. Езова Малая, на том же берегу, в 1 версте от предыдущей.
    4. Усова, на том же берегу, в 7 верстах от предыдущей.
    5. Шипкина, на том же берегу, в 5 верстах от предыдущей.
    6. Яловская, на северном берегу, в 12 верстах от предыдущей.
    7. Нетужилкова, на южном берегу, в 3 верстах от предыдущей.
    8. Кошкарагайская, на реке Кошкарагайке, которая с юга впадает в Чумыш, в 2 верстах от ее устья и в 40 верстах от Красноярской, или Черомной, по прямой дороге.
    9. Наумова, на южном берегу реки Чумыш, в 8 верстах от Кошкарагайской.
    10. Тайменская, или Тальменская, на реке Тайменке, или Тальменке, которая напротив предыдущей деревни с северной стороны впадает в Чумыш, в 2 верстах от ее устья и в 39 верстах от Повалихиной по прямой дороге.
    11. Луговая, на южном берегу реки Чумыш, в 4 верстах от Наумовой.
    12. Забрсдина, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей деревни.

13. Таскаяна, на северном берегу, в 3 верстах от предыдущей.
  14. Драпишниковна, на том же берегу, в 10 верстах от предыдущей.
  15. Инюшева, на том же берегу, в 5 верстах от предыдущей.
  16. Шадринцова, на речке Шадринке, которая с северной стороны впадает в Чумыш, в 1 версте от ее устья и в 3 верстах от предыдущей деревни.
  17. Кпренева, на южном берегу реки Чумыш, в 5 верстах от устья речки Шадринки. // (л. 33 об.)
  18. Красилова, на северном берегу, в 3 верстах от предыдущей.
  19. Коньяллова, или Камышенка, немного ниже устья речки Камышенки, впадающей с севера, в 6 верстах от предыдущей.
  20. Воронина, на том же северном берегу, в 7 верстах от предыдущей.
  21. Заплавина, на том же берегу, в 20 верстах от предыдущей деревни.
  22. Переборная, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей.
  23. Глуховская, на южном берегу реки Чумыш, в 8 верстах от предыдущей деревни.
- VI. К Бикатунской крепости относятся:

1. Бехтемирка, на реке Бие, в 23 верстах выше крепости и в 2 верстах ниже устья речки Бехтемир, впадающей в Бию с востока.
2. Фоминская, на реке Оби, в 23 верстах ниже крепости.
3. Ора, или Оринская, на реке Оби, в 2 верстах ниже Фоминской и в 1 версте выше устья речки Иткуль, впадающей с востока, в которую немного выше ее устья с южной стороны впадает еще другая речка — Чамронка.
4. Соколова, вверх по речке Иткуль, в 10 верстах от Оры.
5. Колырова.
6. Шипунца, обе на той же р. Иткуль выше Соколовой. (Далее зачеркнуто: Эта речка немного выше последней деревни вытекает из озера It-kul, то есть Собачьего озера, и от него получила свое название.) //

(л. 34) VII. К Колыванно-Воскресенскому заводу Демидова относятся:

1. Малая Чарыш, деревня в 30 верстах от завода, на правом, или южном, берегу реки Чарыш, немного выше устья речки Локтовки.
2. Поросиха, на левом, или северном, берегу р. Чарыш, на устье впадающей здесь речки Поросихи, в 40 верстах от деревни Малая Чарыш.
3. Кабанова, на южном берегу реки Чарыш, посередине между ее устьем и Поросихой.
4. Кудрявцева, на западном берегу р. Оби, немного выше устья Чарыша.
5. Алейская, на реке Алей, на дороге, ведущей от завода к Усть-Чумышу, в 123 верстах от завода.
6. Барнаульская, на северном берегу р. Барнаул, на той же дороге, в 77 верстах от предыдущей деревни.
7. Верхняя Касмолинская.
8. Нижняя Касмолинская, обе на северном берегу р. Касмолы, в 1 версте друг от друга, на той же дороге на Усть-Чумыш, в 50 верстах от предыдущей деревни и в 8 верстах от переправы через реку Обь.

РГАДА. ф. 199, портф. 526, ч. 2, Д. 1.

Иоганн Георг Гмелин

Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г.

(из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734»)

11-го августа 1734 г. в 9 часов утра мы благополучно прибыли в Усть-Каменогорскую крепость (проехав 6165 верст от С.-Петербурга). В двух верстах от крепости мы перебрали красивую речку Ульбу, берега которой были усеяны крупной галькой и булыжником.

Мы не особенно были утомлены поездкой и на следующий день после своего прибытия в Усть-Каменогорск решили съездить в Аблай-Кит, который с недавнего времени приобрел всемирную известность. Решение было быстрое, и особой подготовки к этой поездке не требовалось, но все же надо было как следует поразмыслить, прежде чем предпринять это путешествие. Нам сказали, что на него потребуется по меньшей мере пять дней. В таком случае нам сразу же по возвращении в Усть-Каменогорскую крепость пришлось бы уезжать отсюда, чтобы не упустить времени для осмотра медеплавильного завода Демидова и не запоздать с поездкой в Томск. Но и в Усть-Каменогорске имелось многое такое, что заслуживало исследования. Однако побывать в Аблай-Ките надо было обязательно: нужно было описать это местечко и прихватить с собой находящиеся там редкости, чтобы они

не оказались рассеянными по белу свету, как обычно бывает, и не были бы, таким образом, потеряны для исторической науки. Но никого из своей партии нам послать туда не хотелось из боязни нападения казахских прд. И мы решили направить туда нашего унтер-офицера с двумя солдатами в сопровождении охраны из 30 человек и пизаря местной канцелярии, которому поручили описать и измерить, по возможности, все достопримечательности; а унтер-офицеру и его команде поручалось забрать оттуда все, что можно было взять.

Выехали они 12-го августа на закате солнца, а 15-го в 8 часов утра прибыли обратно. Они проехали, по их словам, перст 75 степью, западнее Иртыша; ехали, большей частью, вдоль реки Аблай-Кит то в южном, то в восточном направлении. Аблай-Кит или Аблайп-Кит, как его называют калмыки, находится в персте от реки Аблай-Кит, к северу от нее. Местечко это состояло из четырех домов и руин здания, внутри которого можно было еще видеть остаток очага; помещение это своим видом напоминало кухню. Все эти строения были обнесены стеной в 5,5 аршина высоты и 4,5 аршина толщины, сложенной из бутового камня, которая составляла продолговатый четырехугольник с воротами на полуденной и восточной сторонах. Впрочем, это не сплошная стена, с одной стороны она прерывается скалой, которая сама служит вместо стены. Южные ворота стены ведут прямо к двум строениям, стоящим на весьма высоком фундаменте. Первое строение не имело ничего, кроме одного большого зала с двумя печами по углам, острыми наверху и вадутыми посередине, внизу они имели отверстие, из которого что-то, по-видимому, вытекало, было и другое отверстие для мехов. Следующее сооружение также представляло один большой зал, у входа в который на большом постаменте стоял огромный бронзовый идол, окруженный шестнадцатью другими, меньшего размера. На стенах этого зала были видны многочисленные, совершенно оригинальные изображения. У меня не хватило терпения подробно их описывать, но я замечу лишь, что по нелепости они не уступают алхимическим бредням. Видишь, например, человека с 4 головами и 24 руками, рядом изображен другой с 2 головами и 8 руками. Первый одной из своих правых ног наступает на голову некоему человеку, а двое других лежат у его ног. Напротив помещается человек с 2 головами и 4 руками; рядом с ним женская особа, которую данный мужчина обнимает двумя из своих рук и целует одной из своих голов, сплетая также свои ноги с ее ногами. В этом же помещении имелся большой шкаф с множеством полок, где первоначально, когда Аблай-Кит был открыт, лежало много рукописей, рассыпанных по всему помещению. Третье строение не имеет фундамента и стоит прямо на земле, и, кроме центрального зала, имеет еще маленькие боковые помещения. Все эти сооружения построены из обожженного кирпича и имеют несколько отверстий, но не имеют даже следов огня.

Не желая вдаваться в подробности, я хочу лишь сообщить, что люди доставили нам оттуда множество тангутских и калмыцких рукописей, разнообразных по форме и оформлению, исписанных различными письменами. Тангутские были большей частью написаны на синей, гладкой бумаге, белыми или золотыми буквами, калмыцкие же все написаны на белой бумаге черными или красными чернилами. Кроме того, мы получили еще и другие небольшие рукописи, на которых отчетливо было видно, что они отпечатаны. Вместе с тем, нам были принесены четырехугольные продолговатые деряжные таблички с вырезанными на них монгольскими письменами, обмазанными черной типографской краской. Но среди принесенных бумаг не нашлось ни одной с их оттисками. Была доставлена также несколько досок с

плохо выполненными рисунками, сделанными акварелью, но хорошо сохранившимися; такими дощечками был завален каменный пол в обоих зданиях; изображены на них, по-видимому, святые. В Усть-Каменогорске нам дали подобное изображение, сделанное на бумаге, но выполненное гораздо лучше, оно тоже было привезено из Аблай-Кита. Там должно быть много таких рисунков, но наши люди не нашли ни одного. Замечательно, что изображения на этих картинах, подобно святым у разных народов, имеют золотой нимб вокруг головы, и еще ту особенность, что они вообще изображаются сидящими со скрещенными ногами.

Заканчивая это описание, я хочу еще добавить, что, по словам наших людей, там в настоящее время лежит еще так много писем, что ими можно нагрузить еще около 20 подвод. И хотя лучшие сохранившиеся уже изъяты, следовало бы сберечь и остальные, так как и плохо сохранившиеся могут быть прочитаны. Мы, следовательно, могли вполне удовлетвориться тем, что получили оттуда, но все же было очень жаль, что нам самим не удалось побывать там, жаль особенно потому, что мы и отказались-то от этой поездки только из-за неверных сведений о ее длительности.

Аблай-Кит есть не что иное, как языческий храм калмыцкого хана Аблая из племени Хопот, жившего в середине прошлого века и отстраненного от своей должности в калмыцком округе приблизительно в 1671 году.

В течение тех ночей, которые мы провели в Усть-Каменогорске, мы наблюдали на восточной стороне неба светлое сияние — это было отражение пылающих за горами степей. По-видимому, калмыки намеренно жгут степи, чтобы этим задержать продвижение казахской орды. Казахи, которые благодаря этому лишаются пастбищ для своих лошадей, на которых они совершают свои кочевья, этим самым, по мнению калмыков, лишаются возможности подкочевывать к ним.

Усть-Каменогорская крепость получила свое название от гор, которые начинаются в верхнем течении Иртыша. Расположена она на мелководном рукаве реки Иртыша, на довольно обширной равнине, горы же находятся к востоку от нее. Она, невелика в окружности, и увидели мы ее только тогда, когда выехали на равнину; она представляет из себя правильный четырехугольник и имеет двое ворот, из которых открыты только одни. По обе стороны ее располагаются казармы, с двух других сторон построены дома для офицеров, старые цейхгаузы и помещения для гауптвахты. Посередине крепости стоит церковь. Начальником крепости является лейтенант, выполняющий обязанности коменданта и имеющий в своем распоряжении 150 человек служивых и солдат. Близ крепости, на том же рукаве Иртыша, имеется еще несколько небольших частных домов, построенных самими владельцами. Крепость окружена рогатками, а с той стороны, где находится слобода — надолбами. Надолбы — это вид укреплений, которые устраиваются для того, чтобы помешать местному конному неприятелю нести наступление и потому эффективны только в данной местности; они представляют из себя два ряда бревен, лежащих поперек на сваях высотой в половину человеческого роста, и местами связанных друг с другом небольшими поперечными балками. Крепостной вал — земляной, укреплен фашинами для предотвращения от воздействия обычных здесь вихрей, которые легко могли бы опрокинуть голый земляной вал. С внутренней стороны вал подпирают сваи, а снаружи он окружен довольно глубоким рвом. Почва вокруг крепости, кажется, не так хороша, как в окрестностях Семипалата, да и местность здесь из-за больших гор более дикая. Мы рассчитывали найти здесь в изобилии калмыцкие огурцы и арбузы, но, хотя местность эта расположена южнее, мы не нашли тут

зрелых плодов, их было мало, и они были еще зеленые. Это объясняют тем, что они были поздно посажены. Зато тут во множестве растут шалфей и иссопы.

Диких животных здесь изобилие. Встречаются маралы, козлы, разные особые виды диких коз и овец (сайги и степные бараны, или, по-калмыцки, «аргали»), лоси (называемые в этой местности «сохатые»), дикие свиньи (кабаны). С тех пор как в эту местность было послано высочайшее повеление ловить маралов и аргали живыми и препровождать их в Петербург, ловля их производится следующим незамысловатым способом. Делаются ямы, имеющие приблизительно длину, ширину и высоту животного, которое собираются ловить. С одной стороны ямы воздвигают длинную изгородь, которую на том конце, где находится яма, оставляют открытой. Яма сверху прикрывается дерном, так что ее не видно. Пробегающее дикое животное, встречая на пути изгородь, находит проход через нее лишь на том месте, где имеется яма. Прежде чем достигнуть отверстия в изгороди, оно подбегает к яме; дерн проваливается и животное оказывается в плену. Говорят, что иногда таким образом попадает такой крупный и сильный плен, что его бывает невозможно связать и извлечь из ямы и приходится пристрелить. Из казны выплачивают за аргали два с половиной рубля. Судя по всему, при этом имеют свою выгоду и офицеры, и промышленники. Так как оплачиваются и те животные, которые гибнут в пути при перевозке на большое расстояние. В большинстве случаев они доставляются на место уже дохлыми. Хотя я не думаю, что промышленники при этом очень много зарабатывают, но живут они очень хорошо, и я нигде еще не встречал более состоятельных людей.

Иртыш в этой местности уже не так красив, каким он был в нижнем течении. Он прежде настолько мелкий, что даже на совершенно легком суденышке ехать по нему можно лишь с большим трудом.

13-го г-н профессор Миллер отправился на кое-какие еще не открытые местные могильники. Ему хотелось видеть их внутреннее состояние и он нашел его следующим: покойник лежал голый в земле, с головой, обращенной на восток. Все его скелетные кости были в их натуральном положении, но совершенно трухлявые. Кроме этих костей он обнаружил там между ними несколько ржавых кусочков железа, первоначальное назначение которых установить было невозможно, так как они сильно пострадали от ржавчины. Могильная яма была сплошь выстлана галькой, словно там было русло реки или реки.

16-го, в 5 часов вечера, мы выехали из Усть-Каменогорска и в тот же вечер преехали на вершинах 30 верст, а так как кормовище у реки Глубокой было бедно травой, мы расположились несколько дальше этой реки, на берегу Иртыша. 17-го утром мы прибыли на свое прежнее хорошее кормовище на реке Березовке. Примерно на полпути между речками Глубокой и Березовкой мы встретили много мелкого миндаля особого рода (бобовник), отсюда я захватил с собой на Березовку несколько таких деревцев и рассадил их там.

Хотя мы собирались дойти в этот день до Убы, но она оказалась дальше, чем мы предполагали. Ехали мы до поздней ночи и расположились у маленькой речушки, воду которой нельзя было пить без отвращения, верстах в 40 от Березовки. С нами имелся взятый нами на всякий случай запас воды, и мы поэтому не испытывали никакой нужды; другим участникам нашей партии мы не могли преподнести более приятного подарка, как дать испить нашей водицы.

18-го августа, в 9 часов утра, мы подъехали к речке Убе и проехали ее берегом около пяти верст. Раздунся очень сильный ветер, который доставил нам много неприятных переживаний. Люди, как обычно, развели костер, чтобы сварить пищу, но только лишь они сделали это, как пламя охватило близрастущий кустарник, и, несмотря на все старания наших людей, им не удалось однако потушить пламя. Не прошло и четверти часа, как весь окрестный лес был охвачен пожаром. И нам пришлось как можно быстрее перетаскивать свои пожитки в реку, дабы уберечь их от огня. Возможно, пожар продлился бы долгое время, но, к счастью, вскоре же после его начала пролился ливень, который сразу же его потушил.

В пятидесяти верстах от этого места имеется гора, именуемая Плоская, в которой добывается руда для Колыванских медеплавильных заводов. Проезда через нее нет, так как для этого пришлось бы делать большой крюк, да и из-за высоты горы совершенно невозможно проехать через нее на телеге; и однако нам все же не хотелось упустить случая побывать на руднике. Мы решили поэтому подняться на упомянутую гору, взяв с собой шесть человек из охраны, а багаж свой отправить с остальной частью охраны по обычному пути. Условились съехаться вечером у речки Алей, поэтому мы ничего с собой не прихватили, кроме одного плаща и небольшого количества копченой колбасы и сухарей. Выехали мы одновременно с багажом в 1 час дня (18 августа), а в 3 часа дня были уже на Плоской горе, где мы сразу же увидели лежащую на поверхности руду, и спустились в рудник, глубина которого еще не превышала 8 сажен. В нем работают 30 рудокопов, которые добывают 100—200 пудов руды в день. Руда хорошего содержания, но, благодаря налетам казахской орды, летом здесь нельзя работать более трех месяцев, так как весной и осенью это опасно; мы слышали, что через 14 дней работа здесь должна быть прекращена. Зимой же эту дорогу делают совершенно непроезжей сугробы, которые высоко надувает с одной стороны горы сильными снежными бурями. Живут рудокопы в берестяных хижинах, находящихся под горой, на берегу Убы.

Выехали мы с рудника в 4 часа вечера, но не проехали и полпути до Алея, как пролился страшный ливень, который, впрочем, быстро прекратился. Один местный служивый, который сопровождал нас, сообщил, что за лето это был первый дождь, так как лето было засушливое. Ясно, что мы пожелали, чтобы во время нашего путешествия еще продолжалась хорошая погода.

В 8 часов вечера мы подъехали к речке Алею. Здесь бассейн реки Иртыша кончился, это был первый приток Оби. Сойдя с коней, мы узнали, что наши телеги подъехали к Алею не на условном месте, а несколько ниже по течению. Дороги туда не знал никто; а, между тем, у нас осталось совсем мало продуктов, да и те были у охраны, а у остальных из нашей партии не осталось совсем ничего. Нечего было нам и пить, кроме обычной речной воды, да и ту приходилось пить или из посуды служивых, или из собственных ладоней. Не было у нас и котла, в чем бы вскипятить чай, и ничего, чем нам укрыться бы на ночь. Мы было решили ехать дальше, но оказалось, что это не под силу коням, которые были порядочно утомлены. Мы отнеслись ко всему этому довольно терпеливо. Поел немного колбасы и сухарей и запив чистой водицей, мы улеглись, разведя костер на голую землю. Ночью начался сильный ветер, очень холодный, который нас ошелолил. Утром, посмотрев друг на друга, мы увидели, что все очутились у самого огня, от которого сначала мы лежали довольно далеко. Каждый сознался, что его погнало к огню холод.

На следующее утро (19 августа) в 4 часа мы встали со спящего жесткого и холодного ложа и в половине 8 утра прибыли в д. Пихтовку. Дорога сюда от Плаской горы была устроена лишь в этом году, и она на 30 верст короче старой дороги. От Плаской горы до Алая она идет среди гор, сама же она большею частью ровная и, благодаря чарующей глазу красивой степи, чрезвычайно приятна. За Алаем нам пришлось то подниматься на многочисленные высокие горы, то спускаться с них, особенно у Пихтовки, где дорога временами так была крута, что едва можно было удержаться на лошади. В Пихтовке мы квартировались у штейгера, одного немца, и нас угостили там квасом, который нас хорошо освежил; кроме того, мы отведали свежей говядины, которая подкрепила нас. Не пробыли мы и двух часов в Пихтовке, как неожиданно прибыли наши подводы, после чего все неприятности забылись.

Пихтовая гора получила свое название от дерева пихты, которая во множестве растет на этой горе. На горе имеется пять рудников, в которых мы побывали. Добыча значительная и руда залегает недалеко от поверхности. Нет ни одного рудника свыше 15 сажен глубины, большею частью она залегает на глубине 7 сажен. Руду ломают обычно в мощных жилах и получают из нее процентов 12 чистой и хорошей меди. Шурфовать жилы здесь не составляет труда, так как при этом следуют по шурфам, сделанным в незапамятные времена вышеупомянутыми древними жителями. Кто были эти древние жители, не так-то легко можно сказать. Это не могли быть калмыки, которые и по сегодняшний день не умеют даже толком плавить руду. В версте от Пихтовой находится гора, и в версте от нее еще одна гора, называемая Гольцовкой, на них обеих также имеется несколько шурфов. Вершина первой окружена каменной стеной, из чего можно заключить, что прежде там стояла чья-то хижина. Кто знает, для каких целей должен был служить Аблай-Кит, о котором я упоминал выше, если предположить, что это не просто был языческий храм? Трудно найти здесь такое место, где не было бы этих древних шурфов. Замечательно также, что от прежнего времени только почти и остались одни шурфы. Изредка встречаются ямы до 8 сажен, выкопанные в мягком грунте, что легко можно было сделать заступом, из чего можно заключить, что древние люди не знали применения пороха.

После обеда мы намерены были сразу же отправиться дальше, но не хватало то того, то другого, да к тому же установилась дождливая погода. Нам удалось выехать лишь через три часа, когда перестал дождь. Дорога от Пихтовки к медеплавильному заводу очень гористая, вследствие чего не было надежды на то, что телеги доберутся туда в этот же день. Поэтому мы поехали налегке без багажа, разрешив телегам ехать с нами. В 7 часов вечера мы, помокнув под дождем, благополучно добрались до Колывано-Воскресенского завода, где встретили отставшую от нас в Семипалате часть нашей партии, которые прибыли сюда еще 17-го числа. Они рассказали нам, что плавание водой до Шульбы проходило с большими трудностями, и зайсанки приходилось из-за частых мелей тащить на себе. Поездка же по суше была совершена благополучно, но из-за отсутствия проводника, знающего недавно проложенную сюда от Убы кратчайшую дорогу, о которой упоминалось выше, им пришлось сделать крюк еще целых 50 верст. На следующее утро, 20-го, в 8 часов, сюда прибыл оставленный нами в Пихтовке багаж.

В тот же день пришел небольшой караван урунхай-калмыков. Слово «урунхай» значит «ясашные»; все они являются крестьянами-калмыками, не обязанными к несению военной службы. Над ними начальствует небольшой князек, которо-

го они называют «омба». Прежде они проживали в этой местности, и когда здесь был основан медеплавильный завод, они приходили сюда, чтобы выразить свой протест. Отлучались они отсюда потому, что дважды подвергались нападению и ограблению казахской орды. Живут они теперь у истоков реки Чарыша, днях в трех езды отсюда. От своих претензий они скоро отказались, и теперь они, как и все прочие калмыки, очень благожелательно относятся к России, так что даже в прошлом году, получив кое-какие сведения о раздорах внутри казахской орды, они предупредили об этом местных жителей. И это было вполне своевременно, так как казахская орда действительно осмелилась подойти к самым стенам местной крепости. Но так как защитники ее были начеку, один из казахов был взят в плен, а остальных отогнали.

Мы попросили прибывших калмыков на следующее утро зайти к нам. Большинство из них носили круглые красные шапки, обшитые мехом, с желтой кисточкой на макушке; роста они были невысокого, имели малепькие глаза, одугловатые щеки и продолговатый подбородок. На них были длинные халаты, волосы были сбриты наголо. Позади же их так отращивали, что их приходилось заплетать в косу. Эта длинная коса висела сзади. Не из них, которые были еще холосты, носили четыре копы. Сюда они приехали для того, чтобы закупить продуктов.

Побеседовав немного с ними, мы попросили их пострелять в цель своими довольно широкими и тупыми стрелами. Все они попали в цель на расстоянии 7—8 сажен. Затем расставили на земле разные мишени, и калмыки проежая мимо них во весь мах, должны были на всем скаку послать стрелу в наметченную цель. Удивительно, с какой сноровкой они делали это! Да и как этому не удивляться — ведь они простые погемие и никто не руководил ими в их верховых упражнениях. Они очень ловко сидят на коне: с правой стороны у них висит кольт, а с левой — лук. Показали они нам также несколько японских стрел, которые гораздо острее остальных, предназначенных для стрельбы в животных.

23-го августа мы отправились на Колыванскую гору. Она находится южнее и несколько западнее и является первой горой, на которой копал Акинфий Никитич Демидов. У ее подножия был заложен первый металлургический завод, вместе с острогом, от которого теперь остались одни развалины, так как он прекратил свое существование в 1729 г. после того, как был перенесен на другое место, где он находится и поныне. На вершине горы видны еще остатки шахты глубиной до 17... футов (горных сажен), а также бросается в глаза жила мощностью в 5 футов, руда которой дает 24 процента, руда эта является самой богатой по содержанию в этой местности и имеет сине-зеленый цвет. С 1732 г. здесь прекращена добыча руды по той причине, что в упомянутом году не только этот, но и все местные рудники были выжжены пожаром, пришедшим сюда из-за Иртыша и дошедшим до Оби. С этого времени работы производятся лишь на Пихтовой и Плоской сопках, так Колывано-Воскресенское горное дело не намерены продвигать в камень; пихтольские же руды ценятся из-за содержания там медного колчедана. На расстоянии немногим более версты, несколько ниже этой горы находится другая, которая называется «Синяя сопка». «Сопкой» в Сибири называют любую, сколько-нибудь стоящую гору, безразлично — в горах или на равнине. А так как сопка эта издали выглядит синей, она и получила название «Синяя». Она очень высокая, и в ясную погоду видна бывает, кажется, даже из Усть-Чумыша, который находится отсюда, примерно, на расстоянии 250 верст. Поэтому она очень славится в этой местности и служит ори-

ентиром путешественникам. На ней водится порода черного, очень длинношерстного соболя, охота на которого здесь повсеместно запрещена, из опасения, что при этом могут пострадать горнозаводские рабочие. Точно такая же порода соболя водится и дальше в горах, а также и у урунхай-калмыков, о которых я говорил выше, и я сам видел несколько шкурок, привезенных сюда упомянутыми калмыками. Они известны под названием «кантаратайские соболя».

27-го мы отправились в дальнейший путь на Белое озеро и в Воскресенские горы. Упомянутое озеро находится к востоку от завода, на расстоянии 7 верст от него. Отсюда проложен канал в речку Белую, которая вращает колеса гидротехнической заводской установки; благодаря этому вода так разливается, что если прежде каждое лето здесь ощущался недостаток воды, то теперь, несмотря на то, что лето было очень засушливое, нужды в воде не было. Близ Белого озера, к югу от него, имеется еще три небольших озера; все они также могут быть поставлены на службу заводу, так как с помощью их можно из года в год приводить в движение машины. Впрочем, по-видимому, принимается в расчет и то обстоятельство, что местность эта бедна лесами, благодаря чему здесь не считают нужным устраивать большие заводы. Воскресенские горы расположены в основном к западу от завода, и ближайший рудник находится в 8, а более отдаленный — в 10 верстах. На протяжении этих двух верст заложены восемь рудников, по следам найденных в таком же количестве сделанных древними шурфов. Горы эти, по сравнению с Пихтовскими, Колыванскими и прочими, весьма незначительны и кажутся холмистой равниной. Зато они богаты рудами, особенно цинковой обманкой, благодаря чему все работы производились первоначально только в этих горах, так как думали, что имеют перед собой богатую серебряную руду. В пожаре, о котором я упоминал, сгорели все сооружения этого рудника, а так как Горное ведомство уже существовало, и сорт руды, благодаря знанию горного дела, уже точно определили, добыча этой руды была прекращена.

В 1725 г. Демидов узнал от некоторых беглых и поселившихся на Оби крестьян, побывавших в этих местах в поисках дичи, о существовавших здесь издавна шурфах руды и собрал кое-какие неполные сведения о местности, где они были обнаружены, после чего он исходатайствовал себе привилегию у Горной коллегии для разведки местности и устройства металлургического завода. В 1726 г. он произвел разведку, а в 1727 г., как уже сообщалось, заложил на горе Колыванке завод, который в следующем 1729 г. перенес на то место, где этот завод стоит и поныне. Он расположен в горах и имеет для своей защиты крепость с четырьмя бастионами, окруженную земляными валами и рвами. Юго-западнее крепости находится слобода, а северо-восточнее — металлургический завод, обнесенный кругом частоколпм. В крепости живут комендант и заводские рабочие. Главный завод состоит из пяти меньших заводов. В первом имеется пять изогнутых печей и медный молот; во втором — два коксовых горна и одна толчейная машина, которая измельчает соль; в третьем лудят и обрабатывают медь; в четвертом имеется пять кузниц, меха которых приводятся в движение только руками; кроме того, имеется лесопилка и углесушилка. Заводские рабочие были посланы сюда как с Екатеринбургского, так и с Невьянского заводов. Рудокопы — большей частью крестьяне из различных местностей, прибывшие сюда для того, чтобы отработать подушную подать, которую они платят казне; отработав ее, они возвращаются на свои родные места, что является довольно серьезным препятствием для развития горнозаводского транс-

порта. Хотя Демидов и приписал несколько деревень по Чарышу, но в них проживает не более 40-50 человек, тогда как для того, чтобы велась бесперебойная работа, требуется по меньшей мере 800 человек. Для охраны этой местности Демидову посланы из Кузнецка сотня верховных служивых, которым он выплачивает особый казенный кошт.

На горном заводе нет официальной церкви, так как большинство людей на заводе являются так называемыми староверцами или раскольниками, отколовшимися от греко-русской церкви. Насколько мне удалось узнать (а обстоятельно узнать это очень трудно), эти люди, у которых есть свои книги, книг этих они придерживаются, в силу чего не едят и не пьют ни из какого сосуда, из которого пил или ел православный русский, не ходят в русскую церковь, совершенно воздерживаются от водки, а крестное знамение совершают обычно двумя перстами, как и православное русское духовенство, когда духовное лицо преподает благословение народу. Рассуждают они однако довольно запутанно.

Однажды ко мне подошел староверец, который обратился ко мне за советом по поводу своей болезни. Я хотел дать ему лекарство. Он однако не пожелал его взять, под предлогом, что, взяв лекарство, он совершит большой грех. Я сказал ему, что, наоборот, бог сам повелевает лучше заботиться о своем теле. Он же ответил, что этим он возстановит против себя своих собратьев. Тогда я посоветовал ему принимать лекарство тайно, и так как он, по-видимому, согласился на это, я предложила ему свои услуги, чтобы давать ему его у себя на квартире. Он тут же его принял.

Самым популярным из местных раскольников является один рудейщик, по фамилии Кудрявцев, который проживал на р. Чарыше и распространял лживый слух о том, что он, якобы, основал женский скит для своих единоверцев. По профессии он — обыкновенный крестьянин, и этот пример показывает, что обманывать и у староверов считается делом незазорным. Я достаточно слышал о том, как он ловкостью и обманом выведал у крестьян, открывших рудосодержащее место, это открытие, с которым и пошел к Демидову и получил от него хорошее вознаграждение, а с людьми, от которых он получил эти сведения, ничем не поделился; поэтому звание «рудейщик» было присвоено ему несправедливо, только лишь на основании его же показаний, так как он, как говорят, сообщил, что до сих пор никто не находил ни одного такого месторождения.

По-видимому, все остальное, что староверцы устроили из религии русских, сводится к мелочам. Возможно, те и другие отличаются друг от друга, подобно ортодоксам и пнэтистам в лютеранской церкви.

После того как я побывал на этом горно-металлургическом заводе, он стал одним из крупнейших и превосходнейших заводов, какие когда-либо были в Европе. По мере того, как продолжалась добыча руды, горный завод время от времени получал новых людей — рудоплавателей и др.; некоторые руды, содержание которых не могло быть в достаточной мере обследовано демидовскими людьми, Демидов показал специалистам, которых он встретил в Екатеринбурге и которым поручил произвести обследование рудников; вскоре оказалось, что все руды, которые прежде считались медными, имели большое содержание серебра, и что это серебро содержало в себе так много золота, что оно с лихвой окупало усилия, потраченные на их добычу. Поэтому были заложены зейгерные заводы, которые еще более стали преуспевать, когда в окрестностях Колыванских гор открыли гору, получившую из-за множества водившихся там змей название Змеиной горы, и которая изобило-

наля богатыми серебряными и медными рудами разных пород, мощность их составляла 2-3 фута, и простирание жил достигало немецкой мили. Руды эти изобилуют самородным золотом, которое то в виде тонких жил, то в зернах, то в толстых листочках встречается внутри и на поверхности руды, и без того дающей большое количество золотосодержащего серебра. Такая благословенная добыча имеется, впрочем, не только в упомянутой Змеинной горе, но и во многих других месторождениях открытых с течением времени, которые простираются на восток гораздо выше Усть-Каменогорска и пахотятся как раз посередине между этой крепостью и известным озером Нор-Зансан («Благородное озеро»), в котором упоминалось выше, и затем доходит до места впадения в Иртыш реки Бухтармы. Нет поэтому никакого сомнения в том, что вся эта местность между Иртышом и Обью изобилует ценнейшими горными породами, так что, если заняться этим делом по-настоящему, понадобится несколько столетий для того, чтобы исчерпать все эти сокровища. При этом надо считать особым преимуществом то, что здесь нет нужды строить дорогие горные заводы с дорогостоящими механизмами, а можно использовать ветер или текущие воды. Все руды залегают недалеко от поверхности земли, и рудники, находящиеся на глубине 10 лахтеров от поверхности, встречаются в этой местности уже довольно редко.

29-го в 3 часа дня мы отправлялись в дальнейший путь. Нас сопровождали 20 служивых, которых мы получили в горно-металлургическом заводе. Так как время года было как раз такое, когда всюду рыскают казахские орды, мы взяли еще своего семипалатинского унтер-офицера с 15 служивыми для охраны, лейтенанта же и остальных лошадей, которые были у нас еще из Усть-Каменогорска и Семипалат, мы отпустили. В этот вечер мы прошли не более 18 верст, и расположились на маленькой речке.

На следующий день к часу дня мы подъехали к речке Локтевке. Речка эта впадала в Иртыш в двух местах неподалеку от нашего стойбища; на ней располагались четыре деревушки, принадлежащие Акинфию Никитичу Демидову и основанные им два завода. Ночью нас захватил в пути сильный ливень, а когда мы проезжали еще 20 верст, лошади дальше не пошли. Пришлось нам поэтому устроить привал прямо на сухой степи, где не было ни корма для лошадей, ни дров, ни воды, кроме той, которая лилась с неба.

31-го в 11 часов мы подъехали к реке Алей. Там нас уже ожидали сменные лошади, доставленные из одной из расположенных на Алее демидовских деревень.

Поскольку нам до сих пор так везло, что мы не попадались на глаза казахской орде, мы перестали опасаться этого и совсем отпустили отсюда семипалатинского унтер-офицера с 15-ю подчиненными ему служивыми.

1-го сентября в 2 часа утра мы подъехали к маленькому озеру, и всю ночь напролет мокли под сильным дождем, сопровождавшимся громом и молнией. В 2 часа дня мы доехали до речки Барна-аул, на которой опять имеется одноименная демидовская деревня. Вдоль Барна-аула, от ее истока до устья растет сосновый лес с примесью березы, который называется «барнаульский бор». Мы пробыли в Барна-ауле до полуночи, а на следующий день к 9 часам утра подъехали к речке Касмале и к одноименной деревне. Не доезжая несколько верст до того места, где мы переправлялись через Касмалу, и проехав немного дальше, мы встретили еще несколько деревушек, состоявших из небольшого количества изб. В окрестностях д. Касмалы имелся сосновый лес с примесью небольшого количества берез, и про-

стиравшийся до деревни, в которой мы находились, и даже протянувшийся на несколько верст далее. Это особенно бросалось в глаза потому, что мы в течение всего лета почти не встречали леса. Отобедав в полдень, мы отправились дальше, и в 5 часов вечера подъехали к р. Оби. Там мы сложили свои вещи в большой карбас, сами же направились в демидовскую деревню, расположенную за рекой у перевоза, куда нас проводил сопровождавший нас начальник горных заводов. Утверждают, что река Обь достигает в этом месте сажен 1000 ширины, и что ее наибольшая глубина составляет около 4 сажен, что весной, во время половодья, можно проехать на довольно большом судне до той деревни, в которой мы находились в полдень. Лет же 10 тому назад западный берег, вероятно, из-за наносного песка, был ниже, и река на этом месте была уже. Она является одной из главных рек Сибири и имеет свой исток в Монголии. Две главные, образующие ее реки, называются Бий и Катунь; название Обь она получает лишь после слияния этих рек, что происходит у Бийска, или Би-Катунской крепости. Начиная от этой крепости она становится населенной, и на ней имеется много слобод. Бийск же является пограничной крепостью на границе с калмыками, которые лет 20 тому назад разрушили его до основания. Но вскоре после этого он был снова восстановлен, и с тех пор не подвергался нападению.

В нескольких верстах ниже той деревни, где мы находились, имеется слобода, получившая от впадающей на этом месте в Обь реки Чумыш название — Усть-Чумыш. Готовясь к нашему дальнейшему путешествию, мы задержались там до 4-го сентября, в какой-то день мы отправились в 7 часов утра. Езда по этой местности не сопряжена с опасностью, так что здесь не требуется никакой охраны, благодаря чему мы решились отпустить и тех 20 служивых, которые были прикомандированы к нам от завода. Демидовский управляющий, оказывавший нам помощь во всевозможных обстоятельствах, возможно, считал, что, дав нам охрану до Кузнецка, он тем самым оказал нам большую честь.

В час дня мы приехали в д. Кашкараганжу, где и остановились, вещи же отправили дальше, на р. Чумыш, до переправы; сами же мы решили до ночи побыть на этом берегу. Мы до тех пор находились в деревне, пока нам не сообщили, что все переправлено.

Здесь мы были уже в настоящей Сибири. Люди, замечая, что мы не торопим крестного знамения, не считали нас христианами. И удивлялись: как это мы, не будучи христианами, все же являемся прекрасными людьми?

В 5 часов вечера мы подъехали к Чумышу. Вещи были уже переправлены и ожидали на том берегу. Здесь нет обычных средств переправы; поэтому нам, для того чтобы переправиться, пришлось соорудить род временного pontонного моста. Берут несколько рыбачьих лодок и связывают их поперечными бревнами. Мост был скоро готов, и мы очень хорошо по нему проехали.

По реке Чумышу живет много татар, главным образом, телеутов, хотя прежде жило их там гораздо больше. Во время вышеупомянутого нападения калмыков многие откочевали оттуда и убежали дальше в глубь Сибири. Теперь они постоянно возвращаются на свои прежние места жительства. В полутора верстах от переправы есть д. Тайменка. Мы приехали туда в 7 часов вечера, сделав крюк версты 4, так как прямая дорога была слишком узка для телег и ходков.

5-го часов в 10 утра мы были уже в д. Анисима или Улиберт, расположенной на речке Улиберт. Я хочу раз навсегда заметить, что большинство сибирских деревень

получили свое название от имен тех крестьян, которые первыми в них поселились. Лишь немногие имеют название от речки, на которой они расположены. Некоторые носят по два названия, как это видно на примере упомянутой деревни. Однако крестьяне чаще употребляют то название, которое происходит от имени первооснователя.

В вышеупомянутой деревне Кашкараганге нас поставили на квартиру к хозяину, который был основателем деревни. Мы спросили, как его фамилия, и он отрекомендовался нам: Колесников. «Колесники» — это вообще тот, кто делает колеса, в частности, мельничные колеса. Следовательно, крестьянин этот получил фамилию от своей профессии. Другой он не имел. Он был большой забавник: все, что он говорил или делал, было до крайности смешным. Он догадался, что мы удивлены, почему деревня не называется Колесниковой.

— Да, — сказал он, — люди здесь, в деревне, такие злодеи, что не хотят предоставить мне этой чести, пока я жив.

В 10 часов вечера нам пришлось расположиться на ночлег в степи у речки с почти стоячей водой, в которой было мало воды. Мы нашли здесь несколько берез для костра.

На следующий день (6-го) в 2 часа дня мы были в д. Легостаево, близ которой протекает река Бердь. Отсюда мы ехали все время на северо-восток. Когда мы попросили людей рассказать нам, в каком направлении нам следует ехать, они в своей речи очень часто употребляли слово «таволаган», которого мы прежде еще не слышали («таволя» — татарское слово, обозначающее спирею; возможно, что я и ошибаюсь в приведенном значении, что в то время легко могло случиться, так как мне тогда приходилось объясняться с помощью двух толмачей — русского и татарского). Это татарское слово обозначает не что иное, как лес, и употребляется местными русскими в их разговоре. Река Бердь была так мала, что мы могли ее перебраться и, следовательно, из-за этого не было задержки. Мы проехали ее еще засветло, а затем ожидали лунного света, прежде чем отправиться в дальнейший путь.

7-го сентября в 8 часов утра мы, проехав березовым, осиновым и сосновым лесом, прибыв в д. Чемскую, или Белоголову, расположенную на речке Чем. Вечером мы отправились дальше, но не проехали и 10 верст, как сломалась ось у одной телеги, и пришлось мастерить новую ось. К счастью, мы успели подъехать к маленькой речке, на которой и расположились, пока не взошел месяц. На следующий день (8-го сентября) в 7 часов утра мы уже стояли на речке Иавлы, предварительно перебрав через нее, а часов в 11 утра приехали в д. Курат. Поблизости там, мы проехали лесом, состоявшим, большей частью, из лиственницы, а в 6 часов вечера прибыли в д. Калтирая на одноименной речке. Это татарская деревня, в ней не более четырех русских домов. Населяют ее татары разных племен, главным образом телеуты и кыштымы. Среди них много таких, которые были крещены Тобольским архиепископом Филофеем во время его миссионерской поездки к остякам. Но они, по-видимому, не придают этому большого значения. Это видно хотя бы из того, что они, вопреки обычаю, который у местных христиан считается важным, не носят креста, который дается при крещении, под предлогом, что они хранят его дома. Они открыто говорят, что их принудили креститься и что они добровольно никогда бы на это не согласились. Однако они умеют делать обычное крестное знамение и кладут его на себя, когда это от них требуется. Вступая в брак, они венчаются, и время от времени посещают русскую церковь. Мы побывали в их избах,

которые оказались типичными татарскими жилищами, с широкими низенькими скамейками и печуркой с плитой. Разница была лишь в том, что печка стояла не у стены, а была построена прямо на земле, как и наш камин в комнате. Печурка была совсем низенькая.

Мы пригласили к себе на квартиру телеутско-татарскую женщину и девушку, чтобы посмотреть, как они одеты. Женщина была необычайной красоты, черноволосая, беленькая, с коротеньким личиком, приветливая и с красивой фигурой. С ней был ее муж, который был слеп на один глаз. Мы спросили ее, довольна ли она своим мужем и не желает ли иметь лучше? Она дала нам понять, что хотя она очень страдает оттого, что ее муж некрасив, но если так угодно богу, то она довольна... Она говорила довольно хорошо по-русски, и все, что она говорила, было мило. На ней была длинная юбка из красной шелковой материи, одетая поверх шерстяной рубашки; кроме того, как все татарки, она носила кожаные шаровары. Воротник рубашки был унизан крупным китайским жемчугом, впереди же рубашка имела разрез во всю длину, наподобие мужского халата, и была унизана пуговицами разной величины и из различного материала и снабжена петлями. На ее голове была хорошо сшитая татарская шапочка, отороченная собольим мехом; волосы ее были заплетены в две косы, которые свешивались спереди по обе стороны шеи и почти доходили до пят, а затем снова поднимались на плечи, причем оба их конца были спячены вместе. В каждом ухе у нее имелись по две серебряные серьги, большая и маленькая. На маленькой висел синий камень, вправленный своим верхним концом в серебро, а на большой — сравнительно крутая и несколько сужающаяся кияу, пробитая балшка, на которой висело пять круглых пулек или камушков.

Покрой одежды девушки был точно такой же, но одета она была немного похуже, и волосы у нее были заплетены в одну, свисающую спереди косу.

Переночевав в этой деревушке, мы на рассвете выехали из нее. В полдень, подъезжая к местечку Брюханову, я узнал, что в 10 верстах от речки Калтирак нам предстояло перелезть болотистое место. Прежде это место было постоянно залито водой, но лет пять тому назад вода вдруг исчезла, и теперь оттуда постоянно выходит дым. Все люди утверждали, что они сами видели это; расспросив подробно об этом явлении, я пришел к выводу, что там находится горящее поле, подобно тому, какое имеется близ Баку у Каспийского моря. Этого было достаточно, чтобы побудить меня туда вернуться. Я велел сперва оседлать мне лошадь и поехал туда с одним солдатом. Описываемое место находилось в 10 верстах от д. Калтирак, у самой дороги, справа, в овраге. Здесь имеется много дымящихся мест, по причине дыма не нужно искать долго. Это горящее торфяное болото. Прежде здесь было болото, в котором мох все более и более скапливался в течение многих лет, вырастая под водой. Это мох и горел теперь, подожженный грозой или людьми, которые разводили здесь костры, а так как его никто не пытается потушить, он постоянно тлеет. Я назвал это место торфяником; дым имеет такой же запах, как и дым нежного голландского торфа.

В 3 часа дня я вернулся к своей компании, которая в это время находилась в д. Брюхановой. Они ожидали услышать от меня чудеса. Но все, чем я мог их порадовать, был кусок торфа, который я с собой привез.

Деревня Брюханова расположена на речке Касым. Не задерживаясь там, мы отправились дальше и, проехав несколько верст, снова увидели слева от дороги вышеупомянутые «чудеса». В полночь мы подъехали к речке Ур, где велели покормить лошадей, а на другой день (8 сентября) в 11 часов утра прибыли в д. Бачатс-

кую. Эта деревня расположена в привлекательной местности на речке Малый Бачат, Большой же Бачат мы проехали уже за 8 верст до того. Мы расположились под открытым небом, а так как была хорошая погода, пообедали в палатке. Оттуда, как и от Калтирака, дорога шла степью до самого Ильинского погоста. В 10 часов ночи, проехав около 10 верст и нигде не встретив речки, мы сделали остановку, а так как мы предусматривали это, мы заранее запаслись водой. В пути нам по-прежнему встречались различные могильники; особенно много их было слева от д. Бачатской, неподалеку от нее. Внешне они были сходны с прежде встречавшимися могильниками, но в них редко находят золото, а только серебро, медь и железо.

На следующий день (9 сентября) мы к полудню доехали до Ильинского погоста (7023 версты от Петербурга), расположенного на р. Томи; местные крестьяне обычно называют его Красноярским. Напрямик сюда от Бачатского ездят только летом, зимой ездят по другой дороге, которая находится левее; при этом имеется то удобство, что в пути попадаются деревни. Летом же из-за множества болот эта дорога становится непроезжей. Мы переправились через р. Томь с помощью самодельного плота и в 7 часов вечера того же числа благополучно прибыли в город Кузнецк.

16-го пополудни мы приехали в одну деревню, верстах в трех от Кузнецка, населенную татарами-телеутами. Когда едешь сюда из Ильинского погоста, деревня эта остается слева. Она состоит из разного рода жилищ, в одних живут зимой, в других летом. Зимние избы точно такие же, какие мы видели в Калтираке. Летние хижины имеют круглую форму, сверху они заострены, внизу же имеют в поперечнике около 3 маховых сажень. Маленькое, снабженное дверью, отверстие, которое обычно делается на восточной стороне юрты, служило входом. Навверху посередине имеется другое круглое отверстие, через которое выходит дым. Внутри крутом вдоль стен сделаны широкие скамьи, а посередине в земле выкопано небольшое углубление, где варят пищу. Строятся эти юрты из камыша, который накладывается на корпус из связанных вместе тонких жердей. Чтобы в юрту не проникал дождь, между камышом и жердями прокладывают бересту.

Мы зашли в одну юрту, где гнали водку. Это производится на обычном очаге. На tripodник устанавливается железный котел, покрытый деревянной крышечкой, имеющей отверстия как в середине, так и по бокам. В боковые отверстия проходит кривая деревянная трубка. Другим концом эта трубка опускается в маленький деревянный сосуд, опущенный в другой, наполненный водой, и своим видом напоминающий нашу кормушку для свиней. Водка делается из кобыльего молока, которое предварительно сквашивается. Сосуд, в котором оно квасится, изготовлен из кожи, и все выглядит совершенно по-сибирски, да и самая водка, хотя, по-видимому, и крепкая, имеет весьма скверный запах. Они находят в своей водке то преимущество, что от нее не болит голова, а это весьма редко бывает при употреблении хлебной водки, да и виноградная водка лишена такого хорошего свойства.

Эти татары не являются магометанами. Их религия не имеет какого-то определенного культа, и они, кажется, и сами не знают, во что верят. Они верят в единого бога, которого они прославляют таким образом: каждое утро они становятся лицом к востоку и благоговейно повторяют такую краткую молитву:

— Не бей меня, не убивай!

Близ их деревень имеются такие места, которые на их языке, отличающемся от общетатарского, называются «таюлга». Березовые колья, вбитые на расстоянии сажени друг от друга, образуют четырехугольник, у которого один или несколько

рая в году совершаются жертвоприношения. Убивают лошадей, снимают с нее шкуру и, рассаживаясь вокруг таюлги, съедают мясо убитой лошади. Шкуру набивают, и в морду чучелу вкладывают одну или несколько веток с листьями, и чучело сажают сверху на таюлгу, на которую для этой цели накладывают поперечины. Кладут его мордой к востoku, да и сама таюлга устанавливается по направлению к востoku. Заметив, что русские не прочь воспользоваться шкурами их жертв, татары установили теперь свои таюлги близ деревень. По бокам таюлги мы заметили также три березовых плетя, которые стояли в один ряд, приблизительно на расстоянии сажени друг от друга и были связаны поперечной веревкой. На верхних концах двух наружных плетей имелись маленькие четырехугольные, горизонтально укрепленные дощечки, по углам которых были поставлены прямо стоящие деревянные, обвитые конскими волосами, палочки высотой в несколько дюймов. На веревке было развешено множество разноцветных лент длиной в несколько дюймов. Между каждыми двумя плетями насчитывал по 14 ленточек. Кроме того, на верхнем конце средней палки была привязана заячья, а рядом с ней, между первой и второй палочками — горностая шкурка. Мясо этих животных у них идет в пищу. Когда мы спросили, могут ли здесь пригодиться шкурки других животных, нам объяснили, что только эти животные являются священными. По их словам, лисица для этой цели не пригодна, так как она копается в земле. Эта их таюлга считается священным местом, так как в их воображении шкуры, которые на нее кладутся, кладутся в честь бога, в виде жертвы ему, так как во время упомянутой церемонии они обычно совершают свои моления. Их священнослужитель, который устанавливает порядок этой церемонии, называется на их языке «кам». По их словам, он иногда целую ночь простаивает на поле, размышляя о том, что им порекомендовать. Их священник не умеет, как и они, ни читать, ни писать, и признаком, по которому его считают достойным этого сана, является наличие у него свойств, которые придают ему сходство с одержимым. Он говорит им во время своего представления, что его сам бог (возможно, он боится сознаться в том, что ему это дает дьявол) посвятил в сан священника, и они верят этому. Объявив себя однажды священником, он уже может продолжать свои колдовские манипуляции. У него есть колдовской бубен, с помощью которого он якобы может находить потерянные вещи, исцелять больных и заниматься предсказаниями. Но люди эти утверждают, что его пророчества и исцеления не всегда бывают удачными. Мы охотно посмотрели бы на что-нибудь из его волшебства, но люди оказались настолько догадливыми, что поспешили заверить нас, будто бы кама у них нет. Что касается их прочих обычаев, то можно упомянуть о том, что у них по-прежнему многоженство и что они не едят свинины, но пьют водку, которой нередко напиваются до пьяна. Их женщины не отличаются красотой и курят табак. Одна из них, увидев, что я набиваю трубку, вышла ко мне со своей трубкой и попросила табака. Набив свою трубку, она затлилась табачным дымом и передала трубку другой женщине, которая сделала то же. Как мы заметили, так поступает и молодежь, и старики. Все они слотают табачный дым. Некоторые сжигают своих покойников, другие же погребают их. Кроме церемоний, описанных выше, у них других празднеств не бывает, празднуют они лишь тогда, когда у них накопится запас водки.

Можно бы, без сомнения, еще многое рассказать о них интересного, но они настолько хитры, что всеми способами скрывают свои обычаи. В будущем я постараюсь побольше рассказать об этих людях, когда обстоятельства позволят мне кое-что узнать о них интересное.

17-го я снова имел удовольствие смотреть вулкан; виденное мной у Калтирака не разубедило еще меня в том, что таковые здесь есть. Ходили слухи, что вулкан имеется близ места впадения речки Абашевой в Томь. То же самое утверждали и местные жители, которых мы с г-ном профессором Миллером расспрашивали об этом. Нам уверяли, что близ упомянутого места из горы постоянно выходит дым. Нам с г-ном профессором Миллером интересно, конечно, было узнать, в чем причина такого явления, и в 10 часов утра мы выехали туда. Проехав более 18 верст по трудной дороге, мы доехали до Абашевой и перебрали ее. Близ нее, в версте от маленькой деревушки Безруковой, на берегу Томи, мы нашли гору, которую искали. Дорога туда все время шла в восточном направлении. По пути нам пришлось взбираться на высокую гору, подъем и спуск были очень опасными. Подъезжая поближе, мы увидели на некоторых местах, у подножия горы, восходящий дым, который имел неприятный запах. Подойдя к самому тому месту, откуда шел дым, и рассмотрев довольно хорошо это место, мы увидели, что причиной дыма являлось горение битумной почвы, которая не простиралась далеко вглубь и поэтому легко могла быть потушена. Либо местные огнедышащие вулканы имеют ко мне антипатию, либо же я опять оказался в дураках, но только мне пришлось, как ни в чем не бывало, вернуться восвояси. Погода была хорошая, и в 6 часов вечера мы благополучно доехали до дому.

На следующий день, 18-го, мы опять решили предпринять небольшую прогулку. Переправившись близ города через Томь, мы прошли около версты в маленькую деревушку, где жили ябинские татары. Хижины их очень бедные и наполовину ярыгы в землю. Крыты они, большей частью, землею, и некоторые представляют собой плетни с наложенными наверх поперечными балками. На эти балки насыпается земля, в пазы в плетне кое-как втыкаются разным хламом. Наверху посередине потолка сделано отверстие для дыма. Внутреннее же устройство такое же, как у телеутов, только все выглядит несколько более по-свицки. Во всей деревне мы встретили только одного мужчину, хозяйничали одни женщины, так как все мужское население уехало на полевые работы. Почти нам ничего не удалось узнать об их религии и обычаях, за исключением того, что, как нам сказали, эти татары прибыли в эту местность вместе с татарами-телеутами. Так как главным поводом к нашей поездке в эту деревню было — видеть колдовские махинации кама, мы спросили женщин о кама, но услышали в ответ, что он скончался несколько месяцев тому назад. Мы любопытствовали узнать, где его бывшая хижина, но нам ответили, что она разрушена и показвали нам ее развалины. У этих народов распространен обычай — уничтожать хижины покойников. Мы спросили далее, где же находится колдовской бубен покойного кама, и узнали, что его положили в могилу хозяину.

Женщины у этих татар кое-чем отличаются от телеутских. Они также любят наряжаться; но мы видели девушку, у которой позади свешивалось пять кос, да по одной косе спереди с каждой стороны; все косы были сзади сплетены вместе.

Г-н профессор Миллер пригласил в этот вечер еще женщин и девушек верхне-томских татар. По его словам, у женщин с каждой стороны свешивалось по четыре косы, унизанных по всю длину перламутровыми раковинами. На нижнем же конце висят кольца, какие обычно продают в русских мелочных лавках. У одной женщины были еще, кроме того, симметрично расположены на каждой стороне друг против друга по четыре крестообразно посаженные фарфоровые пуговицы. Девушки носили такие же украшения, но имели еще повязки на лбу, также унизанные фарфоровыми пуговицами.

На следующий день, 19-го, мы совершили новую поездку. Мы слышали, что многие татары, живущие на речке Кондоме и Мрассу, сами умеют плавить железо из руды, так что здесь никакого другого железа и не было бы, если бы его не добывали сами местные татары. Поэтому мы решили доставить себе удовольствие посмотреть их плавильни; нас уверяли, что нам не придется для этого слишком далеко ехать. Хотя и много было таких мест, где они занимаются плавкой, но нам было достаточно познакомиться с одним, так как все они плавят одним и тем же способом. Мы выбрали плавильню в д. Гадовой и послали туда своего человека, который должен был предупредить о нашем прибытии и сделать там приготовления все, с чем нам интересно было познакомиться. Мы выехали в половине 8-го утра, а когда переправлялись через Томь, было уже 8 часов. Наши лошадей расседлали и переправляли, мы же переехали на маленькой лодке. Затем мы поехали вдоль Кондомы, хотя, по причине плохой дороги нередко удалялись от нее на порядочное расстояние. В 10 верстах от переправы мы проехали русскую деревню Муратову. Затем мы перевалили гору, и в 10 часам доехали до большой русской деревни Шумарина. Мы не стали там долго выдерживаться, сменили лошадей и у самой деревни совершили переправу через Кондому, через которую легко можно перебраться. В 6 верстах отсюда нам пришлось снова перебраться Кондому близ маленькой русской деревушки. Через 8 верст мы проехали через маленькую татарскую, а через версту — через русскую деревню. Проехав отсюда верст 5, мы еще раз переправились через Кондому, на берегу которой и располагаясь д. Гадова. До этого места мы все время ехали на юг, придерживаясь примерно юго-западного направления, и нам пришлось преодолевать пешком различные болота, проехать которые на телеге невозможно. Нам хотелось как можно скорее увидеть железоплавильный завод. Но как мы ни осматривались, мы не видели никакого здания, отличающегося от других по своей архитектуре. Все выглядело точно так же, как в абинской деревне, где мы были накануне. Наконец, нас пригласили в одну юрту, у входа в которую мы также увидели плавильную печь. Ясно, что для плавильной печи не требовалось специальной юрты, и что для этой цели оказалась пригодной любая юрта. В этой же юрте живут и люди, что уже само по себе является преимуществом перед европейскими металлургическими заводами, содержание которых обходится крайне дорого. Печь стоит на том месте, где обычно находится очаг для варки пищи, и земля там немного поджопана. Яма, которая имеется во всех татарских юртах на месте очага, составляет часть плавильной печи. Глиняное сооружение, дно которого имеет одинаковый поперечник с выкопанной в земле ямой, около полуфута, кверху сужается, и верхний поперечник на расстоянии фута от пола не превышает полутора дюймов; все это составляет, вместе с ямой, плавильную печь. Впереди имеется отверстие, которое замуровывается во время плавки, а сбоку есть другое, в которое вставляются два меха. Вся работа производится двумя татарами: один подносит попеременно уголь и руду, причем руды он брал на закладку не более того количества, которое умещается на кончике ножа, руда употреблялась в мелко измельченном виде. Таким образом он заполнял печь, а другой пареня в это время дул двумя мехами. Как только уголь садится, приносится новая порция руды и угля, и вся эта процедура повторяется до тех пор, пока не будет выслано в печь около трех фунтов руды — количество, какое печь может вместить за раз. После того, как выслана последняя руда, плавильщик, подув немного мехами, вынимает внизу с помощью щипцов замурованный там камень. Плавка лежит в яме; ее извлекают из-под углей и очищают от налипших углей, ударяя об нее чурбаком. Из трех фунтов руды получают около

двух фунтов железа, которое хотя и выглядит довольно нечистым, однако на деле оно хорошее. Все это мы наблюдали в течение полутора часов.

Пока производилась плавка, мы пригласили к себе их кама, чтобы посмотреть, как он колдует. Он принес свой колдовской бубен, напоминающий своей формой сито и обтянутый с одной стороны кожей. Посередине плоской стороны проходит поперечная планка, несколько тоньше в середине, на том месте, где она и не держится кам. Оба конца были потолще и имели треугольную форму. Поперек этой деревянной планки, хотя и не посередине ее, так как за нее в противном случае, нельзя было бы держаться, проходит железный стержень, на который панизано с одной стороны четыре, а с другой пять полых внутри побрякушек. При бубне имеется одна барабанная палочка, которая, впрочем, есть не что иное, как кусок набитой и затем спитой заячьей шкурки, на которую навешаны различные ленточки и безделушки. Кам взял бубен и барабанную палочку и то лопотал на своем языке, то бормотал по-медвежьи; то он бегал, как сумасшедший, назад-вперед, то опять садился, делал страшное лицо, дико вращал глазами, временами закрывал глаза, словно терял сознание. Поиграв эту комедию с четверть часа, он отдал бубен другому парню, и колдовство на этом кончилось. Мы тут же спросили:

— Что все это значит?

И он ответил, что таким образом он атакует Шайтана, когда хочет его о чем-нибудь спросить, но что сейчас он делал это только для нашего удовольствия, и, следовательно, на этот раз с Шайтаном не беседовал. Задав целый ряд вопросов, мы узнали, что люди прибегают к помощи кама в тех случаях, когда что-нибудь теряют, или если они хотят узнать что-нибудь о будущем либо о своих отсутствующих друзьях, или же если они желают таким способом излечиться от болезни и порчи.

Кам делал вид, что он все знает и все может; своими заклинаниями он якобы вызывает Шайтана, который всегда является с вечера в образе медведя и открывает ему то, о чем он его спрашивает. Временами же каму приходится жестоко страдать от Шайтана, который его порядком мучает, даже в то время, когда не следовало бы этого делать, например, во сне. Единоверцы кама уверяли, что он во сне внезапно вскакивает и жалобно кричит, чем он также хочет убедить неверующих в своих сношениях с Шайтаном. Когда мы спросили его, почему он во всех своих делах не предпочитает обращаться к богу, подателю всего доброго, он ответил, что такие люди, как он и его единоверцы, ничего не знают о боге, кроме того, что он делает добро даже тем, кто его об этом не просит; поэтому считают излишним его о чем-нибудь просить. Шайтана же прославлять надо, чтобы он чем-нибудь не навредил, ведь он ничего другого не делает, кроме как пакостит людям. Бог, конечно, знает будущее, но ему, каму, неизвестно, как от него это можно выпытать, верно также и то, что они приносят Шайтану жертвы. Они варят иногда полные бочки пива, которым они брызгают в воздух и на стены перед Шайтаном. Находясь в смертельной опасности, они боятся, что их души могут стать жертвой Шайтана. Поэтому кам должен бить в бубен и, вежливо обращаясь к Шайтану, стараться войти с ним в любовную сделку. Что такое души и куда они идут, они не знают, но не хотят, чтобы их души достались Шайтану. Своих покойников они либо закапывают, либо сжигают или же кладут их на деревья и отдают их в пищу птицам небесным.

Отсюда видно, что эти народы живут в глубоком невежестве, и по их образу жизни можно заключить, насколько несчастно их положение, какое может быть

более убедительное свидетельство в благо, которое дает нам христианская религия, нежеля состояние этого несчастного народа!

Свои земледельческие орудия они изготовляют сами из железа, о чем я уже говорила выше. Для возделывания полей служит один-единственный инструмент, состоящий из выкованного в виде полукруга, с очень острыми краями железного лемеха, к которому прикрепляется черенок, образующий с лемехом прямой угол. Они работают с этим инструментом так же, как у нас на огороде работают с мотыгой, и могут разрыхлить им почву на несколько дюймов. Зерно они перетирают между двумя камнями. При этом парень постоянно трет одним камнем по другому. Руду для своей плавки они ломают на речке Кондоме, в 40 верстах выше устья притока Мундыбаша, с помощью вышеупомянутого инструмента, которым они обычно пользуются для удаления дерна, покрывающего руду; употребляется при этом и другой инструмент, напоминающий своей формой топор, только лезвие у него длиннее и уже, и очень острое. Этим же инструментом они колют дрова, он же служит и для выполнения многих других функций.

Одежда их ничем не отличается от одежды татар-телеутов. Разница лишь в том, что одежда холостых парней имеет свои особенности, как и одежда незамужних девушек. У них, так же, как у китайцев и урунхай-камыков, волосы заплетены в косу. Повседневной пищей этих татар является луковича дикой саранки, которую они варят в воде или пекут в золе. Я отведал ее, приготовленную последним способом, она имеет мучной вкус, или, вернее, совершенно безвкусна.

Г-н профессор Миллер пытался получить у татар их колдовской бубен. Кам притворился весьма опечаленным этим, а так как мы настаивали, к нам обратились все жители деревни с просьбой, чтобы мы отказались от своего намерения взять у них бубен, так как в противном случае они все пострадают, вместе со своим камом. Но мы продолжали настаивать, и бубен был нам наконец отдан. Однако плутоватый кам и тут, по своему обыкновению, сжульничал: он успел взять часть злостной барабанной палочки, да еще вынул из бубна несколько железных погремушек.

Мы выехали из этого селения часа в 2 дня (19 сентября). Доехав до Шумариной, мы сели там на своих кузнечских лошадей и еще засветло доехали до Кузнецка.

На следующий день профессор Миллер пригласил к себе еще разных татар, которые не представляли собой ничего особенного. Двух камов он попросил поиграть у него на дому. Один из них еще не так хорошо знал свое ремесло и отказывался играть под тем предлогом, что он не взял с собой бубна. Но его уговорили поиграть на бубне г-на профессора Миллера. Он явился излечить одного из присутствующих. Конечно, он заявил, что Шайтан не хочет идти в эту комнату. Мы попросили его поиграть в сенях. Поиграв, он решил, что больной его обманул и скрыл от него свою настоящую болезнь. Он еще не умел так, как полагается, кричать и ворчать и принимать внушительный вид колдуна.

Был еще там другой одноглазый кам, которому, по его словам, Шайтан все же явился в виде слабого отблеска огня. Этот кам лучше знал дело и являлся местной знаменитостью. О своем уродстве он говорил, что это Шайтан его так отзвел, однако подлец тут же проболтался, когда на вопрос — в каком возрасте он окрился, он заявил десятый год, когда он еще не спознался с Шайтаном. На вид он — смелый парень; он низенького роста и мастер себя выставлять. Войдя в комнату, он заявил, что, дескать, он заранее знал, что его сюда пригласят. Бубен его имел более солидный вид и был снаружи покрашен красками. Мы отвели его во двор дома,

чтобы он там поиграл. Один из напей партии, у которого не было ни отца, ни матери, сказал, что, выехав из Петербурга, гостил своих родителей здоровыми и бодрыми, но что в минувшую ночь он видел страшный сон, благодаря чему беспокоится, как бы с ними чего-нибудь не случилось, как бы они там не померли, и просил кама сказать, как в действительности обстоит дело. Он начал бить в бубен и странно кричать и выть, причем делал изумительные жесты: то он становился твердым, как палка, то все в нем ходило ходуном, словом, он выглядел бесноватым. И через каких-нибудь четверть часа он отдал бубен и смело выпалил, что родители живы и здоровы, добавив, что в это следует твердо верить. Тогда ему предложили еще другой случай. Некто во время своего пребывания в Тобольске, ложась спать, положил на стол кольцо, но когда на следующее утро захотел его надеть, кольца не оказалось, и он до сего времени не может его найти. Кама при этом спросили:

— Где это кольцо?

Случай этот, в сущности, напоминал вышеупомянутый. Проворчав что-то про себя, колдун извлек связку маленьких палочек, вроде спичек. В одной такой связке оказалось 49 палочек, подобно тому, как черемисские, чувашские и вотяцкие колдуны употребляют по 49 бобов. Он спросил, как являют владельца кольца, и ему назвали придуманное имя. Он извлек из связки 5 палочек и отложил их особо. С остальными он затеял игру, кидая их туда-сюда и вытягивая то одну, то другую. Пофиглярничав таким образом некоторое время, он выразил свое удивление тем, что кольцо еще не возвращено: лицо, у которого оно находится, охотно отдало бы его, да стесняется это сделать. Кама попросили определить, мужского или женского пола это лицо, и скоро ли он или она возвратит это кольцо? Игра началась снова, и ответом было, что это — мужчина, и что кольцо скоро будет возвращено. Мы спросили его, зачем кам кричит, когда бьет в бубен. Он ответил, что этим он созывает всех чертей. Отвечая на другие вопросы, он описал Шайтана как призрак, который вечерами стоит в некотором отдалении от него, на некоторой высоте. Затем снова началась барабанная дробь, после чего кам пришел в нормальное состояние. Кривой кам отдал нам свой бубен со всеми принадлежностями.

Колдовать по-русски в этой местности называется «камать», от слова «кам».

Из сибирских слов, не употребляемых в России, наш толмач записал следующие: группный — рабочий, который нанимается на определенный срок; сопец — руль, употребляющийся на дощанике; пимики — башмаки из шерсти, валяные особым способом из одного плетя материала; часта — теперь; однако — да; на вольную сторону — наизнанку; охитить — сделать чистым; донской год — прошлый год; лонись — в прошлом году; салры — кожаные подколенники у седла, которые употребляются в Сибири для предохранения сапог от загрязнения; кичим — кожаный чепрак между кошмой и седлом, употребляемый в этой местности; потник — копыта; тычины — жерди у частокола; чарки — русские кожаные мужские башмаки; поршны — башмаки из недубленой кожи, в форме деревянных или сплетенных из лыка лаптей; ишимы или кочи — башмаки с пришитыми к ним холщовыми голенищами; тумак — меховая шапка с отворотами со всех четырех сторон; пальники, полюпки — тетерева; ячен — отверстия в сетях; дехен — блюдо, состоящее из простокваши и сушеного ячменя; терезы — весы, ушкан — заяц; ушканина — заячья шкура; кислый — квашеная капуста; бус — мучная пыль; яга, ета, доха — в Ирбите — шуба с меховым подкладом; лопоть — одежда, бубас — холщовый пиджак, окрашенный берестой; тяж — бечева у колес; подвал — погреб для припасов; зай-

мище — лес возле реки; курья — речной залив; болван — деревянное чучело птицы, которое для приманки прикрепляется к длинному шесту; хмелевать — выходить на сбор хмеля; бутровать — выходить на выкапывание золота и серебра из могил; вервить — мерить версты; страдовать — жать и косить сено; робить — работать; страда — уборка урожая и сенокосение; сельница — квалня; шибко — очень; божица — полка, на которой стоят иконы; ягушка — ягненок; буран — сильная метель; матка — компас, блато — много; сыринк, сокоренки (в Тобольске), сокорёнки (в Таре) — сырые дрова.

Во время нашего последующего пребывания в Кузнецке не произошло ничего достопримечательного, и мне, следовательно, остается рассказать лишь о самом городе. Он расположен на том месте, где прежде жили киргизские татары, которые, однако, постепенно, по мере того как здесь селились русские, все более отступали к калмыцким границам. Город построен уже более 100 лет тому назад, заселили его колонисты из Томска, Верхотурья и Великого Новгорода. На том месте, где теперь город, в то время жили татары, которые плавяли железо из руды и занимались его ковкой, чем и добывали себе средства для пропитания. Поэтому-то это селение и получило такое название — его первыми жителями были кузнецы. Город расположен на правом, или восточном берегу реки Томь, напротив того места, где в Томь впадает речка Кондома. Его можно, вследствие этого, разделить на три части — верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя и средняя части расположены на высоком берегу, причем средняя часть находится на низменной, выдавшейся части этого берега, нижняя же часть располагается на равнине, находящейся между Томью и упомянутым берегом, однако расселена не у самой реки, а в полуверсте от ее русла. В верхней части имеется маленькая деревянная цитадель, в которой есть молитвенный дом. В средней части находится острог, а в нем — дом воеводы и приказная изба; там была также церковь, но несколько месяцев тому назад она сгорела вместе с домами, стоявшими за острогом. В средней части города выше острога находится много домов, но в нижней части их больше, и, кроме того, там имеется еще одна церковь. Число всех, имеющихся в городе домов, едва достигает пятисот.

Жители города не отличаются прилежанием. Трудолюбивых здесь найти не легко. Река Томь богата рыбой, но рыбки здесь не увидишь. О фруктах здесь не имеют понятия. Тут трудно найти что-либо кроме хлеба да мяса. Хлеб едят с овощами, которые они сажают в своих огородах, что и является, пожалуй, единственным занятием местных жителей. Пашни у них расположены всегда на горах, а не в долинах, что они объясняют тем, что в долинах всегда холоднее, чем на горах. Но настоящая причина, как я думаю, в том, что в окрестностях Кузнецка больше гор, чем долин.

О дичи пока ничего не известно. Вначале, когда город был только построен, в этой местности встречалось множество различных животных — соболей, белок, куниц, оленей, козлов, лосей и других, но с течением времени все эти животные ушли отсюда и перекочевали на другое место, где, как когда-то на месте нынешнего Кузнецка, было пустынно и не было еще поселения. Если в других, более крупных сибирских городах, идет оживленная торговля, то здесь торгуют гораздо меньше. Черкесский табак и лошади — единственные, имеющие здесь сбыт товары. Через Кузнецк уже много лет не проходят караваны, и товары находят сбыт только у местных жителей.

Мы решили выехать из Кузнецка в тот самый день, в который год тому назад выехали из Таври, и который был связан у нас с приятными воспоминаниями, в надежде на такое же благополучное дальнейшее путешествие. Чтобы сделать как можно больше полезных открытий, мы опять разделились на несколько партий. Г-н профессор Миллер отправился с нашим и одним татарским толмачом сулей, а же с остальным отрядом и татарским толмачом — водой. Выехали мы (27 сентября) в 3 часа дня. Профессор Миллер провожал меня подой до села Красноярского, а его экипаж до того места шел порожняком. Суда, на которых мы ехали, не отличались удобствами. Это были лодки, несколько большие обычных, крытые берестой. Вследствие этого на них нельзя было развести огня, и под крышей нельзя было стоять выпрямившись. Суда же большого размера в это время не плавали, так как вода была очень мелкой. Весной же, когда вода высокая, ездят также и на дощаниках.

...В тот же день (28 сентября) вечером мы прибыли в д. Мамушпена, где жил один русский крестьянин и 8-10 тулибертских татар. Во всех татарских комнатах стояла такая вонь, словно там сгнило содержимое хорошей телеги, а русский дом выглядел так скверно, что я такого еще не видел ни разу. Тем временем я узнал, что все татарки, услышав о нашем приезде, разбежались как от врата, то есть как это было 25 лет назад, когда на них напал враг.

29-го утром, в 11 часов, мы остановились в Кажонниковых Юртах, где жили тулибертские татары.

30-го утром мы прибыли в Сустанаквы Юрты, где жили кыштымские и тулибертские татары. В их обители я заметил отличие, которое до сих пор мне не бросалось в глаза. Я видел одну обрученную девушку, у которой две косы свешивались по обе стороны головы. У этих женщин с одной стороны по одной косе, а у необрученных девушек доходит число кос до 20, поскольку позволяют густые волосы. Перед деревней я увидел жертвенник, такой же, как у телеутов, состоящий из четырех пертикальных жердей.

Чтобы лучше показать свое почтение к востоку (восходу), которое эти татары выражают так же, как и телеуты, жеренки свисают не пертикально, а наклонены в сторону выхода. На жертвеннике лошади не было и эти татары мне сказали, что они копей и жертву не приносят, но на их слова сильно нельзя полагаться.

На передней жерди висела заячья инкурка, их по своему обычаю они издавна приносят в жертву Богу. Я спросил, где живет Бог, и они отвечали, что их Бог живет недалеко от русского, и, видимо, Боги неплохо между собой уживаются и часто ходят друг к другу в гости. Они сказали, что иногда жертвуют черту пиво, чтобы в особых случаях пользоваться услугами кама. Я спросил, почему они целиком не полагаются на Бога, они ответили, что Бог может помогать им во всем, но он живет на небе, как же они, жители Земли, смогут обращаться к нему за советом? Ведь это проще сделать с чертом, который, как и они, живет на Земле. Их кам не гримасничает так, как остальные. Его бубен в два раза больше, чем у предыдущего кама. Колотушка у него сделана из меха соболя. Поперечина его бубна в торце закругленная и слегка более изысканная: в центре она украшена двумя латунными пуговицами в виде глаз, и вся деревяшка имеет вид лица. И еще между железками бубна свисало несколько лент, которых я до сих пор не замечал. Я ему посоветовал верить во все силы Бога как на небе, так и на земле, остерегаться силы не Бога, а черта, затем ушел и в тот же день прибыл в 7.30 в Мунгатский острог.

Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII-XIX вв.

История города Кузнецка Томской губернии на сегодняшний день изучена еще недостаточно. Военная история Кузнецка изучена еще хуже, хотя город долгое время был, по образному выражению В.В. Радлова «бастионом русской власти на Алтае».

С появлением в городе историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» интерес к военной истории значительно усилился и в настоящее время существует хороший потенциал для углубления наших знаний по данной проблеме. Мы хорошо понимаем, что тот объем информации, что накоплен сейчас, еще не достаточен для освещения заявленной темы, но также твердо мы уверены, что публикация накопленных материалов и их доступность способствуют, с одной стороны, критике источника, а следовательно, развитию исторической науки, а с другой стороны — стимулируют накопление новых материалов по изучаемой теме. Все это очень актуально для научно-исследовательской работы музея «Кузнецкая крепость», так как это направление исследований приоритетно в работе музея, а также это очень интересно для историков, краеведов и жителей города Новокузнецка.

Кузнецкий острог как маленькая деревянная крепость, опора немногочисленной русской администрации и гарнизона, был основан в 1618 г. Он быстро рос и развивался, но на Вознесенской горе, господствовавшей над городом, долго не было никаких укреплений. Первая деревянная крепость появилась здесь только в 1717 г. Крепости имеют гарнизоны. Какие же войска были у нас в Кузнецке?

Традиционно, но неправильно, считается, что Кузнецк строили казаки. Действительно, в 1618 г. во вновь сооруженном Кузнецком остроге осталось в качестве гарнизона восемь казаков-годовальщиков. От казаков Ермака многие стараются привести историю Сибирского казачьего войска. В 1903 г. Сибирскому казачьему войску дали старшинство с декабря 1582 г., якобы с этого времени ермаковцы стали «царской служилой ратью». Был выпущен даже нагрудный знак с такой датой появления Сибирского казачьего войска. Однако настоящее Сибирское казачество возникло в XVIII в., когда Россия оформила свои границы на юге Западной Сибири. Поэтому выподить сибирских казаков от Ермака — ошибка.

Основу формируемых властями для освоения и обороны новых земель казачьих отрядов составили «охочие люди» из жителей русского Севера. Попадали сюда, конечно, и вольные казаки, но их было сравнительно мало. Значительно меньше, чем даже «литвы», «черкасы», поляки и «немцы». В гарнизонах некоторых городов были сформированы специальные «литовские» и «черкасские» сотни, иногда называемые «ротами». В Кузнецке известны в службе и «немцы», и «литва» и «черкасы», но особых воинских подразделений они не составляли.

Самой многочисленной категорией ратных людей в Кузнецке, как и вообще во всей Сибири, были «пешие казаки», а более привилегированными были «конные ка-

казаки», хотя правильнее называть их всех «служилые люди», как именуют их документы XVII в. Они действительно не вольные казаки, а «служилые по прибору».

При Иване Грозном все служилые люди делились на две категории: служилых «по отечеству» и «по прибору». Служба «по отечеству» была наследственной и определялась происхождением. Службу эту несли бояре и дворяне, представители феодальной иерархии государства. Наградой за их службу было предоставление им земли — вотчины или поместья. «По прибору», то есть по специальному набору в войско за денежное и земельное жалование, служили городская стража, пушкары, стрельцы и казаки.

Около 20 процентов от общего количества служилых людей как в Сибири вообще, так и в Кузнецке в частности, составляли «юртовские служилые татары» или для Кузнецка — абинские татары.

Военная служба сибирских служилых людей в Западной Сибири продолжалась до 1725 г. По Указу от 26 июня 1725 г. все служилые люди Томского и Кузнецкого уездов Тобольского генерал-губернаторства были зачислены в сословие государственных крестьян. Это связано с тем, что происходят важные изменения в военной политике Российского государства. Теперь опорой государства в Сибири, как и по всей Российской империи, становится регулярная армия и в связи с формированием регулярных полков, резко сокращается численность служилых людей [1]. Регулярные войска отличаются от нерегулярных тем, что солдаты здесь имеют уставное вооружение и обмундирование, живут на казарменном положении и пахотятся на казенном обеспечении. В музее «Кузнецкая крепость» собраны некоторые неполные сведения о войсках, квартировавших в Кузнецке в это время.

На 1723 г., согласно анкете В.Н. Татищева, который собирал сведения по многим городам Российской империи, известно, что в Кузнецке и подгородных деревнях и слободах всего проживает 6760 человек. Из них дворян и служилых людей 530 человек, да абинских татар в службе 120 человек. Подлинник анкеты сохранился в фонде Г.Ф. Миллера в архиве Российской Академии наук [2]. Здесь говорится еще о нерегулярных войсках.

Первые упоминаемые регулярные войска в Кузнецке — это рота пехотного Якутского гарнизонного полка, появившаяся здесь, по утверждению Г.Ф. Миллера, осенью 1734 г. Миллер пишет, что в Кузнецке служилых людей в это время было 5 дворян, 25 детей боярских, 300 конных и 200 пеших казаков и 20 абинских татар. Эта «ландмилиция» для более безопасной охраны границы была усилена ротой «регулярной пешей милиции Якутского гарнизонного полка» [3]. Миллер вырос в другой стране и ему в сравнении с немецкой армией сибирские солдаты казались ополченцами, поэтому он и называет их милицией. Якутскому полку в марте 1730 г. пожалован герб, изображавшийся на его знамени — в золотом щите на красном поле серебряный престол и золотое Евангелие. Как долго находилась в Кузнецке эта рота, и была ли она одна, сведений у нас, на сегодняшний день, не имеется. Известно, что полк состоял из двух четырехротных фузелерных батальонов (т.е. вооруженных фузеями), и в каждой роте состояло дополнительно к пехотинцам по 16 гренадер. Не случайно по расходным нормам в Кузнецке полагалось на 60 лет 20000 ручных гранат. Большая часть Якутского пехотного полка находилась в Забайкалье.

Согласно «Табели артиллерии на 1729-1735 гг.», в которой указывается, сколько должно, согласно проекту, иметь вооружения и солдат в Кузнецке, гарнизон здесь должен был составлять 800 человек солдат и 300 драгун. На вооружении, кроме

нескольких десятков единиц артиллерии (пушки, фальконеты, мортиры и мортирцы системы Куторна), полагались ручные гранаты, фузеи, раскатные фузеи, пистолеты, мушкетеры, дубельгаки, пистолеты с крюками (крепостные), колья пикинерские, протазаны, алебарды, палаши, шпаги, штурмовые косы и «пометные рогульки». Здесь же приводится штат артиллерийской команды с указанием годового оклада (см. ниже.) [4].

В этом документе говорится о солдатах, видимо, имеется в виду именно Якутский пехотный полк и впервые упоминаются в составе гарнизона Кузнецка драгуны. Название этого рода войск происходит от эмблемы черных драгунских частей во Франции — дракона. Драгуны не кавалерия, а едущая на лошадей пехота. Они имели лошадей («лошадь приязненной масти, ценой в 20 рублей»), но в сражении должны были спешиваться. Это связано с уровнем развития военного дела того времени. Именно пехота тогда определяла исход сражений, но уже очень важной стала мобильность этой пехоты и скорость маневра. Драгуны для XVIII в. поиска не обороны, а активного наступления, ударные части. Драгунские полки состояли каждый из 10 рот. Первый драгунский полк в России был сформирован в 1631 г. Когда драгуны появились в Кузнецке впервые, точной даты нет. Известно, что в 1738 г. в городе появилась рота Сибирского драгунского полка во главе с поручиком Петром Фадеевым, в том числе 1 прапорщик, 1 лахмистр, 5 капралов, 2 барабанщика, 1 цирюльник, и 92 рядовых [5]. С 1711 г. драгуны имели на вооружении палаш, фузею с полном, пистолет. С 1764 г. драгунам полагалось иметь палаш с темляком, португез, ружье со штыком, патронную ядушку, перенязь и, в конном строю, при седле пару пистолетов. Любопытны размеры этого оружия. Клинок драгунского палаша должен был быть 1 аршин и 2 вершка (80 см). При большой ширине клинка драгунские палашы были тяжелыми. Ружье без штыка 1 аршин 13 вершков (129 см), а со штыком — 2 аршина, 7 вершков (173 см). Это короткие кавалерийские ружья, но штыки вполне приличной длины. Пистолеты с медной оправой были в длину 12,5 вершков (55,5 см). Кроме этого, существовали специальные драгунские мортиры, которые легко было перевозить на лошадях. Они очень легкие, устанавливаются на деревянных треногах и могут стрелять разрывными снарядами (гранатами), весящими около 1200 г. У офицеров были вместо палашей шпаги. Из 100 рядовых и урядников, составлявших драгунскую роту, 80 имели также по топору, 10 по железной лопате и 10 по кирке. Этот шанцевый инструмент мог потребоваться в случае необходимости занять оборону или обустроить походный лагерь. Как выглядело обмундирование драгун во второй половине XVIII в., дают представление изображения образцов обмундирования войск Российского государства из огромного свода, составленного в XIX веке Александром Висковатовым специально для императорского двора. Издание выходило на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. и переиздано в 1944 г. в Новосибирске [6]. Все иллюстрации, использованные в нашей статье, из этого труда (Рис. 1; 2). Также неизвестно точно, когда полк из Кузнецка ушел. Так называемый «кузнецкий летописец» И.С. Коняхов называет всех драгун «Олонецкими полками», и приводит сведения, что эти полки ушли на усмирение восстания Е. Пугачева. По И.С. Коняхову — Олонецкий драгунский полк квартировал в Кузнецке с 1745 по 1774 гг. [7]. Однако сам Коняхов писал свои «летописи» спустя огромный срок от описываемого события, и, естественно, точности здесь ожидать было бы наивно. Известно, что при Екатерине II в Сибири были учреждены 25 легких полевых команд, или когорт, и в 1771 г. на формирование таких команд был переведен Олонецкий драгунский полк. Эту реформу отменили в 1775 г., но Олонец-

Рис. 1. Майор драгунского полка, 1764 г.
По Висковатову. Табл. 565.

Рис. 2. Трубач драгунского полка, 1764-1775 гг.
По Висковцову, Табл. 561.

кий полк не был воссоздан. А Сибирский драгунский полк, согласно реформе Петра III, в 1762 г. был переименован в «1 Полк генерала-поручика князя Григория Менцеровского» [8].

Дата — 1738 г. — также не может считаться точкой отсчета появления драгун в Кузнецке, так как 300 драгун упоминаются уже в табели 1735 г. (См. выше). 300 драгун составляют три роты. Возможно, в Кузнецке стояли драгунские роты из разных полков. Существуют некоторые указания на то, что в Кузнецке квартировала также рота Луцкого драгунского полка, но точной информации об этом у нас нет. То, что драгуны пехота, а не кавалерия, особенно подчеркивает тот факт, что у драгунских частей были знамена, в то время как у кавалерии (например, у кирасир), были штандарты. Сибирский драгунский полк имел флаг желтый, с изображением в верхнем углу, у древка, двух золотых соболей, одними лапами держащих лук и стрелы, а другими поддерживающих корону. В 1730 г. изображение герба на знамени несколько изменилось — «В золотом щите, на белом поле два черные соболя, стоящие на задних лапах и держащие двумя передними лапами золотой лук и золотую Сибирскую корону, а двумя другими по черной стреле с красными перьями и копьями». У Олоневского полка был флаг красный, с желтым крестом и изображением в верхнем углу, у древка, золотой руки со щитом, выходящей из облака, а посередине — четырех пушечных ядер. Соответственно с 1730 г. — «На желтом поле рука с синим щитом, выходящая из облаков, и внизу 4 черных ядра на цепях» [9].

Следует упомянуть еще один род регулярных войск, появившихся в Кузнецке, в XVIII в. — Горнозаводские войска. Непосредственно в Кузнецке они не квартировали. Однако в Кузнецком уезде они были. Эти войска специально создали для защиты горных округов от нападений кочевников. 4 пехотных полка и 1 драгунская рота, которые стояли на Алтае, назывались Колывано-Воскресенской командой. История Кузнецка тесно связана с историей демидовских предприятий на Алтае. Крестьяне Кузнецкого уезда были приписаны к алтайским заводам, кроме того, в Кузнецком уезде находился Томский железоделательный завод, на котором также были горнозаводские войска. Вооружение и обмундирование их хорошо видно на иллюстрации (Рис. 3). Они имели красные камзолы, вооружены фузеями (кремневые ружья большого калибра со штыком), а также палашами или кривыми тесаками.

Один из самых важных родов войск — артиллерия, которую недаром называли «богом войны». Артиллерия была наиболее эффективным и грозным оружием в Кузнецке и, позднее, в Кузнецкой крепости. Впервые регулярные войска по артиллерийскому ведомству упоминаются в Кузнецке в цитированном выше документе — «Табели артиллерии на 1729-1735 гг.»

Командовал этой частью поручик. Ему полагалась зарплата 109 руб. 95 коп. в год и денщик, на которого казна отпускала 4 руб. в год.

Штык-юнкер — следующий чин. У него также был денщик, но получал он в год 53 руб. 40 коп.

Унтер-цейхмартер имел такой же оклад, но ему не полагался денщик.

Капопирский сержант имел оклад 32 руб. 55 коп. в год.

Цейхшрейбер получал 23 руб. 70 коп. в год.

2 цейхдинера получали по 14 руб. 85 коп. в год.

По 12 руб. в год получали столяр, колесник, бочар, 2 слесаря, паяльщик и 2 кузнеца.

Рис. 3 Рядовые горнозаводского батальона
1764-1786 гг.
По Висковатову, Табл. 845.

Ротный писарь зарабатывал 11 руб. 85 коп.

2 канонирских капрала и 1 бомбардир получали по 10 руб. 50 коп.

По 10 руб. в год получали 2 плотника, токарь и пороховщик.

Цирюльник имел оклад 8 руб. 85 коп. в год.

Профос — 8 руб.

12 канонирова имели оклад по 9 руб. в год.

Гантлангер бомбардирский — 7 руб. 50 коп.

13 гантлангеров канонирских — по 6 руб. Столько же получал барабанщик.

На всю эту команду полагалось фузей со штыками — 31, палыников — 25, шпал с медными яфесами — 35, циркулей медных — 13 и 1 медный барабан [10]. 12 канониров и гантлангеров составляли прислугу соответственно 12 пушек. Но в списке присутствует еще и бомбардир. Бомбардиры, в отличие от канонирова, «работали» с единорогами, или мортирами. Так как по тому же документу явствует, что в городе «на регулярные пять полгишова» положено по бюджету в 60 лет — 50 чугунных пушек, 10 медных фальконетов, 3 чугунных мортиры и 20 мортирцов системы Кугорна», то следует считать, что бомбардир и бомбардирский гантлангер, обслуживали мортиры.

Если рассмотренный документ свидетельствовал о том, сколько положено иметь вооружения кузнецкому гарнизону, то документ 1747 г. «Ведомость об артиллерии города Кузнецка», рапорт, поданный на имя Ее Величества командующим Сибирским корпусом, генерал-майором Христианом Киндерманом 24 ноября 1747 г., отражает реальное количество вооружения. Здесь говорится, что на 1745 г. в Кузнецке имелось 4 медных и 8 чугунных пушек. Одна из пушек была на полевом лафете («по полевому маниру»), остальные — «на гарнизонных», то есть крепостных лафетах. Кроме этого, в городе числятся еще 2 затинные пищали, 127 фузей, 1 винтовка (видимо, винтовальный штуцер), 2 самопала [11]. Сколько остается в городе артиллеристов и какой войсковой части, нам пока неизвестно.

В 1779 г., по формулярным спискам артиллерийских служителей, на Кузнецкой и Колыванской линиях (вместе) числятся всего 21 человек. Среди них цейхшартер, капрал, бомбардир и токарь участвовали в Прусском походе во время Семилетней войны [12]. Неясно, сколько артиллеристов было в Кузнецке, однако известно, что они были, так как в 1777 г. в городе был сооружен деревянный сарай размером 3х4 сажени (6,4х8,5 м), для хранения артиллерийских принадлежностей (то есть цейхгауз) [13].

В 1792 г., по трем линиям — Ишимской, Иртышской и Кузнецкой всего числилось на все регулярные войска 2 штаб-офицера и 12 обер-офицеров. А по артиллерийскому штату на этих трех линиях находилось 160 пушек, 25 мортир и гаубиц. Часть артиллерии принадлежала Линейному казачьему войску. На Кузнецкой линии находилось в этом году три крепости: Ануйская, Катунская и Бийская, а кроме них здесь были 6 редутов и 10 форпостов. Кузнецкой крепости в это время не упоминается. Это указано в атласе, преподнесенном Екатерине II для личного пользования — «Собрание планов пограничным Российской империи крепостям с их описаниями и штатным во оных положением орудий и гарнизонов с приложением Генеральной карты и учрежденных линий, 1792 г.» [14].

В начале XIX в. в Кузнецке строится на горе Вознесенской новая крепость. Строили ее ввиду опасности соседства с агрессивной Цинской империей [15]. На этой крепости располагались солдаты и инвалиды Бийского гарнизонного полка, а

также здесь были артиллеристы. В 1822 г. 3 ноября в Кузнецке вновь сформированная артиллерийская четверть роты № 80 принята подпоручиком Мальцовым от «артиллерии унтер-цейхвартера 13 класса Мальцова». По списку, в штате вновь сформированной части, числилось 38 рядовых, 4 фейерверкера, 1 барабанщик и 3 нестроевых [16] (Рис. 4; 5).

В 1825-1855 гг. в составе российских войск фигурирует в числе 87 артиллерийских рот, артиллерийская рота № 5, входившая в состав 15 бригады Сибирского округа. 1/4 этой роты стояла в Кузнецке, а 3/4 в Иркутске (Рис. 6). На крепости остается четверть роты артиллеристов, однако номер части другой. Неизвестно, переименована ли это вновь сформированная в Кузнецке команда или в город передислоцировалась другая часть.

Кузнецкая крепость не долго считалась одной из важнейших крепостей на юге Западной Сибири. Сначала отсюда вывели гарнизонный батальон, а в 1842 г., артиллерийская команда ушла из Кузнецка [17]. Но на крепости осталось несколько стволов чугунных 12-фунтовых крепостных орудий.

Следующий род войск в Кузнецке — так называемая 1 Штатная команда. В 1763 г. в Российской Империи учреждено 165 городских штатных рот и команд. Эти команды создавались в губерниях для караулов и «разных командировок». Обмундирование их было таким же, как в мушкетерских ротах, причем оружие и амуницию они получали из выслуживших сроки в полках. С 1887 г. в Тобольской губернии они должны были носить кафтан или куртку палевого цвета, с воротником, лацканами, разрезными обшлагами и опушкой пол черного сукна. Пуговицы белые. В 1800 г. в уездных городах империи числятся уже 380 штатных команд. На день посещения на престол Александра I 12 марта 1801 г. в стране отмечены среди прочих войск штатные команды в 16 уездных городах Тобольской губернии (при воцарении Павла I Кузнецкий уезд вернули в состав Тобольской губернии, в который он и оставался до губернской реформы 1804 г.).

В 1816 г. из бывших штатных команд повсеместно стали формироваться Служащие инвалидные команды (Рис. 7). Тогда же была сформирована неслужащая Кузнецкая инвалидная команда, причисленная к Томскому гарнизонному батальону (Рис. 8). Служащие инвалидные команды были вооружены ружьями со штыками, но им не платались тесаки. Неслужащие инвалиды, наоборот, имели тесаки, но ружей им не полагалось. В России, где срок рекрутской службы занимал 25 лет, практически все солдаты, отслужившие полный срок или получившие увечье, переходили в разряд инвалидов. Большинство гарнизонных полков и батальонов имело инвалидные команды (Рис. 9). Инвалидные команды делились на служащие и неслужащие. Служащие использовались в этапных командах, составляли значительную часть гарнизона защитных крепостей. В середине XIX в. инвалидная команда оставалась на защитной Кузнецкой крепости после вывода всех войск.

Кузнецкая неслужащая инвалидная команда находилась в ведении 11 Сибирского Линейного батальона. В этом подчинении она находилась до самого своего упразднения. Последний по времени документ, в котором упоминается, что Кузнецкая неслужащая инвалидная команда входит в подчинение 11 Сибирского линейного батальона, датируется 1864 г. [18]. Название Линейные батальоны появилось в 1804 г., когда оно было присвоено 4-м Оренбургским батальонам, сформированным на степной границе (линии). 10-й и 11-й Сибирские Линейные батальоны защищали Кузнецко-Колыванскую линию (Рис. 10; 11).

Рис. 4. Барабанщик гарнизонной артиллерии,
1824-1825 гг.
По Висковатову, Табл. 1696.

Рис. 5. Обер-офицер, канонир и барабанщик
гарнизонной артиллерии, 1820-1824 гг.
По Висковцову, Тсбл., 1896.

Рис. 6. Рядовой и штаб-офицер гарнизонной артиллерии
1824-1825 гг.

По Висковатову, Табл. 1690.

Рис. 7 Рядовой уездных инвалидных рот 1811-1815 гг.
По Висковатову Табл. 1824.

Рис. 8. Рядовой инвалидных рот
при гарнизонных полках и батальонах, 1807-1811 гг.
По Висковатову, Табл. 18¹⁵.

Рис. 9. Обер-офицер инвалидных рот 1802-1806 гг.
По Висковатову. Т. 6. 1813.

Рис. 10. Рядовой Сибирских Линейных батальонов
1834-1843 гг.

По Висковатову, Табл. 522

Рис. 11. Сьер-офицер и унтер-офицер
Сибирских Линейных батальонов, 1833-1843 гг.
По Висковатову, Табл. 520.

С 1816 г. Кузнецкая служащая инвалидная команда вошла в состав Внутренней стражи, которая выполняла функции внутренних войск. Внутренняя стража учреждена 29 апреля 1811 г. Вся Внутренняя стража делилась на округа, которые состояли из бригад, а бригады из батальонов и полубатальонов. В 1816 г. Тобольский гарнизонный полк разделен на отдельные гарнизонные батальоны. Тобольский и Томский, а бывший Томский переименован в Усть-Каменогорский и на эти три батальона возложена обязанность внутренней стражи в Сибири (11 округ) (Рис. 12). Кузнецкая команда вошла в Томский полк. Во Внутренней страже мундиры были серые, с такою же обкладкою фалд, с красною по краям обкладки выпушкой, серые панталоны (Рис. 13). У Томского полка на красных погонах стоял белый номер 11, соответствующий номеру округа.

На день восшествия на престол Александра I 12 марта 1801 г. в стране была отмечена как действующая Кузнецкая инженерная команда. Инженерная команда в Кузнецке (Рис. 14) занималась проектированием и постройкой Кузнецкой крепости и Болотной цитадели. Началом образования инженерного корпуса в России считается 1722 г., когда инженеры выделились из артиллерийского департамента. В 1724 г. разделились гарнизонные и полевые инженеры. Полевые состояли при войсках, а гарнизонные занимались строительством крепостей. В 1802 г. учреждена Инженерная экспедиция. По распоряжению этой организации, инженер-генерал Князев инспектировал Сибирскую линию. Он констатировал весьма безотрадное состояние артиллерии в сибирских крепостях и предложил использовать существующие пушки как тумбы для знамен или как ограничители для ворот, потому что раньше не знали правильных сплавов для производства пушек, а все крепости Западной Сибири укомплектовать крепостными чугунными орудиями производства Каменского завода (в городе Екатеринбурге-на Каме) [19]. С легкой руки И.С. Конюхова считается, что Князев проектировал Кузнецкую крепость, что вряд ли соответствует действительности. Тот же автор сообщает о том, что при постройке крепости и до окончания ее находился инженер поручик Булыгин, который впоследствии дослужился до генерала [20].

В 1819 г. Кузнецкая крепость по Высочайшему повелению передана из Инженерного ведомства в непосредственное ведение командира Отдельного Сибирского корпуса [21].

В связи со строительством новой Кузнецкой крепости в городе появились новые гарнизонные войска. На Кузнецкой крепости стояла одна рота Бийского гарнизонного батальона. Бийский батальон учрежден в 1771 г. и состоял из 5 строевых и 1 инвалидной роты (Рис. 15; 16).

В экспликации Кузнецкой крепости на 1810 г. показано, что в двух солдатских казармах размещены, соответственно, рота Бийского гарнизонного батальона (200 человек) и инвалидная команда Бийского гарнизонного батальона (70 человек). То же отмечается и на 1813 г., только инвалидов тогда стало 90 человек.

1815 г. на генеральном плане Кузнецкой крепости отмечено, что штаб-офицерский дом занимает плац-майор, а вторая половина дома отведена под канцелярию. Построенный в казарму на валу штаб- и обер-офицерский дом занимают одну половину комендант (подполковник от артиллерии), а другую — инвалидной команды майор. Обер-офицерский дом занимают Бийского гарнизонного батальона обер-офицеры [22].

Рис. 12 Рядовой батальона и полубатальонов
внутренней стражи, 1811-1812 гг.
По Висковатову, Тсбл. 1796

Рис. 13. Обер- и штаб-офицеры батальона внутренней стражи,
1823 г.

По Висковатову Табл. 1802

Рис. 14. Штаб-офицер инженерного корпуса, 1810-1811 гг.
Го Вискватову, Табл. 1736.

Рис. 15. Рядовой гарнизонного батальона, 1786-1796 гг.
По Висковатову, Тсбл. 802

Рис. 16. Обер- и штсб-офицеры гарнизонного батальона 1764-1786 гг.
По Висковатову, Табл. 798

Рис. 17 Барабанщик и обер-сфицер
гарнизонных полков и батальонов, 1816-1823 гг.
По Висковатову Табл. 1791

Мундиры гарнизонных полков были с 1806 г. темно-зелеными с желтыми поротниками и облагами и с белым номером на красных погонах (Рис. 17). До 1806 г. погоны в Бийском батальоне были светло-зеленые, а после стали красными с выложенной белым гарусным шнуrom цифрой 67. В 1818 г. произошли некоторые изменения. Номер на погонах у данного подразделения стал 22. А в следующем году он уже не выкладывался шнуrom, а был пропrieзной. С 14 мая 1824 г. всем гарнизонным полкам и батальонам были даны кивера, на которых помещались белая гренадка об одним огне и белый ремешок с красной серединой (Рис. 18). Такие гренадки найдены на крепости и хранятся в фондах музея «Кузнецкая крепость». На вооружении у рядовых в гарнизонных полках было ружье со штыком и пика с тесачным клинком.

И.С. Конюхов сообщает, что в 1826 г. рота Бийского гарнизонного батальона ушла из Кузнецка. Согласно А.В. Вискнатову, Бийский гарнизонный батальон в 1826 г. переименован в Пресногорьковский, а 19 апреля 1829 г. вступил в линейные батальоны Сибирского корпуса.

В 1852 г. была снята, упразднена Кузнецкая линия. В том же году крепостные строения в Кузнецке проданы на слом.

В 1862 г. согласно «Квартирному расписанию войск отдельного Сибирского корпуса» в Томске был штаб 12 полкового округа Сибирского Казачьего войска. Ею в этом году возглавлял войсковой старшина Суходольский. В городе Кузнецке стояла Кузнецкая инвалидная команда, которой командовал майор Снетковский. Утверждается, что инвалидная команда состоит при заштатной Кузнецкой крепости, на которой упоминаются 6 орудий крепостной артиллерии без лафетов. Был в Кузнецке и военный лазарет на 14 человек больных, который находился в ведении Тобольской комиссариатской комиссии. Кузнецкий провиантский магазин находился в ведении Омской полковой Провиантской комиссии (из провиантских магазинов снабжались продуктами войска). Кузнецкий провиантский магазин был устроен на 891 четверть провианта (четверть в рассматриваемое время соответствовала объему 8 пудов зерна ржи). Это самый маленький провиантский магазин в Томской губернии. В Мариинске он был рассчитан на 1000 четвертей, а в Томске на 5007.

Упоминается 10-й Сибирский линейный батальон, две роты которого стояли на Салаирском руднике, а половина роты на Томском заводе (ныне Проккопьевский район Кемеровской области).

А всего в отдельном Сибирском корпусе состояло 12,5 батальонов пехоты, 12 полков казаков, 4 артиллерийские батареи и 2,5 роты крепостной артиллерии, 1 инженерная команда, 16 инвалидных команд, 39 этапных команд, 0,5 роты топографов и 1,5 роты военных рабочих.

Орудий при корпусе числилось медных и чугунных пушек 604, но из них всего 62 были на лафетах, единорогов было 66, из них 41 на лафетах, гаубиц было 2 и мортир 46, из них на лафетах 13 [23].

В 1864 г. в Российской империи было образовано 15 военных округов, каждый со своим управлением, непосредственно подчиненным военному министерству. Войска Томской губернии вошли в Западно-Сибирский военный округ со штабом в городе Омске. В Расписании сухопутных войск на 24 мая 1864 г. указывается, что в 11-й Сибирский Линейный батальон входят Томская, Каинская, Кузнецкая, Бийская и Мариинская команды внутренней стражи [24].

Рис. 18. Штаб-офицер и рядовой
гарнизонных полков и батальонов. 1824-1825 гг.
По Висквотаву, Табл. 1792.

Через десять лет происходят некоторые изменения. Согласно расписанию сухопутных войск на этот год в Томске квартирует штаб 51-го Томского Губернского батальона. Командует им полковник Лабунцов. В этот батальон входят местные команды Каинская, Кузнецкая, Бийская, Мариинская, Барнаульская и Колыванская [25].

В 1885 г. Томским резервным пехотным батальоном командует полковник Битнер. В этот батальон входит Кузнецкая местная команда. Томский резервный батальон подчинялся начальнику 2 пехотной Сибирской бригады [26].

Томский резервный пехотный батальон был сформирован в Тобольске 19 февраля 1711 г. под названием «Иркутский гарнизонный полк в Тобольске».

13 ноября 1727 г. он назван «Елисейским гарнизонным».

19 апреля 1764 г. название изменилось на «Второй Томский пограничный батальон».

4 сентября 1816 г. — «Томский гарнизонный батальон».

19 апреля 1829 г. — «Сибирский Линейный № 10 батальон»

18 марта 1865 г. — «51-й Томский Губернский батальон»

14 января 1876 г. — «Томский местный батальон»

18 августа 1882 г. он стал называться «Томский резервный пехотный батальон (кадровый)» [27].

В 1909 г. Кузнецкая местная команда входит в Омскую местную бригаду в числе других 24 команд.

В XIX в. не только регулярные войска имели стандартное обмундирование и вооружение. 19 августа 1808 г. сибирские казаки Ишимской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой пограничных линий в числе 6117 человек были организованы в Сибирское Линейное казачье войско. Сущность линейной системы состоит в том, что российская граница, укреплялась крепостями или постами. Каждая крепость была обнесена рвом и плетнем, имела помещения для войска, лошадей и боевые запасы, пушки и достаточное по тому времени количество людей. Система этих укреплений образывала «линии». Но так как укреплений было мало, то между ними на небольшие расстояния устраивали пикеты — мелкие пункты для наблюдения за неприятелем. Пикет представлял собой простой шалаши с вышкой для наблюдения, обнесенный двойным плетнем, засыпанным землей, за которым укрывались казаки. Связь между этими укрепленными пунктами осуществлялась казачьими разъездами. Они состояли из небольшой партии конных казаков. Разъезды обязаны были преследовать неприятеля и, обнаружив его, немедленно давать об этом знать в крепость. Именно казачьи разъезды и объединяли всю систему укреплений в «линию». Сами по себе крепости «линией» не являются, как бы ни выглядело их расположение на карте. Командующий полком обязан был раз в неделю объехать и осмотреть укрепления и части войск, которые находились в его ведении, доносить ежедневно о военных происшествиях.

До начала XIX в. сибирские казаки не имели обмундирования и одевались как могли. В 1802 г., по распоряжению Инспектора Сибирской Инспекции, генерал-майора Лаярота, Сибирскому Линейному Казачьему войску было предписано руководствоваться правилами обмундирования Донских казаков. В 1808 г. Высочайше утверждены были обмундирование, вооружение и конский убор Сибирских Линейных казаков.

Рис. 19. Козаки Сибирского Линейного казачьего вайска, 1812-1825 гг.
Гр Висковатеру Табл. 2478.

Им присвоена была одинаковая одежда с донскою, во всех десяти полках с красной выпушкой на чекмелях и куртках, с красным верхом на шалках и с красною выкладкою на шароварах, обшивавшихся внизу черной кожей. Пуговицы у плечевых погон были желтые, а кушаки голубые. После 1812 г. Сибирские Линейные казаки должны были ходить в уланских куртках из темно-синего сукна с красной выпушкой на воротнике, с красными погонами, обшлагами и обкладкою на фалдах и с медными пуговицами. Чакчиры тоже уланского образца из темно-синего сукна с красными лампасами и с кожаными крагами до колен. Кушак уланский, из темно-синего сукна с красными обкладками по краям и кивер, подобный пехотному, с красным репейком и подбородочным ремнем с медной чешуей. В походной форме они должны были носить не чакчиры, а серые рейтузы без лампасов и с кожаным «седлом» (Рис. 19). Мундир офицеров отличался золотыми эполетами (Рис. 20). С 1812 г. казаки должны были иметь карабин уланского образца и флюгера на пиках, а при седле две кобуры с пистолетами.

Кроме линейного казачьего войска в Сибири оставались еще и городовые казаки, которых не перевели на линию. В 1822 г. в разных местах Сибири из малых казачьих и татарских команд были сформированы Тобольский, Сибирско-Татарский, Томский, Енисейский, Иркутский и Якутский Городовые казачьи полки. Эти казаки не имели стандартного обмундирования, а форма их утверждалась губернскими властями. Они вооружались пиками без флюгеров, саблями и пистолетами. Томский Городовой казачий полк состоял из Томской, Кузнецкой и Нарымской городских казачьих команд. После 1825 г. казаки Кузнецкой городской команды носили куртки и шаровары темно-зеленые, с малиновыми выкладками, кушаки черные, верхи шалок синие, амуницию черную (Рис. 21). Городовые казаки полностью утратили военное значение и превратились в административно-полицейских служителей. Но это положение оказалось не навсегда.

13 марта 1861 г. «Государь Император Высочайше повелеть соизволил»: Сибирские линейные казачьи войска, состоявшие на особом от других казачьих войск положении, преобразовать в соответствии с ними войсками. Важнейшими условиями при этом были: «Причислить к сему войску отдельные Тобольский казачий конный полк и пехотный батальон и Томский городской казачий полк. Сей последний передать из гражданского в военное ведомство и назначить ныне же командира полка из пехотных штаб-офицеров. Войску иметь 12 конных полков, 3 пехотные полубатальона со стрелковыми полуротами и 1 конно-артиллерийскую бригаду из 3-х легких батарей 8-мм пружинного состава. Сибирское Линейное Казачье войско именовать «Сибирское Казачье войско». Войска были подчинены Генерал-губернатору Сибири [28].

К концу XIX в. устоялась иерархия казачьих чинов. Чин «казак» соответствовал рядовому в пехоте. Урядник соответствовал фельдфебелю в пехоте или вахмистру в кавалерии. Третий чин — подхорунжий — соответствовал подпоручику. Хорунжий — подпоручику или корнету в кавалерии. Сотник — поручику, подъесаул — штабс-капитану, есаул — капитану или кавалерийскому ротмистру, войсковой старшина — подполковнику, полковой командир — полковнику, а войсковой атаман — генералу.

К началу XX в. в Кузнецке уже не было казаков, а оставалась только Кузнецкая местная воинская команда, просуществовавшая до 1919 г. Последним командиром этой части был полковник Зельс-Зволинский, расстрелянный красными партизанами из отряда Толмачева в декабре 1919 г.

Рис. 20 Казак и урядник
Сибирского Линейного казачьего войска 1829-1838 гг.
По Висковатову, Табл. 1262.

Рис. 21. Козак Тамского городского казачьего полка,
1824-1825 гг.

По Висковатову, Табл. 2487.

Примечания

1. Огурцов А.Ю. На путях к реформе / Командование Сибирского корпуса и казаки // Кузнецкая старина. Вып. 1. Новокузнецк, 1993. С. 133.; Кузнецов Н.А. Сибирский казачество: этапы становления // Проблемы истории Кузбасса: Материалы научно-практической конференции. Прокопьевск, 2002. С. 49-58.
2. Архив РАН. Ф.21. Оп.5. Д.153. Л.184.
3. Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции и Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера (История Сибири. Перепечатки). Вып. VI. Новосибирск, 1996. С. 23.
4. Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. «Сборная». Д. 3619. Л. 1-6.
5. Следения предоставлены исследователем А.О. Кауфманом.
6. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению. СПб., т. 1-34.
7. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С.33.
8. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... СПб., 1842. Т. 3. С. 160.
9. Висковатов А.В. ... Т.2. С. 105.
10. Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. «Сборная». Д. 3619. Л. 17.
11. Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. «Крепостная». Д. 966. Л. 3-4.
12. Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. «Крепостная». Д. 1836. Л. 1-6.
13. Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. «Крепостная». Д. 3660. Л. 6.
14. ВИМАИВиВС. Инженерно-документальный фонд. №23/104.
15. Кузнецов Н.А. Внешнеполитические причины строительства Кузнецкой крепости // Евреминовские чтения. Новокузнецк, 2001. С. 73-77.
16. Архив ВИМАИВиВС. Ф.3. Оп. 2/9. Д. 108. Л. 1-10.
17. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С.33.
18. Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 мая 1864 г. СПб., 1864. С. 160.
19. Архив ВИМАИВиВС. Ф.3. Оп. «Крепостная». Д. 3347. Л.1-8.
20. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С.31.
21. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 2/9. Д. 164. Л. 6.
22. ЦГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 4496.
23. Квартирное расписание войск отдельного Сибирского корпуса. Исправлено по сведениям на 15 декабря 1862 г. (с грифом «Секретно»). Тобольск, Типография Штаба Отдельного Сибирского корпуса, 1862. С. 1-44.
24. Расписание сухопутных войск... С. 160.
25. Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 февраля 1874 г. СПб., 1874. С. 83.
26. Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 мая 1885 г. СПб., 1885. С. 96.
27. Расписание резервных пехотных (кадровых) и местных батальонов с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. СПб., 1885. С. 92.
28. Сборник исторических документов по жизнеустройству казачьих войск. Барнаул, 1992. С. 92-97.

К реконструкции Вознесенской часовни XVIII века на территории Кузнецкой крепости

При разработке концепции поэтапной реставрации Кузнецкой крепости было решено придерживаться принципа целостной реставрации [1]. Такой подход основан на опыте, полученном в ходе практической деятельности реставраторов не только России, но и ряда зарубежных стран. Целостная реставрация, или реставрация на «оптимальную дату», особенно целесообразна и правомерна, если она подчинена задаче реконструкции архитектурного комплекса, когда от целостности реставрации зависит максимальное выявление исторической и культурной значимости памятника. При этом, в отличие от фрагментарной реставрации, для которой характерно приращение ценности многих из позднейших наслоений, убираются все такие наслоения и воссоздаются утраченные элементы — памятнику возвращается определенная целостность [2]. Известно, что здания Кузнецкой крепости, в том числе и проезжая подзорная башня, во второй половине XIX в. были перестроены и приспособлены для использования в качестве объектов Кузнецкого тюремного замка, в который постепенно была преобразована крепость. Но наибольшую ценность этот памятник представляет из-за уцелевшего комплекса каменных и земляных военно-инженерных сооружений, уникального в своем роде на всем пространстве южно-сибирских пограничных рубежей России. Именно поэтому концепция поэтапной реставрации Кузнецкой крепости предполагает воссоздание только тех объектов и в том виде и материале, в котором они входили в состав данного памятника на период окончания его формирования как объекта военно-инженерного приспособления — на 1820 г.

Среди объектов Кузнецкой крепости особое место занимало одно здание невоенного предназначения, но, тем не менее, неразрывно связанное с историей этого замечательного памятника. Это была деревянная часовня, устроенная на крепостной горе над памятным крестом, обретенным, по народному поверью, в честь 100-летия основания Кузнецка. К сожалению, до наших дней часовня не сохранилась, а от креста уцелел лишь фрагмент.

О том, как выглядел кузнецкий памятный крест, мы знаем благодаря опубликованным описаниям современников [3] и по воспоминаниям старожилов. Так в газетной публикации Е. Токарева в «Сибирском вестнике» за 1894 г. основанной на выписках из статей С. Кузнецова в «Живой старине», говорится: «В крепости находится часовня. Она восьмиугольная, шагов 8 в ширину. Посредине ее на деревянном пьедестале стоит деревянный крест, упирающийся в потолок, высотой в 5 аршин. Средняя перекладина 3 аршина. Нижняя немного меньше. Крест сделан из досок шириной 9,5 вершка, толщиной 2,5 вершка» (аршин — 71,12 см; вершок — 4,4 см). На лицевой стороне креста изображен Иисус Христос, под главою которого для ангела держат корону, а над ними Господь Савоф. Под ногами спасителя голова Адама. На средней перекладине, около правой руки Христа — поясное изображение Богородицы, около левой — Иоанна Богослова. На задней стороне креста —

вверху — нерукотворный образ Христа, ниже — Николай Чудотворец во весь рост, под ним картуш с надписью. Под картушем изображены: стоящий на холме столб, увенчанный петухом, терновая лоза, сноп, плетень, меч, перчатка. Ниже из-за столба влево наклонно нарисовано копье. На средней поперечине креста справа поясные изображения святых: Бориса, Никиты, Георгия; слева — Дмитрия, Иованна, Глеба.

В 1929 г. художник и краевед К.А. Евреинов записал со слов старосты кузнецкой соборной церкви К.С. Шмакова, что восьмиконечный крест, перенесенный в 1919 г. из обветшавшей крестной часовни в хранилище Спасо-Преображенского собора, будто бы был подарен Петром I в еще первый деревянный Преображенский храм. После же воздвижения каменной крепости на горе крест был перенесен торжественно туда и закладываемую часовню в Петров день. Он же сообщал К.А. Евреинову и другие старики из кузнецких старожилов. Некоторые даже утверждали, что крест делал сам царь Петр [4]. Легенда о причастности Петра I к изготовлению Кузнецкого памятного креста была порождена странной кривой надписью — «Пер I», которую, по словам старожилов, можно было разглядеть на ножке креста с тыльной стороны.

Кузнецкий памятный крест сохранялся в Спасо-Преображенском соборе до его закрытия в марте 1934 г. Когда закрывали собор, работники райсовета передали иконы и прочие деревянные детали убранства храма, в том числе и памятный крест, в школы, для подделок на уроках труда. Причем крест был сломан пополам. Его нижняя часть с пьедесталом попала в школу № 10, а верхняя — в школу № 21. К.А. Евреинов, который преподавал в школе № 10, сделал описание и снял размеры с нижней части креста и его пьедестала. Эти сведения несколько дополняют газетную публикацию Е. Токарева. По словам К.А. Евреинова, изображения на кресте были «... характерного письма начала XVIII века — в стиле барокко и ренессанса. Вся поверхность креста была оклеена домотканым холщевым льняным рядном, покрыта меловым грунтом слоем в 0,5 мм и заглажена. Живопись произведена на масле». На чертеже трехступенчатого пьедестала памятного креста К.А. Евреиновым показаны основные размеры, а также отмечено, что в центре одной из граней верхней ступени была врезана железная прямоугольная кованая кружка для пожертвований, закрытая крышечкой с прорезью.

Сняв кусок задней плоскости с ножки креста — картуш и аллегорический рисунок, К.А. Евреинов передал его в Краеведческий музей [5]. Только с учетом политической обстановки 1930-х годов, когда, как мы знаем, десятки краеведы были подвергнуты политическим репрессиям, можно по достоинству оценить то, что К.А. Евреинову удалось сохранить хотя бы эту часть исторического памятника, подлежащего уничтожению по идеологическим соображениям. В упомянутом архивном деле Краеведческого музея есть пометки К.А. Евреинова о намерении описать, снять размеры и хотя бы сфотографировать верхнюю часть креста. Удалось это сделать или нет, неизвестно.

На основе целовишнего фрагмента и собранных материалов мы сделали графическую реконструкцию Кузнецкого памятного креста (Рис. 1).

Свяжем недавно мы узнали, что у Кузнецкого креста был двойник. Информация о нем затерялась среди газетных публикаций XIX в. [6]. Оказывается, что Е. Токарев в одном из выпусков «Сибирского вестника» за тот же 1894 г., но немного раньше, чем появилась заметка о Кузнецком памятном кресте, рассказав о кресте, который хранился в одной из часовен г. Томска: «...крест из кедровых досок, шириной в 9 вершков и толщиной в 1,8 вершка, высота креста 5 аршин. На самом вершуге его изображен благословляющий Господь Саваоф. Под ним, над главою распятого Юга, Сланиа — два ангела держат корону. Около них есть подписи, которые трудно рас-

смотреть с пола часовни. На средней перекладине креста, у правой руки спасителя — поясное изображение Богоматери, у левой руки его — Иоанн Богослов. На нижней перекладине, у правой ноги Христа, изображен белый храм с трех главами, на котором написано: «Освятит есть селения свое Вышний», под ногами Спасителя — голова Адама, на которую течет кровь из ног Христа. Под адамовой головой — дьявол, на шее которого надета цепь, запертая на замок. У левой ноги Христа, на перекладине креста изображена рука, держащая развернутый свиток, на котором

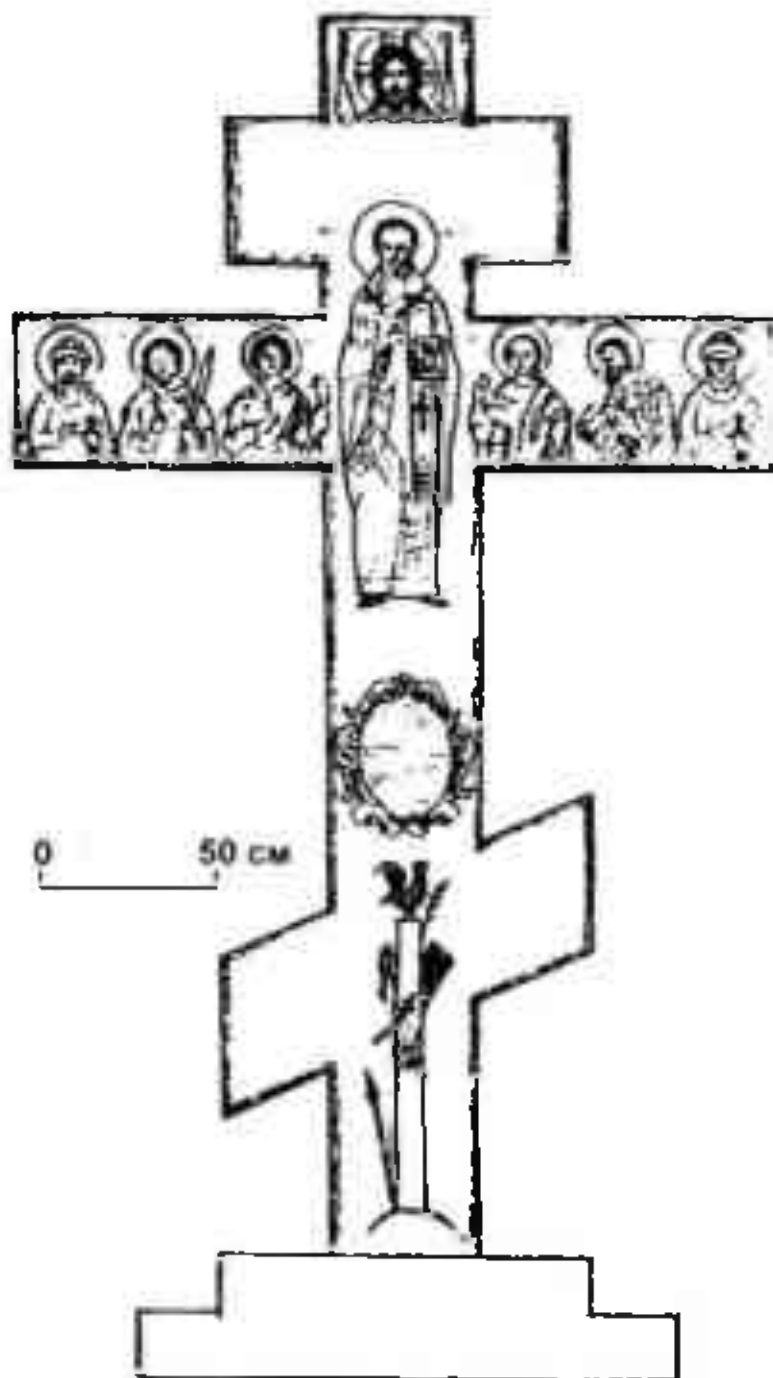

Рис. 1. Реконструкция Кузнецкого памятного креста 1717 г.
Оборотная сторона.

написаны молитвенные стихи. На задней стороне креста вверху нарисован Нерукотворный образ Христа Спасителя. На стоящей вертикально доске креста, под Нерукотворным образом, во весь рост изображен Святитель Николай. На средней перекладине, у правой руки Св. Николая — поясное изображение Никона, Преп. Сергия и Ап. Петра, у левой руки — поясные изображения Ап. Петра, Великомученика Георгия и Архидьякона Лаврентия». Под ногами Св. Николая, внутри эллиптического ободка, помещена посвяtitельная надпись, из которой следует, что сей крест был установлен в августе 1702 г. в честь чудесного явления некому томскому гражданину Григорию Рожневу святого Николая Мерликийского Чудотворца и по поводу чудесного спасения томских жителей от гнева Господня. Так же, как и на Кузнецком кресте, в конце посвяtitельной надписи указано, что «написан сей крест изуграфом Яковом Лосевым». Ниже посвяtitельной надписи нарисованы орудия страстей Христовых, что следует из сопроводительной надписи: «Сими орудий мои Владыка Христос умученный за спасение всего мира к кресту пригвождены». Рисунок состоит из следующих элементов: петух, сидящий на столбе, бич, меч, 3 игральные кости, копье, окровавленная губка, молот и гвозди, клещи, лестница, на которой надет красный обруч и висит что-то вроде мешка, дымящийся факел, раскрытый мешок, из которого сыплются белые монеты, две зеленые ветви, что-то вроде длинной черной кисти (ропги), несколько сосудов и гарлох.

Сравнивая эти два памятника — Томский и Кузнецкий памятные кресты — даже на уровне словесного описания, бросается в глаза их поразительное сходство. Правда, на Кузнецком кресте остались непроработанными некоторые детали, в частности — символы страстей Христовых. Отличаются два креста Я. Лосева и наоборот святы при фигуре Св. Николая. Причина этих различий весьма прозрачна — в обоих случаях имена святых совпадают с именами заказчиков.

В конце XX в. к истории Кузнецкого памятного креста обратилась М.М. Кушниковна, широко известная своими краеведческими публикациями. Ей была дана подробная характеристика обломка реликвии, сохраняемого в Новокузнецком краеведческом музее. Наивно полагая, что рисунок под картушем с посвяtitельной надписью имеет геральдический характер, М.М. Кушниковна провела его своеобразный семантический анализ, весьма далеко уйдя от истины [7]. О том, что на самом деле, рисунок под посвяtitельной надписью — это всего лишь незавершенный набор орудий страстей Христовых, можно судить из сопроводительной надписи на Томском кресте, из статьи Е. Токарева, из рукописи К.А. Евреннова, а также на примере ряда натальных крестов XVII-XVIII вв. с аналогичными изображениями на их оборотной стороне. Не более как историографический курьез «настоящее время выглядит и попытка М.М. Кушниковой приоткрыть занавес над «тайной» имени Я. Лосева — автора росписи Кузнецкого креста.

Судьба Я. Лосева, конечно же, еще требует внимательного изучения, однако личность его уже давно известна историкам. В частности, Я. Лосев упомянут в книге о Сибири знаменитого голландца Н. Витзена, опубликованной в начале XVIII в. В этой книге был приведен рисунок, сделанный Я. Лосевым в 1699 г. (копия паскальных росписей на р. Ирбит) [8]. В 1963 г. был опубликован архивный документ — приказ, предшествующий выполнению Я. Лосевым данного рисунка. В нем верхотурский воевода К.П. Козлов поручает подьячему верхотурской приказной палаты Я. Лосеву со стрельцами отправиться в д. Писанец на р. Ирбит, чтобы найти «...тору, на которых камнях написаны слова и иные какие письмена. А приехав к той горе, тою тору осмотреть и описать сколь велика и высока и в котором месте на камени

писаны слова или иные какие письмены и сколь высоко. — от яды и сколь написано слов, написать на чертеж то же горю и подписать слова слово в слово, ничем не разны и во всем сходно» [9].

Биографии служилых людей Сибири XVII-XVIII вв. весьма удивительны. Видимо, когда-нибудь мы узнаем и то, при каких обстоятельствах именно Я. Лосев оказался причастен к написанию памятных крестов Томска и Кузнецка. В XVII веке в Сибири часто иконописью занимались служилые люди, а иконописцев привлекали не только к росписи церквей, но и гражданских зданий, всенного снаряжения, к изготовлению наиболее важных чертежей.

Не меньшего внимания заслуживает и сама посвятельная надпись Кузнецкого креста (Рис. 2). Приведем ее содержание [10]:

«ЛЕТА ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
1717 ГОДУ ИЮНЯ В ДЕНЬ 20 ВО ДНИ
БЛАГОХРАНИМАЯ ДЕРЖАВЫ ВЕЛИКОГО
ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА,
ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ И МНОГИХ ГОСУ-
ДАРСТВ И ЗЕМЕЛЬ ОБЛАДАТЕЛЯ
И САМОДЕРЖЦА В ЕГО ПРЕСВЕТОЙ ДЕРЖАВЕ
ВО СТРАНЕ СИБИРСТЕЙ ВО СВЯТОМ ГРАДЕ
В КУЗНЕЦКОМ БЛАГОВОЛИША НА СЕМ МЕСТЕ
ВОДРУЖИТИ КРЕСТ И НАД НИМ УСТРОИТИ
МОЛИТВЕННЫЙ ХРАМ, ВО СЛАВУ И ВО(ле)Ю РА(сп)ЕШЕНОГО
ГОСПОДА БОГА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА И ВПРЕДЬ РАДИ
ВЕДЕНИЯ БУДУЩИМ РОДАМ
А СЯЕ ПРИ БЫТНОСТИ ПОЛКОВНИКА И КАМЕНТАНТА
БОРИСА АКИМОВИЧА СИ(лявина)
И ВСЕ СЯЕ У(строение)МО(литвенного) ХРАМА И ВОДРУЖЕНИЕ
ЧЕСТНАГО КРЕСТА СОВЕРШ(илось) БЛАГОСЧАСТЛИВЕЙШИМ
ЕГО И ГРАДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПРОМЫСЛОМ
ТЩАНИЕМ (сего же) ЛЕТА ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА
СЛОВА 1717 ГОДУ
(лет от сотворения) ВСЕГО МИРА 7(225)
НАПИСАЛСЯ СЕЙ КРЕСТ ИЗУГРАФОМ
ИЯКОВОМ ЛОСЕВЫМ»

При знакомстве с этой надписью прежде всего вызывает вопрос причина установки памятного креста. Что касается повода, передаваемого в устной народной традиции — 100-летний юбилей Кузнецка, то он представляется весьма сомнительным, хотя и не может быть исключен безоговорочно.

Более вероятно, что установка Кузнецкого памятного креста связана с каким-либо недавним или ожидаемым знаменательным событием. Например, он мог быть поставлен в честь благополучного избавления от военной опасности 1715-1716 гг. В эти годы комендант Кузнецка Б.А. Синявин отправил губернатору Сибири М.П. Гагарину не одну тревожную грамоту о возможном нападении джунгарского тайши Церен-Дондука, в которых напоминал о набегах врагов в 1709-1710 гг., «когда они разорили многие деревни и сожгли Бикатунский острог» [11]. К счастью для кузнецчан, в 1715 г. ожидаемый поход Церен-Дондука на Кузнецк не состоялся. Относительно спокойно прошел и 1716 г. В условиях напряженной военно-политической обстановки

Рис. 2. Картуш с посвятительной надписью
на Кузнецком памятном кресте.
Фонды Новоскузнецкого краеведческого музея.

у кузнецян могла возникнуть надежда на близкое улучшение в связи с подготовкой похода на Обь для восстановления Бикатунского острога [12]. Этот поход и мог стать тем важным поводом для установки памятного креста. Вспруженный отряд числом более 750 человек, который в течении лета 1717 г. был собран в Кузнецке, выступил 16 июня 1717 г. Такое близкое соседство этого события с датой установки Кузнецкого креста («июня 20 дня») не может быть случайным.

Сняв установку креста с этим походом, видимо, можно косвенно подтвердить и отсутствием на посвятителной надписи причины его воядвижения. На томском кресте повод установки расписан очень подробно, а на кузнецком есть только лаконичная фраза — «ради веления будущим родам». Дело в том, что то, ради чего был организован военный поход, выполнено не было. В конце июля 1717 г. в Кузнецк поступило сообщение о постройке нового острога на Оби. Но большой радости эта весть не принесла. Командир отряда И. Максиков не решился поставить острог там, где ему было пелено — на прежнем месте Бикатунского острога — в месте слияния рек Бии и Катунь. Испугавшись опасного соседства с джунгарами, он спустился по течению р. Оби почти до устья р. Чумыш (немного ниже современного г. Барнаула). Новый острог получил название Белоярский. Не исключено, что из-за неудачи в воссстановлении Бикатунской крепости уже в ноябре 1717 г. в Кузнецк был назначен новый комендант — Д. И. Востинский.

Долгое время было неясно и то, как выглядела крепостная часовня, в которой был размещен памятный Кузнецкий крест. Мы знали только примерное место ее расположения и приблизительные размеры. Парадоксально, но эта кузнецкая реликвия практически не привлекала к себе внимания. Примечательно, что и в историческом обзоре православных храмов Кузбасса о Крепостной часовне Кузнецка (в честь дня освящения она именуется Вознесенская) упомянуто лишь вскользь [13].

Впервые об этой часовне пишет знаменитый историк Сибири Г. Ф. Миллер, побывавший в Кузнецке в 1734 г. [14]. Интересно сообщение Г. Ф. Миллера о том, что и земляная цитадель на горе была сооружена в 1717 г. Не исключено, что строительство столь значительного земляного укрепления стало возможным благодаря тому, что в Кузнецке был собран большой контингент служилых людей, готовящихся к походу на Верхнюю Обь. Возможно, что строительство цитадели на горе стало еще одним поводом для установки в ней памятного креста.

Не сохранилось ни одного изображения Вознесенской часовни постройки XVIII в. На гравюре Бутреева 1770 г. по рисунку Берхана (последний был в Кузнецке в 1734 г. в числе членов академической экспедиции, возглавляемой Г. Ф. Миллером), на силуэте Вознесенской горы между двумя башнями земляной цитадели, к сожалению, шатер Вознесенской часовни разглядеть не удастся [15]. Она не была зарисована и среди объектов вновь строящейся крепости (1800–1820 гг.). Из летописи И. С. Кошкина известно то, что обветшавшая древняя часовня была в 1877 г. разобрана и в том же году на ее месте воздвигнута новая [14]. Этому варианту крепостной часовни поспедал несколько больше. От коренного кузнецанина А. Борзова мы получили фотографию Вознесенской часовни постройки 1877 г. Снимок был сделан до 1917 г.

К сожалению, сохранился отпечаток очень плохого качества. Тем не менее, после его компьютерной обработки удалось рассмотреть даже икону на фронтоне крыльца (Рис. 3). Судя по имеющейся фотографии, Вознесенская часовня 1877 г. описанная Е. Токаревым, действительно представляла собой восьмиугольную срубную постройку с невысоким крыльцом. Она была собрана из бруса на бутовом фундаменте. По периметру часовни был устроен жердевый заплот.

В фондах Томского областного краеведческого музея сохранились рисунки сибирского художника В. Тютикова, где на видах Кузнецкой крепости 1922 г. Вознесенская часовня, не привлекая основного внимания художника, все же зафиксирована (Рис. 4). Заплот вокруг часовни уже отсутствует. Часовня упомянута в числе крепостных сооружений и в отчете предгубмузея Э. Гайсина, побывавшего в Кузнецке в августе 1923 г.: «Внутри крепости посередине — деревянная часовня,

крытая тёсом, с чугунным крестом на куполе; внутри ничего не осталось — пол разобран, дверей и рам от окон также нет. Когда-то в крепости имелся большой деревянный крест, привезённый из Москвы (якобы дело рук Петра Великого), какой в настоящее время хранится в соборе г. Кузнецка — видеть не удалось за неимением времени» [16].

Более поздних изображений и описаний Вознесенской часовни обнаружить не удалось. Видимо, к началу 1930-х гг. Вознесенская часовня уже была окончательно разрушена.

Нам известно, что обновленная в 1877 г. часовня конструктивно существенно отличалась от своей предшественницы. Нам непременно должны насторожить строки в «Памятной записке» И.С. Конюхова, относящиеся к первоначальной постройке. «Прежняя часовня, по его словам, была «старой архитектуры», при проводимых ремонтах приходилось чинить «ее крыши и урундуки» [17]. Видимо, не случайно отмечено и то, что нора постройка была «одноэтажной» [18]. С учетом провозглашенного принципа реставрации Кузнецкой крепости мы должны приложить максимум усилий для воссоздания первоначального (то есть на 1820 г.) облика крепостной часовни. Не исключено, что могли бы в этом помочь и дополнительные архивные изыскания. Для решения данного вопроса мы не могли не использовать и археологические методы. Последние могли бы показать не только реальные размеры и планировку крепостной часовни, но и дать ответ на ряд дополнительных вопросов: был ли

Рис. 3. Вознесенская часовня. Фото нач. XX в.
Из фонда Новокузнецкого городского краеведческого музея.

Рис. 4. Кузнецкая крепость. Рисунок И.И. Тютикова, 1922 г.
Из фондов Томского областного краеведческого музея.

некрополь возле часовни (есть непроверенные сведения о находке в этой части крепости захоронения при установке столбов для электропроводки) и не устроили ли была часовня на месте одной из башен в системе оборонительных укреплений Кузнецка XVII-XVIII вв., так же, как на месте (или рядом) с одной из башен на форштадте была построена часовня во имя Флора и Лавра [19].

Анализ плана крепости, создаваемых в ходе ее строительства практически каждый год, показал, что Вознесенская часовня не имела относительно соседних зданий и земляных укреплений стабильного положения. Либо инженеры не стремились к точной локализации места часовни, либо часовню, понижая внутреннюю площадку крепости, передвигали с места на место. Так или иначе, но во всех случаях часовня на планах строящейся крепости обозначена в виде квадрата 9х9 м примерно на одном и том же участке — в 15-16 метрах к ЮЗ от западного угла порохового погреба, обнесения бревенчатым частоялом. В 120 м к ЮЗ от часовни была построена одноэтажная кирпичная гауптвахта. Относительно редана № 2 часовня на всех планах показана к С-СВ от его оси симметрии (Рис. 5). Такими основными ориентирами, которые были приняты нами для поиска Вознесенской часовни.

Кроме вершины редана № 2, единственным объектом, пригодным для того, чтобы служить точкой отсчета в поисках часовни, является пороховой погреб. Гауптвахта после раскопок, проведенных в 1973 г. Г.С. Мартыновой [20], вскоре была отстроена полностью заново. Выявленный в ходе раскопок 1973 г. бутовый фундамент гауптвахты тогда не был соотнесен со стабильным репером на плане крепости. Позднее, в ходе восстановления гауптвахты, он был убран и заменен бетонным подвальным помещением. Таким образом, уверенности в строгом совмещении контуров прежнего и нового здания нет. Для привязки к фундаменту порохового погреба мы воспользовались тем, что в 1991 г. А.М. Илюшиним, в ходе проводимых им на Кузнецкой крепости архитектурно-археологических зондажей, был обнаружен его контур [21].

Перед раскопками на месте, где могла находиться крепостная часовня, следов построек не зафиксировано. На этом участке крепости растут молодые посадки то-

полей. Здесь отмечено незначительное повышение рельефа относительно среднего уровня внутренней площадки крепости. Это позволяло надеяться на то, что в районе часовни мог сохраниться культурный слой укреплений XVIII в.

Раскоп-1 планировался образоваться в результате постепенного расширения площади нескольких разведочных траншей. Разведочная траншея-1 была проложена перпендикулярно к юго-западной стене порохового погреба на ЮЗ. Она имела ширину 1 м и длину 30 м (Рис. 6).

В 3,5 м от фундамента порохового погреба траншея прорезала канавку основания бревенчатого частокла, который когда-то огораживал по периметру пороховой погреб. Глубина канавки частокла от современной дневной поверхности 132 см. Ее ширина на уровне дна составила 45 см. На дне канавки сохранились трухлявые нижние концы бревен частокла. Их диаметр 35 см. На нижнем торце бревен прослежены пластины бересты, уложенные для гидроизоляции.

Судя по достаточно резкой границе между гумусированным и глинистым слоями, верхний слой почвы был сильно разрушен в ходе строительства крепости. В траншее-1 сделано несколько находок, относящихся к военному периоду существования крепости (конец XVIII — начало XIX вв.): бронзовый торцовый ключ с квадратным штедлом и кольцевой ручкой (Рис. 7, 1); возможно, он мог использоваться для взвода оружейного кремневого замка колесцового типа, появившегося в конце XVIII в.; форменная полусферическая гладкая бронзовая пуговица; на ее внутренней стороне, вдоль края, выдавлены две лавровые ветви и надпись — TREBLE (Рис. 7, 2).

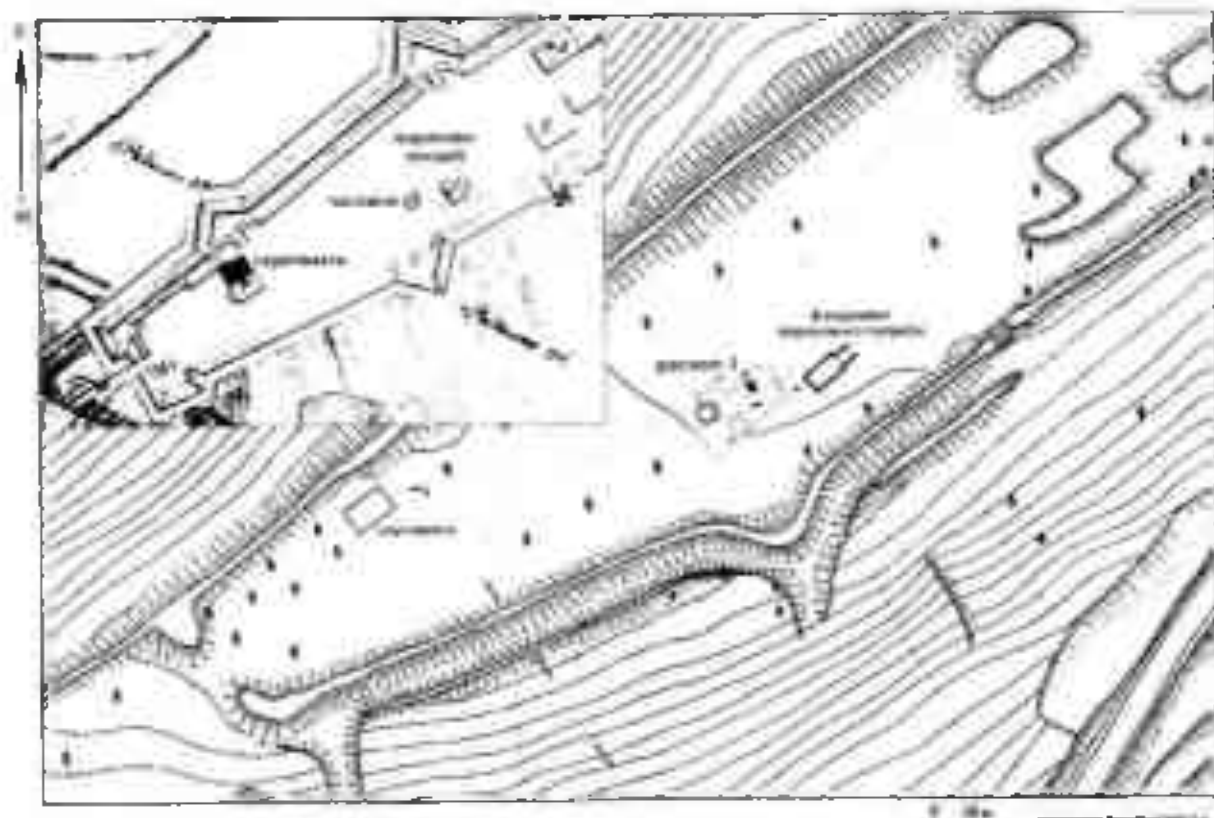

Рис. 5. Сравнение плана юго-западного участка Кузнецкой крепости 1809 г. и современного состояния с обозначением места раскопа-1.

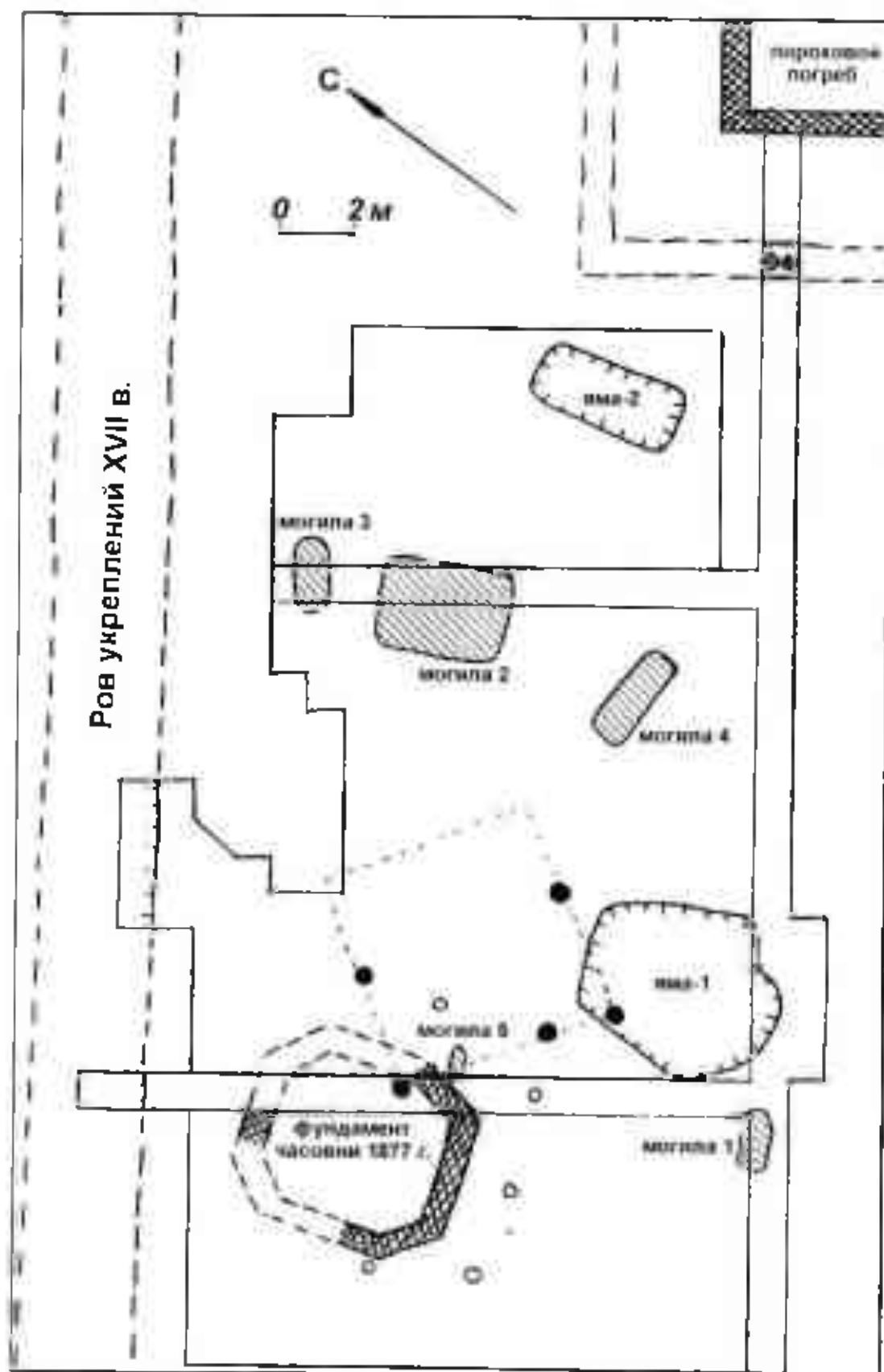

Рис. 6 План раскопа-1 на Кузнечской крепости с обозначением основных объектов.

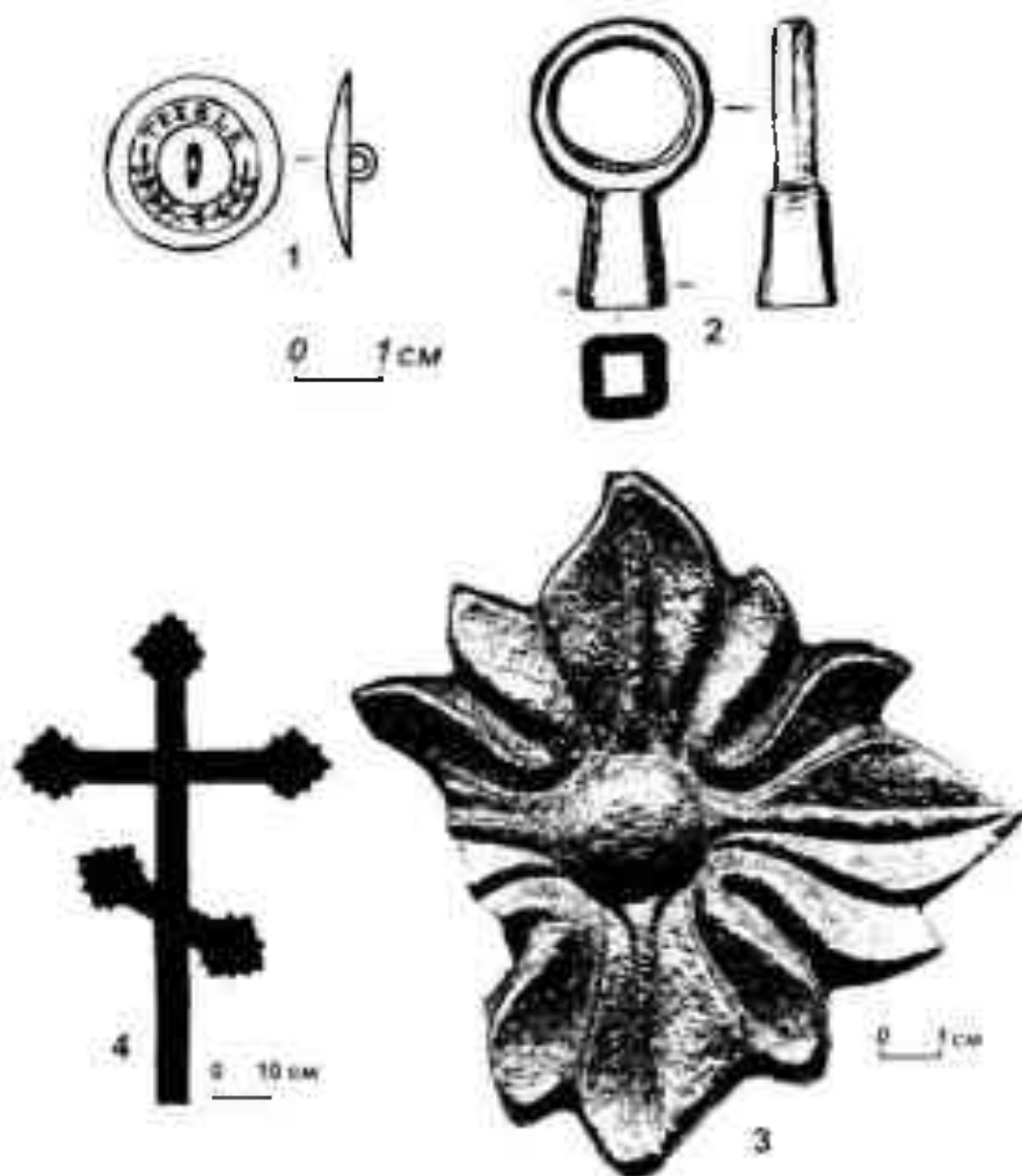

Рис. 7 Материалы раскопок на Кузнецкой крепости.
1 — бронзовая форменная пуговица; 2 — бронзовый ключ;
3 — фрагмент чугунного креста и его реконструкция (4).

От траншеи-1, перпендикулярно к ней, по направлению к северному валу были заложены еще две траншеи шириной 1 м. В обоих случаях траншеи были донедены до грунтовой дороги, проходящей по осевой линии Кузнецкой крепости. Траншея-2 прорезала столбовую яму и бутовый фундамент некой постройки. На этом месте раскоп был расширен. В результате удалось выявить остатки постройки и основания столба от ограды, устроенной вокруг нее. Бутовый фундамент оказался сильно разрушен в северной и северо-западной частях (Рис. 6). Только южный и юго-западный участки бутового фундамента сохранили свою ширину и первоначальный контур. Здесь же удалось проследить и уровень укладки нижних камней. Камни бутового фундамента на известковом растворе были уложены на уровень -54 см от современной поверхности, то есть в неглубокую канавку.

На юго-западном участке фундамента сохранилась его кладка общей мощностью около 40 см. Планиграфически остатки фундамента вписываются в восьмиугольник, что соответствует контурам Вознесенской часовни постройки 1877 г. В поперечнике он имеет максимальную ширину 6,4 м.

Вдоль южной половины контура Вознесенской часовни прослежены ямки с остатками от 5 столбов жердевого заплота. Сравнение с фотографией Вознесенской часовни начала XX в. подтверждает такую интерпретацию.

Внутри контура фундамента часовни, в ее сохранившейся южной части прослежены части половой настилы и половая плаха, уложенная по направлению входа. Лаги снизу подпирали чурки. Северный участок бутового фундамента, вероятно, был сдвинут трактором, так как куски камня отмечены в виде отдельных скоплений. В слое вокруг часовни прослежены многочисленные кусочки извести, найдены небольшие копаные гвозди и осколки тонкого оконного стекла. В районе крыльца часовни (у юго-западной стенки) были найдены железная петлевая ручка от двери с загнутыми проробами и медная монета «5 копеек серебром» 1843 г.

У юго-восточной (угловой) стены часовни на расстоянии 40 см от нее найдено захоронение грудного младенца в колоде. Колода имела небольшое расширение в области плеч. Младенец был уложен головой на СВ, его правая рука, согнутая в локте, лежала на животе, а левая — вдоль тела. Каких-либо предметов с погребением младенца не обнаружено. К В от часовни на расстоянии 4-8 м от нее найдены остатки сгнивших столбов диаметром до 35 см. Столбы были заглублены на 40-60 см от современной поверхности. Возможно, это остатки подпорных столбиков груба часовни XVIII в. В 4 м к В от фундамента часовни был вскрыт участок прокаленной почвы диаметром около 1 м. Вероятнее всего он связан с периодом строительства и функционирования часовни постройки 1877 г.

Проведенные на территории Кузнецкой крепости археологические раскопки показали, что в ходе ее строительства в начале XIX в. практически на всей ее площади был срыт верхний слой почвы на глубину около метра. Никаких следов от поверхностных построек более раннего времени в этих условиях сохраниться не могло. Более того, можно достаточно уверенно предполагать, что часовня в ходе этого строительства была перенесена на новое место. Судя по плану земляной цитадели первой половины XVIII в. часовня первоначально располагалась ближе к центральной части крепости. На новом месте часовня была установлена без фундамента, возможно, на вкопанных опорных столбиках (видимо, именно от некоторых из них и были прослежены ямы в раскопе-1). В ходе планомерного археологического обследования Кузнецкой крепости был найден фрагмент члунного креста (Рис. 7, 3), очень похожего на тот, что можно видеть на фотографии Вознесенской часовни установленным на ее маковке.

После проведенных раскопок, было решено открытый фрагмент бутового фундамента часовни постройки 1877 г. закрепить и восстановить до полного контура, а затем использовать как памятный знак. Реконструкцию часовни произвести рядом. С учетом основных принципов реставрации Кузнецкой крепости необходимо было приложить максимум усилий для воссоздания первоначального облика крепостной часовни (то есть такого, в котором она была включена в 1820 г. в состав крепости). Принципиальный момент в этой реконструкции — максимальное типологическое приближение к реальному прототипу — часовне XVIII в. Типологически можно представить крепостную часовню XVIII в. как деревянную постройку клетского типа (судя по планиграфии постройки на чертежах крепости начала XIX в.) на невысоком подкlete с паружными крытыми лестницами (рундуками) и крыльцом на выносах.

Рис. 8. Эскизный проект реконструкции Вознесенской часовни.
Фасад.

Ближе всего к решению данной задачи подошли члены «Старообрядческой общины» Новокузнецка Кемеровской области Русской Православной старообрядческой Церкви», которые во главе с настоятелем священником Александром Черногором, ответственным за деятельность прихода Кемеровской области выступили с инициативой восстановления Вознесенской часовни. С учетом рекомендаций научно-методического совета Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» они разработали эскизный проект деревянной часовни (Рис. 8). К сожалению, недостаток финансовых возможностей приостановил практическую реализацию данного проекта.

Рис. 9. Надвратная икона Кузнецка
Из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ

Следует отметить, что написание «Старобрядческой общины» в Кузнецкой крепости не случайно, так как с ней связана судьба первого сибирского епископа Русской Православной старообрядческой Церкви Саяпатия.

Еще одна священная реликвия Кузнецка обнаружена недавно в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Если верить сопровождающей записи в книге поступления, — эта икона ранее размещалась над воротами Кузнецкого острога. Передала икону в ТГУ в 1927 году жительница г. Кузнецка. Данная находка еще требует специального изучения. Предварительно можно отметить следующее. Икона посвящена Св. Николаю Можайскому (Рис. 9). Как и на всех подобных иконах, Св. Николай изображен в полный рост, в правой руке он держит меч (утрачен), а в левой — храм (частично утрачен). Икона изготовлена в традициях деревянной скульптуры Русского Севера XVII века. На доску наложено скульптурное изображение святого, собранное из отдельных деталей. Доска иконы и рельефные детали фигуры склеены льняным холстом, покрыты мелочным грунтом и расписаны маслом. Икона имеет резное асимметричное ажурное деревян-

ное обрамление в стиле барокко. Некоторые детали фигуры и обрамления утрачены. Икона нуждается в срочной реставрации. Какова будет дальнейшая судьба этой кузнецкой реликвии, пока неясно.

Примечания

1. Основные принципы реставрации и музеефикации Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» / Коллектив авторов // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993. Вып. 1. С. 183-189.
2. Реставрация памятников архитектуры / С.С. Подъяпольский и др. М., 1988. С. 60-67.
3. Токарев Е. Город Кузнецк Томской губернии и его древности // Сибирский вестник. 1894. № 113.
4. Архив НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 5. Л. 1.
5. Там же. Л. 1-14.
6. Токарев Е. Часовня в г. Томске близ Дальнего (или Святого) клочка // Сибирский вестник. 18 сентября 1894. № 109.
7. Кушликова М.М. Искры живой памяти. Кемерово, 1987. С. 42-44.
8. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 13.
9. Борисов В.Г. Новый документ из истории археологии в России 17 в. // СА. 1963. № 4.
10. Цифры, в старославянском буквенном выражении, переведены в арабские, а некоторые сокращения развернуты; утраченные места и реконструкция утраченных мест помечены в скобках, орфография сохранена.
11. Уманский А.П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 11.
12. Там же.
13. Кимсен В.М., Кондрашин Д.Е., Усольцев В.Н. Православные храмы Кузбасса. Кемерово, 1996. С. 149.
14. См. работу Г.Ф. Миллера в данном сборнике.
15. Кочеданов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1977. С. 104-109.
16. Сениюкила Н.А., Яковлев Я.А. Об охране историко-культурного наследия в Томской губернии в 1919-1924 гг. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. С. 138.
17. Рундук — крытая паружная лестница.
18. Князюха И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 42-43.
19. Там же. С. 43.
20. Архив МАЭЭ КемГУ. Оп. 1. Д. 712.
21. Илюшин А.М. Отчет об археологических раскопках на Кузнецкой крепости в 1991 г. // Архив ИАМ «КК». Ф. 3. Оп. 3. Д. 1.

История артиллерийского гарнизона Кузнецкой крепости

В 1798-1800 гг. в городе Кузнецке началось строительство двух современных военных объектов — так называемой «Болотной» цитадели и крепости на горе Вознесенской. «Болотная» цитадель располагалась в юго-восточной части города, у так называемого Татарского озера или «болота». Кузнецкая крепость же была возведена в северной части города. Сопряжение этих укреплений было обусловлено, прежде всего, возросшей со второй половины XVIII в. китайской военной опасностью, когда войска Цинской империи в 1756-1758 гг. разгромили Джунгарию и вплотную подошли к границе российских владений в Западной Сибири.

В этой напряженной обстановке начальник Сибирской линии Карл Фрауендорф через сибирского губернатора Федора Ивановича Соймонова представил в Военную коллегию проект о построении новых крепостей и редутов по всей сибирской границе. Все эти приготовления были вполне обоснованны, так как китайцы под видом усиления караулов стянули в русской границе войска, а в Монголии скупали по повышенным ценам в большом количестве лошадей [1].

А в 1775 г. уже в Кузнецке прошел слух, что около Телецкого озера появились две тысячи вооруженных китайцев, которые ждали подкрепления в 70 тысяч человек. Это вызвало страх и панику в Тобольске, Томске и Кузнецке, но слухи не подтвердились [2]. Во второй половине XVIII в. линия, разграничивающая территории России и Китая, проходила на Алтае, в том числе и вдоль северного берега Телецкого озера [3]. До Кузнецка можно было добраться «конным ходом» за 6-7 дней. Поэтому понятен тот страх, который сопровождал в городе слухи о значительных по тем временам воинских силах неприятеля так близко от Кузнецка.

Российское правительство знало об активной завоевательной политике китайского императора Цяньлуна (годы правления — 1736-1796). До него доходили и слухи о концентрации китайских войск вдоль границы на юге Западной Сибири, которые очень часто имели под собой реальную основу. В конце XVIII в. все эти обстоятельства позволяли думать о возможном нападении Цинского Китая на российские владения в Сибири.

В этой обстановке российское правительство решило укрепить те города края, которые находились недалеко от границы с Китаем. Что касается Кузнецка, то он в это время особенно нуждался в строительстве современных военных объектов. На протяжении XVII-XVIII вв. военная функция была одной из основных в жизни Кузнецка. Но деревянные укрепления города к концу XVIII в. уже либо вообще разрушились, либо значительно обветшали.

В 1771 г. в Кузнецке побывал академик И.П. Фальк и, в частности, об укреплениях города в своем дневнике записал: «При первом его (Кузнецка — А.К.) назначении имел он острог, укрепленный валом, рвом и палисадом, но как новая линия проведена далее к Югу (имеется в виду Колыпанно-Кузнецкая линия — А.К.), то он был заброшен и ныне стоит открытый, однакоже считается главным местом линии» [4].

А.Ю. Огурцов отмечает, что «командующий Сибирским корпусом генерал-поручик Густав Штрэндман подготовил проект модернизации кузнецких укреплений, который заключался в сооружении двух земляных четырехугольных ретраншементов бастионного начертания... В апреле 1798 г. император Павел I именным указом благословил проект Штрэндмана» [5].

И вот в 1798-1800 гг. начинается строительство в Кузнецке новых военных объектов. Причем «Болотная» цитадель строилась в первоначальном виде, а проект крепости пришлось кардинально переделать под руководством инженера-генерала Князева, который лично приезжал для этой цели в Кузнецк [6]. При постройке Кузнецкой крепости с начала и до ее окончания находился инженер-поручик Булыгин, который, как утверждает И.С. Княжухин, впоследствии дослужился до генерала [7].

Строительство Кузнецкой крепости закончилось в 1820 году, основные сооружения были построены в период с 1807 по 1810 годы [8]. Строительство «Болотной» цитадели и сооружений, связанных с ней, было практически завершено в 1810 году [9] (Рис. 1).

Около 1807 г., то есть в то время, когда строились крепость и цитадель, по словам И.С. Княжухина, в городе опять начались волнения, связанные с появлением у Телецкого лагера значительного числа китайцев, которые, по слухам, стали менять свои пограничные караулы. С ближайшей укрепленной линии был отправлен отряд казаков, который выяснил, что китайцы действительно меняли караулы, и волнения улеглись [10].

На крепости были расположены следующие воинские силы: рота Бийского гарнизонного батальона (рядовые гарнизонных полков изображены на рис. 2), которая в 1810 г. располагалась в количестве 200 человек и одной солдатской казарме вместе с ротой инвалидов в 70 человек [11].

В этой казарме было очень тесно, и поэтому специально для роты гарнизонного батальона на территории крепости к 1812 г. была построена вторая казарма на 210 человек [12].

В 1812 году инвалидов на крепости было уже 90 человек [13] и они использовались в основном на вспомогательных работах. Кроме того, на крепости находилась 1/4 артиллерийской роты [14]. Это было подразделение, входившее в состав 15-й гарнизонной артиллерийской бригады [15] (Артиллерист изображен на Рис. 3).

Интересно, что данных о размещении на территории крепости прудий и артиллерийской команды до 1817 г. нет. Только в 1817 г. упоминается, что в артиллерийском и инженерном цейхгаузе находятся прудия и гаряды [16]. Артиллерийский цейхгауз на крепости был сооружен в 1808 г., на следующий год к нему был пристроен еще и инженерный цейхгауз [17] (чертеж артиллерийского и инженерного цейхгауза показан на Рис. 4).

Кроме цейхгауза, для артиллерийских нужд на территории крепости в 1810 г. закончилось сооружение порохового погреба [18]. В «Болотной» цитадели к 1809 г. построили артиллерийский сарай и намечалось сооружение цейхгауза, который так и не построили [19].

Первый учет пушек Кузнецкой крепости был проведен 1 января 1819 г. На это время на крепости находились 22 чугунных и медных орудия: 12 чугунных 12-фунтовых пушек, 4 медных 6-фунтовых пушек, 4 чугунных 3-фунтовых пушек и 2 медных 1/4-пудовых однопорога [20] (копии 12-фунтовых чугунных пушек на крепостном лафете установлены на территории ИАМ «Кузнецкая крепость» (Рис. 5)). Судя по более ранним документам, чугунные 3-фунтовые пушки были в Кузнецке еще в XVIII в. [21]. Новыми являлись 6-ти и 12-фунтовые пушки и 1/4-пудовые однопороги (единороги).

Рис. 1. Генеральный план Кузнецкой крепости
и «Бслотной цитадели» по состоянию на 1811 г.
(РГВИА Ф. 349 Оп. 17. Е. хр. 4479)

Рис. 2. Рядовые гарнизонных полков
1808-1809 гг (я зимней и в летней форме)
По Висковатову. Табл. 1785

Рис. 3. Ксёанир гарнизонных артиллерийских рот
1834-1843 гг.
По Висковатову, Табл. 57'.

Рис. 5 Копия 12 фунтовой чугунной пушки
на крепостном лафете.
Установлена на территории ИАМ «Кузнецкая крепость».

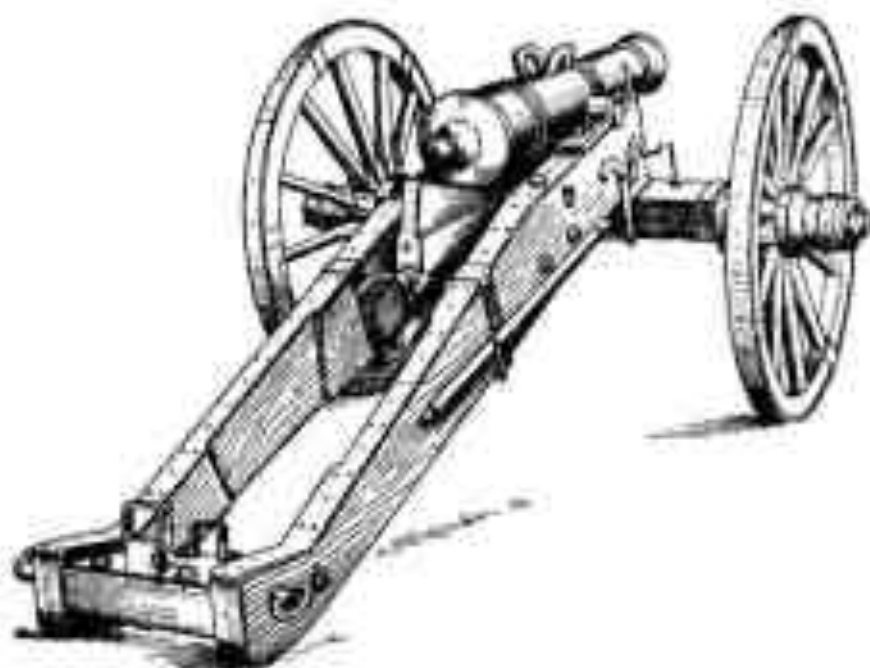

Рис. 6 1/4-пудовый единорог

В 1805 г. в России была установлена определенная система орудий, по которой артиллерия была оснащена 12-фунтовыми, 6-фунтовыми, 1/2- и 1/4-пудовыми пушками, а также 3-фунтовыми единорогами. Они отличались от аналогичных более ранних образцов меньшим весом, большей подвижностью и более совершенными прицельными приспособлениями (1/4-пудовый единорог образца 1805 г. изображен на Рис. 6).

Дальность стрельбы из пушек ядрами доходила до 2500 метров, картечью до 500-600 метров. На практике же дальность стрельбы была примерно в два раза меньше. Наибольшая убойность достигалась ядрами и гранатами на 600 метров, а картечью на 300 метров. Скорострельность равнялась одному, двум и трем выстрелам в минуту [22].

Сведений о наличии артиллерийского гарнизона на крепости нет до октября 1821 г. 7 января 1822 г. кузнецкий артиллерийский гарнизон принял уже подпоручик Мальцов. При этом отмечалось, что на октябрь 1821 г. в гарнизоне «... боевых зарядов не имеется», 1/4 артиллерийской роты на тот момент состояла из барабанщика, 4-х фейерверкеров, 38-ми рядовых и 3-х нестроевых [23].

Следующий учет орудий Кузнецкой крепости был проведен в 1828 г. В своем рапорте в Артиллерийский департамент от 30 апреля командир 1/4 артиллерийской роты подпоручик Бобынаков докладывал, что в наличии на крепости находятся все те же 22 орудия, что и в 1819 г. [24].

По воспоминаниям И.С. Коллюхона, «на стенах крепости находились пушки на лафетах, из которых производилась временная стрельба, в пушках без лафетов и прочих артиллерийских припасов было немало» [25].

В «Ведомости Кузнецкой крепости о числе нештатных калибров и лафет...» от 1828 г. говорится и об одном негодном орудии на крепости, а именно о чугунной 3,5-фунтовой пушке, которая в 1823 г. была «обращена в чугун» [26].

В «Ведомости Кузнецкой крепости о числе нештатных калибров и зарядов...» от 1828 г. также упоминаются 112 ядер, 192 бомбы и гранаты к этой пушке и кроме этого 6 бомб и гранат к 2-фунтовому орудью. Все эти негодные боеприпасы были также «обращены в чугун» в 1823 г. [27].

Кроме того, в этих двух «Ведомостях...» сообщается и о негодных орудиях и боеприпасах к ним, находящихся в форпостах и редутах Кузнецкой дистанции уже Бийской казачьей линии.

В редуте Сарычумынском была 2,5-фунтовая, в форпосте Верхнеинском — 1¹/₄-фунтовая, в редуте Караканском — 1,5-фунтовая, в форпостах Кузедеевском и Уропском — по одной 12-лотовой пушке. К этим орудиям в перечисленных форпостах и редутах находилось в общей сложности 850 ядер [28].

В 1835-1837 гг. Артиллерийским департаментом была составлена ведомость о количестве орудий, которые положено иметь в крепостях, с «...исчислением капитального пороха по количеству положенных в них Военным Советом зарядов» [29]. Согласно этому документу, на Кузнецкой крепости положено было иметь 42 орудия, из них 12-фунтовых — 6 штук, 6-фунтовых — 24 штуки, 3-фунтовых — 6 штук, 1/2-пудовых единорогов — 2 штуки, 1/4-пудовых единорогов — 4 штуки. К этим орудиям необходимо было 5040 зарядов, на которые нужно 234 пуда пушечного и 60 пудов мушкетного пороха [30].

Во второй половине 1820-х гг. начинается вывод войск из Кузнецкой крепости, что было связано с постепенным уменьшением китайской военной опасности. Цинский Китай в это время был значительно ослаблен по сравнению со второй половиной XVIII в. Это связывают с активизацией контрабанды в Поднебесную индийского и турецкого опиума английскими и американскими купцами. Китайцы за опиум

расплачивались серебром, и в начале 1830-х гг. утечка серебра из страны составляла уже 8,5 миллионная долларов в год [31]. В этой ситуации император Даогуан (годы правления — 1821-1850) пред ли решился на войну с Россией. Правительство Поднебесной попыталось воспрепятствовать контрабанде опиума, что привело к двум «опиумным войнам» 1839-1842 и 1856-1858 гг. Эти войны являлись ведущими державами мира и закончились поражением Китая. Поднебесная после этих войн была еще более ослаблена и сй тем более было не до войны с Россией.

Рота Бийского гарнизонного батальона, по словам все того же И.С. Копныхова, вышла из города в 1826 или 1827 г. [32]. Что касается роты инвалидов, то она находилась в городе дольше других воинских подразделений Кузнецкой крепости. В 1859 г., например, на территории уже упраздненной крепости предполагалось перенести одну из старых солдатских казарм для размещения нижних чинов кузнецкой инвалидной команды [33]. По «Ведомости крепостям, укреплениям и постам, находящимся в Западной Сибири с означением в них числа войск и орудий...», в 1862 г. в заштатной Кузнецкой крепости находилась инвалидная команда [34]. Когда И.С. Копныхов писал «Кузнецкую летопись» (конц 1860-начало 1870-х гг.), рота инвалидов еще находилась в Кузнецке [35].

Судя по официальным документам, артиллерийская команда была упразднена в период с 15 февраля до 23 июня 1841 г. [36]. Причем здесь же отмечалось, что Кузнецкая крепость к тому времени была уже заштатной [37]. Упразднение крепости произошло, судя по источникам, между 1835 и 1841 гг. Дело в том, что уже в упомянутом выше документе 1835-1837 гг. Кузнецкая крепость называется еще пограничной, то есть она была штатной крепостью [38]. Тем более что на нее рассчитывалось количество артиллерийских зарядов и пороха к ним, которые положено было иметь. Артиллерийская команда была выведена из города, как утверждает все тот же И.С. Копныхов, в 1842 г. [39].

Почему здесь еще размещался артиллерийский гарнизон, когда и сама Кузнецкая крепость находилась уже в разряде заштатных?

Какое-то время после упразднения крепости артиллеристы продавали порох местному населению. Постепенно спрос на порох уменьшился, и Артиллерийским департаментом было составлено «Заключение» от 15 февраля 1841 г., где отмечалось, что содержание кузнецкой артиллерийской команды, которое очевидно напрямую зависело от продажи пороха, стало обходиться очень дорого, и ее упразднили [40]. Интересно, что в предписании Канцелярии Военного Министерства от 25 января 1841 г. об упразднении Кузнецкого артиллерийского гарнизона говорилось о необходимости оставить пороховой склад на территории упраздненной крепости «дабы тамошние жители, и огобенности и породы, имеющие добыванием зверей существование свое, не лишались возможности приобретать нужный им порох» [41]. Кроме того, были трудности с реализацией негодного артиллерийского имущества и с распределением годных орудий и боеприпасов.

Еще в начале 1834 г. предполагалось продать негодное артиллерийское имущество укрепленных пунктов Кузнецкой дистанции Бийской казачьей линии на местах, но «негодные орудия и снаряды...купить никто не пожелал» [42]. Оценка чугунных деталей негодного артиллерийского имущества форпостов и редутов Кузнецкой дистанции была приведена в период с 1 по 10 июня 1834 г. командиром Кузнецкого артиллерийского гарнизона подпоручиком Игнатовым и сотником 10-го казачьего полка Мусахраниным. Было выявлено негодного чугунного имущества в 3 форпостах и 2 редутах общим весом 26 пудов 6 фунтов, которое оценивалось в пределах от 50 до 62 коп. за пуд [43]. Продажа же этого чугунного имущества состояла только

ко в январе 1836 г. Судя по торговым листам, она проходила на местах с аукционных торгов по цене от 52 коп. до 1 руб. за пуд [44].

Что касается артиллерийского имущества собственно Кузнецкой крепости, то в рапорте Начальника артиллерийских гарнизонов Сибирского округа генерал-майора Потемкина от 23 июня 1841 г. говорилось о том, что в упраздненном Кузнецком артиллерийском гарнизоне нетодное имущество предполагалось «продать установленным порядком на местах». Годное же артиллерийское имущество, «не заключающее в себе большой тяжести отправить к другим гарнизонам частями посредством почт, ... а то имущество, которое нельзя отправлять посредством почт, назначено в ближайшие гарнизоны перевести посредством вольных подрядчиков» [45].

Трудности с реализацией артиллерийского имущества были и после упразднения артиллерийского гарнизона. Достаточно сказать, что крепостные пушки стали вывозить из города только через двадцать с лишним лет.

По уже упоминавшейся «Ведомости крепостям...», в заштатной крепости Кузнецкой на 15 декабря 1862 г., кроме инвалидной команды, числилось только 6 орудий крепостной артиллерии без лафетов [46].

И.С. Конюхов в «Кузнецкой летописи» однако же сообщал, что пушки и снаряды из крепости стали перевозиться в Омск или Томск только в 1866 или 1867 гг. [47]. Это противоречие можно объяснить тем, что в 1862 году остальные орудия Кузнецкой крепости подготовили к отправке и они уже были сняты с учета.

Таким образом, после 1867 г. на крепости оставалось только 6 пушек.

В конце 1919 г. одно из этих орудий захватил с собой партизанский отряд, который тогда находился в окрестностях Кузнецка, и использовал при штурме с. Тогул. Эта пушка установлена в селе на центральной площади [48].

Остальные 5 пушек до 1927 г. находились на крепостных полубастионах, затем они были сброшены вниз [49]. В составленном 27 декабря 1934 г. «Описании крепости...» говорилось, что пушек на крепости уже нет [50].

В настоящее время 4 из пяти оставшихся орудий Кузнецкой крепости установлены у входа в Новокузнецкий городской краеведческий музей. Судьба пятой пушки пока остается неизвестной.

Примечания

1. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947. С. 77.
2. Архив НКМ. Нф-д. Оп. 1. Р. 2. Д. 61. Л. 11.
3. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Е. хр. 42.
4. Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России... СПб., 1826. Т. 6. С. 527.
5. Огурцов А.Ю. и др. Основные принципы реставрации и музеефикации ИАМ «Кузнецкая крепость» // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993. Вып. 1. С. 184.
6. Там же.
7. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 31.
8. РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4462, 4465, 4468, 4471.
9. РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4471.
10. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С. 25-26.
11. РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4471.
12. РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4464.

13. РГВИА Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4489.
14. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С. 33; РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 123. Л. 96; Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. 2/9. № 108. Л. 6.
15. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 123. Л. 96.
16. РГВИА Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4500.
17. РГВИА Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4478.
18. РГВИА Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4471, 4478, 4479.
19. РГВИА Ф. 349. Оп. 17. Е. хр. 4468, 4471.
20. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 123. Л. 97.
21. Кириллов А. Цветущее состояние российских городов... С. 280; РГАДА Ф. 517. Д. 94. Л. 8об-9об; Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. «Крепостная». № 966. Л. 3.
22. Строчков А.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 4. С. 312.
23. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. 2/9. № 108. Л. 6.
24. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 123. Л. 97.
25. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С. 33.
26. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 123. Л. 98.
27. Там же. Л. 99.
28. Там же. Л. 98-99.
29. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 396.
30. Там же. Л. 66.
31. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840-1949 гг.). М., 1956. С. 10.
32. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С. 33.
33. Архив ИАМ «Кузнецкая крепость». Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.
34. Ведомость крепостям, укреплениям и постам, находящимся в Западной Сибири с означением в них числа войск и оружий // Квартирное расписание войск Отдельного Сибирского Корпуса. Исправлено по сведениям на 15 декабря 1862 г. Типография штаба Отдельного Сибирского Корпуса. С. 35. (Библиотека ВИМАИВ и ВС). Материалы из библиотеки и архива ВИМАИВ и ВС предоставлены с.я. сотрудником ИАМ «Кузнецкая крепость» Н.А. Кузнецовым, за что мы ему весьма благодарны.
35. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С. 33.
36. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 526. Л. 3, 6.
37. Там же. Л. 3.
38. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 396. Л. 66.
39. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись... С. 33.
40. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 526. Л. 3.
41. Там же. Л. 1сб.
42. РГВИА Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 405. Л. 1.
43. Там же. Л. 11.
44. Там же. Л. 33-37.
45. РГВИА. Ф. 503. Оп. 2. Е. хр. 526. Л. 6, 6об.
46. Ведомость крепостям, укреплениям и постам... С. 35.
47. Архив ИАМ «Кузнецкая крепость». Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 52.
48. Сведения предоставил сотрудник ИАМ «Кузнецкая крепость» А.П. Щеглаков, за что мы ему весьма благодарны.
49. Архив ИАМ «Кузнецкая крепость». Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
50. Там же. Л. 65.

К вопросу о согласиях и толках старообрядцев на территории Кузбасса (вторая половина XIX — начало XX в.)

Названия конфессий, даже самых крупных, представляют собой результат абстрагирования, выделения наиболее значимых общих признаков при отвлечении от многообразия, существующего в реальном мире.

Христианство, возникшее когда-то в качестве одного из течений иудаизма и первоначально являвшееся "попым религиозным движением", также не избежало дробления. И католичество, и православие, и протестантизм являются сложными системами, появление и существование которых обусловлено целым рядом причин и духовного, и материального характера.

Русская Православная церковь (далее — РПЦ) дольно долго была единой. Одним из крупных потрясений этого единства стал Раскол РПЦ в сер. XVII в., в результате которого оформилось старо- и новообрядческие течения (оба термина условны).

К концу XVII в. священники домиконского покаяния поумирали, новых же поставить было некому (епископат постепенно нововведения принял). Некоторые "репнителю древлего благочестия" считали, что реформы исказили лишь обряды, но не суть веры (по отношению к ним стали использовать термин старообрядцы). Они посчитали возможным принимать священников, переходящих из патриаршей (синоподальной) церкви. Так оформилось поповское направление в форме беглопоповства (более грубое, но тоже внешнее название — беглопоповщина). Другие считали, что искажена была сама вера (отсюда название — староверы) и "никонианские" священники не имеют Божьей благодати. Они перешли на удовлетворение своих духовных нужд при помощи прпстцов (т. е. не-священников). Так оформилось другое направление — беспоповское.

За эти три столетия в старообрядчестве появились новые различия не только с РПЦ, но и с дореформенной Церковью [1], в каждой из двух ветвей русского православия появились свои святые. Поэтому и термин "старообрядцы", и термин "староверы" в строгом смысле слова не соответствуют сути явления и продолжают употребляться в силу исторической традиции.

Принятое в год 1000-летия Крещения Руси Древлеправославной Церковью Христовой (старообрядцев, приемлющих белокрыницкую иерархию) именование Русская Православная Старообрядческая Церковь — это условность, определяемая тем, что "и продолжение трехвековой истории гонений термин "старообрядцы", "старообрядчество" стал привычным, "своим" для верующих древлеправославного исповедания. История выдвинула в нем на передний план иную смысловую нагрузку: старообрядцы — это те, кто в отличие от новообрядцев не принял реформ Никона" [2]. В использовании термина "старообрядцы" мы исходим именно из такой его трактовки.

Среди исследователей нет единства в вопросах терминологии и классификации старообрядческих согласий и толков, что во многом зависит от оценки старообрядчества в целом. Во многих публикациях научного и научно-популярного характера термины "раскольники", "староверы", "сектанты" не разграничиваются и порой смешиваются. В.Г. Карцов сделал вывод об аналогичности русского Раскола XVII в. и западноевропейского протестантизма и применял термины "раскольник" и "протестант" как синонимы для русской действительности [3]. В.Ф. Милосидов, автор первой в советской историографии обобщающей работы по старообрядчеству, считал, что к беспоповщине, сохранившей лишь часть обрядов, и то в сильно упрощённом виде, применение терминов "староверие" или "старообрядчество" весьма условно [4]. П.А. Каушанский и А.Т. Москаленко отнесли истинно православных христиан странствующих (ИПХС) к сектантству [5].

Нет общего мнения и относительно причины дробления старообрядчества на отдельные согласия и толки. Миссионеры Мариинского отделения Томского епархиального противораскольнического братства св. Димитрия Ростовского в середине 1880-х гг. писали, что "все раскольники принадлежат к секте беспоповщинского поморского толка и в общем своём учении согласны между собой, в подробностях же разнятся почти до бесконечности, что зависит от того, что всякий из них учит по собственному разумению и выводит из того или другого места священного писания такое заключение, которое благоприятствует его личному мнению, и при этом кто расходится с ним в мнении относительно какого-либо предмета, хотя бы самого маловажного, как, например, ядения или неядения картофеля, чаепития, курения табаку, принятия пищи неумытыми руками и подобного сему, тот считается еретиком и с таковым кто бы он ни был, хотя бы отец или мать, брат или сестра, он не будет есть и пить из одной чашки и не будет вместе молиться" [6]. Конечно, здесь перечислены не догматические споры, но именно такие признаки долгое время в Томском крае играли определяющую роль в выяснении принадлежности к тому или иному согласию/толку. Примером могут служить перечни "сект", имеющих распространение в епархии/губернии. Чиновники, проводившие в 1840-х гг. ревизию государственных имуществ в Сибири, определили, что "секты их (раскольников — К.И.) состоят из старообрядцев, Поморцев, Поповщины, Молоканов, Субботников и Иконоборцев" [7]. Недалеко от них упали чиновники губернской канцелярии начала 1880-х гг. "есть молokane, поморцы, поморцы-стариковцы, беспоповцы, беглопоповщиныцы, поповцы, федосеевцы и др. Всех их местное население называет просто "старообрядцами" или "старикованцами"... Сколько именно... принадлежит раскольников к той или другой секте определить [из исповедных расписей] нельзя" [8]. В первом случае понятие "старообрядцы" включает в себя более мелкие понятия "поморцы" и "поповцы", а три других понятия никакого отношения к старообрядчеству не имеют. Во втором случае понятие "беспоповцы" является общим для понятий "поморцы", "федосеевцы" и "поморцы-стариковцы" (хотя последнее понятие — искусственно), понятие "беглопоповцы" можно считать частью понятия "поповцы"; все понятия, за исключением "молokane", действительно являются частью понятия "старообрядцы".

По мнению ряда учёных, причиной появления всё новых и новых согласий и толков являлась классовая неоднородность старообрядчества — каждый класс, общественная группа по-своему решали социальные вопросы, тесно переплетённые с религиозными проблемами, что и вызывало разногласия внутри этого оппозиционного царскому самодержавию движения и приводило к дроблению [9]. Не

отвергая эти причины, Н.Н. Покровский указывает и на влияние степени догматического и организационного окостенения согласий, общин и групп внутри них и различной реакции на изменения правительственной политики в области "раскола" [10].

По мнению Н.С. Гурьяновой, в старообрядчестве с момента его образования шла постоянная борьба двух направлений — умеренного и радикального. Усиление накала этой борьбы приходится на XVIII — первая пол. XIX вв. Победа умеренного направления внутри одного из согласий часто давала начало образованию нового толка, согласия, которое не только сохраняло радикализм своих предшественников, но и усиливало его. Однако и в этом новом согласии постепенно происходило расслоение на радикальные и умеренно радикальные (или даже просто умеренные) группировки. Примером одновременного существования трёх группировок внутри согласия может служить федосеевщина Европейской России конца XVIII — нач. XIX вв. В случае же победы умеренного направления в нём постепенно продолжало существовать и развиваться и радикальное направление [11].

Нами уже рассматривались проблемы сути единоверия и соотношения названий и самоназваний старообрядцев Томской губернии в досоветский период, определения численности старообрядцев и бытования белокриницкого согласия на территории Кемеровской области [12]; другими авторами изучались такие аспекты, как классификация толков и согласий [13], особенности иконопочтения [14] и материального положения [15]. Цель данной работы — выявить наличие и дореволюционный период на территории современной Кемеровской области различных толков и согласий старообрядцев (староверов). Проблемы определения численности и мест компактного расселения старообрядцев по согласиям и толкам, а также бытования на нашей территории единоверцев — это предмет отдельных исследований.

В качестве основного источника были использованы материалы состоявшегося в 1898 г. Томского епархиального миссионерского съезда [16]. Приходские священники, а также миссионеры и сотрудники Братства представили на съезд детализированную информацию о состоянии старообрядчества и сектантства в епархии. Большинство сотрудников — бывшие старообрядцы, зачастую — наставники, что позволяет оценивать представленные ими сведения как достоверные. На основе анализа материалов съезда была составлена таблица "Распределение старообрядцев на территории Кузбасса по толкам и согласиям в 1898 г." с привязкой к приходскому делению Томской епархии РПЦ.

Менее подробную информацию о согласиях и толках представляют материалы Первой всероссийской переписи, в которых отдельно даётся сводка по трём группам: 1) не указавшие толка или секты; 2) поповцы; 3) беспоповцы [17]. По сравнению со всеми предыдущими попытками представителей местного духовенства определить конфессиональный состав населения, проведённая гражданскими властями в 1897 г. перепись населения обладала рядом особенностей: 1) перепись была одноподневной и охватила все населённые пункты, поэтому можно предположить, что старообрядческий контингент в основном оказался охвачен переписью; 2) вероисповедание записывалось со слов опрашиваемых; явный процент назвавших себя просто старообрядцами и не указавших определённого толка или секты (по губернии в целом — 50,4%) свидетельствует, на наш взгляд, о нечёткости границ между отдельными толками и согласиями томского старообрядчества; 3) от переписи уклонились представители наиболее радикального старообрядчес-

кого толка — “страннического” (“странники” считали, что время проявления антихриста уже наступило, и поэтому следует порвать все связи с государством — сферой антихристовой, а также избегать любой переписки как символа подчинения власти антихриста [18]). Выборка [19] позволяет узнать количество старообрядцев и определить их удельный вес (если он более 10 %) в крупных поселениях (более 500 жителей). Однако согласие указано лишь в трёх случаях (причём в д. Дорониной Кузнецкого уезда одновременно — “поморцы” и “беспоповцы”), в одном случае — “беспоповцы”, а ещё в трёх — просто “старообрядцы”.

Ещё менее дифференцированно подходили к указанию согласия (толка) приходские священники, на основании рапортов которых [20] составлялись “Всеподлиннейшие отчёты обер-прокурора Святейшего Синода”.

К сожалению, весьма скудную информацию можно почерпнуть из “Справочной книги Томской епархии (РПЦ — КИ)”, также составленной на основании рапортов приходских священников. На всю епархию только по трём приходам дается конкретная информация, в частности, в Верхне-Почитанском приходе благочиния 10-го окр. на рубеже 1913-1914 гг. числилось 3 стариковца [21].

Беспоповцы (самоназвание в изучаемый период — старообрядцы, приемлющие священство, переходящее (бегствующее) от господствующей церкви; с 1988 г. официальное самоназвание — Древлеправославная церковь), не признавшие Белокриницкую иерархию, из-за отсутствия на рубеже веков собственных священников и довольно редких наездов священников из Европейской России или с Урала склонялись на территории Кузбасса либо к беспоповцам, либо к “австрийцам”, имевшим полную иерархию [22]. В отчётах приходских священников они проходили в графе “поповцы”; в 1911 г., например, на нашей территории их было зафиксировано всего три человека в благочинии 13-го окр. (Кузнецкий у.) [23].

Последователи оформившейся в 1846 г. Белокриницкой иерархии (догматические названия — австрийцы, австрияки или, по имени первого митрополита, омеросиенцы; самоназвание в изучаемый период — Древлеправославная Церковь Христова (старообрядцы, приемлющие священство белокриницкой иерархии), или просто белокриницкие; с 1988 г. официальное самоназвание — Русская Православная Старообрядческая Церковь) на территории Кузбасса появились до января 1867 г., когда в с. Вагановском Кузнецкого окр. во время тайной службы в доме Якова Кайгородова был арестован Савватий, епископ Тобольский и всея Сибири [24].

С 1862 г. иерархия раскололась на две неравные части по отношению к “Окружному посланию”, основной смысл которого заключался в признании нововведений Никона, а осуждались только преследования старообрядцев. На территории и Кузбасса, и губернии в целом противокружников в конце XIX в. было меньшинство. Одним из противокружников был Григорий Арефьевич Страхов. Первоначально он был часовенным. Потом перешёл в официальное православие и стал помощником епархиального противораскольнического миссионера. После этого перешёл к противокружникам, опубликовал на тектографе “Сочинения Григория Арефьевича Страхова”, направленные против окружников, беспоповцев (особенно часовенных) и РПЦ. Считался самым способным начётчиком в Томском, Мариинском и Кузнецком окр. 7 ноября 1912 г. в д. Еловке была открыта частная школа для детей-старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, а учителем был назначен Г.А. Страхов [25]. Имелся и другая версия переко-

дон Страхова: РПЦ (?) "петовец" (в возрасте 14 лет) (?) "странник-бесстатейник" (в течение 3 лет) (?) белокриницкий (в течение 10 лет) (?) РПЦ (в течение 9 месяцев) (?) белокриницкий [26].

Банки к поповцам были такие согласия, как часовенные и стариковцы. Согласие часовенных зародилось в Керженских скитах как поповское под именем софрониевщины (по имени основателя — бывшего соловецкого чёрного попа Софронтия). После разгрома Керженских скитов (начало 1720-х гг.) эти старообрядцы попали в Сибирь, в том числе и на демидовские заводы, где и стали называть себя часовенными (так как духовная жизнь согласия концентрировалась вокруг часовен). Во второй половине XIX в. по причине малого количества в Сибири беглых попов, согласие эволюционировало в сторону беспоповщины [27]. Прощедший в 1911 г. съезд часовенных самоидентифицировал себя уже как съезд старообрядцев, не имеющих священства [28].

Миссионерский съезд 1898 г. охарактеризовал томских часовенных как отрасль стариковщины ("выродившейся беглопоповщины"), но значительно реже обращающихся к синодальным священникам. Часовенные и стариковцы принимали к себе по третьему чину, в некоторых обрядовых тонкостях сходились с поморцами (одно время выделяли, наряду с собственно поморцами, и поморцев-стариковцев [29]). Для посвящения наставники ездили в Екатеринбург, Самару или на Уймонь, Бийского окр. В Томской епархии РПЦ, наряду со стариковщиной, выделявшейся из беглопоповщины, имела и стариковщина, "яращённая" благодаря синодальным священникам, доверявшим старикам/старухам проповедовать и отдалённых от центра прихода селениях вечерни, часы и погружение младенцев. Народ привыкал по несколько лет обходиться без священника, старики — пользоваться определёнными правами и обязанностями [30].

Среди беспоповских толков и согласий до конца XIX в. численно лидировали поморцы. Возникновение названия связано с регионом, где в конце XVII в. сформировалось данное согласие — с Поморьем. В конце XVII — первой трети XVIII в. из-за разногласий по двум вопросам — отношению к бессвященническому браку и молению за царя — произошёл раскол согласия на холмопоморцев (законобрачных поморцев) и старопоморцев (безбрачные даниловцы и федосеевцы). После соборов 1692–94 гг. согласие возглавил дьячок Данила (Даниил) Викулин; оплотом стала Выгорейская община, эволюционировавшая в 1-й трети XVIII в. в весьма умеренное движение. По одной из версий, согласие стали называть даниловским по его имени, по другой — по названию Данилова монастыря, где жили и Данила Викулин, и братья Денисоны. Другое согласие стало называться федосеевским по имени его основателя — дьячка Феодосия Васильева (1661 — 23 июля 1711 г.), сформулировавшего один из радикальных вариантов теории духовного антихриста. Разрыв между поморцами и федосеевцами произошёл в первой половине XVIII в. [31].

Федосеевцы на территории Кузбасса в изучаемый период отмечались эпизодически. В благочинии 12-го окр. в 1884 г. была присоединена к РПЦ 1 женщина, а в 1894 г. — 6 мужчин и 5 женщин [32]. В конце 1897 — начале 1898 г. федосеевцы отмечены в Кузнецком у. (175 человек в д. Татарской, Монастырского прихода, 50 — в д. Барсучьей и 15 — в д. Ячменевый Караканского прихода). Однако из материалов епархиального миссионерского съезда вытекает, что на территории Кузбасса федосеевцев в августе 1898 г. не было. Сопоставление данных января и августа 1898 г. позволяет предположить, что в Каракаанском приходе произошло уточнение, так

как вместо 65 федосеевцев показано 70 дапиловцев — численность сопоставимая, о́на толка относится к старопоморству. В Монастырском приходе практически совпадает численность старообрядцев (175 — в январе и 176 — в августе), но трудно понять трансформацию федосеевцев в стариковцев [33].

На местном поморском соборе, проходившем в 1866 г. в с. Сепыч Оханского у. Пермской губ., между верхкамскими паставниками (Максимом Егоровичем Ждановым и Татьяной Петровной, с одной стороны, и Давидом Ияангвичем Мальценым и Максимом Григорьевичем — с другой) произошла размоляка, оформившаяся на соборе 1888 г. в Д. Грипки в отделение максимовцев (по имени М.Ф. Жданова), или Шантаровского согласия (так как жили, в основном, в Нифонятской и Шантаровской вол.), от основной массы — дёминцев (название — по д. Дёминой, где был окончательно оформлен раскол). Причина разделения была не догматическая, а «главным образом из-за неприятия различных настоящих друг к другу и нежелания их разрешить совместно наиболее проблемные». Однако система запретов в бытовой сфере у максимовцев оказалась более жёсткой, что привело к сокращению численности этой группы по сравнению с их противниками — с дёминцами. С началом Столыпинской аграрной реформы часть верхкамских поморцев, в основном — максимовцев, переселилась на территорию современного Кузбасса [34].

В 1905 г. на первом Всероссийском соборе христиан-поморцев, принимавших брак, оформился токаревский толк. Последователи жителя с. Гордец Нижегородской губ. К.Е. Токарева (по чьей фамилии толк и получил наименование) расходились с основной массой лишь в отношении к изображению на иконах Троицы «Токаревы», среди которых были и жители Кузнецкого у. Томской губ., за образцы принимали Троицу Андрея Рублёва и отрицали изображение Бога-Отца в образе старца [35].

Нетовцы (спасовцы) до миссионерского съезда 1898 г. смешивали порой со стариковцами или поморцами, а о существовании ещё и внутреннего их деления даже и не подозревали. В конце XIX в. основная часть спасовцев Томской епархии принадлежала к нетовщине глухой, которая принимала к себе через семипоклонный начал и потому получила название подначальники, меньшая часть — к нетовщине поющей, принимающей к себе по третьему чину (отрицания ересей) и, соответственно, прозывавшейся отрицанцами. И тех, и других томиачи «никониане» обзывали некудышниками [36]. Самоназвание «спасовцы» восходит ко времени оформления согласия (спасовский Ладожский скит был построен одновременно с Выгорецким общи́нством) и отражает внутреннюю суть согласия: исходя из положений об отсутствии истинного священства, личном воцарении антихриста на земле и невозможности человеку самому победить его, спасовцы уповали на единственного защитника — на Бога (Спаса), который сам знает, как их спасти (поэтому у них не было ни наставников, ни молитвенных домов — каждый молился у себя дома перед меднолитыми иконами) [37]. В 1892/93 г., согласно оценке жившего в с. Вагановском сотрудника Братства Андрея Токарева, до 1/3 старообрядцев Кузнецкого окр. (1000 чел.) принадлежали к глухой нетовщине [38].

Наиболее радикальными толками нетовщины были «рябиновцы» и «дырники» [39]. Обособившиеся во второй половине XVIII в. (по мнению В.Ф. Милодия, этот допускавший самокрещение толк выделился из Спасова согласия, а современные старообрядцы определяют «рябиновцев» как отрасль самокрещен-

ства, называемого бабушкиным согласием [40]), "рябиновцы" на территории области впервые отмечены в 1870 г. в д. Благовещенской, Мариинского окр. Возможно, новый толк был занесён переселенцами из Оренбургской губ., основавшими в 1864 г. эту деревню. На конец XIX в. отмечены в д. Тамбар, Кайчакского прихода, д. Каючи, Тяжинского прихода, д. Осиновка, Щегловского (Верх-Томского? — КИ) прихода и в Брюхановском приходе [41], 1898, № 4, с. 25; Фурсова, 1997, с. 214-225]. Название ("рябиновцы"), так же, как и самоназвание — по честну кресту — отражает приверженность представителей данного толка к ипсымиконечному кресту (единственная церковная утварь в молельной), изготовленному из рябины — аналога, по их мнению, библейской пенти — одной из трёх составляющих Креста Господня. Всех остальных считали еретиками и принимали к себе по прямому чину [42].

Другим ответвлением нетовцев-самокрепценцев были восточники (самоназвание). По мнению восточников, неиспорченных икон не осталось, а новые написать и освятить некому, и поэтому они молились на восток (на солнце): в хорошую погоду — на открытом воздухе, в ненастную и холодную — через отверстие, прорубленное в восточной стене дома. Отсюда и прозвания дырниками и оконпоклопниками. На территории Кузбасса восточники зафиксированы во 2-й половине XIX в. в с. Эгледеевском, Томского окр., а в конце XIX в. — в Мариинско-Чулымской тайге [43]. По формальным признакам этот толк, возникший внутри Спасава согласия, чрезвычайно близок к сектантству; современные старообрядцы определяют восточников как часть самокрещенского бабушкиного согласия [44].

В конце 1730-х гг. поморское согласие раскололось по отношению к догмату цемления за государя. Наиболее радикальную часть возглавил старец Филипп — бывший стрелец Фотий Васильев (1674-1742), считавший, что "последние времена" уже наступили и единственным путём спасения, возведённым в ранг догмата, является самосожжение. По имени основателя стали называть и само согласие — филипповское [45]. В первой половине 1780-х гг. (есть и более ранние датировки формирования "страннического" мировоззрения) из филипповского согласия выделились истинно православные христиане странствующие (самоназвание; названия по образу жизни — голбешники, скрытники, бегуны, странники, по одному из центров согласия — ярославские) [46]. По мнению А.И. Клибанова, Томская губерния, наряду с Тобольской губернией и Приуральем, представляла собой зону деятельности бегунской организации уже в первом десятилетии XIX в. [47], а по мнению М.С. Викулова (одного из наиболее известных в конце XIX в. наставников "странников" Мариинской тайги) первые странники (бездешники) появились в Верх-Чулымской тайге в 1836 г. под влиянием поселившихся на кабинетских землях выходцев из Пермской губ. Андреяна и Силуана [48]. Впоследствии именно эта тайга была центром томских "странников" [49]. В 1855 г. в Верх-Чулымской тайге появились первые наставники статейников (иерархистов), выступавших в противоположность бесстатейникам, за строгую организацию церковной жизни [50]. В конце XIX века в Чулымской тайге преобладали бездешники, деньгами которых заведовал один из крестьян с. Кайчакского; в 40 верстах от д. Тамбар находился один из пяти страннических скитов [51].

Проживавшие на территории Кузбасса старообрядцы имели и отличные от общероссийских названия и самоназвания. Например, "рябиновцы" д. Благовещенской Мариинского у. называли себя по имени/фамилии своего наставника за-

харовцами [52]. В д. Сидорёнокской и Уропе, Караканского прихода, а также в пределах Чолухоевского стана Алтайской духовной миссии и Караиде в конце XIX в. выделялась нифонтовщина — вариант стариконщины; главное отличие заключалось в том, что бывший рабочий Гурьевского завода Нифонт (по чьему имени и дано название) учил, что крестное знамение необходимо делать от себя, чтобы отогнать таким образом бесов. В 1898 г. миссионеры определили количество его последователей в 250 человек. [53]. После бегства старообрядцев из распрощанных Керженских скитов во все близлежащие регионы, появилось обобщённое именование любых старообрядцев кержаками [54].

Согласно воспоминаниям жителя пос. Урск Н.М. Михальченко (1912 г.р.), живших в д. Горскино, Подкопелка, Ур-Бедари, Ново-Пестери, Красное пермяков называли просто староверами, а приехавших с Алтайского края именовали чалдонами [55]. Однако необходимо учитывать, что последний термин в конце XIX — первой трети XX в. был распространён гораздо шире, чем это следовало из словарей XIX–XX вв., и не всегда являлся синонимом понятия "старообрядец" [56].

Неясна этимология этнонима (возможно, этнотопонима) "курганы". Старообрядцы с таким названием (самоназванием?) проживали в Барнаульском у. и Тарасинской вол. Кузнецкого у. Современные информаторы 1900–1917 гг. не в состоянии объяснить свою конфессиональную принадлежность. Предки их переселились в Приобье в 1907–1908 гг. из Среднего Поволжья. Поскольку имевшаяся в одном из "курганских" сёл молельная являлась поморским центром [57], можно предположить, что и сами "курганы" имели определённые отношения к этому широко распространённому в регионе согласию. С другой стороны, в благочинии 18-го окр. (Барнаульский окр.) в 1884 г. имелась "секта курганов, смешанная с сектой бегунов" и являвшаяся самой упорной к обращению в официальное православие [58].

Анализ численного распределения кузбасских старообрядцев по толкам (согласиям) показывает, что на конец XIX в. наиболее распространёнными в данном регионе были стариковцы (точнее — часовенные), распределённые по 36 приходам РПЦ — 2/3 всех учтённых на 1898 г. старообрядцев. Преобладание именно этого согласия имело объективные причины, тезисно описанные нами выше. Далее с большим отрывом следовали проживавшие в пяти приходах РПЦ новопоморцы (поморцы законобратные). К началу 1910-х гг. возрастает доля старообрядцев, принимающих священство Белокриницкой иерархии, при сохранении значительно перевеса беспопояского направления.

В течение второй половины XIX — начала XX в. на территории современной Кемеровской области оформились основные согласия и толки. В основном, они имели аналоги в других регионах, хотя были и редко встречающиеся толки. Подвижность старообрядчества выражалась в переходах как из одного согласия (толка) в другой, так и из старообрядчества в официальное православие. Многие приверженцы дораскольных традиций соотносили себя не с конкретным согласием (толком), а со старообрядчеством в целом. На наш взгляд, это позволяет говорить об отсутствии жёсткой дифференциации внутри старообрядчества.

В целом, учитывая разноречивое именование старообрядцев, а также пожелания самих старообрядцев, можно рекомендовать употреблять терминологию источника (опираваясь это), а в случае возможности более точной идентификации — опираваться на нее дополнительно.

Примечания

1. Покровский Н.Н. Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 7.
2. Силуян, еп. Об изначальности Древлеправославия // Русь Православная (г. Большой Камень). 1997. № 20. С. 4; Называли груздем — полезай я кузов? // Русь Православная (г. Большой Камень). 2001. № 56. С. 2.
3. Карпиз В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России [В 2 ч.]. Ч. 1. Калинин, 1971. С. 10.
4. Миленидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 21.
5. Каушанский П.А. Идеология и деятельность христианских сект. Кемерово, 1965. С. 135; Мискалаенко А.Т. Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск, 1978. С. 18, 20 и др.
6. Извлечение из отчёта о гостении и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского, за 1885/6 год // Томские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1887. № 6 (отд. неофиц.). С. 5-6.
7. Краткие заметки о религиозно-нравственном состоянии народонаселения Сибири, извлечённые из дела о рензии Государственных имуществ за 40-х годах настоящего столетия // ТЕВ. 1887. № 15 (отд. офиц.). С. 9.
8. Обзор Томской губернии за 1882 год. Томск, 1883. С. 29.
9. Катунский А.Е. Старообрядчество. М., 1972. С. 29, 41; Мискалаенко, 1978, с. 18.
10. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 7.
11. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой асхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 4, 99-101, 105.
12. Иванов К.Ю. Единение как способ борьбы со старообрядчеством (на примере Томской епархии) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сиб.-Урал. ист. конгр. (Тобольск, 25-27 нояб. 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 107-108; Иванов К.Ю. Из истории старообрядческой общины д. Флавки Кемеровской области // Церкви, государство и общество в истории России XX века: Материалы II всерос. науч. конф. (Иркутск, 5 дек. 2002 г.). Иркутск, 2002. С. 69-71; Иванов К.Ю. Священники Белокриницкой иерархии на территории Кузбасса (вторая четверть XX в.) // Материалы XXXVI Международной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс": История / Новосибирск. ун-т. Новосибирск, 1998. Ч. 2. С. 67-69; Иванов К.Ю. Соглашения и толки Томского старообрядчества (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Исторические судьбы православия в Сибири: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Иркутск, 1-3 октября 1997 г.). Иркутск, 1997. С. 91-94.
13. Фаттахова Л.Р. Историко-этнографический очерк старообрядчества Кузнецкого уезда // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 37-39.
14. Алёхин Ю.П., Илюшин А.М., Урлаткин Е.Б. Старообрядческое иконотворчество и культовые традиции коренного населения земли Кузнецкой (по редким археологическим находкам) // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 122-127; Алёхин Ю.П., Урлаткин Е.Б. Некоторые аспекты бытования и изучения произведений сибирского старообрядческого иконотворчества // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 264-267; Алёхин

- Ю.П., Урлаткин Е.Б. Редкие находки произведений старообрядческого иконотворчества и культовые традиции коренного населения земли Кузнецкой // Старообрядчество. История, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф. "Старообрядчество: История, культура, современность" (Москва, 20-21 ноября 2000 г.). М., 2000а. С. 357-365; Урлаткин Е.Б. К вопросу атрибуции и датировки сибирской старообрядческой культовой металлопластики (XVII-XIX вв.) // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. XXXVIII Регион. археол.-этногр. студ. конф., посвящ. 90-летию акад. А.П. Окладникова. Улан-Удэ, 1998. С. 161-163.
15. Усков И.Ю. Старообрядцы д. Какуй в конце XIX — начале XX вв. (проблема персонализации) // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII — начале XX вв. Кемерово, 1997. С. 113-118.
  16. Первый епархиальный миссионерский съезд в Томске 10-27 августа 1898. Томск, 1900.
  17. Распределение населения империи по главным исповеданиям / Изд. ЦСК МВД Б. м., 1901. С. 25.
  18. Первый, 1900, с. 38; Мальцов А.И. Неизвестное сочинение инок Ефимия // Изв. СО АН СССР. Сер. История, философия и филология. 1991. Вып. 3. С. 21.
  19. Населённые места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих исповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905. С. 75, 76, 80, 83.
  20. ГАТО. Ф. Д-170. Оп. 3. Д. 3775, 4756.
  21. Стрижневская книга Томской епархии / Сост. под рук. П.А. Карташова. Томск, 1914. С. 193-194.
  22. Беликов Д. Н. Томский раскол. (Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы) // Известия Императорского Томского университета. 1900. Кн. 16. С. 16.
  23. ГАТО. Ф. Д-170. Оп. 3. Д. 4756. Л. 321 об.
  24. Беликов Д. Н. Томский раскол. (Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы) // Известия Императорского Томского университета. 1901. Кн. 18. С. 49-50, 57-58; Милонидов, 1969, с. 29, 30, 52.
  25. Милонидов, 1969, с. 55-56, 69; Первый, 1900, с. 59-61, 130; Дер. Еловка, Томской губ. // Церковь. 1912. № 50. С. 1211.
  26. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / Сост. С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. М.: Церковь. 1996. С. 276.
  27. Покровский, 1974. С. 13, 14; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 467-468.
  28. Борисенко Н.А. Сборы старообрядцев-часовенных Урала и Западной Сибири второй половины XIX — начала XX века // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сиб.-Урал. ист. конгр. (Тобольск, 25-27 июля 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 108-109.
  29. Обзор. 1883, с. 29.
  30. ЦХАФАК. Ф. Д-163. Оп. 1. Д. 313. Л. 2; Первый, 1900, с. 50-53; Беликов, 1900, с. 16-18; Беликов Д. Раскол в Сибири и в Томске // Известия Императорского Томского университета. 1905. Кн. XXV. С. 32.
  31. Милонидов, 1969, с. 23-26; Катунский, 1972, с. 37-38; Гурьянова, 1988, с. 33, 86; Старообрядчество, 1996, с. 60, 84-85.
  32. ГАТО. Ф. Д-170. Оп. 3. Д. 3443. Л. 5 об.; Д. 3775. Л. 25 об.
  33. Н[овиков] И. Миссионерские известия по Томской епархии // ТЕР. 1898. № 4 (отд. мисс.). С. 25; Первый, 1900, с. 222.

34. Безоголов А. Перхокамье. Краткий очерк о духовной истории // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1998 год / Изд. Рос. Совета ДПЦ Б. м., б. г. С. 69-70; Поздеева И. В. Продолжение традиции: книжная культура старообрядческого Перхокамья // Мир старообрядчества. М., 1996. Вып. III. С. 10, 34-35; Чатин Г. П. Заселения и хозяйственное освоение Перхокамья в конце XVIII — первой трети XX века // Мир старообрядчества. Вып. 4. Жилые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. М., 1998. С. 272.
35. Деметреша Л. С., Семилет Т. А. Проблемы изучения старообрядческой культуры Алтая // Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26-30 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2001. С. 337.
36. Миловидов, 1969, с. 28-29; Беликов, 1900, с. 19-20; Первый, 1900, с. 44-45; Нювикон И. К предстоящему Епархиальному Миссионерскому съезду // ТГВ. 1898. № 12 (отд. мисс.). С. 3.
37. Миловидов, 1969, с. 28; Покровский, 1974, с. 13; Мальцев А. И. Малоизвестный источник по истории старообрядцев славянского согласия // Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26-30 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2001. С. 308.
38. Раскол в Томской епархии и борьба с ним в 1892/93 году / И. Нювикон. Отчёт о приходе, расходе и остатках денежных сумм братства Св. Димитрия, митрополита Ростовского, за 1892-93 отчетный год. Список сотрудников братства Св. Димитрия, митрополита Ростовского. Томск, 1894. С. 5-6.
39. Миловидов, 1969, с. 29.
40. Миловидов, 1969, с. 28-29; Старообрядчество, 1996, с. 244.
41. Беликов, 1900, с. 20; Н[ювикон].
42. Первый, 1900, с. 123; Рябиновцы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 54. С. 513.
43. Первый, 1900, с. 67; Беликов, 1900, с. 20-21; Старообрядчество, 1996, с. 90-91; Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старообрядцев Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 67.
44. Миловидов, 1969, с. 28; Старообрядчество, 1996, с. 244.
45. Катунский, 1972, с. 39; Миловидов, 1969, с. 27-28; Гурьянова, 1988, с. 32, 33, 66.
46. Соклов-Костромской П. И. В заимках и монастырях у старцев. (Из путешествия по сибирской тайге). Очерк // Исторический вестник. Ист.-литературный журн. Т. XCIV. СПб., 1903. С. 494; Миловидов, 1969, с. 37-38; Старообрядчество, 1996, с. 42, 92; Дутчак Е. Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX — XX вв.). Дис. канд. ист. наук. Томск, 1994. Л. 84.
47. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX в. М., 1978. С. 18.
48. Миссионерство и раскол в Мариинском уезде в 1899-1900-м гг. // ТГВ. 1900. № 24 (отд. мисс.). С. 8-9.
49. Первый, 1900, с. 32.
50. Миссионерство, 1900, с. 9.
51. Фурсова, 1997, с. 41.
52. Беликов, 1900, с. 20; Первый, 1900, с. 73.
53. Н[ювикон] И. Раскол и сектантство в Томской епархии в 1896-97 году // ТГВ. 1898. № 12 (отд. мисс.). С. 14; Первый, 1900, с. 73-74.

54. Беликин, 1900, с. 23; Белянов С. Д. Старобрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным). Томск, 1894. С. 1; Крестьянство, 1982, с. 159; Фурсова, 1997, с. 16, 17.
55. Лутвинова Е. По следам А. А. Мисюрёва (1909-1973) // Разыскания (ист.-краевед. альманах). Кемерово, 1993. Вып. 3. С. 130.
56. Фурсова, 1997, с. 466-467.
57. Фурсова, 1997, с. 17; Фурсова Е.Ф. Некоторые особенности культуры старообрядцев-“кургани” Новосибирского Приобья. Начало XX в. // Алтарь России. Вып. 1. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция, русские и зарубежные связи. Материалы науч.-практ. конф. 19-25 сент. 1994 г. Владивосток. Большой Камень, 1997. С. 47.
58. Записка священника Иллана Смирнова об истории старообрядчества Алтая // Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае. Барнаул, 1997. С. 284.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Распределение старообрядцев на территории Кемеровской области по согласиям и толкам в 1898 г. [1]

Приход [2]	австрийцы - окружники	истовы	рыбинцы	стрижники	старооссы	новопоморцы	исаиловцы	итого
Айло-Атымаковский					7			7
Александровский					123			123
Банновский					30	221		251
Блатовещенский					695			695
Бориславский					34			34
Брюхановский	23		29		177		55	284
Вагановский	31	101			207			339[3]
Верхо-Томский			60		70			130
Городо-Мариинский					537			537[4]
Дряченинский	71				39			110
Зеленевский					320			320[5]
Зарубинский					25			25
Ишимский					22			22
Итатский					29		50	79
Кайчакский			6	87				93
Камыслинский		37						37
Караганский					375		70	445
Колыновский					26			26
Красноярский					145			145[5]
Куляковский					27			27
Лебедовский					15			15
Мало-Пичугинский	19			20	393	189		621
Монастырский					176			176
Пачинский	134				227	168		529
Полюечно-Искитимский [6]					188			188[4]

Почитанский [6]					44			44	
Просекокопский					28			28	
Салаирский					80			80	
Снодинский					49	677		726[5]	
Сусловский					35			35	
Терепижевский	1757				28			203	
Тисутьский					12			12	
Титовский					4			4	
Тяжино-Вершинский			14			31		45	
Тяжинский			90		89		96	275	
Усть-Колбицкий					8			8	
Усть-Сосновский	15				202			217[5]	
Чолуховский					100[8]			100	
Ярский [9]	58				350			408	
Мариинско-Чулымская гора [10]				350	150			500	
всего	абс	468	138	185	471	5066	1286	271	7885
	%	5,94	1,75	2,35	5,97	64,25	16,71	3,44	100

Примечания к таблице 1:

1. Сост. Нами по: Первый епархиальный миссионерский съезд в Томске 10-27 августа 1898. Томск, 1900. С. 214-225; Справочная книга Томской епархии / Сост. Служащими консистории под рук. Секретаря епископа В.А. Карташова в январе-марте 1914 г. Томск, 1914. С. 127-131, 136, 139, 167-168, 170-173, 185-186, 188, 192-193, 203-205, 215, 218, 220, 222, 226, 228, 230-235, 237, 242-243, 245, 251.
2. В таблицу включены только те приходы РПЦ, в которых было зафиксировано наличие в 1898 г. старообрядцев; подчеркнуты названия тех приходов, в которых "Справочной книгой Томской епархии на 1914 год" не зафиксировано наличие "раскольников".
3. В том числе 1 наставница.
4. В том числе 1 наставник.
5. В том числе 2 наставника.
6. В 1914 г. прихода с таким названием не отмечено.
7. В том числе 1 священнослужитель.
8. Нифонтошина.
9. В настоящее время населённые пункты, входившие в этот приход, располагаются на территории двух областей: Кемеровской и Томской.
10. Сведения приблизительные (оговорено в источнике). Таёжные насельники отделены от основной массы, так как нельзя с уверенностью выделить из них причисленных к селениям, находившимся на территории Кемеровской области.

Кавалер ордена Почетного легиона

Добрые дела не проходят бесследно. Рано или поздно они получают заслуженное признание. Тому подтверждение яркая, хоть и короткая жизнь нашего земляка Николая Николаевича Гриценко (1856—1900 гг.).

Родился он в уездном городе Кузнецке 8 (20) мая 1856 г. в семье окружного врача [1]. В те времена единственным на всю Томскую губернию учебным заведением, где мальчик из интеллигентной семьи мог получить среднее образование, была Томская мужская гимназия. Она и стала тем пирсом, от которого отправилась в плавание каравелла судьбы Николая Гриценко. В этом легко убедиться, открыв выпущенную в конце XIX в. в Томске книгу «Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие её существования (1838—1888)» [2]. Написанная со знанием дела, живая и интересно, законоучителем гимназии протоиереем А. Мисюревым, она на последних своих страницах содержит своеобразную «доску почета» — список бывших учеников, которыми гимназия вправе была гордиться. В перечне имён значится: «Отставной морской офицер Николай Гриценко, в качестве художника был в спите Цесаревича Николая во время путешествия Его Императорского Высочества по Сибири» [3].

Вот так пот, сразу. Но этим нескольким строкам предшествовало вначале, скорее всего, большое мальчишеское стремление повидать мир, испытать романтику дальних плаваний, рискованных путешествий. Интерес к ним формировался и подогревался великолепными книгами, которые влезли судьбе нашла в те времена приют в гимназии [4]. Чего стоят одни названия! Дюмон Дюрвиль «Путешествие вокруг света. Составлено из путешествий и открытий Магеллана, Тасмана, Дампира, Ансона, Байрона и многих других». Или еще: Фенимор Купер «Морские львы, или Кораблекрушение охотников за тюленями» [5]. В те же годы в России набирает популярность Жюль Верн. Его романы сразу же переводятся на русский и выпускаются почти одновременно с французскими изданиями. Добавим к сказанному, что в гимназии были комплекты журналов «Вокруг света» за 1863 — 1864 гг. — новинка по тем временам, потому как первый номер вышел в свет только в 1861 г. [6].

А какие личности были среди преподавателей! Павел Михайлович Кошаров — художник и путешественник, ученик знаменитого К.П. Брюллова и участник экспедиции П.П. Семёнова по Тянь-Шаню. Ему было что рассказать гимназистам на своих уроках рисования. Так что можно понять романтическое желание юного Гриценко — мальчика с хорошо развитым воображением — вырваться из сибирской глуши на бескрайние океанские просторы. В 1875 г. он идет в Kronstadt и поступает в Техническое училище Морского ведомства [7], по окончании которого становится корабельным инженером. Служба его проходит на военных кораблях «Крейсер», «Владимир Мономах» и «Стрелок» [8]. На одной из картин Гриценко запечатлены флотские будни. Работа называется «Стихает», штурм уходит, но палуба корабля всё ещё находится под большим углом к горизонту, и вахтенный на капитанском мостике привычно и ловко удерживает равновесие.

С 1885 г. Николай Гриценко совмещает морскую службу с обучением в Академии художеств у известного мастера морских пейзажей и баталей Льва Лагорио. Он активно участвует в выставках, и его талант не остается незамеченным. Для дальнейшего совершенствования молодого художника направляют в Париж к работавшему там маринисту Алексею Петровичу Боголюбову.

Пребывание в Париже Н.Н. Гриценко использовал и для учёбы у французского художника Фердинана Кормона, автора знаменитого «Каина» — многофигурного полотна на библейскую тему. У него же, кстати, учились А. Тулуз-Лотрек и В. Ван Гог. Но подлинным наставником был, конечно, А.П. Боголюбов — яркая личность, внук А.Н. Радищева, основатель художественного музея и школы живописи в Саратове. Он тоже был моряком, офицером, с отличием (золотой медалью) закончил Академию художеств, после чего был назначен художником Главного морского штаба. Н.Н. Гриценко в чём-то повторил путь своего учителя, решившись в 1894 г. выйти в отставку и принять должность художника Морского министерства [9].

Учителя и ученика объединяет неизменная приязанность к морской теме, а создаваемые ими «портреты кораблей», помимо художественной ценности, отличаются высокая достоверность в передаче всего облика и отдельных деталей сложного корабельного оборудования.

Всё сказанное делает понятным, почему в дни подготовки путешествия наследника престола Николая Александровича морским путём из Европы на Дальний Восток и обратно в столицу через всю Сибирь лучшего художника, чем Н.Н. Гриценко, трудно было бы предложить в группу сопровождения. Крепкой сибиряк, профессиональный моряк, дипломированный художник — и всё это в одном лице. Личные качества в рискованном путешествии, каковым оно оказалось, были ценнее любой протекции. Его утвердили.

В фондах Томской областной библиотеки им. А.С. Пушкина даже среди роскошных дореволюционных изданий обращают на себя внимание три увесистых тома в голубых коленкорных переплётах с золотым тиснением. На титульном листе — название: «Путешествие на Восток ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, 1890 — 1891» [10]. Нет сомнений, что это и есть описание той самой «кругосветки», участником которой был Николай Гриценко. Уже на второй странице упомянуто его имя: «В Триесте к свите присоединился акварелист Н.Н. Гриценко, ученик Боголюбова...» [11]. Порт на Адриатике был началом морской части путешествия. На рисунке показан отход эскадры из Триеста: корабли дают прощальный салют, и в клубах пушечного дыма видны только мачты трёх фрегатов — «Память Азова», «Владимир Мономах», «Адмирал Корнилов». На первом из них и находился художник. Его можно увидеть на снимках, помещённых в книге: вот он в группе у египетских пирамид в Гизе; вот — на приёме у сиамского короля; наконец — среди тех немногих, кто сопровождал наследника от начала до конца путешествия. Но более всего его присутствие ощущается в многочисленных рисунках, украшающих книгу. Здесь и зарисовки на палубе флагманского корабля (отдых матросов, репетиция оркестра), и сцены торжественных встреч в портах, и экзотические памятники, костюмы...

Рис. 1. Н.Н. Гриценко с П.М. Третьяковым.

Однако есть деталь, которая бросается в глаза: на всех иллюстрациях в книге видна чёткая авторская подпись, но она... не Николая Гриценко, а Николая Карамзина. Тот тоже был художником, но не из тех, кто поставил глубокий след в искусстве оригинальными работами. Его талант ярче проявился в графическом оформлении книг -- заставках, вписках...

Ему и поручили оформление «Путешествия...», снабдив рисунками и фотографиями. По полиграфической технологии тех лет каждый рисунок для публикации переводился в гравюру или литографию, причём мастер этой работы вправе был поставить свою подпись, не забывая, однако, указать и автора рисунка-первоисточника. По отношению к Н.Н. Гриценко это правило почему-то было нарушено. И книги, переведённые на английский, немецкий, французский языки, разошлись по всему свету без указания подлинного автора иллюстраций. В результате -- по стечению ли обстоятельств или сознательно, -- но талантливый молодой художник остался в тени.

Если скромность действительно украшает человека, то Н.Н. Гриценко был в этом отношении необычайно красив. Недаром его полюбила Любовь Павловна

Третьякова, одна из дочерей основателя знаменитой галереи. В преддверии их свадьбы А.П. Боголюбов так написал о своём ученике: «...Я мог узнать вполне и оценить в нём талантливую его натуру, а также его религиозно-нравственные качества, которые считаю верным залогом его будущей жизни и супружеского счастья» [12].

Обаяние личности Николая Гриценко испытал на себе и сам Павел Михайлович Третьяков. Это зафиксировано в трогательных мелочах. В письме своей супруге он вдруг вспоминает о мелодии, «накануне наигрываемой Колей». Или делает такую приписку: «Большое удовольствие доставила мне нынешним летом наша домашняя музыка. Целую крепко, крепко тебя, дорогая, пшучек, дочерей и милейшего Кляю» [13].

Высокую оценку профессиональных и человеческих качеств Николая Николаевича можно найти и в письмах других его современников. Например, вот что написал И.Е. Репин И.С. Остроухову после посещения выставки работ Н.Н. Гриценко: «Талантливый человек, умный, с любовью к искусству, кладёт всю свою душу, чтобы постичь современное парижское искусство. Белизну красок, лиловость импрессионистства, сложность декоратора в композиции картин, размашистый мазок мастера, лёгкий тон красок и т.д. — всё у него есть». И далее следует перечень десяти произведений художника-моряка, которые И.Е. Репин настойчиво и аргументированно рекомендует приобрести в Третьяковскую галерею:

№ 170 «Русский военный катер» (превосходная вещь);

№ 198 «В Индии» (из-за сюжета);

№ 274 «В кочегарке» (эффектный тон). [14]

Последний год XIX века, 1900-й, стал последним и в жизни Николая Гриценко. В Париже тогда проходила Всемирная выставка, и в письме И.С. Остроухову В.Д. Polenov имя Н.Н. Гриценко упоминается в списке художников, получивших на выставке награды [15]. А за несколько месяцев до этого А.П. Боткина писала И.С. Остроухову о тяжёлом состоянии здоровья Н.Н. Гриценко [16]. Поэтому трудно сегодня утверждать точно, застало ли в живых художника сообщение о награждении его орденом и званием кавалера Почётного легиона. Свидетельство к награде было подписано Президентом Франции 20 декабря 1900 г. [17].

В качестве справки: среди других наград Н.Н. Гриценко упоминаются ордена Святой Анны III степени (Россия), Сиамской короны IV класса (Таиланд) и Священного сокровища IV степени (Япония) [18]. Но не это главное. Ценнее всех наград работы художника. Чтобы знать, где их искать, полезны будут следующие сведения.

Н.Н. Гриценко умер и похоронен в небольшом городке Ментона, на юге Франции. Три года спустя там же, в Ментоне, корифей объединения «Мир искусства» Лев Бакст напишет портрет вдовы художника Любови Павловны [19]. Она произвела на Л. Бакста такое впечатление, что он включил этот портрет в декорацию балета, над которым работал в то время, — в знаменитую «Фсю кукол». При открытии занавеса на премьере многим стало понятно, кому теперь принадлежит сердце художника [20].

Во втором браке Любовь Павловна носила фамилию Бакст. Её сын, Андрей Львович Бакст, стал впоследствии известным парижским художником театра и кино. В 1960-е гг. он передал семейный архив в Третьяковскую галерею, и

ведение Марины Николаевны Гриценко — своей сестре по матери и дочери на первом яремьяка.

Заслуженой Марины Николаевны является составление описи графического архива отца и описи его картин в частных собраниях.

В связи с этим уместно вспомнить, что на посмертной выставке работ Н.Н. Гриценко в 1902 г., организованной по предложению Н.К. Рериха, было представлено 805 картин, рисунков, эскизов. Был там и большой альбом, собственность императора, с рисунками и акварелями, выполненными ещё молодым художником во время путешествия на Восток и по Сибири. По отзывам печати, альбом вызвал у посетителей выставки «чрезвычайный интерес своей художественностью и колоссальным количеством художественного материала» [21]. Есть сведения, что по завершении путешествия 300 акварелей Н.Н. Гриценко экспонировались в Париже, в выставочных залах Дюрана и Рюзля. А несколько позже, после торжественного визита Николая II во Францию (1896 г.), а президента Феликса Фора в Россию (1897 г.), городу Парижу был передан «высочайший дар» — картина Н.Н. Гриценко «Приезд Фора в Кронштадт».

Не единожды имя сибиряка встречается среди участников академических выставок, у передвижников, в парижском Салоне. Наиболее удачные работы приобретались с выставок престижными художественными галереями. В фондах Музея Александра III (ныне Русский музей) находились, как минимум, три картины Н.Н. Гриценко: «Ночь в Тихом океане», «Морской берег в Остенде» и «Томск». А в Третьяковке, куда И.Е. Репин рекомендовал десять работ Н.Н. Гриценко, к тому моменту уже хранились: «Броненосный крейсер I-го ранга «Адмирал Корнилов» во время постройки в С.-Наваре», «Ипатьевский монастырь в Костроме», «Кинновия в Троице-Сергиевской лавре».

В 1903 г. в Третьяковскую галерею в дар от Любови Павловны Гриценко были переданы «Петергофские фонтаны», «В Нижнем Новгороде», «Гора Хамар-Дабан на Байкале», «Вид на Томск с Воскресенской горы» [22]. Не забыт и родной для художника Томск. Газета «Сибирская жизнь» от 18 ноября 1903 г. в рубрике «Томские хроники» сообщала: «Вчера, 17 ноября, Правлением университета получена пожертвованная в пользу Императорского Томского университета по дуковому завещанию известного художника Н. Гриценко картина. Картина представляет собой панораму города Москвы, прекрасно исполнена на холсте размером приблизительно 2-2½ аршина, кроме того, заключена в художественные рамки из золотого багета. Картина премирована на одной из заграничных выставок».

Связь с Сибирью не прерывалась до конца жизни художника. В нашем распоряжении имеется акварель, выполненная на Байкале, с точной датой — 16 июня 1899 г. К тому же времени относятся воспроизведённые на открытках виды Томска, так как присутствующая там железная дорога построена в последние годы XIX в. И уже в процессе работы над статьей найден оригинал акварели Н.Н. Гриценко, где им собственноручно подписано: «Вид на Томск с холста ж. д.».

Расширение района поиска, вплоть до любимой им Франции, могло бы открыть для нас много нового, ближе познакомить с замечательным художником и человеком, каковым, без сомнения, был Николай Гриценко. Сибирь вправе гордиться им. А добрые дела, действительно, не проходят бесследно.

Примечания

1. Свидетельство Томской духовной консистории о рождении Николая Гриценко 8 мая 1856 г. и крещении его 24 мая в Градо-Кузнецком Препображенском соборе // Государственная Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Фонд Марины Николаевны Гриценко.
2. Мисюрев А.А. Томская губернская гимназия в первые пятидесятилетие её существования (1838—1888). Томск, 1894.
3. Там же. Приложение. С. XXIII.
4. Майдаинок Э.К. Ума палата // Сибирская старина. Томск, 1994. № 7. С. 15.
5. Каталог Томской публичной библиотеки. Казань, 1866. С. 30-31, 68.
6. Там же. С. 75.
7. Документ воспитанника Н. Гриценко, определённого в училище в 1875 г. механического отдела // ЦГАВМФ. Ф. 434. Оп. 9.
8. Гриценко Николай Николаевич // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: Биографии. М., 1993. Т. 4. С. 384.
9. Там же.
10. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890 — 1891. В 3 т. СПб., 1893 — 1897. (Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. Т. 1. СПб., 1893; Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890—1891). Т. 2. СПб., 1895; Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890—1891). Т. 3. СПб., 1897).
11. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток... Т. 1. С. 2.
12. Письмо А.П. Боголюбова П.М. Третьякову от 1 мая 1894 г. // Государственная Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Фонд Марины Николаевны Гриценко.
13. Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1995. С. 290.
14. Репин И.Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 155.
15. Письмо И.С. Остроухова В.Д. Поленову от 5 сентября 1900 г. // Государственная Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Фонд Марины Николаевны Гриценко.
16. Письмо А.П. Боткиной И.С. Остроухову от 16 июля 1900 г. // Государственная Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Фонд Марины Николаевны Гриценко.
17. Свидетельство о награждении орденом и званием Кавалера Почётного легиона Н.Н. Гриценко от 20 декабря 1900 г. (на фр. яз.) // Государственная Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Фонд Марины Николаевны Гриценко.
18. Послужные списки чинов Морского ведомства за 1895—1900 гг. // ЦГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3.
19. Пружан И.Н. Лев Самойлович Бакст. Л., 1975. С. 72-73.
20. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. IV-V. С. 370-371.
21. Посмертная выставка картин Н.Н. Гриценко // Нива. СПб., 1902. № 50. С. 998.
22. Галкина Н.Г., Григорьев М.Н. Комментарии // Репин И.Е. Письма... С. 350.

Деятельность социалистов-революционеров в Кузбассе в 1905 — мае 1918 гг.

Кризис народничества в 80-х годах XIX века вызвал необходимость пересмысления стратегических и тактических установок революционного движения. Среди ссыльных и эмигрантов почти одновременно начался процесс создания неонароднических кружков и групп на новых принципах. В 1897 г. была предпринята попытка объединения разрозненных кружков и групп, однако организационное оформление партии социалистов-революционеров произошло лишь в 1901 г. Эсеры заявили о себе рядом громких террористических акций. В революционном движении росла популярность эсеров, увеличивалось число ее сторонников.

Первые организованные группы эсеров появились в Томске, Иркутске, Чите, Красноярске в 1902-04 годах. Основателями их были политические ссыльные и представители местной интеллигенции. Эсеры нашли поддержку среди городских мелкобуржуазных слоев, рабочих и учащихся. В 1904 г. они объединились в «Сибирский союз социалистов-революционеров», который действовал на территории Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области [1]. Сибирский союз (с 1905 г. — Сибирский союз РСР) ставил перед собой задачу налаживания и координации работы эсеров на местах. Но до революции 1905-07 гг. эсеровские группы были малочисленны и имели слабые связи с массами, занимались в основном публикацией и распространением нелегальной литературы.

На территории Кузбасса первая эсеровская организация была создана в Мариинске в августе 1905 г. В ее составе было 13 человек, преимущественно мелких служащих [2]. Следует отметить, что абсолютное преобладание представителей интеллигенции было характерно для большинства сибирских организаций РСР. Так, в Томске из 370 членов эсеровской организации около 300 были студентами университета и технического института [3]. В Иркутской губернии состав эсеровских организаций составляли конторщики, приказчики, служащие; в Новонокодаевске — лица интеллигентских профессий; в Омске — учителя, служащие, ремесленники [4].

В годы первой русской революции сибирские эсеры активизировали свою деятельность. Мариинской группой в августе-ноябре 1905 г. было выпущено не менее 11 тектографических листовок, частью — переиздания листовок Сибирского союза РСР. В них содержались революционные призывы. В листовке «Граждане! В России нет свободы слова, свободы собраний» предлагалось обезображивать царские портреты, писать на видных местах революционные лозунги, истреблять доносчиков и полицейских [5].

Царский манифест от 17 октября 1905 г. породил среди мариинских эсеров радужные надежды. В специальной листовке они заявляли, что «над Россией взошло красное солнце свободы», и «русскому народу была возвращена часть благ, которые у него были отняты целые столетия тому назад, ему возвращены гражданские свободы: свобода слова, совести, собрания, союзов, неприкосновенность личности

— и было установлено народное представительство» [6]. Но уже в конце ноября 1905 г. группа выпустила листовку, в которой содержалась резкая критика царского манифеста [7].

В дальнейшем маринские эсеры призывали к организации стачек, бойкоту выборов в Государственную думу, разоблачали деятельность полиции, чиновников, черносотенцев. В конце 1905 г. велась работа по созданию профессионального союза служащих. 20 декабря был организован митинг, на котором обсуждалась программа партии [8].

Активная деятельность маринских эсеров не могла не привлечь внимание полиции. В конце января 1906 г. почти весь руководящий состав группы был арестован, но деятельность ее не прекратилась. Более того, увеличилось число ее членов. В апреле 1906 г. в нее входило 19 человек. До середины 1907 г. работа группы сводилась к распространению изданий Томского комитета ПСР. В начале осени было выпущено несколько листовок, разработан план экспроприации местного казначейства. Но уже 14 октября 1907 г. почти все члены организации были арестованы полицией [9]. После поражения революции партия эсеров вступила в полосу затяжного кризиса. Среди сибирских эсеров усилились разногласия по тактическим и организационным вопросам [10].

Однако Маринская группа ПСР продолжала действовать. В 1910-1914 гг. в ее составе было около 20 членов [11]. Эсеры провели большую работу по созданию легальных организаций, которые, в основном, сами и возглавляли. Летом 1910 г. в Маринске было создано общество вспоможения приказчиков, в марте 1912 г. — городское потребительское общество. По инициативе последнего в 1913 г. было создано Маринское торговое-промышленное товарищество кооперативов [12]. Эта работа давала возможность беспрепятственно совершать поездки не только по губернии, но и за ее пределы, что содействовало установлению прочных связей между эсеровскими организациями Сибири.

В конце 1915 г. маринские эсеры, стремясь преодолеть интрапартийные разногласия, выступили инициаторами объединения сибирских организаций. В декабре 1915 г. в Маринске состоялась конференция ссыльных социалистов-революционеров. На конференции было принято решение о создании «Сибирской группы социалистов-революционеров» [13]. Однако реального организационного объединения сибирских эсеров не произошло вплоть до 1917 г.

После Февральской революции произошла легализация левых партий, активизировались либералы. В Кузбассе, как и по всей стране, весной 1917 г. происходил бурный рост партийных организаций, росло их количество и численность, проходились съезды общественно-политических объединений. Представители политических сил включались в работу органов местного самоуправления и общественных организаций. Политические партии получили трибуну для широкой пропаганды своих идей, появились брешь за массы. По словам судженинского терпяка И.Н. Асщева, на шахтах «появились люди, называвшие себя социалистами-революционерами, марксистами, анархистами, кадетами, большевиками и меньшевиками» [14]. Один из первых большевиков на кемеровском коксохимзаводе М.Г. Смирнов вспоминал о том, что с марта 1917 г. на завод присяжали представители различных партий: большевиков, меньшевиков, анархистов, эсеров [15].

Уже в марте 1917 г. Томский губернский комитет ПСР развернул работу по созданию партийных организаций на местах. С этой целью представители губернс-

кого комитета были направлены на предприятия Кузбасса. Содействие в работе представителей оказывали эсеры, бывшие членами различных комиссий, комитетов, властных структур и общественных организаций. Так, в технической комиссии, прибывшей на Судженские копи из Томска в конце марта, был адвокат М. И. Лебедев, член ПСР. На Анжерских и Судженских копиях активно действовали эсеры С. А. Кудрявцев [16], Оленко, Велижанин, А. М. Иванов, Громоп, Прокурором А. М. Иванов занимался организацией горнорабочих, и эта организация партии социал-революционеров стала одной из крупнейших в Томской губернии: она насчитывала до 2500 членов [17]. На Кемеровском химзаводе работали Астафьев, Скугар, в Кузнецке — Огородников, на Кольчугинском руднике — М. Н. Сосновский, в Тайге — Гаврилов и Каминский, в Мариинске — И. Н. Марков и М. Рыжакон [18].

Образование эсеровских организаций шло быстрыми темпами. В период двоевластия в Сибири их возникло около 200. Уже в марте — апреле оформились эсеровские организации в Анжерке, Судженке, Мариинске, Тайге. Мариинская организация эсеров развернула широкую кампанию по созданию крестьянских групп. Были созданы Итатская, Самсоновская, Черниковская, Рубинская, Тяжинская, Суловская, Сятогорская эсеровские группы. В Почитанской волости был организован волостной крестьянский союз, объединявший несколько сельских групп. Работу в селах уезда вели работники крестьянской группы Мариинского комитета эсеров. В сентябре 1917 г. на территории Мариинского уезда насчитывалось 119 крестьянских организаций, в которых состояло 6014 членов [19]. Мариинская организация ПСР была одной из самых крупных в губернии. Эсеры выступали организаторами уездных крестьянских съездов, выпускали еженедельную газету «Социалист-революционер». За ними шла значительная часть рабочих мелких предприятий Мариинска.

Организации социалистов-революционеров стали самыми массовыми политическими партиями в Сибири. Лозунги о земле были близки рабочим и солдатам, в большинстве своем сохранявшим связь с землей. Общедемократические лозунги нашли широкую поддержку в среде интеллигенции и служащих. ПСР объединяла представителей различных социальных слоев. Рабочий И. Н. Лещев вспоминал, что на Судженских копиях в партию эсеров вошли местная интеллигенция, рабочие кулацкого происхождения и сынки торговцев, укравшиеся в шахтах, «воплли и рабочие шахт, поддавшиеся агитации эсеров» [20]. По признанию В. Д. Вегмана, на стороне эсеров были все копейские служащие. Эсеры имели на копиях солидный штат деловых и толковых агитаторов [21].

На конференции членов партии социалистов-революционеров Томской губернии, проходившей в Новоиколаевске 18 мая 1917 г., были представлены 517 членов Судженской, 1500 — Анжерской и 700 — Тайгинской организаций эсеров [22]. На муниципальных выборах в Сибири весной — летом 1917 г. эсеры лидировали повсюду, кроме Красноярска. Среди депутатов Томского губернского народного собрания около 40 % были эсерами, 25 % — их сочувствующих [23]. Эсерам досталось большинство мест в составе земских собраний в Мариинске и Кузнецке.

Западно-Сибирская областная конференция ПСР, проходившая в Омске в апреле 1917 г., определяя задачи по рабочему вопросу, заявила о необходимости поддержки мероприятий, направленных на улучшение быта рабочих и на немедленное установление 8-часового рабочего дня. Конференция призвала к достижению ком-

промисса между рабочими и предпринимателями, а в случае «нежелания предпринимателей пойти на удовлетворение справедливых требований рабочих и угроз со стороны предпринимателей, предприятия, необходимые стране, реквизируются и передаются в руки особых администраций» [24].

Одним из важных направлений деятельности эсеров была работа среди интеллигенции. Со страниц газеты «Крестьянский союз» 17 июня 1917 г. призвучал призыв к народным учителям содействовать делу прогнания народа, вести его к свободе, равенству и братству. Эсеры обращались к врачам, учителям, служащим, убеждали их в том, что нравственный долг интеллигенции — служить трудовому народу, посвятить свои силы и знания делу организации и просвещению темных масс города и деревни [25].

Активная деятельность эсеров среди различных социальных слоев сибирского населения дала свои результаты. К лету 1917 г. эсеры находились в составе руководства крупнейших общественных организаций Сибири. Томская организация эсеров выступила инициатором создания губернского бюро учителей [26]. Эсерами оказалось большинство делегатов II-го съезда профсоюза рабочих и служащих Томской железной дороги (Красноярск, 15-24 июня 1917 г.). В состав областного бюро горнорабочих Западной Сибири вошел эсер Сосновский [27]. За эсерами шли многие союзы служащих и рабочих мелких полукустарных предприятий в губернских и уездных центрах. Они преобладали в составе профсоюзного комитета Кемеровского химвалода, влияли на политику профсоюза кожевников, приказчиков, железнодорожников, сияжистов и учителей в Мариинске [28].

Эсеры принимали участие во всех крупных съездах и конференциях горняков. Так, из 68 делегатов I-го съезда горнорабочих Западной Сибири (Томск, 16-29 июля 1917 г.) 17 были эсерами. Эсеры оказали существенное влияние на выработку решений съезда. По вопросу о положении в России съезд принял резолюцию, предложенную эсером Е.В. Захаровым. В резолюции обсуждалось июльское выступление большевиков в Петрограде.

В своих оценках дальнейших перспектив революции эсеры исходили из того, что демократические преобразования создали базу для поступательного развития общества. Поэтому нужно искать в массах опору для реализации задач буржуазно-демократической революции. Программные требования эсеров были направлены на наделение крестьян землей, введение всеобщей трудовой повинности, ограничение прибылей и конфискацию сверхприбылей, установление твердых цен на сельскохозяйственные и промышленные товары первой необходимости. Эсеровские газеты разъясняли, что социализация земли нужна не только крестьянам, но и городским рабочим, поскольку она ведет к снижению безработицы, росту цен на рынке труда и в итоге к повышению уровня жизни рабочих [29].

В промышленных центрах Кузбасса эсеры последовательно отстаивали экономические интересы рабочих. Так, Судженская организация ПСР вместе с рабочими организациями участвовала в урегулировании конфликта с администрацией копей. О развитии событий на копях постоянно информировала газета Томского губернского комитета ПСР «Путь народа». 24 августа в ней появилась информация о деятельности комиссии по проверке отсрочек. 25 августа — о положении военнопленных. 26 августа — о том, что конфликтующие стороны (рабочие и администрация) не смогли прийти к согласию по вопросу о расценках, и каждая из сторон направила своих представителей в Петроград для решения спорных вопросов. Ав-

тор заметки, подписавшийся «А. Л. ов», рекомендовал вывести на чистую воду управляющего копейми Пропповского, владельца Михальсона и К?

Эсеры активно занимались культурно-просветительской деятельностью. На Судженских коях ими был создан драматический кружок, в который входили служащие, учителя и технический персонал. Часто в помещении школы устраивались платные любительские спектакли, которые посещали местная интеллигенция, приехавшие офицеры и небольшое количество рабочих молодежи. Также эсеры попытались создать молодежную организацию «бойскауты» [30]. На Беркульском руднике эсеры входили в состав правления «Общества разумных и полезных развлечений» [31]. В Тайге эсеры организовали клуб, распространяли газету «Путь народа» [32].

Часто эсерами устраивались шумные акции в пропагандистских целях. Так, 13 августа 1917 г. в Тайге был организован партийный праздник — для смотра сил партии и сбора средств в пользу ЦК. В рамках праздника состоялись митинг и манифестация, привлекая большое количество людей. В ходе манифестации делались остановки, выступали ораторы, призывавшие «демократию сплотиться вокруг лозунгов «Земля и Воля» и дружной ратью дать решительный отпор буржуазии и черной сотне проведением своих кандидатов и Учредительное собрание». Праздник закончился литературно-музыкальным вечером, на котором после литературного отделения выступили представители губернской организации [33].

Весной 1917 г. эсеры активно сотрудничали с социал-демократами, но с лета стали углубляться их противоречия с большевиками. Между ними обострилась борьба за рабочие массы. П. Марков со страниц Марининской газеты «Социалист-революционер» предупреждал о том, что «выступления анархистов и ленинцев могут повлечь за собой анархию и разложение революции» [34]. Анжерский шахтер Т. Юматов вспоминал о том, что после расстрела июльской демонстрации в Петрограде эсеры пытались сорвать акцию протеста анжеро-судженских горняков [35].

Однако под давлением рабочих коллективов с лета 1917 г. на эсеро-ские съезды стали все чаще выносятся экономические вопросы. Эсеры соглашались с необходимостью установления контроля над производством и распределением, но такой контроль, по их мнению, должны были осуществлять властные структуры при участии рабочих, а не рабочие организации. Они пытались направить рабочее движение в русло законности и порядка, решать проблемы за столом переговоров и не допускать крайностей. Эсеры призывали не переждать события, дожидаться выборов Учредительного собрания и строить жизнь на основании его решений.

Нерешительность и нерасторопность эсеро-ских вождей в центре и на местах оттолкнула от партии часть рабочих. С конца лета 1917 г. позиции эсеров в сибирском профессиональном движении начали ослабевать. Они перестали быть бесспорными лидерами. На II-м съезде делегатов рабочих и служащих Кольчугинской железной дороги (ст. Топки, 10-11 августа 1917 г.) разгорелся спор между представителем Томской организации эсеров Костюшко и делегатами Бертеневым, Звездиным и Барановским. «Из-за неспособности прекратить взаимные оскорбления» съезд был вынужден завершить работу, не успев рассмотреть все планируемые вопросы [36].

По свидетельству большевика В. Косарева, на митинге на Анжерских коях во второй половине октября эсера Омелькова, выступавшего против передачи власти советам, обвинили в том, что ПСР, имея огромную поддержку, не смогла пропести законы в пользу рабочих и крестьян. Оппоненты эсеров ссылались на то, что

эсер А. Керенский ввел смертную казнь на фронте; Ахкентьев посылал карательную экспедицию против крестьян Тамбовской губернии, когда те брали землю у помещиков; Чернов, три с лишним месяца бывший министром земледелия, не смог провести ни одного закона в пользу крестьян [37].

Осенью в результате переизборов эсеры «вытеснились» из руководства крупных рабочих профсоюзов и части советов. Но в целом за ними сохранялась поддержка значительной части сибирского населения. Этому способствовала активная работа эсеров по подготовке выборов в Учредительное собрание, которую они развернули по всей Сибири. В Томской губернии в список социалистов-революционеров были включены А. М. Иванов, с 1901 г. работавший на Судженских, а затем десятилетком на Анжерских копях и В. М. Махов от Мариинска [38].

14 октября 1917 г. в газете «Путь народа» было опубликовано обращение ко всем членам Томской организации ПСР. В обращении ставилась задача развернуть широкую предвыборную агитацию по выборам в Учредительное собрание. Была объявлена запись добровольцев для ведения пропаганды в уездах, куда намечалось направить не менее 200 активистов.

О том, как действовали такие активисты, + можно судить по отчету одного из агитаторов — солдата 38-го полка Николая Черкасова, который Советом крестьянских депутатов был направлен в Кузнецкий уезд. Организация ПСР при Гурьевском заводе выделила ему в помощь для работы по выборам 7 пропагандистов. Район Гурьевского завода был разбит на участки по числу пропагандистов. Эсерами было проведено собрание рабочих и крестьян, участники которого обещали поддерживать партию и оказать всестороннюю помощь и содействие в проведении предвыборной кампании. Сам Черкасов объехал 6 деревень, собирал в них крестьянские сходки, рассказывал о программе партии, призывал за нее голосовать. В результате на участке Черкасова абсолютное большинство проголосовало за эсеров [39].

Подготовку и ход выборов контролировали специальные комиссии, созданные при губернской и уездных организациях. Комиссия при Томском уездном комитете ПСР 31 октября через газету «Путь народа» обратилась к партийным организациям уезда с просьбой предоставить сведения о постановке предвыборной кампании на местах.

Эсеры резко осудили октябрьский переворот. 26 октября 1917 г. ЦК партии социалистов-революционеров в обращении к рабочим, крестьянам, солдатам и матросам призывал противостоять большевизму. 31 октября 1917 г. в газете «Путь народа» была опубликована телеграмма, в которой ЦК ПСР осуждал захват власти большевиками и призывал к сплочению вокруг комитета общественного спасения, созданию однородной демократической власти. С призывом объединиться против «большевистской стихии, залитавшей руки свои братской кровью» 31 октября вышла эсеровская газета «Сибирь» [40]. К изоляции большевиков призывал некто «И. Р.» со страниц «Голоса народа» в Красноярске [41].

В конце осени 1917 г. на местах сложилось своеобразное провинциальное двоевластие. В Мариинске и Кузнецке наряду с советами существовали земские управы, возглавляемые эсерами. Под влиянием эсеровского большинства первая сессия Кузнецкого уездного земского собрания, открывшаяся 17 ноября 1917 г., приняла резолюцию, осуждавшую «мятеж большевиков», и высказалась «за созыв Учредительного собрания — благоустроителя земли русской в возможно кратчайший срок». В селе Верхотомском Кузнецкого уезда распространялась эсеровская антисоветс-

кая листовка, выпущенная волостной земской управой, в которой содержался призыв к крестьянам не допускать организации большевистских Советов [42].

Выборы в Учредительное собрание показали, что эсеры сохраняли значительное влияние не только среди крестьянства, но и среди рабочих масс. В Мариинске эсеры набрали 43,1 %, в Кузнецке — 79 %, в Тайге — 68,7 % голосов. В рабочих поселках Кузбасса эсеры набрали от 50 до 70 % голосов. На Анжерских и Судженских копях за эсеров было отдано 64 % голосов. На Гурьевском западе из 888 голосовавших за список эсеров отдали голоса 855 человек. Только на станции Яшкино эсеры незначительно отстали от большевиков [43].

Довольно прочными оставались позиции эсеров и в рабочих коллективах Кузбасса. На съезде представителей Советов рабочих и солдатских депутатов Томской губернии (Томск, 22 — 24 ноября 1917 г.) представитель Тайги эсер Шално был избран товарищем председателя. На конференции горнорабочих и служащих горнодобывающих предприятий Западной Сибири (Судженка, 1 — 8 декабря 1917 г.) из 47 делегатов 7 были эсерами, а 11 — им сочувствующие [44].

Поскольку для большевиков эсеры оставались серьезными конкурентами, борьба между ними не ограничивалась теоретическими спорами. В ноябре на Судженских копях были арестованы члены эсеровского комитета [45]. 3 января в газете «Путь народа» было опубликовано открытое письмо Областному бюро горнорабочих Западной Сибири одного из профессиональных лидеров на Кольчугинских копях, члена Областного бюро эсера М. Н. Сосновского. Он рассказывал о том, что большевики развернули против него настоящую травлю, обвинили его в «пособничестве» администрации, в том, что его жена, подделав подпись, незаконно получала пенек и т. д. Сосновский сообщал, что вынужден был уехать с копей, и просил Областное бюро направить туда представителя, чтобы спасти производство от развала.

Эсеры пытались активизировать работу среди трудящихся, требовали передачи власти Учредительному собранию, в котором получили большинство мест. После разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. в Тайге представители эсеров явились в участковый комитет железной дороги и, угрожая оружием, потребовали немедленного созыва общего рабочего собрания. Но на собрании эсерам не удалось заручиться поддержкой большинства рабочих [46].

После установления в Сибири Советской власти эсеры сохраняли поддержку значительной части сибирского крестьянства. Под влиянием эсеров на съездах и собраниях принимались резолюции, осуждающие большевиков. На крестьянском съезде Томского уезда (Томск, 21-24 января 1918 г.) председателем был избран С. А. Кудрявцев. Съезд принял резолюцию в поддержку Учредительного собрания, заявил, что власть на местах должна принадлежать земствам и Сибирской областной думе. По вопросу о земле съезд заявил, что «Декрет Народных Комиссаров не разрешает земельного вопроса» [47]. Съезд городских и земских самоуправлений Томской губернии (Томск, 17-26 февраля 1918 г.) высказался за полную власть Учредительного собрания, а на местах — земств. Представитель Мариинского земства Каманский отметил, что разгон Учредительного собрания вызвал поголовное возмущение в уезде [48].

Эсеры со страниц своих газет все реже критиковали большевиков, но вместе с тем подчеркивали, что будут бороться с большевиками только идейно-политическими средствами и по пути большевистских авантюр не пойдут, ибо такой путь считают гибельным для революции и ее завоеваний [49]. 23 февраля 1918 г. в передо-

ной статье газеты «Путь народа» прозвучали обвинения большевиков в том, что они обманули солдат, рабочих и крестьян. Не был заключен сепаратный мир, введен налог на землю, отбирается хлеб у крестьян, закрывают социалистические газеты, расстреливают солдат, рабочих и крестьян. Эсеры призывали переизбрать Советы на основе прямого, равного и тайного голосования.

В конце февраля члены Судженской организации партии социалистов-революционеров на общем собрании выразили протест против распоряжения Томского совета рабочих и солдатских депутатов об аресте председателя ЦИК Всесибирского совета крестьянских депутатов С. А. Кудрявцева. Собрание осудило политику большевизма, «старавшегося создать в российской федеративной республике самодержавный строй угнетения и насилия над тружениками, отдавшими всю жизнь, все лучшие силы на служение измученному трудовому народу и ведущих нас к свету, к правде и прекрасному царству социализма» [50].

Эсеровская печать приводила многочисленные факты «насилий и беззаконий», творимых большевиками. 9 марта газета «Путь народа» опубликовала письмо из Кузнецка, в котором сообщалось об отстранении от должности большевиками начальников уездной и городской милиции. 14 марта газета сообщила о том, что большевиками с помощью отряда красногвардейцев был разогнан объединенный Совет Рабочих Депутатов постройки Кольчугинской железной дороги. 20 марта в газете был опубликован рассказ о том, как во время митинга в Тайге большевики срыла выступление эсеровских ораторов.

Стремясь сохранить свои позиции в рабочем движении, эсеры выступали против включения профсоюзов в систему органов советской власти. III-й Томский губернский съезд членов партии социалистов-революционеров 14 марта 1918 г. в резолюции по текущему моменту решительно осудил «попытки власти подчинить своему административному усмотрению классовые организации рабочих — профессиональные союзы и тем задушить классовую борьбу трудящихся с их эксплуататорами».

Съезд наметил основные задачи для губернской организации с учетом того, что «партия социалистов-революционеров в недалеком будущем должна взять на себя тяжесть государственного и социалистического строительства». В числе важнейших были поставлены задачи «оголения большевизма перед лицом трудящихся масс от прикрывающей его мишуры и выявления его контрреволюционной сущности» и воссоздания чисто классовых организаций [51].

В ответ на закрытие правых эсеровских газет и аресты членов партии, эсеры активизировали свою деятельность. В середине марта была предпринята попытка захвата власти в Кузнецке. Мятеж подавлен красногвардейским отрядом Кольчугинских копей; организаторы арестованы и отправлены в Томскую тюрьму [52].

В марте 1918 г. на Анжерских и Судженских копях эсеры, воспользовавшись отъездом большевистских лидеров на съезд углекопов в Иркутск, развернули широкую пропаганду против советов. 20 марта на Судженских копях в клубе социалистов-революционеров состоялось собрание Судженской организации эсеров, на котором с докладом по текущему моменту выступил С. А. Кудрявцев [53]. Собранием были приняты резолюции, осуждающие политику большевиков и поддерживающие Учредительное собрание [54]. На собраниях, организованных эсерами на Анжерских и Судженских копях, рабочие высказывались в поддержку Учредительного собрания. Правый эсер С. Кудрявцев собрал до 1000 подписей в его защиту.

По решению совета и местного отделения союза горнорабочих красногвардейцы произвели обыски и аресты эсеровских лидеров. В ответ на Судженских копях на стихийно возникший митинг собралось до полутора тысяч человек. По оценке большевика И. Кудрявцева, эсеры поддерживало около 500 рабочих, которые требовали расправы с красногвардейцами и большевистскими руководителями. Дело дошло до вооруженного противостояния. Пострадало несколько человек. На помощь большевикам пришел красногвардейский отряд с Анжерских копей, который и предрешил исход дела. Арестованные эсеровские лидеры Велижанин и Опенко были отправлены в тюрьму в Томск. Мятеж был подавлен совместными усилиями большевистской организации, руководства местного союза горнорабочих и красногвардейцами [55].

Все эти события содействовали углублению противоречий внутри эсеровских организаций. 24 марта 1918 г. на Анжерских копях состоялось собрание рабочих — левых эсеров и максималистов, на котором обсуждался вопрос о расколе партии эсеров. В принятой резолюции осуждалась тактика «старой оборонческой партии правых социалистов-революционеров», которая «придерживается хвоста буржуазии». Участники собрания заявили о полной поддержке Советской власти [56].

В этой ситуации правые эсеры готовы были действовать более решительно. III-й Томский губернский съезд членов партии социалистов-революционеров признал необходимым приступить к немедленному вооружению рабочих и крестьян для охраны революционного порядка [57]. Первая всесибирская конференция партии социалистов-революционеров, проходившая в начале апреля 1918 г. в Томске, поручила краевому комитету партии принять все меры для создания антибольшевистского правительства Сибири [58].

Активизация деятельности эсеров была связана и с тем, что часть рабочих разочаровывалась в политике советской власти. По сообщению большевика И. Кудрявцева весной 1918 г. правые эсеры вели сильную агитацию за Учредительное собрание, за областную думу и за земство на Судженских копях [59]. В Томске правые эсеры выпускали свои воззвания, распространяя их среди рабочих и городских обывателей, устраивали митинги, на которых разъясняли рабочим, что линия, взятая большевиками, неправильна. В день 1 мая 1918 г. организация эсеров выступила с лозунгами «Вся власть народу», «Долой большевиков» и «Да здравствует Учредительное Собрание» [60].

В этот же день эсеровская газета «Многострадальный путь народа» [61] опубликовала статью А. Иваненко «Отстаивайте независимость профессиональных союзов и кооперативов». Автор обвинял большевиков в стремлении превратить профсоюзы «в подотделы своих бюрократических учреждений», и призывал сохранить независимость профессиональных союзов в условиях, когда власть пытается национализировать часть промышленности и встает на место предпринимателя.

В первом майском номере газеты было опубликовано письмо членов Судженской организации ПСР А. Опенко и Г. Велижанина, находившихся в губернской тюрьме. Они сообщали, что тюрьма переполнена, в ней содержатся рабочие, солдаты и крестьяне, проявившие недовольство политикой большевиков. В письме содержался призыв к борьбе с узурпаторами-большевиками.

Эсеры более не собирались ограничиваться только критикой большевиков. 1 мая на Кольчугинских копях они попытались поднять антибольшевистский мятеж [62]. Большевик Г.И. Головатая, ссылаясь на протокол тайного совещания при

главной кассире анжерского рудника, утверждал, что 18 мая 1918 г. эсеры А. Ипанов, Компаненко, Я. Головин, С. Ялкова, П. Титов, Зурабов, Б. Корженевский, Бакатин, Сапрыгин, Гуров и Литвинов обсуждали вопрос о захвате власти на Анжерских копях [63].

К маю 1918 г. сибирские эсеры все меньше внимания стали уделять деятельности в общественных организациях. В советах и профсоюзах, подчиненных большевикам, позиции эсеров оказались серьезно ослабленными. Из-за противодействия большевиков легальная деятельность часто оказывалась невозможной. В этих условиях смещались акценты партийной работы. Основные свои силы эсеры направляли на подготовку вооруженного свержения советской власти.

Примечания

1. Черняк Э.И. Эсеры в Сибири между буржуазно-демократическими революциями // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX — начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 160.
2. Каминский А.А. Из истории Мариинской группы партии социалистов-революционеров в период первой русской революции (1905-1907 гг.) // Из истории социально-экономической политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 23.
3. Плотников А.Ф. Организации политических партий в Сибири в период первой русской революции (1905-1907 гг.) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 102.
4. Порхуннов Г.А. Городская демократия Сибири в буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Вып. 1. Томск, 1996. С. 82.
5. Каминский А.А. Из истории... С. 24.
6. Каминский А.А. Из истории... С. 25—26; Курусканова Н.П. Листочки организаций ИСР Западной Сибири в период первой российской революции 1905—1907 гг. Количественный анализ и хроника // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг. Вып. 1. Томск, 1994. С. 117.
7. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 161. Л. 75—77.
8. Рабочее движение в Сибири. Т. 2. Томск, 1990. С. 206.
9. См.: Каминский А.А. Из истории... С. 29—34.
10. Толочко А.И. О тактике эсеров в Сибири в период реакции (1907—1910 гг.) // История общественных движений и политических партий России. Томск, 1993. С. 45.
11. Черняк Э.И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 гг. Томск, 1987. С. 29; Толочко А.И. К истории эсеровских организаций в Сибири в годы полного революционного подъема (1910—1914 гг.). // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 122.
12. Сибирская жизнь. 1911. 12 марта; Рабочее движение в Сибири. Т. 3. Томск, 1991. С. 135; Востриков В.И. К истокам зарождения кооперативного движения в Сибири // Из прошлого Сибири. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1994. С. 23.
13. Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 1. Томск, 1987. С. 91.
14. ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 187. Л. 24.
15. За власть Советов! Кемерово, 1957. С. 22.

16. С. А. Кудрявцев за принадлежность к Московской организации ВКР в 1915 г. был сослан в Нарым, в январе 1917 г. вел работу среди солдат Томского гарнизона, после Февральской революции вел партийную работу среди рабочих и крестьян Томской губернии. С марта 1918 г. член губернского комитета партии. (ЦДНИТО Ф. 4204. Оп. 4. Д. 798. Л. 1—5; Нарымская ссылка. Томск, 1970. С. 233, 284, 326—327; Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 гг.). Томск, 1993. С. 133).
17. ГАНЮ. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 55. Л. 11.
18. ГАРКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 39. Л. 13; Д. 75. Л. 8. Д. 303. Л. 43; Д. 324. Л. 2; Горняки Сибири: Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство. 1917—1927 гг. Сб. статей и воспоминаний. Новосибирск, 1927. С. 78; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991. С. 33, 105—112.
19. Путь народа. Томск, 1917. 19 сентября; Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 гг. Томск, 1987. С. 47—48.
20. ГАРКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 187. Л. 25.
21. Горняки Сибири... С. 11.
22. Съезды... в Томской губернии. С. 33.
23. Съезды... в Томской губернии. С. 21—22.
24. Съезды... в Акмолинской области. Томск, 1991. С. 14—15.
25. Крестьянский союз. Томск, 1917. 30 июня.
26. См. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири... С. 74.
27. Съезды... в Томской губернии. С. 72. В воспоминаниях И. Кудрявцева упоминается еще один член областного бюро — эсер Костюшко-Воложнич. См. Горняки Сибири... С. 74.
28. ГАРКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 6. Л. 4; Д. 16. Л. 7; Д. 75. Л. 7, 8.
29. Социалист-революционер. Мариинск, 1917. 23 июня.
30. Анжерский краеведческий музей. Основной фонд. 1163/416. Л. 22, 24.
31. Земская газета. Томск, 1918. 24 (11) февраля.
32. ГАРКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.
33. Путь народа. 1917. 23 августа.
34. Социалист-революционер. Мариинск, 1917. 23 июня.
35. Голопатов Т. И. Боевые дела Анжеро-Судженских коммунистов // За власть Советов. Сб. восп. Кемерово, 1957. С. 71.
36. Черняк Э. И. Профессиональные объединения в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 гг.). Томск, 1994. С. 116.
37. Знамя революции. Томск, 1917. 9 ноября.
38. ГАНЮ. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 55. Л. 11; Путь народа. 1917. 29 октября.
39. Путь народа. 1917. 25 ноября.
40. Сибирь. Иркутск, 1917. 31 октября.
41. Путь народа. Красноярск. 1917. 4 ноября.
42. История Кузбасса. Ч. I — II. Кемерово, 1967. С. 250.
43. Знамя революции. 1917. 19 ноября; Путь народа. 1917. 21, 25 ноября; Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. I — II. Кемерово, 1973. С. 100; Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 212—215.

44. Съезды... в Томской губернии. С. 135; Черняк Э.И. Профессиональные объединения. С. 172.
45. ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
46. Томские железнодорожники на путях к Советам: Воспоминания и очерки из истории союза железнодорожников на Томской железной дороге с 1905 по 1927. Томск, 1928. С. 52.
47. Путь народа. 1918. 23, 24, 26 января; Съезды... в Томской губернии. С. 170—173.
48. Съезды... в Томской губернии. С. 177—178.
49. Путь народа. 1918. 15 февраля.
50. Путь народа. 1 марта (16 февраля).
51. Путь народа. 1918. 29, 30 марта; Тернистый путь народа. Томск, 1918. 29, 30 марта.
52. Анфилофьев И. Кузбасс в борьбе за Октябрь. Новосибирск, 1942. С. 46; ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 40. Л. 5 об.
53. К тому времени он был освобожден из тюрьмы.
54. Тернистый путь народа. 1918. 11 апреля (29 марта).
55. Горняки Сибири... С. 85—88; Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919 гг.). Сб. документов. Кемерово, 1957. С. 221—222.
56. Рабоче-крестьянская газета. Красноярск, 1918. 26 (13) апреля.
57. Черняк Э.И. Политические партии в Сибири... С. 137.
58. См.: Съезды... в Томской губернии. С. 215.
59. ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 200. Л. 60.
60. Там же. Д. 463. Л. 1.
61. Выходила вместо закрытых большевиками газет «Путь народа» и «Тернистый путь народа».
62. Анфилофьев И. Кузбасс в борьбе за Октябрь. С. 46.
63. ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

Г.Г. Ващенко, О.А. Белоусова

К истории Новокузнецкого ликероводочного завода

8 июля 1893 г. Государственный совет при Высочайшем утверждении постановил ввести, в виде опыта, в четырех восточных губерниях — Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской — государственную винную монополию, или казенную продажу вина. Через три года, используя накопленный опыт, реформу распространили и на другие территории, в том числе и на территории Сибири, ставя целью к 1 июля 1901 г. охватить все губернии и области Российской империи. На деле полное установление монополии затянулось до 1905 г. В Томской губернии казенная винная монополия была введена 1 июля 1902 г.

Сущность монополии заключалась в сосредоточении продажи и, отчасти, ректификации (очистки) вина (спирта) в руках казны. Само же винокурение было представлено в руках частных лиц. Но казна была единственным покупателем этого продукта. Продажа вина (то есть водки и спирта), производилась из казенных винных лавок и оптовых складов. Казна могла поручать продажу своих изделий частным торговцам. Вся такая продажа должна была производиться в запечатанной посуде.

Подготовительные мероприятия в Томской губернии начались уже в 1899 г. По распоряжению Томского губернатора было приказано произвести ревизии на действующих винокуренных заводах Томской губернии и Семипалатинской области и подыскать места для строительства казенных винных очистительных складов. Склады открывались специально под введение государственной монополии и должны были стать основными производственно-торговыми единицами.

На территории Томской губернии и Семипалатинской области планировалось открыть 8 казенных винных складов: Томский № 1, Барнаульский № 2, Мариинский № 3, Бийский № 4, Ново-Николаевский № 5, Каинский № 6, Эмменторский № 7, Кузнецкий № 8.

При Городских Общественных Управлениях Томской губернии были учреждены особые Комиссии для собирания справочных цен на строительные материалы, "потребные для постройки казенных винных складов". На основании этих справочных цен, которые были утверждены Строительным Отделением Томского Губернского Управления, были составлены предварительные сметы на постройку складов и затем по сметным ценам сдана постройка складов подрядчикам [1].

Подряд на строительство Кузнецкого винного склада получил Томский 1-й гильдия купец Илья Леонтьевич Фуксман. 22 февраля 1900 г. Фуксман дал подписку Хозяйственному Комитету в том, что принимает "на себя, согласно поданному заявлению, постройку казенного винного склада в городе Кузнецке по сметным ценам и на условиях, изложенных в кондициях" [2]. Договор с Фуксманом был заключен 24 апреля 1900 г., а 29 апреля 1900 г. Илья Леонтьевич Фуксман написал доверенность, по которой "постройка винного склада, жилого дома и других при нем построек в городе Кузнецке" перешла к его сыну, барнаульскому купцу Григорию Ильи-

чу Фуксману [3]. Контролировал строительные работы Абрам Уадин — доверенное лицо подрядчика Г.И. Фуксмана.

По представлению акцизного надзирателя Собрание уполномоченных Кузнецкого городского управления постановило отвести под постройку склада участок земли в Нагорной части города "по продолжению квартала между проулками Успенским и Базарным, по направлению к Успенской церкви". Ширина этого квартала составляла 50 сажен, длина 200 сажен. Плату за квадратный сажень данного участка земли Городское Собрание определило по 30 копеек — цене, невыгодной для города [4].

В архивных документах за февраль 1900 г. впервые появляется фамилия "строителя Кузнецкого винного склада Старшего Помощника Акцизного Надзирателя инженера-технолога Иосифа Барановского". До назначения на должность строителя склада Барановский служил на сахарном заводе Гофмейстера Двора Н. Скалона, за что имел благодарность. Затем служил в Петербурге, откуда "судьба забросила его в Сибирь".

Устройство комплекса винного склада велось по типовому проекту. Техническо-Строительный Комитет Министерства Внутренних Дел рекомендовал в местностях, подвергаемых землетрясениям, куда относился Кузнецкий уезд:

- 1) здание склада и жилого дома строить с подвалами;
- 2) каменных зданий выше одного этажа не возводить;
- 3) второй этаж в здании склада, где предполагено разместить лабораторию, фильтрационное отделение и контору с кабинетами для чиновников, устроить деревянный, рубленый с наружной обшивкой досками;
- 4) все лестницы для сообщения между этажами устраивать железные;
- 5) по углам здания, вместо пилястр, устроить контрфорсы.

Все эти рекомендации были учтены при строительстве Кузнецкого казенного винного склада [5] (Рис. 1).

Назначение каждого здания было расписано заранее и являлось типовым равно для всех восьми складов. Различались лишь их размеры, исходя из "производительной мощности". В Кузнецке велось строительство склада 2 разряда с годовой производительностью в 100 000 педер вина.

Комплекс включал в себя: здание склада, жилой дом, здание цистерн, пожарный сарай и бондарку, угольный завод, сарай для укладки вина, материальную кладовую, баню, ледник, каретник, конюшни, сторожку с контрольной проходной, сторожку с присынным полом и другие вспомогательные помещения [6].

Земляные работы начались весной. Первые трудности были связаны со сложным рельефом местности, или, как отмечалось в документах, с "сильной покатостью поверхности земли". Тем не менее, 15 мая 1900 г. был подписан первый присмочный акт — готовны ряты под фундамент одного из зданий склада. Когда уже приступили к бучению фундаментов, пришла телеграмма о перемене места строительства. Первоначально строительство велось в 5 саженях от переулка Базарного, теперь же было приказано "сделанную выемку засыпать и строить по линии улицы" [7].

Каменщики и плотники для работ были привезены из Томска и Барнаула, потому как "местные строители были никуда не годны". Все "главные и серьезные" работы производились в 1901 г. Здание склада было готово уже в марте. В июне окончена кладка подвала жилого дома, в августе планировалось выстроить углеобжигательный завод, а в сентябре — мелкие здания: ледник, отхожее место и навес для лошадей [8].

Здание склада, жилой дом, материальная кладовая, здание цистерн, сторожка, угловый завод были выложены красным кирпичом фигурной кладкой. Фасады первых этажей, как и было рекомендовано строительным комитетом, укреплены декоративно оформленными фигурными контрфорсами. Окна первого этажа лучковой формы. Второй, деревянный, этаж зданий был декорирован резьбой, оформлен крутыми фронтонами. Постройки, имеющие цель чисто производственную, были не только удобны и прочны — они были красивы. Частично сохранившийся до наших дней комплекс является историческим памятником начала XX в. и находится под охраной государства. Земельный участок завода составил 22898 кв. м. Двор был замощен камнем на площади 5724 кв. м. Водоснабжение производилось из скважины глубиной 20, 42, и 21,2 м с производительностью по 500 дал в час каждая. Канализация деревянная длиной 1380 м. Отопление паровое. Освещался склад электричеством [9]. Как все крупные государственные объекты, склад был застрахован.

Личные отношения между Помощником надзирателя 5 участка VI акцизного округа Н. А. Короткевичем, который со своей стороны контролировал строительство, и строителем склада Барановским были очень напряженными. В конце концов, Барановский, не выдержав "оскорблений и придиоров" со стороны надзирателя, подал прошение об увольнении. Прощение датировано от 4 августа 1901 г. [10]. Кто заканчивал строительство и занимался внутренней отделкой зданий, мы точно не знаем. Документы в архиве на этот период не сохранились.

Уже 26 января 1902 г. в Кузнецкий винный склад был назначен первый заведующий — Василий Павлович Печковский. Возможно, именно под его руководством достраивался и начал работу винный склад. Печковский — мещанин 40 лет. Православный, женат, имел 20-летнего сына. До 1904 г. был причислен в состав ратников ополчения; окончил полный курс уездного училища [11].

Прослужив в должности заведующего Кузнецким складом 9 месяцев, Печковский был уволен 12 сентября 1902 г. со следующей характеристикой: "... к обязанностям службы относится крайне небрежно, распорядок рабочих неудовлетворителен и, как выяснилось из показаний лиц акцизного надзора, в нравственном отношении не удовлетворяет своему назначению, ведет жизнь нетрезвую, посягает себе неуместные шутки с работницами и распивает вино на складе..." [12].

В обязательный и постоянный штат казенных винных складов были включены следующие единицы: управляющий складом; подвальный, он же заместитель управляющего на время его отсутствия, ведающий всем спиртовым хозяйством; очистной мастер; материальный, в ведении которого находились все складские помещения; конторщики вели всю документацию по складу; механик, электрик-техник, машинист — занимались техническим обеспечением, а в подчинении у них были слесари, кочегары, кузнецы; бондари (плотники) и столяры следили за состоянием емкостей и тары; кучеры-конюхи; сторожа, подсобные рабочие. При необходимости привлекались дополнительные рабочие, и воячки — по найму.

Итак, к лету 1902 г. казенный винный склад в Кузнецке был построен и получил порядковый № 8 (Рис. 2).

В августе 1902 г. на заводе прошла первая ревизия, которая выявила многочисленные нарушения и погрешности при учете посуды. Первым помощником заведующего Печковского был г. Якубовский, приказчиком — г. Еремин, контролером — г. Куликов.

На заводе использовались следующие мерные емкости: в 1 ведро, в 1/2 ведра, 1/4 ведра, в 1/10 ведра, в 1/20; 1/40; 1/100, наконец, в 1/200 все того же ведра (полный комплект состоял из 8 единиц) [13].

Главной фасады
зданія склада
в г. Кузнецком.

Боковой фасады.

Боковой фасады.

Рис. 1. Эскизный проект здания казенного винного склада в г. Кузнецке (ГАТО. Ф. 2С9).

Рис. 2. Сургучный оттиск печати Кузнецкого казенного винного склада № 8 (ГАТС Ф. 209. Оп. 2. Д. 1095).

Спирт до революции в Кузнецк доставлялся для переработки и розлива из Тамбовской губернии (винокуренный завод Новосильцевой), из Минской губернии (завод Яойниловича), из Виленской губернии (завод Бишевского), из Варшавской губернии (Варшавский № 1 завод Варшавского общества), из Гродненской губернии (завод Завадского), из Пензенской губернии (завод Андропова), из винокуренного завода Алехина [14]. Последний был выстроен Г. И. Фуксманом в начале XX в. на арендованном у Кабинета Его Величества участке земли по речке Таловке, в 30 верстах от города Кузнецка, в 6 верстах от села Березовского Томской губернии.

После увольнения Печковского должность заведующего временно занимали помощник заведующего Якубовский, затем — г. Матвеев Александр Константинович. Наконец, с 1 июля 1903 г. на должность заведующего был назначен помощник заведующего Томским казенным винным складом Николай Николаевич Иванов [15]. Иванов — меццанин, 30-ти лет. Православный, женат. Окончил курс уездного училища. В призыве 1891 г. был зачислен рядником ополчения. До назначения в Кузнецк Иванов состоял на службе по казенной продаже питей в Перми, в Самарской губернии служил конторщиком. Характеристики имел самые положительные [16].

За время работы Иванова в архиве отложилась обширная переписка Помощника акцизного надзирателя, наблюдавшего за казенным складом с Управляющим акцизными сборами, а также личная переписка самого Иванова. Эта переписка дает представление об атмосфере тех лет, об условиях жизни производственной и бытовой, о сложных отношениях между заведующим складом и помощником акцизного надзирателя, а также характеризует Иванова в ином ракурсе.

На развлечение рабочих к Рождеству и Пасхе выделялись определенные средства. Например, к Пасхе в 1905 г. на развлечения было ассигновано 20 руб. Забо-

тась о нравственной пользе для рабочих, Иванов решил употребить эти деньги на устройство сцены и столовой для спектаклей. Ибо рабочие Кузнецкого склада в большинстве люди семейные и "...вообще в Кузнецке, в таком глухом и маленьком городе, спектакли хотя и устраиваются, но очень редко и то в общественном собрании местной интеллигенцией, куда вход для рабочих не всегда доступен в виду высоких цен на места, и кроме того, присутствуя на спектаклях в собрании, рабочие не могут чувствовать себя независимо и свободно, как это было бы при устройстве спектаклей в складе" [17]. Однако Помощник надзирателя посчитал такое употребление денег "...совершенно излишним, так как при наличном составе администрации и рабочих едва ли удастся поставить в год хотя один спектакль. Между тем рабочие склада, в особенности совершенно молодые работницы разливного и мочного отделений, нуждаются именно в развлечениях и лучше всего доказали это 21 апреля, в Четверг на пасхальной неделе, дождавшись дня ясной погоды, по взаимному соглашению, с обеда на работу не явились, а отправились в полном составе на устроенную на окраине города качель" [18].

Беспокоило Помощника Акцизного Надзирателя неправильное отношение складской администрации и заведующего складом к рабочим. Это выражалось в обращении с ними на "ты", а такое обращение оскорбляло рабочих, в особенности лучших. "...В силу необходимости и нуждаясь в заработке, они примирались с таким обращением, но это не располагало их к развитию наибольшей производительности труда" [19].

При вступлении в должность Иванова за операциями на складе наблюдали Младший Помощник Надзирателя Новокшанов, "...обладающий мягким, вялым характером, добродушный и снисходительный до крайности, и контролер Куликов, приличный алкоголик, слабый, безвольный, доходивший до распушенности в отношении контроля за складом" [20]. Это приводило к тому, что склад, который должен был работать безостановочно в течение всего годовичного рабочего периода, за исключением 3-х дней Рождества и 3-х же дней Пасхи, останавливая работу на одну, две недели, в течение 1905 г., за неимением достаточного запаса стеклянной посуды. Что дало повод считать Иванова "...совершенно не соответствующим требованиям, предъявляемым лицам, занимающим такое ответственное положение, так как он должен был принять своевременно все меры к постоянной регулярной работе в складе, а не доводить до невозможности работать за неимением посуды" [21]. Ко всему прочему, при одной из ревизий в 1905 г. обнаружили слишком большие, в сравнении с прошлыми годами, траты вина. Заподозрили тайный стпуск спирта на золотые прииски.

Наконец, 3 декабря 1905 г. произошел случай, наделавший много шума в городе. В этот день, вечером, в складе, в комнате для акцизного надзора, состоялись проводы Контролера Куликова, перенесенного в другой округ. Участвовала вся администрация склада и приказчики. "Перепились казенным вином, и приказчик Сохин, сняв куртку и жилет, стал бить посуду. Его отправили со сторожем на квартиру, тут же в складе, но неизвестно каким образом Сохин в одном белье, в жестокий мороз, очутился в другом конце города у своего знакомого купца Родионова. Верхнее платье ему доставили туда уже на следующий день. Заведующий Иванов немедленно рассчитал Сохина за буйство, произведенное в складе, то есть, в сущности, за то, что приказчик напился до белой горячки в одной с ним компании". После этого случая Окружной Надзиратель категорически высказался за перевод Иванова из Кузнецка [22].

Итак, за три года Иванов, награжденный в 1905 г. "за отлично усердную службу" серебряною медалью, имея самые положительные характеристики, превращается в человека "с огромным самоощущением и болезненно развитым самолюбием". При увольнении Иванова ему было предложено место Помощника Заведующего Барнаульским казенным винным складом 1 разряда, но он от предложения отказался [23]. За 1905 г. на складе было приготовлено (очищено, разлито и укупорено) вина — 51533 ведра (для сравнения: на Мариинском за тот же год — 122850, а на Томском — 350484 ведра) [24].

1 мая 1906 г. в должность заведующего складом вступил Водянюк Никанор Федорович. Из крестьян, 1879 г. р., уроженец Ямпольской волости. Православный, окончил курс Херсонской Учительской семинарии. Учительствовал 3 года в Бессарабской губернии в с. Фрясино Сорокского уезда. В июле 1901 г. Водянюк подал прошение Управляющему Акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области о предоставлении ему должности по казенной продаже питей. С февраля 1902 г. был назначен на должность помощника заведующего Змеиногорского склада, затем был переопределен на ту же должность в Барнаульский склад. На Кузнецком складе прослужил до 1 июля 1907 г., после чего был переведен заведующим в Ново-Николаевский склад. 18 декабря 1910 г. Водянюк был произведен в чин Коллежского Регистратора [25].

Водянюк, один из немногих заведующих, за свою деятельность на складе не имел никаких нареканий. Обе стороны — Помощник Акцизного Надзирателя Короткевич и Водянюк — "...жили хорошо, работали совместно, памятуя и преследуя одну общую цель — возможно хорошую постановку дела".

Случился, правда, на складе пожар в ночь на 21 марта 1907 г. Сгорела временная постройка, введенная для хозяйственных нужд служащих. Тушением пожара руководил сам Водянюк. Работали две пожарные машины: казенная (складская) и городская. Были приняты все необходимые меры к охране казенного имущества. Пожар, начавшийся в 11 часов вечера, был потушен к 2 часам ночи. Из дознания о причинах пожара мы узнали, что служащие, проживавшие на территории склада, держали скот. Сгоревшее помещение состояло из четырех отделений — "стаек", в двух из них держали скот, а другие доверху были набиты сеном. Машинист Кузнецкого склада Андрей Хоменко, пострадавший, высказал предположение, что через забор склада в этом месте лазят солдаты, живущие в казарме за складом. "...Цель солдат могла заключаться в свиданиях с женской прислугой жилых домов в складе". Убыток от пожара был незначительный и выразился в стоимости восстановления 12 сажень забора [26].

При Водянюке должность приказчика исполнял потомственный почетный гражданин Николай Павлович Красноцветов. С 1 марта 1904 г. состоял в должности подвального. В 1904 г. был уволен за призывом на воинскую службу. В 1905 г. вернулся на склад на место приказчика. В трудные времена 1918 г. возглавлял склад [27]. Среди рабочих Кузнецкого казенного винного склада № 8 на этот период архивы сохранили имя Ардакова Георгия Аписимовича. С 1 апреля 1902 г. он состоял в должности слесаря. По работе характеризовался весьма положительно: "...трезв, аккуратен и заслуживает назначения на штатную должность".

В июне 1907 г. Водянюк был переведен с повышением на Ново-Николаевский склад. Должность заведующего с 1 июля 1907 г. занял Игошев Константин

Аидеевич с жалованьем в 1200 рублей в год, при квартире. Год рождения 1876, холост. При новом заведующем должность помощника занял Хоменко Андрей Афанасьевич, 1877 г. р., с жалованьем 900 рублей в год при квартире.

Архивы сохранили имена рабочих и служащих завода на 1907 г. Место конторщика занимал Гусев Сергей Михайлович с жалованьем 1000 рублей в год при казенной квартире. Помощником конторщика был Буторин Алексей Иванович, его жалованье составляло 600 рублей в год без квартиры. Августин Иван Викентьевич работал на складе с апреля 1902 г., а с 1906 г. занимал должность подвального с жалованьем 720 руб. в год при квартире. Васенин Григорий Михайлович, машинист [28] (Рис. 3).

В 1914 г. в связи с началом первой мировой войны правительство ввело в стране запрет на производство и продажу спиртных напитков. Была объявлена так называемая "трезвая мобилизация". Действие сухого закона продолжалось вплоть до 1918 г.

В Кузнецке с первого же дня призыва запасных (19 июля по старому стилю, или 2 августа по новому) около винных лавок начали собираться шумные толпы. Требовали открыть лавки и отпускать спирт. Полиция и местная полинская команда явно была не в состоянии противостоять возбужденной толпе, поэтому акцизный надзиратель распорядился вывезти из города запасы спирта. Это произошло в ночь с 20 на 21 июля (3-4 августа).

Рис. 3. Рабочие и служащие Кузнецкого казенного винного склада, 1914 г. (Архив ИАМ КК Ф. 6. Оп. 2. Д. 1)

Проблемы начались на следующий день. Утром у винных лавок вновь стали собираться неподвольные, ожидая, что их требования будут выполнены. К 7 часам вечера, когда обстановка накалилась до предела, представителем власти было объявлено, что вина в лавках нет. Не удивительно, что все желающие выйти тут же двинулись к винному складу с криками и угрозами и, услышав новый отказ, порвались на двор склада. Погрома, правда, не произошло. Раздались гудки тревоги, и толпа разбежалась, "причем унесено было всего около 10 педер питей".

Исправник снарядил для охраны порядка весь свободный состав полиции, позже ("когда после гудка толпа разбежалась") подоспел и взвод солдат в количестве около 30 человек [29].

Инцидент на этом, однако, исчерпан не был. Через некоторое время запасные и призывники ("не менее нескольких сот человек") вновь сплошной массой с криком двинулись к складу. Из подошедшей вплотную к воротам и заданию склада толпы было заявлено, что она пришла требовать выдачи якобы арестованных и запертых в складе 12 человек запасных. Работники склада предложили выбрать пять человек для осмотра помещений. Их пустили внутрь и дали возможность убедиться, что никаких арестованных на складе нет. Пока доверенные ходили по помещениям, разыскивая якобы пропавших, находящаяся на улице толпа начала громить склад, разбивая камнями и палками окна, и принесенным бревном выдамыкая решетки в окнах подвала.

Проникнув в подвал, запасные стали "тащить питья, причем многие тут же пили вино и спирт из бутылок" [30]. Осматривавшие склад доверенные смешались с толпой, а солдаты местной воинской команды вообще ушли из склада, не принимая никаких мер противодействия погрому и грабежу. Оставшиеся "добровольцы" только молча смотрели на погром, который беспрепятственно продолжался с перерывом на 1-2 часа до полудня 22 июля.

Ведущая к складу улица была покрыта движущимися назад и вперед группами, "вооруженными" бутылками с вином. Причем многие уносили взятое вино и возвращались на склад за новым по несколько раз, а к вечеру к складу начали подъезжать телеги. Город "запил". Лишь к вечеру 23 июля "благоразумных" среди запасных оказалось больше, они избили на Базарной площади особо рьяных громил, и все понемногу успокоилось. Помощник надзирателя Медяеда телеграфировал Томскому Управляющему акцизами: "Винный склад разгромлен. Разлив разграблен. Остаток расхищается. Цистерны пока целы. Охраны нет никакой" [31] (Рис. 4).

В складе из 5000 педер разлива уцелело немного (в день погрома, по свидетельствам очевидцев, вина в подвале было по щиколотку). Повреждения, в общем, оказались невелики: разбиты окна, испорчен транспортер, оборваны провода, кое-где сломаны трубы парового отопления [32]. Слух о том, что из Томска посланы войска, произвел панику среди погромщиков. В городе многие из участников погрома в первые же дни были посажены в Кузнецкую тюрьму. После такого погрома, да еще и в условиях правительственных запретов и ограничений, Кузнецкий казенный винный склад был вынужден практически прекратить свою работу. Какая-то деятельность там, несомненно, велась, но в масштабах ее нам не известно. Остается только предположить, что она была мелкой и — незаконной.

В 1917-1918 гг. власть менялась столь часто, что не успевала задумываться над необходимостью продления или прекращения действия сухого закона, введенного царским правительством. Вероятно, продолжало работать и подпольное самовоговарение.

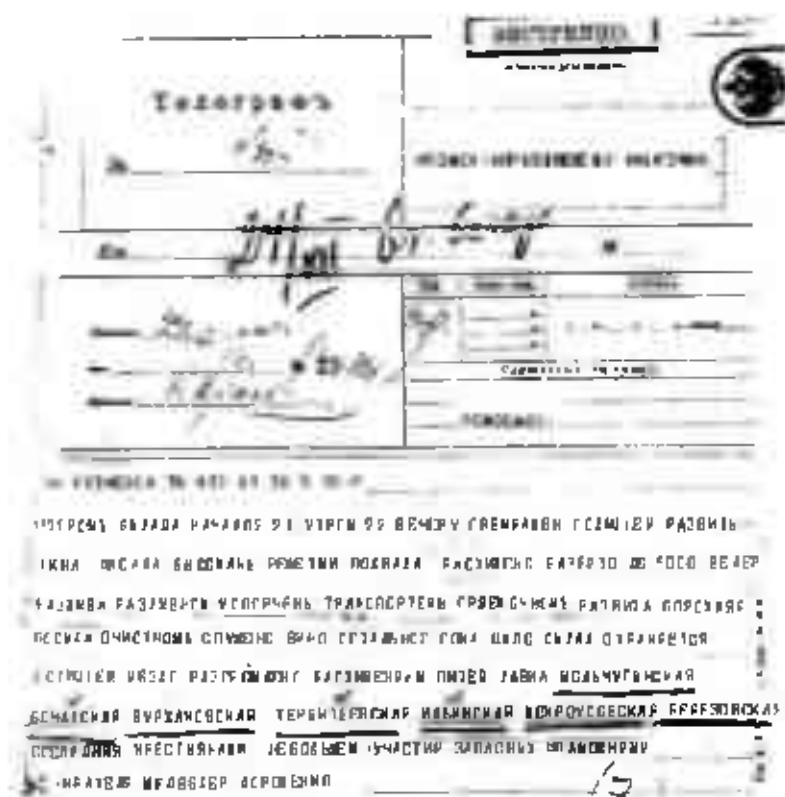

Рис. 4 Телеграмма Управляющему Акцизами 24.07.1914 г. (ГАТО Ф. 209
Оп. 1. Д. 782. Л. 3)

8 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство вынесло постановление о распродаже населению вина, хранящегося на законсервированных еще в 1914 г. казенных винных складах [33]. 8 августа 1918 г. в Томске состоялось совещание Управления Акцизными сборами. Председательствовал Ф. В. Красенский. На совещании обсуждался вопрос о распределении между губерниями, входящими в состав Управления, наличных запасов вина в казенных винных складах, и о разделении территории Управления на районы для его распродажи населению [34].

Запасы готового вина ("розлитое в стеклянную посуду и не розлитое") имелись в Томском, Мариинском, Бийском, Новониколаевском, Каинском, Змеинско-горском и Кузнецком казенных винных складах. В Кузнецке запасы, хранящиеся "в чанах и ледниках очищенного отделения всего 804 ведра" [35]. Решением Управления Акцизными сборами из Кузнецкого склада вино должно было распределяться на Кузнецк и Кузнецкий уезд, "за исключением волостей, отнесенных к районам Томского и Бийского складов" (волости Сары-Чумынская, Уксунайская, Зимовская, Поповичевская, Мартыновская, Ельцовская и Яминская) [36].

Исполняющему обязанности Помощника Надзирателя Контролеру Румицкому было поручено "озаботиться брезгательным сформированием под Вашим председательством Ликвидационной комиссии в городе Кузнецке по распродаже запасов готового вина" [37]. Задача комиссии заключалась в установлении очередного порядка отпуска вина отдельным городам и селениям и поиске способов наиболее правильного распределения спирта среди населения.

21 августа 1918 г., приняв к сведению распоряжение Томского Управления Акцизными сборами, Ликвидационная комиссия в составе "председательствующего исполняющего обязанности Помощника Наездника 5 участка V акцизного округа П.Г. Румницкого и членов: Заведующего винным складом № 8 И.С. Пастухова, члена Кузнецкой Земской Управы И.С. Хазева, уполномоченного от Кузнецкой Городской Управы Д.Ф. Тузовского и члена Начальника Кузнецкой Уездной милиции А.К. Иляк" приступила к работе [38]. В первую очередь решался вопрос о порядке получения вина из Кузнецкого казенного винного склада городским и сельским населением. Здесь учитывалось практически все, даже удобство доставки спирта. Например, в Кондомскую волость было предложено поставлять вино из Бийского склада, так как "село Кондомское соединено трактом с городом Бийском и отстоит от него в 160 верстах, а от Кузнецка в 260 верстах". Согласно установленному порядку, спирт сначала получали жители Кузнецка и Кузнецкой волости, затем — Ильинская, Прокопьевская, Томская, Красноярчанская, Александровская волости и далее [39].

Также было решено, каким образом распродавать спирт в самом Кузнецке. Ввиду полного отсутствия в городской кассе денег, необходимых для приобретения у винного склада вина для распределения населению города, было решено поручить продажу его Акцизному ведомству из предоставляемой городом безвозмездно ларки на Базарной площади. Расходы по производству распродажи вина не должны превышать причитающегося комиссионного вознаграждения. Распределение среди населения талонов на право приобретения вина было поручено Городскому самоуправлению при содействии милиции. Заготовку талонов производили средствами ликвидационной комиссии. Дежурному, выдающему талоны, была назначена премия в размере 45 руб. за каждую очередную серию бутылок вина [40].

Предписанием Акцизного управления от 10 августа 1918 г. Кузнецкому винному складу было предложено приступить к сборке оборудования моечного и разливного отделений и к разливу вина, хранящегося в чанах [41].

К лету 1918 г. Кузнецкий винный склад представлял собой довольно печальное зрелище. Неизвестно, работал ли он вообще с 1914 по 1918 гг. или работал частично на обслуживание нужд горожан. Но достоверно известно, что оборудование трубой коммуникации моечного и разливного отделений, складов были разобраны "пластью Спидепа" (вероятно, зимой 1917-1918 гг.). На время ликвидации запасов спирта осенью 1918 г. состав сторожей был "всего трое на сутки" [42]. Дворовые работы (топка печей в конторе и квартирах приезжающих чиновников акцизного надзора, в бане и подвалах жилого дома, колка дров, чистка снега) исполнять было некому. Имелись случаи замерзания водопроводных труб.

Весной-летом 1918 г. на складе частично распродавали материалы. Например, "томскому купцу Курлянду было отпущено купорочных пробок на 450 руб.". В мае 1918 г. были проданы предметы и принадлежности медицинского имущества склада Кузнецкому городскому управлению на сумму 224 руб. 60 коп. Городской мельнице были проданы материалы на 57 руб. 16 коп. Даже Кузнецкому начальному училищу было продано имущества на сумму 60 коп. Одновременно со склада были похищены стеклянная посуда и имущество всего на сумму 18 руб. 55 коп. В ведомости о расходах за июль 1918 г. стоимость проданного спирта (I) составляла 80 руб. 46 коп. Не дожидаясь официального разрешения властей, кузнецкие "виноделы" самостоятельно занимались продажей спирта.

15 ноября 1918 г. вышло постановление ВСНХ за подписью А. Рыкова о национализации винокурения и спиртоочистительных заводов, предприятий со всеми их строениями, оборудованием, живым и мертвым инвентарем и вообще со всеми их имуществами и капиталами, объявляющихся собственностью РСФСР. Было образовано управление государственным виннокурением и спиртоочистительными заводами — Центроспирт. Гражданская война еще только разгоралась. По мере установления советской власти на местах к Центроспирту переходили все уцелевшие и национализированные заводы.

Вопреки декрету о национализации некоторые Губсовнархозы разрешали получать различным ведомствам нефункционирующие винозаводы. Государство пыталось с этим бороться. "В случае повторения передачи виновные будут предаваться суду. — телеграфировала всем заведующим казенными винными складами Секция Питательных веществ. — Все годные заводы должны быть пущены. Полуразрушенные должны находиться под охраной Губсовнархоза. Имущество последних также никому не может быть передано. Действие декрета одновременно распространяется на пивоваренные заводы... Винные склады должны находиться в полной исправности. Передачу винскладов, занятие под больницы, лазареты допускать в том случае, если это не отразится безущербно на работе винскладов" [43]. Производство водки во все времена было одним из основных доходов казны, и государство, как могло, старалось заботиться о своих интересах.

Летом 1918 г. происходила передача склада бывшим заведующим Н.П. Красноцветовым и С. Пастухову. При этом была обнаружена недостача материалов и имущества на сумму 147 руб. 54 коп. В архивах сохранились обрывочные сведения о личности Ильи Степановича Пастухова. Родился в 1860 г. Окончил городское училище. До 1906 г. проживал в Бессарабии. В винной монополии работал с 1896 г. В декабре 1919 г. получал 1860 руб. В 1921 г. переведен из Кузнецка в Новониколаевск [44].

С весны 1919 г. в Отдел Монополий Главного Управления Налогами и Сборами стали поступать прошения на разрешение об открытии водочных заводов. К прошению должны были прилагаться сведения о крепости, ценах и составе водочных изделий, "без чего ходатайства эти не могут быть удовлетворены" [45]. Неизвестно, подавалось ли такое прошение относительно Кузнецкого винного склада, но спирт на складе имелся в достаточном количестве.

Согласно учетной книге в декабре 1919 г. в Кузнецке партизанскому отряду Рогова было "отпущено спирта всего градусов — 5056,15". Да и после окончательного установления советской власти продукция с винного склада № 8 продолжала распространяться "на нужды" среди населения. Спирт выдавали для дезинфекции детского приюта, для чистки машинки в канцелярии 312 полка Красной Армии, для очистки пулемета военного комиссариата, для "художественных целей и других потребностей" отделу народного образования, больницам, аптекам, ветеринарам, Красному кресту, музыкальной команде, Кузнецкой тюрьме... Одновременно с 1 января 1920 г. началась перевозка спирта в Новониколаевск и Омск [46]. Склад пустел.

С отпуском спирта возникали проблемы. Просили его все. Кому давать, а кому отказывать? На помощь пришел Химотдел СНК. Заведующему винным складом Пастухову была направлена телеграмма следующего содержания: "...все

отпуски спирта безусловно допустимы только по нарядам Химотдела Сибирского Совнархоза или его органа Сибспирта. По другим нарядам отпуск спирта недопустим. Мелкие потребности губорганов удовлетворяются Губхимотделом за счет спирта, отпущенного в распоряжение Губхимотдела в количестве 1000 ведер рас-
чету 40 градусов. ...Удовлетворение спиртом военных органов, за исключением губисполкомов, должно происходить через чусснабармов фронта, в исключитель-
ных случаях — чусснабармов армии... [47].

В январе 1920 г. Томско-Семипалатинское Акцизное управление было лик-
видировано Сибревкомом. С этого времени Кузнецкий водочный завод входил в
подчинение Главспирта при Наркомате пищевой промышленности СССР. Он на-
зывался Кузнецким спиртоводочным заводом Сибирского района Центроспирта
НКФ СССР.

В 1921 г. большевики решили частично отменить сухой закон. Ленин подпи-
сал декрет "О продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин". Разре-
шалась продажа вина населению не крепче 14 градусов.

Архивные документы этого времени содержат обрывочные сведения о Куз-
нецком складе. Например, в 1922 г. в орготдел Совнархоза из Кузнецка был на-
правлен запрос о допустимой предельной крепости виноградных вин, ликеров и
прочих спиртных напитков, а также о приготовлении вин из изюма и прочих суше-
ных фруктов и ягод. В ответ было выслано решение СНК от 8.12.1921, согласно
которому предельная крепость вина составляла уже 20 градусов [48].

В начале 1920-х гг. сердцем винного склада стала кочегарка и паровые котлы.
Электрическая станция на винном складе обслуживала в главном здании Уззко-
мат, в бывшем жилом доме Политбюро, в городе Гар-клуб и школу II ступени
[49]. В списке служащих склада числятся: заведующий Илья Степанович Пасту-
хов; помощник Михаил Иванович Чучалин; машинист Яков Алексеевич Иванов;
слесаря Егор Анисимов Ардаков, Трофим Степанов Зырянов, Феодосий Арсе-
ньев Ивлин; кочегары Федор Андреев Капин, Прокопий Иванов Осипов, Васи-
лий Кондратьевич Косых; смазчики Николай Иванович Готопило, Михаил Евген.
Филипов. Работа при машинах и котлах шла в три смены [50].

6 февраля 1921 г. склад принял нового заведующего — товарищ Андреев Алек-
сандр Павлович. Он смещал должность заведующего винным складом с долж-
ностью инспектора косвенных налогов по Кузнецкому уезду [51]. Андреев под-
черкивал, что, в отличие от своего предшественника Пастухова, им были прекра-
щены "недопустимые отпуска спирта и посуды" [52]. В апреле 1921 г. из Кузнец-
кого винсклада были отправлены в Томск, на казенный склад остатки материала,
в том числе: белил сухих 5 пудов, медянки 3 пуда, пергамента, лампочек электри-
ческих. Всего в 8-ми деревянных ящиках [53]. Таким образом, в 1921 г. на складе
шла только распродажа остатков спирта и материала.

В это время сложилось непростое положение для заведующих винными скла-
дами. Всем нужен был спирт, но вот как правильно его распределить? Эти вопро-
сы регулировались, с одной стороны, декретами центра, с другой — распоряжени-
ями местной власти. Естественно, что угодить на каждого было невозможно. Как
результат — частая и хаотичная смена руководства на предприятиях. Уже в 1924 г.
на Андреева было заведено уголовное дело. Его задолженность за сверхпредель-
ную неявку спирта составила — 4637 руб [54].

В 1923-1924 гг. в годовых отчетах по Управлению Губинспектора Госспирта Томской губернии Кузнецкий склад числится как законсервированное предприятие. Механическое оборудование на нем сохранилось лишь на 85%, общий средний износ составлял 35%. Паросиловая установка использовалась на 50% путем сдачи в аренду Уисполкому для электрификации города. В жилом доме находилась больница, угольная печь использовалась под кузницу [55].

В 1925 году рабочих и служащих на складе числилось 2 человека — смотритель охраны и сторож [56]. Главный корпус сохранил оборудование фильтрационного отделения, в остальных отделениях оборудование было снято. Отопление и водопровод нарушены [57].

На основании постановления Президиума ВСНХ 12 мая 1925 г. было образовано управление уполномоченного государственной спиртовой монополии (Центроспирт) ВСНХ СССР по Сибири [58].

Начиналась индустриализация, и если в других отраслях экономики под ней подразумевалось создание нового, то в спиртоводочной промышленности — восстановление старого (Рис. 6; 7). В период 1927-1928 гг. на заводе проводились капитально-восстановительные работы.

Были установлены пароперегреватели котлов, закончили ремонт оборудования завода, дома и канализации в нем. В фильтрационное отделение были приобретены и установлены вентиляторы. Были отремонтированы заборы, закончили ремонт бани, в котельной сменили насос. Заменяли электросмолкоочистку, отремонтировали калориферы. Заменяли электропроводку завода.

На все это было израсходовано 5450 руб. Были приняты меры и по охране труда — огорожены машины. А на противопожарные мероприятия были выделены 200 руб. [59].

Рис. 5. Жилый дом Кузнецкого винного склада. 2003 г.

Наконец в 1927 г. винный склад был введен в эксплуатацию уже как Кузнецкий подочный (спиртоводочный) завод № 142. Директором завода в 1927 г. был назначен Павел Петрович Воробьев (не проработав на предприятии и года, он был переведен в город Барнаул директором БЛВЗ). На заводе имелся довольно разветвленный штат сотрудников: очистной мастер, заведующий хозяйственно-материальной частью, заведующий коммерческо-сбытовой частью, машинист-механик, заведующий отпускным и посудоразборочным отделением, зав. спиртохранилищем, кассир, делопроизводитель, старший бухгалтер и даже "делопроизводитель секретной части" и др. Средняя продолжительность рабочего дня составляла 7,3 часа.

В конце 1920-х гг. остро стоял вопрос о действующей системе продажи питей. В 1927 г. предприятиям было разрешено открывать собственные оптоно-розничные торговые участки в городах и деревнях. Кузнецкий завод имел около 30 торговых точек по всей территории современной Кемеровской области (г. Ленинск, Кузнецк, ст. Кольчугино, с. Прокопьевск, Турьевский завод, Сад-город, с. Крапивино, с. Красное, с. Бачаты, Верхний Чумыш, с. Ашмарино, с. Кузнецово, с. Ильинское, Мыски, Беляуково и др.) [60]. На ближайшие торговые базы продукцию доставляли лодками по реке либо на лошадях. И водный, и гужевой транспорт у завода были собственными (25 лошадей, 6 лодок). Нужно отметить, что огромное количество лошадей на заводе требовало и соответственного ухода за ними. В распоряжении завода на собственных конюшнях имелись телеги на железном и деревянном ходу, фургоны, таратайки, сани (выездные и домовые). Наконец, с января 1928 г. были упразднены Комиссии по отпуску спирта [61].

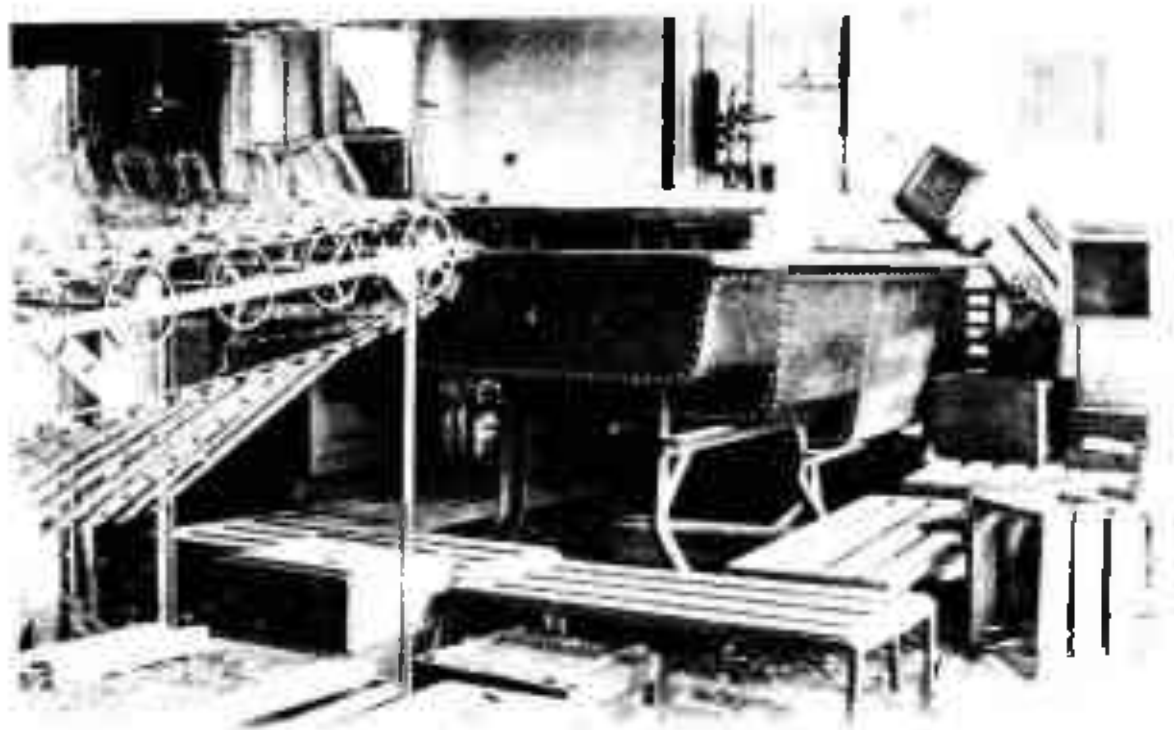

Рис. 6. Производственное помещение Кузнецкого винного склада. 1920-е гг. (ГАТО. Ф. 209. Оп. 2. Д. 1095)

Рис. 7 Производственное помещение Кузнецкого винного склада
1920-е гг. (ГАТО Ф 209 Оп. 2 Д. 1095)

По количеству и объему оборудования завод мог давать выработку не ниже лучших заводов [62].

Таблица 1.

**Технико-экономические показатели производства хлебного
и столового вина на 1927-1929 гг.**

		1927-1928		1928-1929	
		Хлебное вино	Столовое вино	Хлебное вино	Столовое вино
1. Мощность	Ведер	110000	110000	142857	-
2. Выработка	Ведер	85655,53	6801,55	94188,4	-
3. Нагрузка	%	96,2	61,8	65,93	0

Начиналась эра пятилеток. Производство на заводе хромало, реализация хлебного вина шла из рук под плоху. Никакого ассортимента практически не было, только хлебное и столовое вино. Завод часто простаивал. В таких случаях работникам предоставлялся неоплачиваемый отпуск. Люди предпочитали увольняться, переходить на службу в учреждения и предприятия с более высокой и регулярной оплатой труда. Отчеты с завода отправляли не вовремя. Директора, бухгалтера и завхозы часто менялись.

Отсутствие специальных знаний и специалистов прямо сказывалось на производстве. Заводом руководили люди энергичные, по-коммунистически волевые и принципиальные, но на деле подчас мешавшие производству из-за отсутствия должного профессионализма, культурного уровня, да и элементарного образования.

Малограмотность и вовсе неграмотность — настоящий бич того времени. В этом смысле показатели «учебный план курсов по переподготовке директоров с/п заводов Сибирского района Центроспирта». На этих курсах давались основы русского языка (грамматная деловая речь), математики (нумерация, четыре арифметические действия, десятичные дроби, понятие о простейших дробях, площади и простейшие уравнения, объемы, счеты и простейшее приращение), физики (предмет физики, закон Архимеда, жидкости), химии (общее понятие), винокурение, спирты. Прохождение курсов было «добровольно необходимым». «Согласно Вашего предложения о желании прохождения курсов директоров заводов, я считаю безусловно необходимым, — писал директор завода Молотов — так как РУ известна моя грамотность, практическая подготовка к работе, когда я был послан на должность директора завода. Но не кем заменить» [63]. Заменить действительно было нечем. Специалистов не просто не хватало, их на заводе не было. Если уж директор и член ВКП(б) попадал в категорию малограмотных, то что говорить о других.

Другая крайность того времени — местные партийные организации регулярно снимали с работы для отправки в деревню на всевозможные комиссии руководящих работников, в том числе и со спиртового завода. Например, долг завхоза Синцова составил круглую сумму именно «вследствие частого и экстренного снятия его с работы местной партийной организацией для отправки в деревню» [64]. При этом официальной сдачи-приема складов не производилось, а ключи от кладовых передавались инженеру Боярскому, который «почти не учитывал движения материалов на складах и, в свою очередь, передавал ключи ремонтным рабочим, которые уже сами бесконтрольно получали со складов единолично». За недостачу материалов были переданы дела в суд на завхозов — Синцова, Фролова, за ним на Кабаллеро [65].

С 8 марта 1929 г. директором завода был назначен большевик Галло Яков Парфенович (Парминович) [66]. Продержался на заводе он меньше года. Бухгалтером производственной части при Галло был товарищ Киселев, контролером — Спириин Иван Осипович, зав. коммерческой частью — Дайновский Александр Рафаилович, заспиртохранилищем — Кабаллеро Сергей Михайлович [67].

В октябре 1929 г. на заводе было произведено обследование специалистами по производству Сибирского РУ Центроспирта И.Я. Морозовым. Результатом обследования явился акт, содержанием которого стал полный разгром всей работы завода. Среди главных и очень серьезных недочетов перечислялись: «в котельном отделении не установлено никаких измерительных приборов кроме манометра, в машинном отделении паровая машина работает со стуком, корпус динамо-машины греется с отклонением до 2 мм, на распределительном щите отсутствует счетчик электроэнергии, машины и помещения очень грязны, в машинном и котельном помещениях много хлама, в полу имеются углубления размером, допускающим проход для ноги. В розливе и мойке стены имеют мутно-серую окраску, в помещении темно, на полу лужи. В мойке пар конденсируется на стенках помещения. Машина для наклейки этикеток стоит не правильно. Во флакне у распределения течет вино. Темп работы чрезвычайно низок. Отношение значительной части рабочих к производству безразличное. Смолокочистка работает со значительно увеличенной скоростью, почему много боя посуды. Много мусора: битого кирпича, стекла, гудрона, пиломатериала. Во всем заводе чувствуется значительный упадок производственной дисциплины. Пожарная сеть без воды. На заводе курят повсеместно

табак. Крыши везде текут. За бывшим завхозом числится недостача в 2700 руб., не оформленная для взыскания. Повсеместно на заводе слабая квалификация работников, постоянные перебои торговли вином в лаяках» [68].

За актом последовала докладная записка следующего содержания: "...при наличии имеющегося штата завода, ожидать значительного сдвига в работе его — нельзя. Имеются факты ненормальных взаимоотношений между директором завода товарищем Галло и значительной частью партийцев, когда налицо подсиживание, круговая порука. Недооценка со стороны Райкома ВКП(б) товарища Галло, как вынужденца, а потому отсутствия необходимой поддержки ему, отрыв Галло в течение 4-5 месяцев из 7-8 на работу в деревню, система управления заводом, когда он не сумел поставить деловых служебных отношений с рабочими и сотрудниками, что привело к панибратству, все это говорит за то, что его с завода нужно снять, так как авторитет его подорван» [69].

Товарищ Галло отправил Управляющему районом рапорт о снятии его с должности: "...ввиду трудного положения, находясь в таких условиях, как оторванность от окружных организаций, с работой справиться трудно. Кроме того, Райком и ячейка зная недостачу за бывшим завхозом Сивцовым, проморгали, никто меня не информировал, и обнаружился при передаче другому завхозу большой недостаток, который вылился в солидную сумму. За это мне на чистке партии сделали выговор. Прошу перебросить меня на другой завод, где можно договариваться с окружными организациями» [70]. Что и было сделано. На заводе появился новый директор, товарищ Монаков, по уровню профподготовки мало чем отличавшийся от своего предшественника.

На различные курсы с завода отправляли не только руководство, но и мастеров, рабочих цехов и др. Подобная практика была широко распространена в 1930-е гг. Например, в октябре 1930 г. Райком ВКП(б) командировал очистного мастера Кузнецова на рабфак и курсы директоров. Монаков одобрил это: «Как рабочий от станка он в системе Центроспирта будет полезным работником. Что касается замены Кузнецова, то, как на съезде было доложено Петуховым, очистные мастера есть». Однако спустя месяц все тот же Монаков сообщал в Центроспирт, что место очистного мастера пустует. Имеющийся на заводе очистной мастер Козлов проявлял «франтовство и, отчасти, легкомыслие, что мешало ему быть цеховым администратором». Другой пример: в 1930 г. директора завода Монакова и его заместителя Дайновского направили на пере выборы горняцких союзов. Фактически завод остался без руководства, и план третьего квартала провалили.

«Курсы повышения квалификации», как и частая смена руководства, практически не влияли на сложившуюся в Кузнецке плачевную ситуацию. План по производству и продаже спиртных напитков на Кузнецком СВЗ регулярно не выполнялся. Сохранялась недостача пробки и посуды. Наблюдалась значительная текучесть кадров. Например, на 1 апреля 1928 г. процент текучести личного состава достигал 49,4%. Такое положение вещей руководство завода объясняло наймом временных рабочих «вследствие роста розлива хлебного вина, вызванного усилением реализации и заготовкой его на распутицу». В качестве другой причины указывались простои завода, что приводило к «материальной необеспеченности отдельных рабочих» и, соответственно, к большой текучести личного состава. Про-

стои завода, в свою очередь, частично вызывались недостатком спирта, который поставляли из Томского винокуренного завода. В декабре 1930 г. директор завода Монаков доносил в Москву, что «сего числа вследствие недостатка спирта производство остановлено. По разнарядке Р. У. не послано 4 вагонов спирта» [71]. В III квартале 1929 г. завод был в очередной раз остановлен на месяц. Сотрудникам был предоставлен отпуск. Отправленные в отпуск работники стали подавать заявления об увольнении и переходить на службу в учреждения и предприятия с более высокой платой труда.

В 1925 г. в СССР было введено производство «хлебного вина в 40 градусов», которое стали называть «пшеничной водкой». Производство этой водки не требовало практически никакой технологии, не нужно было заботиться о вкусовых добавках, достаточно было обычный ректификат разбавить водой до крепости в 40 градусов. Хлебное вино стало основным продуктом винокуренной отрасли вплоть до середины 1930-х гг. Изготовление наливок, настоек, ликеров почти полностью остановилось. Не исключением стал и Кузнецкий завод. В документах первые упоминания о производстве сладких и горьких настоек относятся к 1939 г.

В 1928–1929 гг. ассортимент разлива на Кузнецком водочном заводе в большинстве своем не соблюдался. Расход материалов и посуды был неравномерен из-за недостатка нужной посуды и «отсутствия со стороны заводоуправления контроля за производством». «Несмотря на полную обеспеченность материалами, ассортимент завода (на 1928 г. — Г.В., О.Б.) не был выполнен, что можно объяснить отсутствием плановых начал». Впрочем, ассортимент производимой заводом продукции был на то время невелик: обыкновенное вино в 40 градусов, столовое вино 38 градусов, вино высшей очистки 43 градуса и денатурат.

Качество водки проверяли в химической лаборатории Центроспирта. В целом характеристика Кузнецкого вина была удовлетворительная, «к потреблению возможная». Алкогольные напитки проверяли по следующим показателям: крепость, вкус и запах, содержание альдегидов и сивушных масел, щелочность.

Воду для производства алкогольных напитков на Кузнецком СВЗ брали из скважины качающим насосом МАРШ. Вода иногда шла с примесью извести, что влияло не только на качество продукции, но и на работу заводского оборудования. Поэтому мастерам приходилось проводить дополнительную очистку воды [72].

Низкие производственные показатели, невыполнение спущенного «сверху» плана часто объяснялось нерегулярными поставками спирта на завод. Сырье в Кузнецк завозилось из Томска, и Галло, а за ним Монаков и Хабаров (Рис. 9) обвиняли Томский спиртовой завод в пренебрежении своими обязательствами.

Существующая в советское время для подочных заводов система планирования включала в себя количество произведенной продукции и количество продукции реализованной. Однако, несмотря на принимаемые меры, торговля шла с перебоями. Следить за чистотой и нормальной работой торговых точек заводу было накладно. Некоторые лавки закрывали из-за отсутствия надлежащих санитарных условий, а чаще и вовсе без видимой причины, объясняя подобные действия борьбой с алкоголизмом. В газете «Кузбасс» от 28 ноября 1928 г. была опубликована заметка под названием «Трезвый быт». В заметке рассказывалось о том, что на Кузнецком водочном заводе имеет место сокращение производственных планов, а также о том, что наложен запрет на ввоз вина из Томского округа на территорию современной Кемеровской области [73].

Воробьев выступил на совещании директоров водочных заводов в октябре 1928 г.: "Имеют место случаи запрещения продажи вина в целых районах (Прокопьевском, Агинском), а это отражается на выполнении плана сбыта. Завод здесь бессилен, должен действовать Р.У.". В декабре 1928 г. Воробьев обращался в Районное Управление Центроспирта с просьбой отменить постановление Прокопьевского РИКа о закрытии Прокопьевской и Угятской винных лавок Центроспирта, либо разрешить перенести лавки в другие пункты Прокопьевского района (в д. Шарал или в с. Зенково). Закрытие лавок РИК объяснял борьбой с алкоголизмом. Однако Воробьев заявлял, что подобные меры приведут к обратному — к «варварству шипкачества (незаконный сбыт хлебного и столового вина — Г.В., О.Б.) и самогонаварения» [74].

Настоящей проблемой для завода были так называемые "запретные дни" (за три дня до праздника и три дня после, а так же до и после получения не разрешалось продавать спиртные напитки). Праздники (религиозные и революционные) встречались в каждом календарном месяце, зарплату давали дважды в месяц. Галло жаловался, что таким образом из рабочего месяца выпадает до 15 дней перерыва в торговле. Где уж здесь выполнить, а тем более перевыполнить план!

Отдельно следует сказать о продаже денатурата. Денатурат — пиякочищенный спирт для технических нужд — зачастую использовался населением для "питьевых целей". Боролись с этим по-разному. Некоторое время денатурат отпускали только по карточкам. В октябре 1930 г. и. о. директора Кузнецкого завода Дайновский направил в Сибирское районное Управление Центроспирта предложение "об отпуске денатурированного спирта населению исключительно через магазины Центральных Рабочих Кооперативов по карточкам", мотивируя это тем, что "рабочие Кузнецкостроя не в состоянии получить спирт для горения вследствие больших очередей у наших лавки в Садгороде за вином" [75]. Дайновский призвал обеспечить "концентрацию спирта в рабочую массу исключительно для горения, а не для питья" [76]. Использование карточек однако не принесло желаемых результатов. Месяцем позже местные органы власти наложили ограничения на торговлю денатуратом — не более 1/40 ведра в одни руки. Во избежание очередей у лавок продажу денатурата предлагалось установить из другого окна. Интересно, что денатурат продавали на разлив, так как на заводе не хватало стеклосуды [77].

Трудности и однообразие производства в тридцатые годы не мешали сживанию общественной жизни. На заводе был организован фабрично-заводской комитет (ФЗК). Появляется и партийная ячейка.

В 1931 г. на Кузнецком спиртоводочном заводе работало уже более 50-ти человек. Из них специальных рабочих: мойщиц, разливавшиц, укупорщиц, этикетчиц и браковщиц — 14 человек. Вспомогательных рабочих — 5, это слесари, кочегары, подвозчики топлива. Один производственный служащий — очистной мастер. Административно-технический персонал: директор, механик, заведующий спиртохранилищем, материальный. Счетный персонал — бухгалтер, бухгалтер производственной части, счетовод. Младший обслуживающий персонал — уборщица. Содержание заводского транспорта — конюх. Содержание двора — один рабочий. Один ученик. Торговый штат: заведующий отпускным отделением. Контролерский состав — два контролера [78].

В 1933 г. на спиртовой завод был спущен план по расширению производства. Были проведены следующие мероприятия: сделана пристройка для посудного от-

деления, сделана разборка 2-х стен для расширения моечно-розливного отделения, в лестничной клетке установлен водяной напорный бак (емкостью в 1500 ведер), сделан тамбур для отпуска вина из подвала; склепано 5 штук железных баков для установки в спиртовочное отделение и для сбора фильтрованной воды; приступили к изготовлению моечных корыт и различных столов. В связи с новым планом расширения на завод прибыл с инспекцией инженер по производству треста товарищ Эполтинский. Вот что он увидел: "посуда плохо промывается, наклейка этикеток небрежная — кривая, осмаливание бутылок не равномерное, оттиски печатей неясны; точный учет посуды и бля в цехе отсутствует; цеховая книга по учету спирта ведется небрежно; зая. спиртами товарищ Щербakov совершенно не знает техники приемки и испытания спирта на чистоту; питания и учет их находятся в удовлетворительном состоянии; наблюдаются опоздания на работу не только со стороны рядовых работников, но и ответственных руководителей. Все это необходимо поправить" [79].

В начале 1930-х годов на предприятиях Советского Союза стали внедряться новые формы работы. Одной из них были социалистические соревнования. Первый Всесоюзный слет ударников спиртоводочной промышленности СССР в 1935 г. прошел без участия в нем Кузнецкого спиртового завода, несмотря на то, что уже в 1929 г. на предприятии существовали фонды рационализации, изобретательства и соревнования. Да и стахановское движение стало разномаршироваться на заводе только с июня 1937 г. К концу 1937 г. стахановцев и ударников было 57 человек, что составляло 54% к общему числу рабочих. В практику работы на заводе внедрялись и стахановские методы. Так, столяром Батухтиным был приспособлен моечный барабан для 4-х ассортиментов, ранее работавший на одном. Кузнец Марьяин сконструировал поворотный кронштейн для вытаскивания и установки барабана в моечное крыто, при работе одного человека. Ранее эту работу производили 4-5 человек [80].

В 1937 г. между Мариинским водочным заводом и Кузнецким заводом был заключен социалистический договор. От Мариинского водочного завода договор подписали: директор завода Стафеев (Рис. 8); зая. производством Княдратков; зам. пред. ФЭК Высоцкий и стахановцы Померанцева и Спасюк. От Кузнецкого водочного завода: директор завода Митюшкин; парторг Топоров; председатель ФЭК Степанов и стахановка Монахова. Заводы взяли на себя следующие социалистические обязательства:

1. Досрочно выполнить годовой план 1937 г. при качестве не ниже 90 баллов (Мариинский завод выполнил на 132,38%; Кузнецкий завод на 108,4%).
2. Перевыполнение произвести за счет повышения производительности труда (не выполнен заводами).
3. Производительность труда поднять на 15% к плановой (Мариинский выполнил на 114%, Кузнецкий не выполнил).
4. Провести борьбу с тратами: посуды, спирта (не выполнен заводами).
5. Провести борьбу с пережогом топлива (не выполнен заводами).
6. Снизить себестоимость продукции на 10% к плановой (Кузнецкий — 86,5%; Мариинский — 86,7%).
7. Строго соблюдать правила санитарного режима (Кузнецким заводом выполняется не в достаточной степени).
8. Не допускать простоев (Кузнецкий завод простоял 28 дней).

9. Ликвидировать на 100% прогулы без уважительных причин (заводами не выполнен).

10. Обучить техническому минимуму первой степени всех основных рабочих, и второй степени 15 человек (Кузнецкий завод не выполнил).

11. Ликвидировать неграмотность и малограмотность (Кузнецкий завод не выполнил).

12. Превратить моечно-розливной и посудный цеха в стахановские (заводами не выполнен).

13. Быть бдительным в сохранении нашей социалистической собственности, выявлять и разоблачать расхитителей (нет достаточной бдительности).

14. Всесторонне улучшать культурно-бытовые условия стахановцев, ударников и специалистов (не стоит на должной высоте).

15. Каждый член коллектива обязуется посещать кино не менее 2 раз в месяц (выполнен: коллективные выезды совершили 3 раза) [81].

Коллективные выезды в кино сегодня вызывают улыбку (наивно-трогательный образ эпохи). Но в то время это было обычным явлением.

Завод содержал подсобное хозяйство, где выращивал овощи, зерно, крупный и мелкий рогатый скот.

Широкое распространение стахановское движение получило в 1938 г. «Вдохновленные Сталинской Конституцией, миллионы рабочих вступили во второй стахановский год с твердым решением перевыполнить план, сделать нашу прекрасную Родину еще более могучей, обильной и цветущей. Мы, водочники, горячо поддерживаем призыв нашего любимого Сталинского Наркома тов. А.И. Микояна развернуть социалистическое соревнование за перевыполнение плана 1937 г., за высокое качество продукции, за новые победы на пути к Социалистическому изобилию в нашей стране» [82]. Архивы сохранили список стахановцев, отличников и ударников по Сталинскому ликерно-водочному заводу за февраль месяц 1938 г. Именно стахановцы играли большую роль в выполнении годового плана [83].

В 1939 г. на заводе работали три бригады — Савиной, Шестериной и Тропиковой (Рис. 10). Фактически же работали только две бригады, из-за хронической нехватки сырья и тары. В каждой бригаде — по 11 человек. Лучший бригадир того времени — Савина.

Лучшие стахановцы: Монахова — лучшая сортировщица посуды, нормы выполняла на 140 — 160%; Орехова — работница ликерного цеха, несмотря на отсутствие какой-либо специальной подготовки, прекрасно освоила работу купажиста; Скударнова — выполняла нормы выработки на 130-140%, как одна из лучших стахановцев была выдвинута на должность лаборанта; Понкратовская выполняла нормы выработки на 130-135%; Максимов — электрик, отлично обслуживал все электрохозяйство завода, не имел ни одного случая простоя механизма; Костин — дежурный слесарь моечно-розливного цеха, содержал агрегаты в хорошем состоянии, по его вине не было ни одного случая простоя, рационализатор.

В конце 1930-х гг. по пищевой отрасли прокатилась волна реконструкций. Все началось с Московского ЛРЗ, где в 1938 г. прошли испытания барабанные секционные мойки и ленточные конвейеры, вместо моечных крыт и розливных столов. Согласно предписанию Главликертреста "замена старых розливных столов ленточными транспортерами-конвейерами есть мероприятие огромной важности

для всей ликероподочной промышленности и признано как техническое усовершенствование, дающее большую эффективность для облегчения труда и повышения продуктивности при расфасовке". Реконструкция не обошла и Кузнецк. На заводе появилось новое оборудование и механизмы. К 1 января 1941 г. было установлено 4 розливных копилейера, введено в эксплуатацию розливных машинок 0,5 литра 10-сосковых 3 - и 12-сосковых одна; установлено 3 контролрипода к розливным машинкам; для отпуска готовой продукции из подвала установлен ленточный транспортер; начата работа по изготовлению специальной машины для наклейки этикет.

В 1939 г. на Сталинском ЛВЗ началось строительство ликерного цеха. Однако известно, что "цвстная" продукция выпускалась здесь уже в 1938 г. Правда, ассортимент ее был небогат. В 1939 г. он несколько увеличился. Среди названий горьких водочных настоек появляются: Вишневая горькая, Лимонная; сладкие наливки: Спотыкач, Запскаянка, Сливянка, Клубничная, Земляничная, Малинсовая, Черносмородиновая; сладкие настойки: Нежинская рябиновая, Яблочная, Вишневая, Брусничная, Клюквенная, Облепиховая, Черемуховая, Дпппель-Кюммель; ликеры: Ванильный, Кофейный, Абрикотный, Алдаш.

Однако реальное производство наливок и настоек сильно отличалось от запланированного. Так, например, в 1939 г. из перечисленных выше сладких наливок выпускалась только Черносмородиновая, а из настоек — Вишневая, Рябиновая, Малиновая. Ликеры не производились вообще. Вероятно, это связано с тем, что еще не было завершено строительство ликерного цеха [84]. Освоение производства сладких напитков проходило медленно. В 1940 г. заводом впервые было изготовлено 810 кг дикорастущих ягод.

Директор (1933-1938 гг.) Кузнецкого
водочного (спиртоводочного)
завода №142 Стафеев
(Архив НАВЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.)

Директор (1938-1940 гг.) Хабаров

Бригада стахановцев В центре — бригадир Е. Тропикова (1939 г.)
(Архив НАВЭ Ф. 3. Оп. 4. Д. 1.)

Через потребкооперацию было заготовлено еще 11800 кг ягод: из них черной смородины — 1989 кг; черемухи — 4660 кг; рябины — 4955 кг; клубники — 1950 кг. Наконец в 1940 г., в сентябре, был пущен ликерный цех. Возможно, именно в это время был установлен пресс для выжимки ягод, который до настоящего времени используется по назначению. На заводе увеличился ассортимент выпускаемой продукции.

Невыполнение плана объяснялось простоями завода по причине нерегулярных поставок спирта, недостаточным обеспечением транспортом для перевозки яодки в другие районы, недостатком в посуде. В 1940 г. по этим и другим причинам ЛВЭ не работал 72 дня и недовыработал продукции 121,0 т. дал. Распирение очистного цеха тормозилось из-за задержки строительных работ. Недопоставка посуды приводила к простоям завода и невыполнению плановых показателей.

Нерегулярно проводилось финансирование капитального строительства НКФ. Это также отражалось на деятельности завода. Ремонтные работы проводились хозяйственным способом силами тех же рабочих, которые трудились и на основном производстве.

Все это отражалось на прибылях завода. Определялись они следующими статьями: от реализации, от поступления списанных безнадежных долгов, кредитных задолженностей, спорных долгов. Убытки: по операции с тарой, списание долгов за истекший срок давности, безнадежные долги, эксплуатация жилищного хозяйства, транспортные расходы, задержки обращения по рознице. Переход на выра-

ботку более ценных сортов изделий при количественном невыполнении плана по-
явился в 1940 г. заводу перевыполнить план накоплений. Здесь также сыграл роль
факт получения прибыли от посудного хозяйства вместо ожидаемых убытков.

В связи с реорганизацией отрасли по водочным заводам прокатилась волна
выдвижения встречных ударных планов. Заинициатором стал коллектив Астраханс-
кого водочного завода, который и развернул социалистическое соревнование и
предложил поддержать все водочные заводы страны — за выработку тысячи де-
калитров на бригаду и 40 декалитров на каждый отработанный человеко-день в
целом по заводу. На Кузнецком заводе это предложение поддержали. «В целях
освоения 1000 дал были проведены следующие мероприятия:

1. Подогрев воды непосредственно в моечных корытах.
2. Мойка посуды с обязательным применением щелочи.
3. Переделка разлива машинок на 10-12-сосковые.
4. Устройство контрприводов к разливным машинкам.
5. Усовершенствование браковочных экранов.
6. Проведение в жизнь метода социалистического соревнования.

Завод имел паросиловое хозяйство (2 парокотла площадью нагрева 62 кв. м).
Подача топлива в котельную и загрузка его проводилась вручную.

Большая текучесть рабочей силы на заводе сохранялась вплоть до начала
1940-х гг. Из-за этого сложно установить точное число работников предприятия.
Например, в I квартале 1928 г. на завод принято 38 человек, уволено 11. В 1939 г.
— принято 66 человек, а уволено 86. Такое положение объяснялось, главным об-
разом, простоями завода из-за отсутствия спирта. Случайное поступление сырья
приподняло к резкому увеличению (или сокращению) наличного состава. Однако,
как подчеркивал директор Хабаров, костяк заводских рабочих сохранялся. В 1940
г. на заводе работало 59 рабочих (по плану необходимо было 84), 11 ИТР (по
плану — 12), служащих — 12 (по плану — 14), младшего обслуживающего пер-
сонала — 10 (по плану — 12). Имелся 1 ученик. Среднегодовая зарплата рабоче-
го составляла 2576, ИТР — 6273, служащего — 4083, младшего обслуживаю-
щего персонала — 2000, ученика — 1000.

В предвоенные годы на заводе уже были свои машины — два «ГАЗа» грузо-
подъемностью 1,5 т; три машины «ЗИС-5» грузоподъемностью 3 т каждая, из
них одна автоцистерна на 307 дал спирта. Общий тоннаж всех машин составлял
12 т. Транспорт использовался и на подсобном хозяйстве для вывозки зерна и опп-
щей, во время посевной (такое использование машин называлось мобилизацией).
В конюшне содержалось 20 лошадей, в том числе одна выездная и два жеребенка.
Лошади имели среднюю упитанность, были полностью обеспечены сеном и овсом.

Фонд жилой площади на 1941 г. составлял 515 кв. м. К нему относились жи-
лые дома по ул. Ленина, 44, ул. Красная, ул. Толстого, ул. Пятилетка, квартира
зав. производством, квартира директора завода. При этом общее число работаю-
щих на АВЗ и пользующихся жилплощадью предприятия было 33 человека. Убытки
по жилищному хозяйству обычно предусматривались общей сметой, но не вклю-
чались в финансы.

В 1941 г. завод вступил с грузом забот и проблем. Исправлять и налаживать
предстояло многое. Но... началась война. Завод перешел на работу в условиях
военного времени.

Примечания

1. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 103. Лл. 57-58.
2. Там же. Л. 7.
3. Там же. Л. 54.
4. НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 103. Л. 26.
6. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.
7. Там же. Лл. 101-103.
8. Там же. Д. 158. Лл. 73-74.
9. ГАНО. Ф. Р-1453. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.
10. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 103. Лл. 79-82.
11. Там же. Д. 125. Л. 3.
12. Там же. Л. 44.
13. Там же. Лл. 48-50.
14. НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 122.
15. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 185. Л. 25.
16. Там же. Лл. 2-3.
17. Там же. Лл. 82-83.
18. Там же.
19. Там же. Лл. 74-75.
20. Там же. Лл. 120-123.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же. Л. 120.
24. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 170. Л. 56.
25. Там же. Д. 1077.
26. Там же. Д. 407. Лл. 2-3, 6-9.
27. Там же. Д. 383. Лл. 13-14.
28. Там же. Д. 400. Лл. 35-36.
29. Там же. Д. 782. Лл. 31-36.
30. Там же. Лл. 31-36.
31. Там же. Л. 3.
32. Там же. Лл. 31-36.
33. Там же. Д. 882.
34. Там же. Д. 882. Лл. 29-30.
35. Там же. Л. 39.
36. Там же. Л. 87-87об.
37. Там же. Л. 27-29.
38. Там же. Л. 87.
39. Там же. Л. 29-30.
40. Там же. Л. 303.
41. Там же. Л. 71.
42. Там же. Л. 294.

43. ГАТО. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 67. Л. 111.
44. ГАТО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 40.
45. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 881. Л. 104.
46. ГАТО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 50; Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 67.
47. ГАТО. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 67. Л. 123.
48. ГАТО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 49. Л. 21.
49. Там же. Л. 22.
50. Там же.
51. Там же. Л. 54.
52. Там же. Л. 113.
53. ГАНО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
54. Там же. Л. 6.
55. Там же. Д. 37. Л. 24.
56. Там же. Д. 29. Л. 12.
57. ГАНО. Ф. Р-943. Оп. 1. Предисловие. Лл. 1-5.
58. ГАНО. Ф. Р-943. Оп. 1. Д. 38. Л. 112.
59. НФ ГАКО. Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 1.
60. ГАНО. Ф. Р-943. Оп. 1. Д. 152. Л. 92.
61. Сибирская жизнь. 1928, 3 января.
62. ГАНО. Ф. Р-943. Оп. 1. Д. 371. Л. 108.
63. Там же. Д. 152. Л. 85.
64. Там же.
65. Там же. Д. 120. Л. 21.
65. Там же. Д. 52. Л. 129.
66. Там же. Д. 235. Лл. 175-180.
67. Там же. Д. 152. Л. 156.
68. Там же. Л. 155.
69. Там же. Д. 358. Л. 88.
70. ГАНО. Ф. Р-943. Оп. 1. Д. 358. Лл. 54об-60.
71. Там же. Д. 226. Л. 125.
72. Там же. Л. 110.
73. Там же. Д. 296. Л. 3.
74. Там же.
75. Там же. Д. 296. Л. 4, 35, 36.
76. ГАТО. Ф. Р-543. Оп. 2. Д. 1. Лл. 11-12.
77. Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 108.
78. Там же. Д. 126. Л. 132.
79. Там же. Л. 134.
80. Там же.
81. Там же. Д. 126.
82. НФ ГАКО. Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 7. Л. 75об.
83. НФ ГАКО. Р-232. Оп. 1. Д. 8.
84. Там же.

«Роговщина» по воспоминаниям партизан

В декабре 1919 г. в Кузнецк вошел отряд партизан под командованием Григория Рогова (Рис. 1). События тех дней до сих пор будоражат память людей, так или иначе связанных с происходившими тогда событиями. До настоящего времени нет однозначной оценки явлению, получившему среди старожилов города название «роговщина». Сегодня существует две основные точки зрения. Одна из них получила отражение в исторической литературе, другая — в воспоминаниях бывших партизан отряда Рогова.

Документальных источников о деятельности роговцев до нас дошло немного. Поэтому для уяснения многих вопросов большое значение приобретают воспоминания участников партизанского движения на Алтае и в Кузбассе. Здесь исследователям приходится сталкиваться с рядом проблем. На воспоминаниях, как правило, сильно отражается характер автора, время их создания, а также место, которое занимал мемуарист в описываемых событиях.

Автором предлагаемых воспоминаний является бывший партизан отряда Г. Рогова А.А. Конов. Мемуары были созданы в начале 1970-х годов и сейчас хранятся в государственном архиве Новосибирской области [1]. В основу характеристики отряда автором взяты воспоминания 24 партизан-роговцев и многих очевидцев. Причиной, побудившей А.А. Конова к работе, стала публикация книг А.Н. Геласимовой «Записки подпольщицы» и В.А. Кадейкина «Сибирь непокоренная», в которых отряд Рогова рассматривался как «анархистская банда грабителей и убийц». По словам А.А. Конова, это «вызвало бурю возмущения и протестов среди участников партизанской борьбы на Алтае и в Кузбассе» [2].

Основной идеей воспоминаний стало оправдание действий роговцев, объяснение А.А. Кадейкина, А.Н. Геласимовой, П. Ф. Федорца в предвзятом подходе к исторической действительности, в «клеветнических измышлениях». Конов обстоятельно и подробно рассказывает биографию Рогова, историю создания отряда, его численность, масштабы операций, роль и участие в гражданской войне в Причумышье. Выводы об анархо-кулацком характере отряда А.А. Конов называет клеветой, утверждая, что силами отряда Рогова было обеспечено восстановление Советской власти на Алтае значительно раньше прихода в Сибирь Красной Армии.

Самые страшные преступления и сейчас приписываются Рогову в Кузнецке. Конов, однако, утверждает, что Рогов навел порядок в городе, опровергает грабежи и беспорядки связанные с Роговым в Турьевске, Кольчутин, Щегловске. В качестве одного из доказательств, А.А. Конов приводит воспоминания местных жителей.

С нашей точки зрения, при объяснении характера, причин и сущности «роговщины», как одна, так и другая сторона впадают в крайности. Дальнейшее изучение воспоминаний, посвященных истории отряда Рогова, поможет по-иному взглянуть на явление «роговщины», дать ему более взвешенную оценку.

Примечания

1. К истории партизанского отряда Рогова // ГАОО. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 344.
2. Там же. Л. 1-2.

Григорий Федорович Рогов
(год снимка неизвестен)

К ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА РОГОВА

(л. 28) Авторы «Записок подпольщицы» А.Н. Геласимовна и ее муж И.Ф. Федорен [1], написали, что в 1919 г. они якобы встречались с Роговым и его отрядом чумышских партизан в с. Щербак и вместе с ним брали г. Щегловск...

Касаясь характеристики Рогова и его отряда, авторы изображают самого командира анархистом, а его отряд бандой грабителей, которая якобы «вела борьбу под черным знаменем против Советской власти — разгоняя ревкомы, занимаясь массовыми грабежами и бессмысленными убийствами населения», сжиганием церквей и т. д. Причем все это совершалось в непробудном пьяном угаре партизан и командования [2].

Все, что написали авторы — супруги об отряде Рогова, находится под особым покровительством ведущего историка Кузбасса профессора В.А. Кадейкина, которые на протяжении своей сравнительно короткой научной деятельности, но очень успешной для его карьеры, всячески поощрял и высоко ценил Геласимову и Федорца, этих бывших агентов, которые во всех своих работах выдавали себя за рукопо дящих деятелей большевистского подполья и партизанского движения в Кузбассе. И, наконец, все, что написано Геласимовой и Федорцом о событиях в Кузбассе в 1918-1919 гг., в том числе и о партизанском отряде Рогова, Кадейкин провозгласил научной истиной, единственно верным источником, и положил все это в основу своих научных произведений [3].

Все эти книги, напечатанные массовым тиражом, были выпущены в свет. И вот только тут читателями была обнаружена одна «мелочь», а именно: авторы и издательства, прежде чем выпустить в свет эти произведения, игнорировали элементарное требование, // (л. 29) предусмотренное директивой ЦК КПСС — обсудить их на форуме действительных участников тех событий, о которых авторы пишут.

И поэтому, естественно, выпуск книг А.Н. Геласимовой «Записки подпольщицы» и В.А. Кадейкина «Сибирь непокоренная», в которых многотысячный и самый богатый на правобережье р. Оби партизанский отряд Рогова охаживается как «анархистская банда грабителей и убийц», вызвала бурю возмущения и протеста среди участников партизанской борьбы на Алтае и в Кузбассе.

Сотни ветеранов жиных и тысячи родственников партизан Рогова, павших в борьбе за Советскую власть, которыми они гордились, жестоко оскорблены до глубины души «творчеством» названных авторов.

О боевых действиях партизанского отряда Рогова написано много воспоминаний действительных участников борьбы и очевидцев. Все они почти идентичны и по своему содержанию правдивы. Лишь труды Геласимовой и Кадейкина находятся в глубоком противоречии с этими воспоминаниями и основными документами.

Что же в действительности представлял из себя отряд Рогова. В основу его характеристики легли воспоминания партизан членов КПСС И.И. Дрожжина, В.А. Зворыкина, Д.Т. Потанова, С.М. Соболева, В.А. Булгакова, Ф.С. Кочетова, А.А. Конова. Беспартийных: Р.П. Скрылеса, А.А. Нипела, И.Н. Бехтенца, Д.Е. Денедерьева, Г.Е. Санкина, А.С. Комиссарова, Э.П. Афанасьева, Г.М. Батурина, И.С. Бугрова, И.М. Калачикова, А.П. Батурина, П.Г. Маслокова,

П.В. Потопаева, А.П. Петрова, П.В. Коновалова, Г.К. Набойченко, Н.И. Калашникова, Ф.А. Логинова, С.В. Демина, Очевидцев: С.И. Сердюгина, М.А. Черданцевой, А.И. Черданцева, Э.С. Лебедевой, К.Г. Пинегинной, А.К. Березова и других.

После белого переворота в Сибири летом 1918 г. к власти пришли его организаторы — эсеры и меньшевики. Как известно, их приход к власти сопровождался массовыми убийствами большевиков. // (л. 30) красногвардейцев, советских работников и вообще революционно настроенных граждан. Тюрьмы были переполнены. Оставшиеся в живых большевики ушли в подполье, чтобы продолжить борьбу за восстановление Советов. Оставшиеся малочисленные отряды рассеялись и частично ушли в тайгу для организации партизанской борьбы.

Террор, проводимый эсерами, особенно усилился с приходом колчаковской диктатуры. Почти вся Западная Сибирь была переполнена нагайками и помпоями. Десятки тысяч рабочих и крестьян были расстреляны, повешены и забиты в застенках. Борьбой народа против колчаковцев руководили большевики через партизанские отряды. Партизаны разрушали тыл врага: разгоняли земскую власть, подрывали железнодорожные пути, пускали под откос воинские эшелоны, нарушали связь, мешали нормальному снабжению колчаковской армии продовольствием, лошадьми, фуражом и пр., а также громили жилища врага, изгоняли карателей с обширных территорий и устанавливали Советскую власть. Колчаку приходилось снимать с фронта воинские части и посылать их против партизан. Немалая в этом отношении заслуга была и со стороны боевого партизанского отряда Рогова, действовавшего на правом берегу р. Оби в пределах Алтайской губернии, силами которого было обеспечено восстановление Советской власти в обширном районе, в границах городов Бийска — Барнаула — Кузнецка — Новоиколаевска, значительно ранее прихода в Сибирь Красной Армии. И если в адрес этого героического отряда еще до сего времени кроме хулы ничего не сказано положительного нашими историками, то это потому, что они до сего времени находятся в плену чуждых взглядов марксистско-ленинскому посвящению истории партизанского движения и большевистского подполья в Сибири.

Кто же такой был Рогов?

Рогов Григорий Федорович родился в 1878 г. в селе Жуланиха // (л. 31) Мариинской волости Барнаульского уезда Томской губернии. Самоучка. Отец его бедный крестьянин, переселенец из Тульской губернии. Четыре сына его и две дочери оставались в бедности в Жуланихе. У Григория Федоровича семья была тоже большой: три сына и три дочери. Хозяйство его состояло из пятистенной избы, двух лошадей и 1-2 коров. По сибирским условиям хозяйство было близко к бедняцкому.

Хозяйство в основном вела жена — Александра Сергеевна с ребятами, так как сам Рогов сначала служил на военной службе, а затем воевал в русско-японскую и первую мировую войну, между же ними — работал продавцом в винной лавке. Военное звание имел фельдфебель. Октябрьскую революцию Рогов встретил в Петрограде. Она вдохновила его и поставила на рельсы борьбы за коммунистические идеалы. Это видно из того, что по возвращении в 1917 г. по демобилизации домой он включается в активную борьбу за Советскую власть. На волостном съезде совета избирается делегатом на Алтайский губернский съезд советов, где избирается председателем земельной комиссии Барнаульского уездного Спидепа [4] и ведет в ней активную работу вплоть до белого переворота (июнь 1918 г.).

После белого переворота Рогов принимает активное участие в борьбе с эсеро-меньшевистским правительством в Мариинской волости. Дважды по предложению Рогова волостное собрание крестьян отвергает предложение эсеровских властей о замене волостного Соведа земской управой, считая ее незаконной.

И лишь в третий приезд эсеровских властей в Жуланыху в июле 1918 г. в сопровождении карательного отряда, подкрепленного пулеметами и пушкой, они силой орудия навязали свое правление, при этом переправив наиболее активных крестьян и часть арестованных отправив в Барнаульскую тюрьму. Рогов же с некоторыми товарищами вынужден был скрываться. //

(л. 32) Перейдя на нелегальное положение, он через своих друзей, бывших членов советов, бывших фронтовиков, красногвардейцев, которых у него было немало, начал агитационную работу среди бедняцко-середняцкой массы крестьян и в причернинских причумышских селах. Основным в агитработе было: не признавать эсеро-меньшевистской власти, не давать новобранцев в белую армию, всем призванным на военную службу - дезертировать, захватив с собой оружие...

Рогов среди бедняцко-середняцкой части населения причумышья пользовался большим уважением за свой незаурядный ум, принципиальность и добрый характер. Особенно высокий авторитет он приобрел среди крестьян своей работой в Барнаульском уездном Совете по землеустройству. Поэтому его выступления на сельских сходах и агитация имели огромный успех. Во многих селах возникали подпольные организации, именовавшие себя большевистскими и ставившие своей целью организацию вооруженной борьбы за восстановление Советской власти (ячейки в Жуланыхе - 60 человек, в Мирнояке - 30 человек, в Мишихе - 8 человек и т. д.)

Естественно, что такая агитация Рогова и ее последствия крайне беспокоили меньшевистско-эсеровскую власть. Она поняла, что в лице Рогова и его соратников она имеет очень опасных врагов. Поэтому были приняты экстренные меры к их поимке или уничтожению, а население Жуланых и деревень, расположенных вблизи тайги, поддерживающих партизан, репрессировать и устранивать. И если это не поможет, то эти деревни как базу партизан — уничтожить. В этих целях эсеро-меньшевистские власти, а затем и колчаковские, опираясь на сельскую буржуазию, силы которой для борьбы с партизанами уже были организованы в боевые подразделения под // (л. 33) названием «Дружины святого креста», использовали все виды террора и массовые порки населения плетями и шомполами, расстрелы, подвешивание за челюсти железными крючьями и поджаривание на медленном огне.

Дом Рогова был раскатын и превращен в дрова. Старший брат Рогова Федор был расстрелян с десятком других крестьян-бедняков, таких же как он сам. Жену Рогова с кучей ребят, оставшихся без домашнего корма, спасли от расстрела белогвардейцы друзья Рогова.

Притаженные села, особенно Жуланыха, Мирнояка, Зырянская, Борозлянка, жили в постоянном ожидании непрошенных и ненавистных «гостей» — карателей, которые являлись с целью поймать Рогова или его соратников. Но почти всегда эти посещения кончались неудачей. Население этих сел вело себя гордо и героически стойко. На допросах не выдавали Рогова, хотя и знали его местонахождение.

От назойливых преследований карателей Рогов с некоторыми подпольщиками был вынужден уйти в тайгу и расположиться там на зимовку в землянках. Так фактически было положено основание партизанского отряда.

Эта группа людей в количестве 30-40 человек переживала огромные трудности, испытывая постоянно при жизни в тайге на протяжении зимнего периода голод, холод и преследования карателей. Некоторые партизаны не выдерживали этих ужасных условий, замерзали, а те, кто уходил домой, попадали в руки карателей и расстреливались после мучительных пыток (например, жуланихинцы И. Сиколов, Ф. Ишмырев и Канунников).

И все же, несмотря на неминуемые трудности, отряд Рогова совершал налеты в ночное время на милицию и карателей, держа их в постоянном страхе. // (л. 34) Об отряде Рогова шла молва далеко за пределами Чумыша. О его действиях пишут белогвардейские газеты того времени. Вот несколько кратких выдержек из газет «Алтайский вестник» от 25 февраля 1919 г. «... в селе Жуланиха организована шайка разбойников, во главе которой стоит известный большевик Рогов. Милиция с ней бороться самостоятельно бессильна. Высланный из Барнаула воинский отряд с пулеметами и пушкой для борьбы с шайкой наткнулся на непроглядную деревенскую темноту. Рогов, состоявший при Совете при службе членом Барнаульского совета, агитировал против призыва новобранцев и введения земства, причем деятельность разбойника Рогова имела успех среди новобранцев. Последствием агитационной деятельности было то, что вскоре после призыва все новобранцы Мариинской волости бежали с воинской службы. В составе шайки Рогова состояли дезертиры Ишмырев, Олимпиев и др., всего 60 человек. Рогов на сельском сходе заявил: «Вы нас ищите, вот мы, попробуйте нас взять...»

«Село Жуланиха, в котором находится резиденция Мариинской волости, мною с отрядом захвачено 14 февраля... главарь шайки, предупрежденные заранее о приближении отряда, бежали по разным направлениям. Для преследования их были посланы отряды, но безрезультатно... Отряд настойчиво стал требовать выдачи дезертиров. На селе Жуланиха было 15 человек во главе с Роговым, который пока скрывается и к поимке их приняты меры.

Рогов — это, безусловно, большевик, и благодаря его агитации здесь образовалась масса дезертиров, которым он внушил, что весной произойдет восстание против правительства. В настоящее время арестованных 55 человек, из них дезертиров 29... Начальник отряда штабс-капитан Бухалов».

О действиях роговского отряда знали тогда не только в Барнауле и Новоноколаевске, но и в Кузбассе. Вот что писалось в белогвардейском «Алтайском вестнике» (5) // (л. 35) о посещении кузбасскими партизанами Мариинской области. «В начале июля в пределы Алтайской губернии вторглись и 3 июля заняли Мариинскую волость красная банда, около 200 человек, составленная из разбитой и бежавшей из Кольчугинского района банды Лубкова и остатков шайки Рогова... 4 июля немедленно был выслан из Барнаула правительственный отряд для ликвидации банды. 5-6 июля в тот же район были направлены дополнительные отряды из города Бийска и Кузнецка с назначением отрезать путь к бегству. Тем временем красные разделились, заняли Мариинскую, Титовскую, Дмитро-Титовскую, Верхне-Чумышскую и Чумышскую волости... около села Каменки встретились с отрядом... Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, отступая, в д. Талояке красные были встречены Бийским отрядом и, потеряв несколько человек, отступили в тайгу...»

Действительно, летом 1919 г. отряд Шевелева-Лубкова, действовавший в Кузбассе, в связи с тяжелым ранением своего командира и неотступным преследованием объединенных сил белых карателей, был вынужден под командой И.П. Новоселова (имев в своем подчинении К. Кузнецова и Г.Д. Шувалова) совершить переход

через тайгу в Барнаульский уезд. Здесь он совместно с роговским отрядом некоторое время действовал, и не без успеха, как это видно из газетной статьи, но потерпев поражение под Таловской от белых, их союз распался. Новоселов со своим отрядом перенесся обратно в Кузбасс, а Рогов остался на месте.

Правда, под Таловкой партизаны, попав в западню, расставленную карателями, понесли ощутимые потери, но это не обескуражило Рогова и его друзей. Пополнившись за счет, главным образом, отставших от отряда Шевелева - Лубкова бывших шахтеров, ставших партизанами после Кольчутинского восстания, отряд готовился к новым боевым делам. // (л. 36) Откуда бралась энергия и непоколебимая стойкость для продолжения борьбы в столь сложной обстановке, которая тогда была в Сибири? Конечно, главным являлась убежденность в правоте своего дела и вера в его конечный успех. Но этого для руководителя партизанской борьбы было мало. Необходимо еще иметь широкий умственный кругозор, волевые качества, смелость, личное обаяние, политическую и военную подготовленность.

Обладал ли всеми этими качествами Рогов? Мы, бывшие партизаны роговского отряда от начала его зарождения и до конца его деятельности, можем ответить только утвердительно, что — ДА. Рогов был умным, смелым и волевым человеком, пользовался доверием масс, имел военные способности. В политическом отношении ориентировался на своих друзей большевиков — Ермакова, с которым вместе в Ленинграде в 1917 г. брали Зимний, Белокобыльских, Копалова (из Щегловска), К. Леушина (из Красноярска), Нехорошова, Тузюцкого, Лямина и др. Именно они на первых порах были советниками, моральной опорой для Рогова в начале его деятельности до установления связи с Барнаульским городским подпольным комитетом большевиков.

Барнаульский подпольный комитет с сентября 1918 г. и особенно после второй областной партконференции внимательно следил за происходящими революционными процессами в Алтайской губернии, и, конечно, не мог не заметить происходящего в районе села Жуланыха.

Председатель подпольного комитета первого периода И.В. Сурнов в своих воспоминаниях отмечал, что «...Алтайская губерния была зажиточной, с большой пропойкой кулацкого зажиточного населения. Это определило ожесточенную классовую борьбу...» Беднота и середняки в возрастающей степени присоединились к партизанскому // (л. 37) движению... встречая ожесточенное сопротивление кулацких элементов... и т. д. «Алтайская губерния сильно страдала от наплыва карательных экспедиций... свирепствовали польские улапы, наемная сволочь чехословакии...» Это определяет, насколько острой была гражданская война на Алтае и глубокое классовое размежевание крестьянства. Подпольный комитет реагировал на это частыми выездами в села своих членов И.В. Сурнова, Терещенко (Гуинца), А. Попова и др. для изучения обстановки, создания партичек и налаживания связи («веревочек») с постоянно действующими очагами восстания и партизанскими отрядами. В январе месяце 1919 г. с Роговым в тайге встречался Рабинович, член областного комитета РКП(б). Его сопровождали И.В. Сурнов и Г.В. Кудалкин.

В феврале 1919 г. в роговский отряд бежал после провала парторганизации в Барнауле член военштаба (а не член комитета, как пишет Кадейкин) Я.П. Новиков (парткличка — Скиталец). Он оседает в д. Закотилово в качестве кузнеца. Несколько позже подпольный комитет на постоянную работу в роговский отряд посылает только что выпущенного из тюрьмы члена подпольной организации И. М. Дрожжина, который сразу же был избран членом военштаба отряда. На Дрожжина была

позложена одновременно обязанность парткомитетом и штабом отряда поддержания постоянной письменной связи между ними по специально установленному парткомитетом шифру.

Вот какого мнения о роговском отряде Л.А. Малиновский, председатель Барнаульского подпольного комитета второго периода: «... базой для организационной и массовой работы, пожалуй, следует взять, как мы решили, жуланихинский отряд Рогова. Скиталец оттуда пишет, что после разгрома под Таловской, Рогов снова собрал отряд, гораздо больший чем был, отряд этот боепособный, перспективный. Сам Рогов не без впеченных задатков, толковый...» [6]. // (л. 38) «И далее, — вспоминает Малиновский, — для практического осуществления большевистского влияния и руководства партизанским движением мы... организовали попруженный отряд из рабочих города и послали его во главе с членом комитета Анатолием Ворожцовым в отряд Рогова» [7].

В этот отряд рабочих — посланцев барнаульской парторганизации, о котором пишет Малиновский, входили: И.С. Бугров, Д. Николайчук, А.А. Конев, И. Федорович, И. Степанов, Н. Степанов, С. Хлыстов и Давыдов.

Отряд этот прибыл в Жуланиху и соединился с отрядом Рогова в первой декаде июля 1919 г. с распропагандированной и снятой с ж. д. Барнаульского моста охраной, в количестве 17 солдат. Отряд прибыл накануне первого Причернского краевого съезда Советов, подготовленного Роговым и его штабом.

Съезд советов состоялся 12 июля 1919 г. в селе Жуланиха. На нем было представлено четыре волости с наличием делегатов от отряда и от всех деревень в количестве 75 человек. В качестве делегатов от отряда присутствовали на съезде посланцы Барнаульской парторганизации: Анатолий, И.С. Бугров, А. Конев, В. Булгаков (они же были участниками и второго съезда). Председательствовал на съезде Г.Ф. Рогов. Протокол вели: И.М. Дрожжин и А.В. Крылов. В президиуме в основном были почти все коммунисты, члены подпольных партийцев: Анатолий, Копалев, Белокобыльских, Ермаков, Дрожжин, Чекрыжев, Колоухов и др.

Съезд обсудил доклад Рогова о борьбе с колчаковщиной и об установлении Советской власти в Причернском крае. Выступало много делегатов с мест. Было принято единодушное решение о всемерной поддержке партизанской борьбы с колчаковщиной, о разгоне земской // (л. 39) власти и о создании ревкома на партизанской территории. В Исполком краевого Совета избраны Чекрыжев, Колоухов, Леонов, Белкин и др.; в Военно-Революционный Комитет (штаб) — Г.Ф. Рогов (председатель), Анатолий, А.В. Крылов, И.М. Дрожжин и Ворончихин.

Съезд прошёл в атмосфере высокого революционного подъёма и воодушевления и закончился пением Интернационала...

Конечно, в условиях нормальных проведение такого съезда не представляло чего-либо особенного, если бы он проходил где-то, например, около Москвы. Но провести такой съезд в глубоком тылу колчаковщины, в той людской мясорубке, представляло собой выдающееся событие...

С первым Причернским съездом советов связано начало бурного развития партизанского движения на правобережье р. Оби. Этот съезд дал ему четкую советскую направленность на основе непримиримой классовой борьбы с колчаковщиной как реакционной диктатурой крупной буржуазии и кулачества, с эсерами и меньшевиками как слугами буржуазии и предателями рабочего класса и трудового крестьянства.

Посланцы подпольного комитета, совместно с местными большевиками, под руководством члена Барнаульского подпольного комитета и члена военно-революционного комитета партдвижения Анатолия (Ворожцова), провели большую политико-массовую и организационную работу среди населения, создали много различных парторганизаций.

Опираясь на них, ВРК были созданы сельские отряды самообороны, которые одновременно играли роль разведки и охранения. На сельских сходах выбирались ревкомы, распускались земские управы. Большую помощь оказали посланцы комитета и местные большевики командованию отряда в установлении революционной дисциплины и повышении боеспособности партизанского отряда, который был перестроен по военному образцу. // (л. 40) Для борьбы с нарушителями революционного порядка отрядным собранием был избран партизанский суд в составе Анатолия, Я.П. Новикова и И.М. Дрожжина. На этом же собрании Рогов в своем выступлении сказал: «Те, кто пришел в отряд грабить и нарушать революционный порядок, а не бороться с Колчаком, тот не партизан, а ярат нап, такой же, как и Колчак, пусть лошады не ждет». В подтверждение этого, на этом же отрядном собрании суд вынес смертельный приговор партизану за изнасилование женщины. Отряд единогласно утвердил этот приговор. Преступник был расстрелян на площади около церковной ограды, в присутствии схода крестьян. В последующем не проходило ни одного случая безнаказанно за нарушение революционного порядка. Это подняло еще больше авторитет отряда среди населения.

В связи с перестроением отряда по военному образцу и проведением политико-просветительной работы, значительно повысилась дисциплина среди партизан. Отсеялись инкурники, трусы, демагоги (демократы), противники сохранения военной тайны. В связи с этим резко изменился и характер боевых действий отряда и его тактика.

Если до съезда советом отряд, чувствуя свою слабость, уклонялся от встречи с крупными силами противника, имея дело более всего с одиночками или небольшими группами милициигров и кулаков, то после съезда штаб, в целях оснащения оружием, сам активно искал встречи с крупными подразделениями противника, разрабатывал и осуществлял неожиданные нападения на них.

Боевые действия партизан в таких случаях были активными и решительными, носили сугубо маневренный характер, с целью внезапно напасть, окружить, вынудить к сдаче в плен врага, в противном случае уничтожить. Каждый бой или операция были предварительно продуманы командованием. Партизаны в бою бились отважно // (л. 41) и смело, применяя хитрость и военную смекалку. Как правило, такие операции осуществлялись успешно.

Первыми из них были — ликвидация одной из крупнейших, отличавшейся своим зверством Пищеро-Залесовской кулацкой дружины, действовавшей на линии связи партизанского отряда с Барнаулом. Она много уничтожила одиночек и малых групп подпольщиков и дезертиров, следовавших в партизанский отряд из Барнаула. Ликвидация этой дружины принесла двойную пользу: была очищена линия связи и захват в качестве трофея шестидесяти винтовок.

Второй операцией, очень важной по своему значению, был ночной налет на расположенный в с. Салаире, отряд колчаковских солдат. Осажденные в наряде солдаты были вынуждены к сдаче. Командование отрядом белых спаслось бегством в нижнем белье, оставив даже личное оружие.

Эта операция принесла отряду Рогова 75 трехлинейных винтовок, два станковых пулемета, 25 тыс. патронов и три ящика гранат.

Солдатам была предоставлена возможность поступить добровольно в отряд или пойти домой. Этому принципу командование отрядом Рогова придерживалось до конца партизанской войны. Больше половины солдат вступило добровольно в отряд и с завидной отвагой сражалось с врагом народа до конца партизанской войны. Здесь же в Салаире, по инициативе населения было изготовлено большое, из красного бархата знамя, под которым Роговский отряд совершал походы и бои до 24 декабря 1919 г., т. е. до дня своего расформирования.

Реакция, взбешенная разгромом Ишиеро-Залесовской дружины, особенно разоружением отряда солдат в Салаире, понимая, насколько опасен захват партизанами двух станковых пулеметов, приняла самые решительные меры к самому жестокому террору среди притаенного населения и к полному истреблению партизан. // (л. 42)

Это подтверждается приказом командующего войсками по Барнаульскому военному району генерала Биснек, опубликованному в той же газете «Алтайский вестник» [8], в нем написано: «В разных местах Барнаульского уезда появились организованные агитаторами шайки, состоящие из подонков населения, и убивают должностных лиц, священников и всех, что по своему культурному уровню выделяются из темной крестьянской массы. Грабят полостные и сельские упрямы, кооперативы, зажиточных крестьян, разрушают телефонную связь... Уже были столкновения шайек с высланными мною отрядами и в этих столкновениях погибли десятки крестьян... направлены для быстрой ликвидации мятежа крупные силы, в том числе отряд атамана Аненкова... Объявляю Барнаульский военный район на осадном положении и предписываю действующим в районе военным начальникам уничтожать без суда и следствия всех принимающих прямое или косвенное участие в мятеже, конфискуя и уничтожая их имущество».

В соответствии с этим приказом для окружения и полного уничтожения отряда Рогова были посланы отборные и самые надежные козачьи войска в количестве трех тысяч штыков и сабель. В их числе были: полк «голубых улан» атамана Аненкова — 900 человек, пехотные подразделения Кузнецкого, Барнаульского и Бийского гарнизонов (1000-1200 человек) и белокулацкие дружины Кузнецка, Топуга, Титова и других сел под командой попа Закурдаева (1000-1200 человек).

Эти огромные карательные силы козачьяция прошли по всему притаенному краю, придавая на своем пути огню и мечу ряд деревень, убивая, насилая и подвергая зверским пыткам сотни и тысячи ни в чем не повинных крестьян, разоряя их имущество и сельскохозяйственный инвентарь. //

(л. 43) Роговский отряд, по численности и вооружению уступал белогвардейцам в десять раз, был вынужден, сберегая силы, искусно маневрировать несколько дней, всячески стремясь усыпить бдительность врага.

И это командованию отряда Рогова удалось. В конце августа 1919 г., когда враг вояржался с карательной экспедицией домой, имея огромные обозы с награбленным крестьянским добром, заняв села Зырянскую-Мостовую, был неожиданно и стремительно атакован с нагорно-лесной стороны села. Враг дрогнул. В многочисленной своей массе полетел назад на чистое поле. Это позволило пулеметным и ружейным массированным огнем нанести ему серьезные потери. Лишь наступление

ночи в тот день спасло противника от окончательного поражения. В связи с этим потребовалось почти три дня непрерывных боев, чтобы сломить врага и вынудить его к паническому бегству.

Умение, смелость, дисциплина, военная хитрость, помноженные на революционный энтузиазм, дали невиданную в истории партизанской борьбы победу отряду Рогова. Этот блестящий в истории борьбы пример достоин внимательного изучения наших военных историков.

Глубокое значение этой победы отряда Рогова заключается, главным образом, не в том, что противник в этом бою потерял более 1000 человек убитыми, ранеными и пленными, много оружия и боеприпасов (хотя и это имело значение), а в том, что она подвела крепкую морально-политическую базу под партизанское движение на правобережье Оби, окрылила его, вселила несокрушимую веру в окончательную победу над колчаковщиной среди широких масс крестьянства.

С другой стороны, эта победа деморализовала врага, вселила ему страх перед партизанами, лишила его надежды на победу над // (л. 44) ними, отняла возможность к широким наступательным действиям, заставила его перейти в основном к пассивной обороне в специально приспособленных для этого каменных церквях (п. с. Сорокино, Тогул и др.)

Именно с Салаирским и Зырянским боями тесно связано начало бурного развития размежевания крестьянства. Крайне обостряется классовая борьба в деревне.

Именно середняк твердо становится на платформу советской власти и готов за нее драться любыми средствами — не жалея ничего. С этого момента начинается самая активная деятельность отряда Рогова, поддерживаемая новыми сотнями тысяч крестьян. Коммунистами отряда проводится большая политическая и организационная работа по расширению и углублению партизанского движения на всем правобережье р. Оби. Партизанский отряд, только что насчитывающий в своих рядах три сотни, превращается в несколько тысяч человек, принимает батальонную форму организации.

Создается девять батальонов, пулеметная команда и рота конной разведки. Все эти силы были дислоцированы на огромной советской партизанской территории, на которой проживали сотни тысяч крестьян, имея основную цель — охрану этой территории от нападения колчаковских войск.

Из девяти три батальона, так называемые «ударные силы», при которых находился НКК, он же штаб, имели назначение под прикрытием остальных сил, путем маневрирования, наносить мощные удары по врагу там, где он этого не ожидает.

Форма организации партизанских сил и тактика их борьбы, особенно подвижность, вполне обеспечивала управление и выполнение поставленных задач областным партийным комитетом.

ОСОБОЕ ЗНАЧЕНИЕ в расширении и укреплении советской власти в крае партизанской борьбы на правобережье Оби, особенно в разгроме колчаковских карательных сил, сыграл **ВТОРОЙ ПРИЧЕРНСКИЙ // (л. 45) СЪЕЗД СОВЕТОВ**, состоявшийся в начале октября 1919 г.

Созыв второго съезда, так скоро состоявшегося после первого, диктовался необходимостью решения актуальных вопросов борьбы, возникших в связи с очень большим расширением партизанской территории и содержанием весьма возросших вооруженных партизанских сил. На съезде присутствовало свыше 150 депутатов от 18 волостей.

С кратким вступительным словом и предложением о составе президиума выступил член Барнаульского подпольного комитета партии большевиков и зампредседателя ВРК партизанского отряда Анатолий.

По его предложению в состав президиума было единогласно избрано 12 человек. В числе их Рогов, Крылов, Анатолий, Дрожжин, Кузьмин, Леушин, Ковалев, Ермаков, Колаухов, Белкин и др. (в числе президиума было 9 коммунистов).

Работа съезда продолжалась два дня. Как и на первом съезде, с речью выступил Рогов, встреченный овацией.

В своей речи Рогов указал на успешность боевых действий партизан, на возрастание их силу, на расширение советской территории, на прямую записимость всего от сознательности населения. «Для того чтобы разбить Колчака общими усилиями партизан и Красной армией, — говорил Рогов, — для этого нужна всемерная поддержка населения, главным образом, подпольщиками и лошадами. Чем она будет полней, тем ближе наша победа над врагом. Конечно, основную тяжесть по содержанию наших сил мы полностью возложим на наших алейских врагов: кулаков, на буржуазию. За этим должна проследить советская власть, которую мы выберем на этом съезде. Никакой поправки врагам. Но может не хватить того, что будет взято у кулаков. Значит, должно помочь и трудовое крестьянство. Но все, что затратит крестьянство, восполнится окончательной победой советской власти...» // (л. 46) Выступало много делегатов. Съезд прошел на высоком уровне сознательности, при полном единодушии оказания всемерной помощи партизанскому движению. По предложению Рогова Председателем Исполкома краевого Совета был избран член военистаба Барнаульского подпольной организации Я.П. Новиков (Скиталец).

Решения этого съезда имели исключительно важное значение для развития партизанской борьбы и разгрома колчаковских карателей на правобережье Оби. На основе их бедное и среднее крестьянство во всей многотысячной массе, так или иначе, принимает участие в партизанском движении под знаменем советской власти.

Напряженная боевая деятельность партизан происходит почти непрерывно. В процессе борьбы создаются мощные ударные силы свыше десяти тысяч человек, которые, опираясь на сельские отряды, концентрированными ударами, в многочисленных боях громят силы врага в общей численности свыше 12000 бойцов.

На основе решений второго съезда Советов партизаны отряда Рогова очистили почти все правобережье Оби, в пределах границ Бийска — Барнаула — Кузнецка — Новокирилловска, от белогвардейских карательных отрядов и кулацких дружин «святого креста», восстанавливая всюду советскую власть, разгоняя колчаковские управы, и, наконец, перешли к боевым действиям на коммуникациях, непосредственно обступивших фронт врага.

Таковы были результаты II краевого съезда Советов, проходившего в атмосфере полного единодушия делегатов съезда и руководства партизанской борьбой. Но совершенно по-иному стремится представить ход работы этого съезда историк Кузбасса В.А. Кадейкин и др., который утверждает, что на втором съезде советов единодушия не было, наоборот: «Рогов-Новоселов игнорировали советы, сорвали съезд... расходились с основной массой партизан, не признавали советы, разгоняли // (л. 47) ревкомы, продолжали бегчинствовать, грабить население [9], съезды созывались не Роговым, а вопреки его, большевиками...»

Для советского историка изыскание исторической правды должно являться законом его жизни, и прежде чем сделать вывод по изученному предмету, он кропотливо и всесторонне изучает в архивах, а еще лучше на месте, по первоисточникам

материала, живые свидетельства участников, очевидцев и документы, тщательно сопоставляя факты, отсеивая все лишнее. Ради установления истины настоящий историк ничего не жалеет, — ни времени, ни средств. Однако профессор В.А. Кадейкин отошел от этих требований и получился, что его взгляды совпадают со взглядами ясеров той поры.

Надо быть наивным, чтобы думать, что профессор историк Кадейкин не знал, что воспоминания Новикова, на основании которых он делает свои «ученые» выводы, фальсифицированы [10]. Он отлично это знал. Они ему нужны были такими, какими они есть, без проверки фактов, с преднамеренной целью охаивания отряда Рогова в своих выводах.

Будучи председателем Исполкома крайсовета и председателем отрядного суда Я.П. Новиков не мог не знать истинного имущественного положения Рогова как середняка и написать в своих воспоминаниях о том, что он был кулак.

И тем более не мог писать Новиков о противоборстве Рогова и Новоселова с Анатолием на II съезде Советов, так как этого противоборства не могло быть. Это мы показали выше. Да и Новоселова в это время не было на Алтае. Он в это время находился в Мариинской тайге с отрядом Шевелова-Лубкова. Уйдя после Таловского боя в Кузбасс, Новоселов вновь прибыл на Алтай лишь 16 октября 1919 г. во время осады белых в церкви с. Сорокино. //

(л. 48) Особо возмутило бы Новикова, если бы он был жив, это приписываемое ему заявление о том, что II съезд был сорван Роговым и Новоселовым, тогда как Новоселов совсем на съезде не был, а он, Новиков, на этом «сорванном» съезде по рекомендации Рогова избирается председателем Исполкома Советов Причерного края. Не правда ли, забавно получается? Не для разгона же ревкома Рогов рекомендовал Новикова в председатели Исполкома Советов?

Не случайно Кадейкин с Федорцами избегают приведения фактов разгона ревкома Роговым, конкретно не говорят, где и когда это было. Кадейкин сознательно перепутал ревкомы с бело-ясеровскими и колчаковскими управами, которые действительно были разогнаны по всей партизанской территории и заменены ревкомами.

Не мудрено понять также, что под грабежом населения Роговым Кадейкин с Федорцами имеют в виду реквизиции инвентаря, излишков зерна, скота (особенно лошадей) и предметов одежды в кулацких хозяйствах. Да, это действительно было, но не в пользу Рогова, а по решению краевой советской власти, избранной съездами Советов партизанской территории.

Все реквизируемое добро поступало в хозяйственный отдел Исполкома крайсовета, который возглавлял второй член Барнаульского подпольного комитета большевик Рязицин Николай, прибывший в отряд из Барнаула вместе со Зворыкиным Сергеем в начале сентября 1919 г., перед созывом второго съезда.

Все реквизируемое в основном расходилось на содержание отряда партизан. Ведь являлось нештучным снабдить самым необходимым тысячи бойцов. Отряд был конный. Одних лошадей требовалось 10000 голов.

А могла ли Советская власть оставить без помощи сотни крестьян, разоренных и ограбленных колчаковскими карателями? Конечно нет! Из того, что было взято по реквизиции у кулаков: // (л. 49) с/х инвентарь, частично скот, зерно и другое имущество — передавалось пострадавшим. Немало требовалось инвентаря для оборудования партизанского лазарета и зимнего лагеря на 3000 партизан в глубине тайги, согласно указаниям Барнаульского подпольного комитета.

Здесь требовались все: продовольствие, одежда, постельное белье, медикаменты и даже подушки, о которых так убивалась Закурдаева, жена попа и главаря кулацкой дружины, жестоко расправлявшегося со всеми, кто подозревался в сочувствии большевикам. Профессор Кадейкин не постеснялся сослаться на эту попойку и бывшего эсера, сподвижника Новоселова — Жуалова, не бывшего в отряде Рогова, как на авторитетных свидетелей, обличающих отряд Рогова «в грабеже магазинов и крестьянских хозяйств». На защиту чужих магазинов и чужих хозяйств становится Кадейкин? И, конечно, то, что «в этот период был разгон советов, массовые расстрелы и изгнания ни в чем не повинного населения, разгул под черным знаменем анархии» [11], является чистейшим вымыслом Кадейкина в отношении действий роговского отряда, органа революционной власти существовавшей на партизанской территории.

Наоборот, в этот период, начиная со второго съезда Советов и до декабря 1919 г. наряду с огромными боевыми успехами, как это указано выше, бурно развивается партийное строительство. За это время было организовано свыше тридцати местных партийных ячеек с общим охватом до 300 членов партии, и на партизанской территории не было такого села, где не было ревкома. Отрицать то, что среди партизан совершенно не было преступлений и нарушений дисциплины, было бы абсурдом. Даже регулярная армия от этого не // (л. 50) была застрахована. Здесь речь идет о том, велась ли с ними борьба и какими средствами.

Надо в самом начале заметить, что еще на первом съезде Советов был создан при Исполкоме юридический отдел. Это указывает на то, что вопросам революционного порядка и борьбы за установление военной дисциплины как Исполком Советов, так и военно-революционный комитет придавали первостепенное значение.

Юридический отдел возглавлял большевик Белкин (Степанов). Этот отдел руководил всем судопроизводством на советской территории, в том числе и в отряде партизан. Партизанский суд в составе Апателия, Номикова и Дрожжина совместно с юридическим отделом вел огромную работу по установлению революционного порядка.

Партизанский суд был суров, но справедлив. Грабеж и насилие, как правило, карались расстрелом. За пьянство, дебош — с позором изгонялись из отряда. Не было проступка, который прошел бы безнаказанно.

Однако сознание у партизан было на столь высоком уровне, что пыльная мера наказания была редкостью. Абсолютное большинство партизан очень дорожило честью бойца-революционера. Ведь не случайно почти каждый партизан считал себя большевиком и с гордостью носил красную ленту на папаче или фуражке. А красное знамя считали своей святыней.

Казалось бы, что значит такая деталь, как название в шутку, но любопытно: Жуалову — «Москвой», а Боровлянку — «Кроппштадтом». Мелочь, однако, она свидетельствует о советской направленности партизанского отряда Рогова. //

(л. 51) Слово «анархия» не известно было партизанам. И значение его было глубоко чуждо умонастроениям чумышских партизан. Одно имя отряда Рогова находило страх на буржуазию, кулаков и колчаковских карателей. Недаром Барнаульский военный район почти весь 1919 г. находился на осажденном положении.

Все белогвардейские газеты того периода были полны описаний действий красных большевистских банд Рогова, «грабителей», разбойников» и т. д.

Следует твердо усвоить, что эти проклятия бросали нам наши враги белогвардейцы, эсеры, меньшевики, буржуазия 1919 г.

В наши дни советский историк, доктор исторических наук В. А. Кадейкин и его подопечный А. И. Геласимова и ее супруг П. Ф. Федорен тот же отряд Рогова, действовавший до конца колчаковщины под красным знаменем, руководимый Барнаульским подпольным большевистским комитетом, через своих двух членов Анатолия и Резницына и двух десятков своих рядовых посланцев, превращают в своих писаниях в «анархистскую банду, разгуливающую под черным знаменем», и называют их так же злобно, как и белогвардейцы: «убийцами», «грабителями», «выродками». Какого удивительно-трогательное единение и родство душ у современного советского историка Кадейкина и К^а с белогвардейцами 1919 г.!

До крайности удивляет то, что эти явные идеологические извращения не находят отпора со стороны не только областных партийных органов и печати, но и со стороны некоторых центральных изданий.

Все, что написано Кадейкиным и Федорцами о Рогове и его отряде, о событиях II съезда советов Причерного края, о III съезде, // (л. 52) о расколе, о бесчинствах в Кузнецке, Гурьевске, Кольчугино, Щегловске, о разоружении отряда, является клеветническими измышлениями. И в самом деле, можно ли себе представить такую неленость, чтобы Рогов, бывший работник Барнаульского Соезда, в 1918 г. поднявший первым знамя борьбы за восстановление Советской власти в Черни, создавший вместе с посланцами Барнаульского комитета десяти тысячный отряд и возглавлявший его военно-революционный комитет, вдруг стал анархистом?

Быть инициатором созыва первого и второго съездов Советов края, возглавлять их работу и вдруг уже в момент приближения Красной Армии непосредственно к Алтаю и Кузбассу, сделать резкий оборот, — начать борьбу против Советов, разгонять их и даже расстреливать, грабить и убивать бесцельно людей?

Трудно представить себе что-либо подобное, имея нормальное мышление, нам, смертным людям. А вот Кадейкин такой оборот может сделать с «легкостью небыкновенной». Невольно возникает вопрос, а как же в действительности все происходило? И мы с полной ответственностью за свои слова заявляем: после разгрома последнего белогвардейского оплота в Барнаульском уезде п. с. Тогул, оставив батальон Белокобыльских для осады засевших белогвардейцев в каменной церкви, главные силы отряда 2 декабря выехали в с. Сорокино на отдых и для проведения III съезда. Съезд созывался для решения главного вопроса — как и в каком направлении действовать партизанскому отряду в дальнейшем. Вопрос этот возник в связи с потерей связи с Барнаульским подпольем [12] — связист был схвачен и заперт до смерти. // (л. 53) Председатель Барнаульского подпольного комитета А. Малиновский свидетельствует: «Из роговского отряда... связист приехал паспортные бланки, печати... и несколько тысяч денег для нужд партийного комитета. Получив от партийного комитета шифрованные директивы для партизанских отрядов, этот товарищ на обратном пути был схвачен карателями и заперт» [13].

Из протокола №30, Алтбюро от 8.3.1920 г., из доклада ЦК РКП(б): «Связь была хорошо налажена с Роговым, Архиповым и с близлежащими партизанскими частями» [14].

Однако до начала съезда, в связи с прибытием связанного от штаба армии Мамоптоя, действующей на левобережья Оби и делегаций от восставшего Кузнецкого гарнизона и Черепановского батальона литовцев, обстановка резко изменилась.

Делегации восставших гарнизонов, возникших под влиянием боевых действий чумышских партизан, требовали подкреплений для борьбы с крупными силами белых, брошенных для подавления восстаний.

А посланец штаба Мамонтова привез волнующую весть о наступлении в пределы Алтайской губернии наступающей Красной Армии и распоряжение начальника штаба 5-й краснознаменной армии т. Кутерева о необходимости «отряду Рогова перейти форсированным маршем в район железной дороги Тайга—Мариинск, испортить дорогу и непрерывно действовать на сообщения противника» [15].

Анализ сложившейся обстановки в свете вновь полученных данных делал ясным вопрос, для разрешения которого созывался съезд Советов, а именно: «беспрерывно действовать на сообщения противника».

Нецелесообразно стало также проведение съезда потому, что он задержал бы отряд на несколько дней от выполнения чрезвычайно важных задач, поставленных командованием 5-й армии. И, кроме того, вообще терялся смысл проведения съезда Советов в последние дни существования колчаковщины, на смену которой должны были // (л. 54) прийти ревкомы, назначенные высшими органами Советской власти. Этот прогноз был подтвержден назначением реввоенсоветом 5-го походного Алтайского губревкома через неделю — 10 декабря 1919 г.

Учитывая все это, на митинге, состоявшемся накануне съезда, Рогов заявил о нецелесообразности проведения съезда, и в случае если он все же состоится, то он в нем участвовать не будет в связи с выполнением боевого задания.

Безусловно ложным является утверждение Кадейкина о том, что будто Рогов угрожал разогнать съезд пулеметами. Ряд участников предсъездовского митинга, ниже подписавшиеся, решительно отвергают эту ложь.

Даже «обличительница» Рогова, на которую ссылается Кадейкин, Закурдаева, посланная в составе делегации к Рогову, в своих воспоминаниях пишет: «Предложено было сходить с приветствием к т. Рогову как руководителю партизанского движения... он поблагодарил за приветствие, сам участвовать в съезде отказался, сказав: «поеду военать за революцию». То же подтверждает другой делегат, Мухачев, добавляя, что Рогов дал письменное разрешение на проведение съезда.

Собравшись с обстановкой, военно-революционный комитет на своем заседании решил разделить партизанский отряд на три части, для боевых действий в направлениях:

1. Кузнецк — Щегловск — Тайга во главе с Г.Ф. Роговым.
2. Залесово — Черемушки — Черепаново во главе с Анатолием.
3. Баканово — Оячиниково — Бийск во главе с Нехорошевым.

При этом парторганизация большевиков соответственно так же разделилась на три части, причем следующую партячейку с роговским отрядом возглавил бывший парторганизатор барнаульских кожевников, посланец парткомитета большевиков И.С. Бугров. В числе // (л. 55) этой партячейки были: коммунисты с 1917-1918 гг. П.И. Ковалев, В. Лямин, Ермаков, Д. Николайчук, Н. Демин, Тузовский, Ворончихин и др.

5 декабря 1919 г. силы партизанского отряда, переформированные выступили для выполнения поставленных задач.

На съезде партизаны и их командиры всех трех направлений не присутствовали.

Таковы действительные факты против измышлений о расколе отряда Рогова. Факты свидетельствуют о том, что в основе его лежат причины не политические, а военные.

Что касается тех трений, которые произошли в г. Сорокин в отношении функций: какой орган власти превалирует во время военной борьбы — Исполком край-

совета или командование отрядом, то нельзя этот вопрос превращать в политические разногласия, которых по существу и не было.

Такие раздоры за власть были куда в большем диапазоне в Крестьянской Красной Армии, которой командовал Е.М. Мамонтов [16]. Однако это не получило оценки высших органов Советской власти в печати как политические разногласия.

Что касается И.П. Новоселова, то в отношении его необходимо внести ясность. Он впервые появился на Алтае в начале июля 1919 г. во главе крупного отряда, партизанами которого были шахтеры, принимавшие активное участие в Кольчугинском восстании весной 1919 г.

Этот отряд, во главе которого стояли Шпелев-Лубков и Новоселов, оперировал в районе Щегловск — Мариинск, в основном скрываясь в Мариинской тайге. После решения Шпелева-Лубкова отряд, как мы указали выше, во главе с Новоселовым, уходя от неотступно его преследовавших белых, совершает большой переход на Алтай. //

(л. 16) Действуя там несколько дней совместно с Роговым, этот отряд снова после неудачного боя под д. Таловкой уходит обратно в Мариинскую тайгу и там находится до декабря месяца 1919 г.

Новоселов, наслышанный об успешных действиях роговского отряда, снова являясь на Алтай. 16 октября с небольшим отрядом он присоединяется к отряду Рогова, осаждавшего в то время белых в каменной церкви с. Сорокино.

С этого момента и до конца партизанской борьбы Новоселов, находясь во главе своего небольшого отряда (30-60 человек), не отставал от отряда Рогова. Членом ВРК или штаба чумышских партизан Новоселов не был, и какой-либо значительной роли в отряде Рогова не играл. Все, что приписывают Новоселову Галасимов и Кадейкин о том, что он, якобы, был крупным анархистским деятелем и влиял на штаб и деятельность партизанского отряда Рогова, является не более как спекулятивным приемом, направленным на то, чтобы скомпрометировать партизан отряда Рогова и его самого, ведшего свой отряд на выполнение боевого задания штаба Красной Армии.

Самые большие и наиболее жестокие преступления приписываются Кадейкиным отряду Рогова в г. Кузнецк.

По его утверждению «старожилы города, вспоминая об этом, вздрагивают и теперь — одних зарубленных более трехсот... гарнизон обезоружен, город попал под произвол роговских головорезов» [17].

Мрачий картины и не нарисует! Колчаковские застенки пред этой картиной бледнеют... Но так ли все это было, как рисует профессор Кадейкин? //

(л. 57) Кузнецк — это старый, купеческий город богатеи, индустриальники, черносотенного кулачества. Во время колчаковщины — самое черное гнездо реакции, опора колчаковщины для расправы со всем революционным, что было в области. Здесь помимо крупного гарнизона солдат существовала одна из крупнейших дружин из «именитых» жителей города, принимавшая самое активное участие в подавлении партизанского движения в губернии. Здесь, в Кузнецке, снаряжались неоднократно крупные карательные экспедиции для уничтожения Чумышских партизан. Вот что, кратко говоря, из себя представлял Кузнецк.

Однако в связи с ростом партизанского движения и активной борьбы партизан Рогова силы карателей к началу декабря были крайне ослаблены и деморализованы. Под непосредственным влиянием успешных боевых действий отряда Рогова в Тогу-

ле 2 декабря произошло восстание солдат Кузнецкого гарнизона. Восстание победило, солдаты вместе с населением избрали ревком, в руководство которого вошли большевики, освобожденные из тюрьмы.

Опасаясь своей одиннадцатой роты, состоящей из добровольцев, находящейся вне города, и других карательных отрядов,двигающихся для подавления восстания в Кузнецке, ревком обратился в отряд Рогова за помощью. ВРК решил оказать помощь отрядам партизан под командой самого Рогова, следовавшего через Кузбасс для выполнения боевого задания.

Вступив 9 декабря в Кузнецк, он встретил там беспорядки. На улице валялось несколько замерзших трупов людей, догорала одна из церквей. На спиртзаводе большая толпа людей расхищала спирт. В ревком сообщили, что во время восстания гарнизона из тюрьмы были выпущены уголовники, тюрьма и церкви были ими сожжены. Уголовный элемент, освобожденный из тюрьмы, местные бандиты и прибывшие из деревень, вооружившись, начали грабить население. // (л. 58) В город входило четыре небольших отряда, — самый большой из них отряд Толмачева, человек около 80. Этот отряд обезоружил остатки гарнизона, расстрелял несколько местных белогвардейцев, произвел кое-какие «реквизиции» и поспешил с уходом, оставив ревком без оружия. Отряды же Лобызакоев и Тогасева, имея в своем составе по несколько человек, вместо помощи ревкому, сами занимались «реквизициями» имущества убитых купцов и офицеров, так же, как и уголовники — в свою пользу. Такая «помощь» была оказана Кузнецкому ревкому со стороны Толмачева и др. А. Кадейкин в сборнике «Сердца, отданные людям» (18) всячески изображает действительного мародера Толмачева, прибывшего в Кузнецк без приглашения ревкома, наделавшего беспорядок, мошеннически перелагая его вину на роговский отряд.

В течение двух дней своего пребывания в Кузнецке Рогов навел порядок в городе: прибрал к рукам уголовщину, помог организовать охрану ревкому, отрядным судом приговорил к расстрелу 15 человек активных врагов революции и затем выступил в направлении Кольчугино.

И вот что говорят по этому поводу «не ядрагивая» тоже кузнецчане, но не купцы и не их прихвостни, а участники борьбы и очевидцы, бедняки и члены кузнецкого ревкома, которых так старательно обходит Кадейкин. Е.Б. Ковновалов, лимпат, бывший солдат Кузнецкого гарнизона, член ревкома: «Мы имели связь с партизанским отрядом Рогова. Чувствуя за собой такую опору, солдаты гарнизона решили сделать переворот... То, что пишут и говорят о безобразиях Рогова в Кузнецке — это вымысел, клевета. Осуждено и казнено было человек 12, самых злейших врагов народа. Все они были известные кузнецчанам. Ну а насчет грабежей, то... грабили не партизаны, а наши кузнецчане и мужики других деревень под маркой партизан. // (л. 59) Если бы не партизаны отряда Рогова и Сизикова, то каратели уничтожили бы нас, повстанцев, и полоницу жителей города».

О том же пишут члены Кузнецкого ревкома И.В. Потопаев и солдаты восставшего Кузнецкого гарнизона А.П. Петров и П.В. Маслаков.

Житель города Кузнецка, рабочий-приискатель И.С. Бехтенев пишет: «Вот сейчас я убедился, что Рогов напрасно не бил людей, основательно разбирался... Тех, которых поймали, колчаковцев-карателей, судили отрядным судом и воздали по заслугам, а надо было побить не полтора десятка, а в три раза больше».

Жительница г. Кузнецка К.Г. Пинегина пишет: «Вся контрреволюция пританцовывала, ждала прихода карателей, чтобы расправиться с восставшими и беднотой... А

спчупствуюшие красные ждали своих партизан. Пришел какой-то маленький отряд и на второй день ушел... Пришел еще какой-то и вечером загорелась церковь... Но кого с нетерпением ждали, все не было. И вот... долгожданный отряд Рогова. После обеда стали судить кузнецких карателей. Виножных по требованию народа казнили, а у кого вина была незначительной — отпускали. Уголовников и любителей чужого добра — прибрали к рукам».

Завхоз Кузнецкий уездной милиции в то время Ф.С. Пилегин заявляет: «Все жестокости и насилия, какие приписывают Рогову — это невярно. Я все время был в Кузнецке и видел, что делалось... было убито при Рогове десятка полтора — два, тех, которых давно нужно было побить за убийства, издевательства и изумление над трудолюбивым народом...». Заведывающий винным складом в Кузнецке Колтунов сообщает: «Меня срочно вызвали к Рогову, который приказал: закрыть винный склад и не давать никому водки и спирта. «Отпустишь, — говорит, — расстреляю». К складу приказал поставить охрану...»

Такого рода заявления жителей Кузнецка можно было бы привести много. Но мы ограничимся еще одним замечанием о том, что по // (л. 60) всем обвинениям, выдвинутым против Рогова кузнецкой буржуазией, велось следствие в Кузнецке в присутствии Рогова. Какой же его результат? А результат его прост. Революционный трибунал не принял его к судопроизводству за отсутствием состава преступления.

И странно сейчас видеть советского историка Кадейкина в роли адвоката бывшей кузнецкой буржуазии, поднявшего сейчас этот вопрос, давно решенный советским правосудием.

Точно так же опровергаются все клеветнические измышления Кадейкина, Геласимовей и Федорца о так называемом «Разгуле анархистской банды Рогова» в Гурьевске, Кольчугино и Щегловске, о разгоне ревкома.

Чего стоит только одна из «истин», открытых Кадейкиным, это как в декабрьские сибирские 35-40 градусные морозы, двигаясь верхом, свыше 100 км от Кузнецка до Гурьевска, роговцы были «обвешаны награбленными вещами и с четвертьями вина в руках!» [19].

Как можно было допустить к печати такую несправедливость? Ее опровергают живые свидетели.

1. Житель г. Гурьевска т. А.А. Серебrenников сообщает, как входил в город отряд Рогова, он отмечает: «Ехали они по два конника 1 ряд. На санях везли пулеметы. Отряд был большой... По жалобам пострадавших от карателей, были арестованы актые клачаковцы братья Устюжанины, Суздоя — писарь, Зенкевич с завода и с ним одна женщина. Ни грабжей, ни насилия со стороны роговцев не было. К ним так же население относилось хорошо».

2. Житель г. Кольчугино И.М. Калачиков, потомственный шахтер, стаж 30 лет, вступил в отряд Рогова в Кольчугино, пишет: «Два дня партизаны отрядов Рогова и Сизикова стояли в Кольчугино, относились к жителям хорошо, и обид от них никто не видел. А шахтеры // (л. 61) мои товарищи мне говорили, что если бы не партизаны, то клачаковцы взорвали шахты... Все говорили, что мало партизаны казнили предателей... После оставления Щегловска отступили на Щербак и, опасаясь окружения отряда, пошли на с. Папфилово... На другой день (24 декабря) командир эскадрона объявил, что Рогов дал распоряжение сдать оружие и отправиться в Новоиколаевск на соединение с Красной Армией... Сдав оружие, 25 декабря весь отряд в конном строю поехал на Кольчугино...»

3. Жительница г. Кольчугино З.С. Лебедева: «Ну вот к нам на рудник пришли партизаны Сизикова и Рогова. Радости нашей не было конца! Ехали они с красными знаменами. К нам заехало одиннадцать человек, хотя мы жили бедно, но для гостей нашли продукты...

Выдавливали и приводили в штаб Рогова карателей. После суда были казнены: Л.И. Анапьев — владелец кожанного запса, предатель И.А. Климов, священник шпион и предательница женщина, которая предала мужа... Мелков у себя партизан не было, это клевета... Долго мы потом вспоминали этих добрых людей».

4. Житель г. Кольчугино И.С. Мазунин, шахтер, член подпольного большевистского гор. комитета в 1919 г., пишет: «В Кольчугино в ночь на 25 декабря вошел отряд Ролика — Виноградова, 350-400 партизан, одновременно вышла из подполья большевистская Кольчугинская организация более 300 человек.

15 декабря вошел партизанский отряд Сизикова 700-800 партизан. Под вечер того же дня вошел в город отряд Рогова 3000 партизан. Нашлись такие люди, которые старались скомпрометировать партизан. Они заявили, что партизаны ходят по квартирам и уносят ценные вещи, надо было принимать меры. Срочно подняли партизан Ролика-Виноградова. Так же вызвали подпольщиков и всех направили по квартирам. Оказалась простая провокация со стороны заявивших, там ни одного факта реквизиции не было зарегистрировано... В партизанском // (л. 62) отряде Рогова Г.Ф. был военно-революционный комитет, партизанский трибунал... Была значительная группа старых большевиков. В отряде Рогова принимались беспощадные меры по борьбе с преступлением, грабежом и насилием...»

5. Жительница с. Панфилова А.И. Черданцева заявляет: «Пришел отряд Рогова из Щегловска, отряд был большой и хорошо вооруженный. Бедняки гордились им. У жителей села были не только хорошие отношения с партизанами, а настоящая дружба... Привели несколько человек дружинников и милиционера Васюку Холина, которые истязали Павла Мясоеда, его сыновей и др. Часть из них получила по заслугам, остальных отпустили. На второй день партизаны сдали оружие и на третий — уехали в Кольчугино...»

... Тысячи партизан конного отряда Рогова, движимые революционным энтузиазмом, выполняли боевое задание в условиях сибирской зимы.

Обмороженные, покрытые струпьями ран и чирьями, страдая от стужи и недоедания, без отдыха, двигаясь перхом, в весьма краткий срок совершили 500 километровый рейд по тылу врага до Щегловска, очищая Кузбасс от колчаковских и кулацких банд, разгоняя колчаковские управы, заменяя их ревкомками. Этот рейд нельзя не назвать самоотверженным и героическим подвигом.

Неожиданный для белых захват роговским отрядом Щегловска 21-22 декабря, куда отступала 3-я колчаковская армия под напором Красной Армии, поставил белые силы в весьма критическое положение. //

(л. 63) Рогов, двигаясь на Щегловск, якобы разгонял ревкомы. Известно, что роговский отряд двигался по пятам белых, следовательно, никаких на его пути в селениях ревкомов не могло быть. Когда колонны белых подошли вплотную к Щегловску, роговский отряд, не смущаясь явным превосходством сил врага, решительно развернулся в боевой порядок и вступил в бой, вводя в действие все свое стрелковое оружие, в том числе — 18 станковых пулеметов и более ста легких. Введен был в бой пускоро оборудованный железнодорожными бронепоездами. Бой длился в течение всего дня. Ввиду неожиданности такой встречи со стороны Щегловска, белые

понесли огромные потери. И лишь вечером 22 декабря, в связи с окружением города во много превосходящими силами п-ка, отряд был снят с позиции и отведен в Щербаки, а затем в с. Панфилово.

В боях в Щегловске и Кабелях партизаны потеряли только убитыми более ста человек.

В это время в д. Барыши, расположенной по соседству с Панфилово, подружились передовые части Красной Армии. С их прибытием закончил свою боевую деятельность самый выдающийся партизанский отряд в Западной Сибири под командованием Г.Ф. Рогова — 24 декабря 1919 г. Согласно договоренности с представителем командования 35 стрелковой дивизии регулярной Красной Армии партизанский отряд, без какого-либо давления со стороны последней и какого-либо сопротивления со стороны Рогова и без взаимных угроз, вопреки пассивному заявлению Геласимовой, сложил оружие и прекратил свое существование.

Личный состав отряда, партизаны старше 35 лет были распущены по домам, а подлежащие призыву были отправлены в запасный полк в Новоиколаевск.

В связи с этим является вымыслом утверждение Кадейкина о том, что якобы Томская дивизия «окружила» и «разоружила» банды Рогова в районе д. Барыши [21]. Этот вымысел Кадейкина и Геласимовой разоблачается жителями д. Барыши С.И. Бердюгиным и А.К. Березовым, комбатом роговского отряда // (л. 64) В.А. Булгаковым и командиром Г.Х. Эйхе. Свидетели эти заявляют, что отряд Рогова в Барышах никогда не был. Томская дивизия, находясь в тылу отряда Рогова и Красной Армии, «действовала», так сказать «на пяточке трех деревень», откуда белые давным-давно отступили.

Томская дивизия лишь номинально называлась дивизией, для «устрашения» белых. В действительности это была малобоеспособная часть партизан, которая в своем составе имела не более двухсот человек вооруженных и около 1500 крестьян, ставших повстанцами в дни бегства далеко в стороне от деревень разбитых полковых войск белых, эти повстанцы, не имевшие огнестрельного оружия. Не трудно представить, могли ли эти силы «окружить и обезоружить» 3-4-тысячный, при этом высокобоеспособный, хорошо вооруженный отряд Рогова?

Все, что написала Геласимова в кн. «Записки подпольщицы» [22], о том, что она являлась комиссаром бригады, встречалась с Роговым в с. Щербаки и о том, что в союзе с этим «бандитом» и «выродком» Роговым «брала» Щегловск, является чистейшим вымыслом. Ныне живые партизаны отряда Рогова, прямые участники событий, решительно опровергают эту ложь (бывший комбат роговского отряда В.А. Булгаков, разведчик Г.М. Батурин, А.П. Батурин, И.М. Калачиков и др.).

Во-первых, никакой бригады не было и не могло быть, так как все те силы Томской дивизии не соответствовали нормальной численности полка, как мы это показали выше.

Во-вторых, встречи с Роговым не могло быть потому, что Рогов, двигаясь на Щегловск через Глазово — Пингиро — Ягуново, не мог быть в Щербаках, они оставались в стороне.

В-третьих, описание внешности Рогова и Новоселова не соответствует действительности (Рогов бороды не носил, цвет волос // (л. 65) у него русский, рост средний. Новоселов — крепкого сложения, ничем не похож на скопца).

В-четвертых: Щегловск был взят 21 декабря, 22 декабря удерживался боем в течение дня только силами отряда Рогова. Никаких других партизанских сил с ним не было.

Следовательно, все, что написано Геласимовой о «пиршестве» Рогова в Щербаках, об «ученом» споре с анархистом Новоселовым, о палаче-мародере-партизане, увешенном золотыми цепочками и браслетами является крайне убогим, грубым и нечистоплотным пасквилем, глубоко унижающим благородство партизан, истинных борцов за Советскую власть.

Может быть, это, так сказать, «описка»? Но нет, это не так. Мы всюду наблюдаем в писаниях Геласимовой всяческое охаивание партизан, выпирание на первый план их «анархизма». И, наоборот, весьма снисходительный тон в отношении доподлинных палачей, истязателей, насильников трудового народа Сибири, представляя их в виде безобидных кулаков, вроде Лутова, ставя его в моральном отношении куда выше своих батраков и который вроде... тоже за Советскую власть, готов ей помогать... Или именую дружелюбно белодружинников — «крестовиками», которые без сопротивления складывают оружие, сдаются по первому зову Геласимовой и ведут себя невинными плечками. — Белый офицер, только что взятый в плен (штабс-капитан Гришин), тут же предлагает заменить красное знамя на зеленое. Ему читается «строгая» нотация Геласимовой о том, что этого делать нельзя. И что же? Этот матерый белогвардеец буквально на ходу «перевоспитывается», через месяц его Геласимова с Федорцом уже рекомендуют в члены РКП(б) как оправдавшего доверие» [23].

Таковы действительные факты, противоречащие «трудам» историка В.А. Кадейкина, Геласимовой и П.Х. Федорца, о боевой деятельности одного из выдающихся партизанских отрядов в Западной Сибири. //

(л. 66) На этом можно было бы поставить точку, если бы Кадейкин не поставился «увязать» боевую деятельность роговского отряда против колчаковщины в 1919 г. с кулацко-эсеровским восстанием против Советской власти в Западной Сибири в 1920 г., организованному эсерами и меньшевиками и если бы Кадейкин не сделал псевдонаучные, антиленинские выводы о характере партизанского движения в Сибири в 1919 г. в своей статье — «Что такое «роговщина» (о ней говорилось выше).

...По поводу разгрома колчаковщины и борьбы с ней В.И. Ленин писал, что «рабочие и крестьяне Сибири на своем опыте убедились, что из себя представляет колчаковщина, как она пришла к власти, как рабочие и крестьяне поняли, что середины быть не может, либо власть реакционной буржуазии, либо Советская власть. Поняв это, рабочие и крестьяне Сибири вступили в совместную борьбу с колчаковщиной за Советскую власть...»

Высоко оценивая героическую борьбу сибирских партизан В.И. Ленин писал, что «уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной Армии побить Колчака», что партизанское движение в Сибири было организовано коммунистической партией и разрабатывалось под ее руководством [24].

В.И. Ленин, таким образом, видел только одно направление в борьбе с колчаковщиной — рабочих и крестьян и никаких других. В действительности это так и было. В Сибири не было ни одного партизанского отряда, который бы не был создан и не руководился коммунистами и не ставил своей целью борьбу за Советскую власть.

Даже стихийные восстания, которых на Алтае было много, проходили под лозунгами восстановления Советской власти, совместные рабочих и крестьян.

Таких же «специализированных» отрядов, о каких говорит Кадейкин — бедняцких, середняцких и кулацких, действовавших против // (л. 67) Колчака раздельно в

природе не существовало. Это очередная выдумка Кадейкина. Он никак не может жить без «открытий» и без того, чтобы не «поправить» или «дополнить» Ленина.

Кулачество как класс являлось главной опорой кулацкщины, и даже больше того, ее составной частью. Кулачество, организованное в боевые дружины т.н. «спятого креста» действовало самостоятельно или совместно с японскими карательными отрядами, такими как атаманов Аненкова, Кайгородова и др. Действуя вместе, они перепрыгивали шомполами и нагайками почти все трудовое крестьянство Западной Сибири, полагая, расстреляв, замучил десятки тысяч рабочих и крестьян. Вот что в действительности представляли из себя «крестовики» — «партизанские кулацкие отряды», самым непримиримым врагом которых был Г.Ф. Рогов.

В свете вышесказанного видно, каким абсурдом выглядит изобретенная Кадейкиным «теория» о трех видах партизанского движения в Сибири. Ели извращен социально-политический смысл партизанской борьбы в Сибири.

Но было бы совершенно неверным допустить, что «третья» сила, эсеры и меньшевики, сидели сложа руки и ничего не делали, не пытались проникнуть в партизанское движение «тихой сапой» и захватить руководство им.

Они делали такие попытки и в Кузбассе в лице бывших эсеров Геласимовой и Федорца. Это подтверждается книгой «Записки подпольщицы». В ней Геласимова пишет, что в Березовку приезжали к Федорцу «воротила» из «Закупсбыта» и долго с ним беседовали [25]. Сам же Федорцов часто этих «воротил» посещал в Кольчугино и в Щегловске.

Не трудно догадаться, что влекло этих «воротил» к своему сопартийцу Федорцу и о чем у них могла быть речь. // (л. 68) Но ничего реального у них не могло получиться. Слишком еще были в памяти народа их преступные действия по организации и руководству контрреволюционным мятежом, в результате которого свергнута Советская власть в Сибири в 1918 г., зверски уничтожены тысячи передовых бойцов революции — большевиков и приведен к власти Колчак. Имя партии эсеров и меньшевиков было ненавистно трудящимся массам. Своим предательством дела революции изолировали себя от масс. Поэтому с открытым забралом они не могли выступать в партизанской борьбе, всячески маскируя свое политическое лицо.

Так это было и при организации ими восстания крестьян против Советской власти в 1920 г. Используя для этой цели перегибы по проведению продразверстки, эсеры тщательно маскируясь, поднимали массы крестьян на восстание, выставляя для этой цели демагогические лозунги, кроме таких как «Да здравствует Советская власть без коммунистов», создавая видимость, что в борьбу за эти лозунги вступили подлые партизаны, в том числе и Рогов. Налицо были часто случаи, когда бывшие каратели присваивали себе имена популярных командиров партизанских отрядов и действовали против Советов. Так, например, сын кузнецкого купца П. Фонарева действовал под именем известного партизанского командира Зверева, пока не был пойман, разоблачен и расстрелян. Словом, эсеры из «Закупсбыта» с белогвардейщиной и кулаками делали все возможное, чтобы снова свергнуть Советскую власть. В подходе восстания им многое удалось. Они обманным путем поклеили на восстание некоторую часть среднего крестьянства. Больше года пришлось вести борьбу с этим восстанием частям Красной Армии и бывшим партизанам, в том числе и бывшим прежде в отряде Рогова. Эсеро-кулацкий мятеж был ликвидирован. Основную роль в его ликвидации сыграло изменение политики советского правительства и // (л. 69) подпольственным вопросом. Продразверстка была заменена продналогом, что

не только ликвидировало перегибы в заготовке продовольствия, но и стимулировало подъем и развитие сельского хозяйства.

«Увязка» Кадейкиным боевой деятельности отряда Рогова в 1919 г. с его якобы действиями в 1920 г. является совершенно безосновательной, искусственной, с целью дискредитации доброго имени партизан, боровшихся беззастенчиво за Советскую власть. Такой связи и не могло быть потому, как мы выше указали, что роговский отряд прекратил свое существование 24 декабря 1919 г. Однако Кадейкина это не смущает, он искусственно стремится увязать с бывшим роговским отрядом действовавшую во время восстания банду, созданную в 1920 г. Леоновым и бежавшим из Новониколаевска Новоселовым, создавая которую, они спекулировали популярным именем Рогова. Беспочвенность этой увязки двух совершенно противоположных движений очевидна и бесспорна. Эта «увязка» понадобилась Кадейкину для того, чтобы очернить бывших партизан отряда Рогова для спекулятивного противопоставления их партизанам вымышленной Томской дивизии.

Под глубоким сомнением находится правдивость утверждения о том, что Рогов ввязался или входил в банду, организованную Новоселовым и Леоновым для борьбы с Советской властью. Это утверждение основано исключительно на домыслах и измышлениях. Нет ни одного факта, прямо подтверждающего участие Рогова в мятеже против Советской власти.

Это есть множество убедительных данных, что Рогов был против борьбы с Советской властью и не мог участвовать в этой борьбе.

Начнем с Новониколаевска. Известно, что Рогов, Возилкин, Булгаков и Новоселов с четырьмя разведчиками в январе 1920 г. были доставлены в Новониколаевск для предания суду Ревтрибунала. // (л. 70) Находясь в КПЗ (камера предварительного заключения), вспоминает В.А. Булгаков, Новоселов, обремененный содержанием под арестом, предложил Рогову и его соратникам бежать. Рогов, резко осадив Новоселова, заявил, что ему и его товарищам бежать не от кого и некуда, сказав: «Мы воевали за Советскую власть и должны выслушать из ее уст, правы мы были в своих действиях или нет». Все согласилось с Роговым. На следующий день Новоселов был отпущен в аптеку за лекарствами и не вернулся. Договорившись с конвоєм, он вместе с ним бежал из Новониколаевска.

Позиция, занятая Роговым в разговоре с Новоселовым, по-нашему, достойна внимания историков-исследователей.

Попутно посмотрим, в чем обвинялся Рогов и его товарищи.

Все, кто доверчиво отнесся к писаниям Кадейкина, Геласимовой и др. о Рогове, вне всякого сомнения, считают, что ему были предъявлены обвинения в «мародерстве, грабежах, насилиях, бессмысленных беззакониях, массовых убийствах» (так резко и огульно формулируемых Кадейкиным!).

Но мы должны разочаровать тех, кто на слово поверил Кадейкину и его друзьям Федорцам. Для этого приведем постановление Реввоенсовета 5-й дважды краснознаменной армии от 14 января 1920 г. "... Сообщить через т. Егорова представителям властей, ходатайствующим об освобождении Рогова из-под ареста, что Рогов арестован Реввоенсоветом 5 // (л. 71) за неисполнение боевого приказа и предан суду Ревтрибунала, который разберет — виновен он или нет. Депутации предложить направлять в Ревтрибунал 5» [26]. Позвольте, а где же эти самые факты разбоя и т.д., о которых так красочно писал Кадейкин? О них в постановлении Реввоенсовета даже и малейшего намека нет, а ведь оно вынесено после следствия в

Кузнецке и в других местах. Фактом, порочащим роговский отряд, не было, их выдумал Кадейкин в сообществе с Федорцами.

Наоборот, из постановления РВС мы узнали очень важные сведения о том, что народ, обеспокоенный арестом Рогова по наветам врагов Советской власти, шлет депутации одну за другой с ходатайствами об его освобождении. Ходатайства народа — разве это не блестящая и самая высокая аттестация и свидетельство о том, что в действительности из себя представлял Рогов? Такой аттестации мог бы позавидовать любой общественный деятель!

Неверно утверждение Кадейкина, как и все предыдущие, о том, что Советская власть будто бы признала вину Рогова, помиловала его, якобы «дая ему возможность честным трудом загладить» и т. д. В действительности Ревтрибунал даже не принял дело по обвинению Рогова к слушанию за отсутствием состава преступления, а вопрос о реабилитации Рогова РВС передал в ЧК 5 армии.

О том, как это произошло, предоставим слово В. А. Булгакову: «По распоряжению ЧК нас освободили из КИЗ, привели в порядок, одели во все новое. Снабдили всем необходимым. Председатель ЧК в дружеской и самой теплой обстановке долго беседовал с нами, интересуясь всеми перипетиями нашей борьбы. Затем выразил сожаление в том, что так нехорошо поступили с нами. Извинился, заявив, что предъявленные нам обвинения оказались ложными... и что мы полностью реабилитированы... На следующий день мы посетили Сибпартбюро ЦК РКП(б), где также были приняты тепло и радушно. Мы с Роговым заполнили предложенные нам анкеты о вступлении в «ряды партии»...

Там же им была предложена ответственная работа. // (л. 72) Рогову в Томске и Губревкоме, Булгакову — в Новоиколаевске, завгубземотделом.

По просьбе Рогова и Булгакова, ввиду сильного физического недомогания первого и необходимости встречи с больной матерью последнего, им был разрешен месячный отпуск и возможность работать в Барнауле, в Алтайском губревкоме.

25 февраля 1920 г. Рогов и Булгаков расстаются на ст. Алтайской, договорившись встретиться через месяц в Барнауле, с тем, чтобы потом работать в ГУБЧЕКА...

Как может настоящий исследователь-историк, пройти мимо этого очень ценного исторического свидетельства, еще живого и видного участника партизанской борьбы в прославленном в то время отряде Рогова — В. А. Булгакова, члена КИСС, орденоносца?

Это свидетельство, кстати, подтверждает, что Рогов с начала до конца партизанской войны был настоящим борцом за Советскую власть, очень скромным, но принципиальным человеком, чуждым мелкому тщеславию и мстительности за нанесенные ему побои и обиды во время следствия в Кузнецке по вражескому навету. Как подобает настоящему революционеру, он нигде не пожаловался на это, хотя время от времени испытывал режущую в нижней части живота боль. Считая это временным недомоганием, он внутренне был готов к продолжению борьбы против врагов революции в новых условиях — в рядах ленинской партии, в органах ВЧК. Да, именно свидетельства подтверждают, что заветным желанием Рогова было стать чекистом, быть в первых рядах борцов с контрреволюцией.

Как же после этого можно поверить явному измышлению, что Рогов якобы поднял восстание против Советской власти, за которую упорно бился не жалея ничего в течение полутора лет и собирался продолжить ее в новых условиях? //

(л. 73) Сколько наглости и коварства заложено в обвинение Рогова в том, что он «использовался доверием зажиточного крестьянства», чтобы поднять восстание против Советской власти! Мы знаем, что самым непримиримым врагом кулачества был Рогов, поэтому этот домысел не имеет никакого фактического основания.

Ведь в действительности мы знаем, что организаторами восстания были эсеры, а не Рогов. Кулаки и бывшие белые офицеры начали восстание. Новоселов и Асепол, обиженные Советской властью, с ними сомкнулись еще до приезда в Жуланиху больного Рогова. Как Рогову можно приписать организацию восстания, когда он больной лежал в постели? Об этом нам рассказывал на командных курсах в Барнауле летом 1920 г. Анатолий, побывавший в Жуланихе (он тогда командовал дивизионом ВКЧ).

Приезд в Жуланиху больного Рогова нельзя иначе рассматривать как начало его личной трагедии. С приездом туда он в буквальном смысле попадает в плен к своим врагам. Он, больной, подвергся сразу же атаке, с одной стороны — кулачества, которое его ненавидит и мстительно жаждет его гибели за партизанскую борьбу. С другой — он атакует его бывшие соратники Лепнов и Новоселов. Сопrotивляясь, Рогов, больной, вынужден был скрываться.

Враги Рогова — кулаки, во время партизанской борьбы раскатали и сожгли его дом, разграбили хозяйство, убили его родного брата. В 1920 г. по приезде его в Жуланиху враги открывают на него охоту. Рогов, затравленный, как дикий зверь, с единственным товарищем, бывшим секретарем партчейки Возилкиным, скитается по тайге, находясь в крайне тяжелом положении.

Подтверждение этого мы находим в воспоминаниях ныне покойного И. М. Дрожжина — бывшего члена Барнаульской подпольной организации, члена ВРК отряда Рогова, члена КПСС. Находясь в Барнауле, он в мае 1920 г. получает письмо от Рогова, в котором было // (л. 74) написано: «Меня преследуют, что мне делать?» Дрожжин с этим письмом обратился к председателю Алтгубревкома т. Аристову с предложением по этому письму послать его, Дрожжина, в тайгу для розыска Рогова и прибытия с ним в Барнаул. Аристов ранее в беседе с нами говорил, что сам искал связи с Роговым, отнесся к предложению Дрожжина очень благоприятно, пообещав этот вопрос поставить на Губревкоме. Однако неизвестно, по каким причинам план Дрожжина не был принят. А между тем прибытию Рогова в Барнаул в тот момент придавалось огромное значение как решающему фактору в борьбе с эсеро-кулацким мятежом.

Почему был отклонен план Дрожжина, кто и что помешало его принять? Очень важное значение имеет для историка выяснение этого вопроса.

Факт получения Дрожжиным письма от Рогова в мае месяце 1920 г. неопровержимо доказывает своим содержанием, что в то время Рогов ни в каких бандах не был: ни в кулацких, ни в анархистских.

Подтверждение того же мы находим и в последнем акте трагедии Рогова — в начале июля 1920 г. во время его гибели в с. Евдокимово.

Нельзя назвать бандой мирное движение двух человек от тайги в направлении к Барнаулу, остановившихся на отдых в с. Евдокимово. Тем более, они ни на кого не нападали. Из газетной статьи мы узнаем, что Рогов продолжал быть больным, видимо, не мог уже двигаться дальше, просил пристанище на несколько дней [27].

Видно по всему, что Рогов опасался преследования или внезапного нападения. То, что он пережил, наверняка отрицательно отразилось на его психике.

Была ли надобность местной группы самообороны в количестве 12 человек внезапно напасть на двух человек, которые мирно // (л. 75) держали путь на Барнаул? Разве внезапное нападение не могло вызвать у людей, спасающихся преследования, что на них напали именно не их преследователи — кулаки? Вазилкин сдался, а Рогов якобы бросился бежать к Чумыну. Но мог ли больной человек убежать от двенадцати здоровых преследователей? В Рогова был произведен не один выстрел и ранен он был не только в ногу, но и в шею. Мог ли он после этого стреляться? И вообще, какие были основания у 12 человек стрелять в больного Рогова? Все эти вопросы требуют самой строжайшей и объективной проверки исследователями-историками, если они дорожат своим авторитетом.

Созданная версия Кадейкина о том, что Рогов следовал в Барнаул, где «в районе действовала банда Плотникова», не терпит критики. Неужели кто поверит тому, что в городе, где находилась губернская Советская власть, могла оперировать банда Плотникова? Из подписавших это письмо есть ветераны, которые принимали участие в борьбе с этой бандой и они знают, что она начала оперировать в августе месяце 1920 г., т.е. значительно позже гибели Рогова. Это подтверждает также воспоминания бывшего особоуполномоченного губернии чрезвычайной пятерки по ликвидации мятежных банд в Алтайской губернии в 1920 г. Т.С. Мухачева. Даже допустим, что банда Плотникова существовала до смерти Рогова, то зачем надо было Рогову, если он был бандитом, совершать опасный путь, 150 км от Черны до истоков Ален, когда таких же банд на правом берегу Оби было не мало? Та же банда Попселица, которую Кадейкин умышленно называет бандой Рогова, не была вовсе разбита частями Красной Армии. Она существовала больше года после гибели Рогова и была ликвидирована лишь в 1922 г. на заимке в Щегловском уезде [28].

Пролить свет на взаимоотношения Рогова с Новоселовым и Лепновым в послеколчакровский период и, главное, причину гибели // (л. 76) и обстоятельства самой гибели, мог только оставшийся живым Вазилкин. Этот человек был наиболее близок к Рогову во время партизанской борьбы и, как мы видим, был с Роговым до последнего часа его жизни.

Этот «второй бандит», пишет Кадейкин, сдался, следовательно остался жив. Не может быть, чтобы органы ЧК с ним покончили, не получив от него исчерпывающих показаний, да и покончили ли? Где они? Почему историки об этом хранят молчание? Любопытные в этом отношении показания бывшего партизана, члена КПСС с 1920 г., бывшего ЧОНОВЦА, очевидца гибели Рогова в с. Ендокимово т. С.А. Гореева, проживающего в с. Кытманово Алтайского края. Он пишет: «Вазилкин сообщил нам, что они с Роговым направлялись в Барнаул, что Рогов с Новоселовым поругался... дружить у Вазилкина не было».

Для нас совершенно ясно, что исследования историков о послеколчакковском периоде деятельности Рогова так же далеко не полны, противоречивы и крайне тенденциозны, как и его боевая деятельность против эсеро-меньшевистского «народоправства» и колчаковщины.

На основе приведенного выше анализа, мы склонны думать, что больной физически и тяжело морально потрясенный гибелью жены и брата, Рогов, совместно с Вазилкиным спасаясь от бандитов, преследовались в Барнаул с целью найти защиту у Советской власти. Нам неизвестно, сколько раз они пытались это сделать. Но из описания произошедшего в с. Ендокимово ясно, что пройти этот путь было крайне трудно и опасно в то время!

Винолат ли в этом Рогов? Нам, бывшим участникам борьбы с колчаковщиной и эсэро-кулацким мятежом, кажется, что **НЕТ**.

Так, видимо, думали и чекисты, которые вели борьбу с кулацко-эсеровским мятежом. Известно, что большевики, в том числе и чекисты, не хоронили с почестями своих врагов. А Рогов был // (л. 77) похоронен эскадронным чекистом с отдачею всех воинских почестей, как герой гражданской войны. Гроб его был пущен в могилу под склонением красного знамени, под которым он вел борьбу за Советы и оружейные ящики чекистов.

На могиле Рогова устанавливается памятник с красной звездой [29].

И все это было заслуженно, справедливо. Но как все это диссонирует списанием Кадейкина, Геласимовой, Федорца и других, кого они ввели в заблуждение!

А еще в большом противоречии находится их «творчество» с написанным спустя 48 лет в газете «Красная звезда» «Фигура Рогова весьма колоритна. Она живет в памяти жителей районов Алтая и Западной Сибири почти пятьдесят лет, это личность историческая» [30].

Заключение

Из настоящего очерка, написанного на основании свидетельства прямых участников партизанской борьбы в 1919 г. и документов, видно, что все написанное о партизанском отряде Рогова бывшими в то время эсерами А.Н. Геласимовой и ее супругом Н.Ф. Федорцом, а также историком В.А. Кадейкиным, является грубым вымыслом и извращением действительных событий и фактов партизанской борьбы.

Все измышления, глубоко оскорбляющие без каких-либо оснований героическую борьбу партизан отряда Рогова за Советскую власть, должны быть решительно отвергнуты и осуждены, как антиисторические, а доброе имя этих партизан, как борцов за Советскую власть — восстанавливать. //

(л. 78) Документально известно, что партизанский отряд Рогова закончил борьбу против колчаковщины по прибытии передовых частей Красной Армии в Кузбасс, расформирован, как и все прочие партизанские части, 24 декабря 1919 г. своим командованием отряда согласно приказу командования 5-й Краснознаменной армии, то есть — на основе общей установки ликвидации партизанских сил. Поэтому Роговский партизанский отряд не мог существовать в 1920 г. и, следовательно, не мог принимать какое-то ни было участие в кулацко-эсеровском мятеже против Советской власти в 1920-1922 гг., а личное участие Рогова в этих мятежах не имеет решительно никаких прямых доказательств. Создание в этом отношении версий Кадейкиным, Федорцами и другими так называемыми «историками», являются такими же клеветническими, как и все то, что названные люди написали для компрометации Роговского отряда в период его героической борьбы против колчаковщины за Советскую власть в 1919 г.

В связи с преднамеренным извращением исторических фактов партизанской борьбы в Кузбассе, безусловно, следует рекомендовать ИМЛ рассмотреть вопрос о лишении ученых званий, незаслуженно присвоенных В.А. Кадейкину и А.Н. Геласимовой, а также запретить в дальнейшем допуск к печати их фальсификаторских работ, а уже изданные — изъять из обращения. И если этого сейчас сделать нельзя, то объявить в печати об их фальсификаторском характере.

В отношении же причин гибели Рогова рекомендовать привлечь к исследовательской работе добросовестных ученых, которые // (л. 79) могли бы провести глубокую исследовательскую работу, выяснить все обстоятельства на месте с использованием только первоисточников, свидетельства прямых участников борьбы и очевидцев. Исследователи-историки должны помнить то, что бывшие партизаны и с ними широкие массы трудящихся Алтая и Кузбасса с волнением ждут правдивых выводов о минувших днях героической партизанской борьбы.

Приложение:

Схема боевой деятельности партизанского отряда Рогова против колчаковщины в 1919 г. и список адреса бывших партизан, подписавших очерк.

(Схема боевой деятельности отряда Рогова и список адреса бывших партизан по техническим причинам в публикацию не включены.)

1. Батурин Г.М.	10. Батурин А.П.	19. Бугров И.С.
2. Комиссаров А.С.	11. Бехтеев П.П.	20. Поташев Д.Т.
3. Арбузов Н.С.	12. Бычков И.Е.	21. Булгаков В.А.
4. Бедарев Н.Н.	13. Тузиков И.Т.	22. Клинов А.А.
5. Набойченко Г.К.	14. Скрылев Р.П.	23. Афанасьев Э.П.
6. Петров Н.	15. Пинев А.А.	24. Голопатов Т.И. (ком. партиз. отр.)
7. Соболев С.М.	16. Дездевьев Д.Е.	
8. Катюшев А.	17. Токарев М.М.	
9. Бородин П.Я.	18. Бехтеев П.Н.	

По поручению и доверенностям вышепоименованных товарищей:

"10" февраля 1972 г. (А. А. Клинов) с подлинным верно: подпись. // ГАНО.
Ф. 5а. Оп. 1. Д. 344.

Примечания

(При подготовке рукописи к публикации внутритекстовые и подстрочные примечания были переработаны и помещены в конце текста — О.Б., Г.В.):

1. Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. М., 1967.
2. Там же. С. 237-252, 256-257, 265-267.
3. История Кузбасса. Кемерово, 1967, в 2 ч.; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968.
4. Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул, 1957. С. 259.
5. Алтайский вестник, 18 июня 1919.
6. Егоров Г. Крушение Рогова. Барнаул, 1965. С. 24.
7. Партизанское движение в Западной Сибири в 1918-1919 гг. Новосибирск, 1959. С. 281.
8. Алтайский вестник, 8 августа 1919.
9. Калейкин В.А. Сибирь непокоренная. С. 364.
10. Партизанское движение в Западной Сибири... С. 488-497.

11. Кадейкин В.А. Что такое "рогощина" // Кузнецкий рабочий. 21 июля 1968.
12. Воспоминания А.А. Малиновского // АКПА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 119. Л. 118.
13. Там же.
14. Борьба трудящихся за восстановление Советской власти на Алтае. Барнаул, 1957. С. 370.
15. ЦГАКА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 178.
16. ЦГАКА. Ф. 218. Оп. 1. Л. 122; Д. 17. Л. 225.
17. Кадейкин В.А. Что такое "рогощина".
18. Сердца, отданные людям. Кемерово, 1968. С. 213.
19. Кадейкин А.В. Годы огневые. Кемерово, 1959. С. 98.
20. Федорев П.Ф. Борьба трудящихся Томской губернии за власть Советов // Боевые годы. Новосибирск, 1959. С. 233.
21. Там же. С. 98.
22. Геласимова А.Н. Укая. Соч. С. 237-254.
23. Там же. С. 197, 288.
24. Ленин В.И. ИСС. Т. 30. С. 12, 51.
25. Геласимова А.Н. Укая. Соч. С. 88.
26. ЦГАКА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.
27. Алтайский коммунист. 8 июля 1920.
28. См. письмо бывшего секретаря Щегловского уккома т. А.Г. Бабий.
29. Егоров Г. Укая. Соч. С. 127.
30. Глубже осмысливая подвиг // Красная звезда. 2 августа 1968.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Частушки о Рогове, называемые в Чумышском крае «прибасками»

Ваня в музыку играет	С анархистовой сестрой
Рогов песню подпевает	Седни обвиняется
С горы былы подъезжают	☺
Рогов коней поужат	Не пойду седни в деревню
☺	Черна гвардия придет
На горе самовар	Силом будет гнать на конях
Под горку чайник	И до смерти ядерет
Вски ячейку разогнал	Я поеду в партизаны
Роговский начальник	Всех богатых защищать
☺	Коммунистов всех очищу
Рогов ехал на позиции	Себе богатство наживать
На кобыле воевать	☺
Хвост откинул и заляпул	Яблочко со цветочками
Коммунистов всех пидать	Едет Рогова начальник
☺	***** со сыночками
Рогов едет седня пьяный	
Голова шатается	

Попадью застрелил Ваня
Безо платья на меня
Я иду по горенке
Все глядят как попадья

Все богаты, все богаты,
Я одна только бедней
Я поеду к партизанам
Наживу все поскорей

Мой милочек в окопах
Домой скоро не придет
Может бог господь поможет
Скорей Рогана убьет

Мам не нужно коммунистов
В черну партию войдем
Нас в деревню не пропустят
Мы в лесочке проживем

Частушки собраны Зав. Ист. партком в деревнях Комарчице, Мал. Мунтай
и Ашамбе Чумышского р-на Циркуновым (1927 год). Народные Сибирские песни
во время гражданской войны.

Товарищи-партизаны РОГОВА

Я, партизан 1-го Бийского полка, Алексея, которого вы знаете, которому вы доверили и который жил с нами одной партизанской жизнью, прошу вас, дорогие товарищи, идите к нам. Берите в руки красный флаг и смело идите к нашим товарищам красноармейцам. Никто из вас не будет убит.

С этого дня ни одного расстрела не будет. Мы видим, что вы темные, запуганные люди, которых обманом завели в это гнусное дело и которые теперь боятся к нам идти только потому, что слышали о расстрелах на фронте.

Повторяю: расстрелов больше не будет. Переходите, спрашивайте меня, Алексея, а я вас запишу в списки добровольцев на Западный фронт и с вами вместе пойдем бить панов!

Я здесь, на фронте, и жду вас. Идите!

Бывший партизан Бийского Кавалерийского Советского полка Алексеев.

Листовка-обращение к партизанам из отряда Рогова, 1920 г.
(ГАО. Ф. 5 Оп. 4. Д. 1245. Л. 1)

Иностранные специалисты и советская действительность: быт первых кузнецкстроевцев

Одной из трудностей советской индустриализации 1930-х гг. являлось обеспечение новых предприятий инженерно-техническим персоналом. Несомненно, что новые промышленные гиганты не могли быть смонтированы и пущены в ход без участия иностранцев. Правительством было принято решение «организовать систематическое привлечение иностранных специалистов для работы на наших предприятиях, а также привлечение иностранной технической помощи» [1]. Кузнецкий металлургический комбинат не являлся исключением. Инспекты работали практически на всех «горячих точках» стройки — шамотно-динасовом, доменном, мартенодском, литейном, прокатном, железнодорожном, механическом цехах, на электростанции и т. д. Здесь были монтажники, электрики, слесари, механики, доменщики, вальцовщики, прокатчики, инженеры-проектировщики и др. Осенью 1931 г. в Кузнецк прибыла первая группа иностранцев. КМК испытывал острую нужду в квалифицированных кадрах, поэтому администрация завода возлагала определенные надежды на вновь прибывающих.

Подавляющим большинством среди иностранных специалистов были американцы и немцы — представители фирм-поставщиков оборудования. Кроме того, на стройке работали итальянцы, французы, австрийцы, румыны и др. Причины, по которым иностранцы соглашались выехать в СССР на работу, были разными. Многие коммунисты вынуждены были иммигрировать в Советский Союз в надежде найти здесь убежище от политических преследований. Большинство политэмигрантов были выходцами из Германии, где и то время набирал силу фашистский режим. Были и такие, кто приезжал в СССР из идейных убеждений. Основной же причиной, вынуждавшей специалистов искать работу за границей, стал мировой экономический кризис рубежа 1920-1930-х гг., и последовавшая за ним безработица. Советский Союз оказался единственной страной, не затронутой в силу своей политической и экономической изоляции кризисом.

Для наиболее успешного использования производственно-технического опыта и знаний инспектов, его передачи советским рабочим и ИТР, необходимы были «здоровые» отношения между обеими сторонами. Установление таких отношений стало основной задачей массовой работы с иностранцами. Другую важнейшую задачу партия видела в передаче зарубежным рабочим революционного опыта советского народа. Для этого ЦК ВКП(б) ориентировал парторганизации на усиление идеологической работы среди инорабочих. Как подчеркивал секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев, стране нужны были «не только высококвалифицированные иностранные пролетарии, но наряду с этим нам нужны в их лице борцы за дело строительства социализма, которые нога в ногу с пролетариями Советского

Союза сумели бы преодолевать все неизбежные трудности роста, вытекающие и из технической и культурной отсталости нашей страны, и из безпечного сопротивления классового врага» [2].

Постановлением ЦК ВКП(б) от 16 августа 1931 г. «О состоянии работы с иностранными рабочими и специалистами» при ВЦСПС было создано специальное иностранное бюро [3]. Подобные бюро работали во всех крупных промышленных центрах СССР, в том числе и на Кузнецком стреле.

Инобюро не было простым посредником между иностранными и советскими специалистами. Его деятельность была направлена на улучшение культурно-бытового обслуживания иностранцев, роста уровня массово-политической работы среди них, вовлечение в общественную жизнь, в соцсоревнование, движение рационализаторов и т. д. [4]. Бюро также играло роль адаптационного пункта. Иностранные специалисты, прибывшие на строительство, в течение первых трех-четырех дней приходили в инобюро, где с ними проводили соответствующую разъяснительную работу: «зачем и куда он приехал, как он должен себя чувствовать»; вводили в курс бытовой и политической жизни [5].

В начале 1931 г. партком завода обратился к инобюро с предложением организовать для иностранцев политкружки на родном языке и кружки по изучению русского языка. Особенное внимание в кружках должно было уделяться пропаганде советского строя, социалистических форм труда (ударничества, соцсоревнования).

В результате ряда мероприятий были достигнуты определенные успехи в организации социалистического соревнования и ударничества среди иностранных специалистов. С целью сделать их более массовыми инобюро ВЦСПС приняло решение о проведении в декабре 1933 г. Всесоюзного смотра лучших ударников среди иностранных рабочих и специалистов [6]. Ударный труд инорабочих вознаграждался: их поощряли премиями, выдавали бесплатные путевки в дома отдыха и санатории. За высокие показатели в труде были премированы поездкой в Москву на Октябрьские торжества в 1932 г. иностранцы, работавшие на КМК [7]. Три американских инженера компании «Фрейн» получили звание ударников и еще трое награждены за особенно хорошую работу [8]. Среди них — инженер Галловей [9].

Поскольку на иностранное бюро возлагались высокие политические цели и задачи, то неудивительно, что за его деятельностью следил НКВД. На руководителей собирался компромат, недоброжелательные отзывы; любые погрешности в работе или личной жизни тщательно фиксировались.

Заведующей инобюро в 1932 г. была Анфиса Кузьминична Никулина. Родилась в 1901 г. С апреля 1920 г. — член ВКП(б), в других партиях не состояла. Имела высшее образование. Служила в Красной Армии. Во время Kronштадтского восстания 1921 г. работала в санитарном отряде. Позже, в Кузнецке подвергалась партвыяснениям за беспринципную борьбу в личных интересах, снималась с должности помощника прокурора. Работая в Инобюро, обвинялась в ущемлении интересов немцев в пользу американцев. С должности заведующей была снята «за неумелую и неактивную работу в Инобюро, что привело к дискредитации Макса Гельца среди иностранных рабочих» [10].

Другой заведующей инобюро была Раиса Семеновна Хазанова. До 1908 г. состояла в меньшевистской РСДРП. Троцкистка. Некоторое время работала в Кузнецке экономистом. Протоколом контрольной комиссии (1933 г.) обвинялась «в снабжении в двух распределителях [иностранном и советском] с октября по

декабрь 1932 г.» [11]. По словам работника горно Евтушенко, «еще в 1931-1932 гг. ставился вопрос об исключении Хазановой из партии за связь с иностранцами, пьянку с ними, поставку им проституток...» [12]. Исключена из партии в октябре 1935 г. [13].

Практическая работа с инспектами была направлена на улучшение культурно-бытового обслуживания иностранцев, роста уровня массово-политической работы среди них, вовлечение в общественно-политическую жизнь, в социальное движение рационализаторов и изобретателей, передачу производственно-технического опыта и знаний.

На стройке проводились вечера зарубежной техники, встречи советских и иностранных рабочих и ИТР. Летом практиковались прогулки за город. «Любимым местом их была Топь и Садово-парковое хозяйство», — говорила Хазанова [14]. Иностранцам устраивали экскурсии по Кузнецкстрой, а также возили в близлежащие промышленные города с целью показать разницу в бытовых условиях Кузнецкстроя и, например, Прокпьевска.

Как отмечала Хазанова, иностранцы увлекались спортом, музыкой и танцами. К политическим докладам относились двояко: некоторые слушали, особенно если доклады читались на родном языке, другие игнорировались. Для американцев читал лекции Хитаров и представитель «Дейли Ньюс» Шверцен. Намечалась систематическая работа политкружка. Организатором кружка выступил немецкий архитектор Герхард Козель [15].

Для советских рабочих и специалистов организовывались курсы по изучению иностранного производственно-технического опыта, кружки технической учебы. Так, например, инженер Мюльбах (немецкая фирма «Боб Райтер») «устроил при ЦЭС курсы по теоретическим предметам для наших инженеров и техников и курсы по измерительным приборам» [16]. Проводились интернациональные конференции и собрания. Зарубежные работники делились своим опытом в фабрично-заводской печати.

Несмотря на все попытки местной администрации создать благоприятные условия иностранцам для работы на стройке, среди последних всегда находились недовольные. Так, по словам Хазановой, она попала на Кузнецкстрой как раз в разгар забастовки монтеров. Монтеры «не были удовлетворены питанием и дороговизной» [17].

Взаимоотношения между иностранным бюро и «иностранным миром» были сложными. Во время работы Никулиной «иностранцы совершенно не считались с мнением ИНО и даже наоборот», — утверждала Хазанова. Однако с приходом последней отношения изменились. «Всякий совет — дружеский, семейный, всякий серьезный вопрос, прежде всего, обсуждается в ИНО» [18]. Хазанова вообще старалась подчеркнуть свою значимость среди иностранцев. Утверждала, что многие просят ее не уезжать в Москву.

В штате инобюро Кузнецкстроя было около сотни переводчиков. Переводчики прикреплялись к цехам, где работали иностранцы. Помимо прямых обязанностей, им поручалось проведение бесед, организация «культурной работы» с инспектами и т. д. Вероятно также, что переводчиков заставляли следить за своими «инспектами». В марте 1932 г. всех переводчиков-коммунистов передали в цеховые партийные ячейки с целью улучшения работы с иностранцами в цехах. В начале июня того же года заводской партком переложил эту обязанность на цеховые партийные ячейки [19].

Переводчики должны были проводить среди иностранцев пропаганду советского строя. Однако чаще получалось обратное. Так, например, Адам Иванович Богданович работал с американским инженером Тау. В 1931 г. он стал объектом доноса со стороны коммуниста Ф.Я. Рукова. «Иногда, когда я хожу мимо, я слушаю разговоры Богдановича с Тау (по-английски я кое-что понимаю, хотя очень мало). Богданович старается явить Тау, что наши рабочие плохо работают, потому что их крепко прижимают, плохо снабжают и у нас плохие бытовые условия. В общем, всегда Богданович старается подметить худшие стороны нашего быта и работы и посмеивается над нашими достижениями, о чем он неоднократно говорил даже мне. ... На основании изложенного считаю необходимым убрать от инженера Тау переводчика Богдановича и приставить к нему политически подкованного и проверенного товарища» [20]. Андрей Алексеевич Герт (1906-1938 гг.), слесарь и переводчик ЦЭСа, обвинялся в том, что вел среди монтеров германской фирмы «Вумаг» «разговор по вопросам антисоветского характера. 2 февраля 1933 г. переводчик был арестован ОГПУ и продержан под арестом до 22 мая 1933 г.». В ходе следствия Герт свою вину признал и на партколлегии сказал, что «мы разговор вели главным образом по вопросам сельского хозяйства. Инспекционисты говорили, что партия большевиков ведет сельское хозяйство к гибели. Я не возражал, соглашался с ними и о наших разговорах никому не сообщил. Сейчас я понял свою неправоту» [21]. В 1938 г. Герт был расстрелян.

Многие переводчики использовали свое полупривилегированное положение в личных целях. Они потоваривались в иностранном распределителе, сидели вместе с иностранцами в новые дома, за что и снискали неприязнь советских рабочих. Часто переводчики доносили друг на друга. Так, переводчик П.А. Фальковский на контрольной комиссии в 1931 г. заявил, что «когда (Богданович — О.Б.) жил в доме американцев, то пользовался американским распределителем, но когда его выселили из этого дома, то иногда отказывали в покупке товаров в распределителе... Член партии т. Атанасов получает продукты и товары из американского распределителя, а многие из переводчиков снабжаются нелегально через американцев» [22].

В Комбюро, созданное при Инобюро, отказывались вступать переводчики-москвичи. Они объясняли это своим скорым отъездом. Основным контингентом, который обслуживало Комбюро, таким образом, были уборщицы и рабочие, обслуживающие иностранцев. По словам Фальковского, Богданович обращался с просьбой к Хитарову о прикреплении всех переводчиков к иностранному распределителю, дабы они не были зависимы в снабжении от иностранных специалистов и не попадали из-за этого под их влияние. Однако это так и не было сделано. Сам Фальковский на заседаниях Инобюро выступал с требованиями наладить работу отдела снабжения. «Когда уезжают американцы, мы у них старые штаны покупаем, это потому, что в ЦРК никогда не купишь ничего» [23]. Переводчик Атанасов «не только узлами перетаскивал какие-то вещи от Гэн, но даже на лошади возил», — утверждал руководитель комсомольской ячейки Инобюро Токарев. Ричман заявлял, что с отъездом американцев развернулась широкая торговля имуществом [24].

Одной из самых острых проблем Кузнецкстроя была жилищная. С первого дня строительства завод испытывал острую необходимость в жилом фонде. Первые рабочие расселялись по близлежащим деревушкам, откуда до стройплощадки добирались пешком. Альтернативой были землянки и брезентовые палатки армейского образца. С осени 1929 г. начали строить дощатые бараки, между двумя-

Рис. 1. Верхняя Колония, 1929 г. (АИ КМК. Оп. 7)

ными стенами для утепления засыпалась земля. В бараках было сыро, тесно и грязно. В них селили семейных и холостых. Друг от друга «комнаты» отделяли тряпичными или картонными перегородками. «После оформления в отделе кадров получил направление на жилье — барак 58, — вспоминал П. С. Дерюгин. — Искал долго, так и не нашел свой барак. Спросил у плотников, не знают ли они, где стоит барак 58. Те ответили: «Вот бревна для него тепем» [25]. Тех, кто попал даже в такой барак, считали счастличиками. В палатках было хуже. Землянку можно было построить самим или купить (она стоила, в среднем, 120 рублей) [26]. По статистическим данным на середину июня 1930 г. жилой площадью было обеспечено 12585 чел., в землянках проживало 8740 чел., в Садгороде 10685 чел. Около 15% жилфонда составляли палатки [27]. Данной переписью не были охвачены старый Кузнецк и выселки, 75% населения которых работало на Кузнецкстрое. Согласно статистике в 1930 г. на 1 человека приходилось 2 кв. м жилой площади [28]. Многие рабочие, не выдерживая тяжелых условий, возвращались обратно.

То, что еще могло сгодиться для советских рабочих, не подходило для иностранных. Кузнецкий окружком ВКП(б), узнав о предстоящем прибытии на строительную площадку американских специалистов, принял 28 мая 1930 г. постановление, обязывающее партийных и хозяйственных руководителей Кузнецкстроя обеспечить иностранцев соответствующими бытовыми условиями (благоустроенная квартира, снабжение и пр.). Кроме того, требовалось улучшить положение советских специалистов, не допуская разрыва между жизненным уровнем советских и иностранных специалистов [29]. Постановлением ВСНХ от 5 января 1931 г. в мерах, необходимых для ускорения строительства Кузнецкого завода, Кузнецкстрой обязывали обеспечить приглашаемых иностранцев помещением с бытовым обслуживанием [30]. Нужно было срочно развернуть жилищное строительство.

По словам С. М. Франкфурта, причина задержки строительства жилья для кузнецкстроевцев крылась в отсутствии проекта города. Проектные организации «не имели определенной точки зрения на то, каким должен быть Кузнецк. Они импровизировали, составляя бесконечные варианты, утешали нас обещаниями... строить город без проектов нельзя было. Из-за этого для города пропал почти целый год!» [31]. Управление Кузнецкстроя, не дожидаясь проектов, в начале июня 1930 г. приняло решение приступить к строительству первых десяти камен-

ных домов. Проект типового 32-квартирного дома был разработан в Госпроекте. Во избежание придираек со стороны проектных организаций, руководство Кузнецкстроя заявило, что «надо удовлетворить жильем американцев, приезд которых ожидался» [32]. Дома, построенные по проекту, в народе получили название «американских». Однако сюда заселяли советских рабочих. «Поселили нас в один из десяти каменных домов, — вспоминал И. И. Головин, — Трпе — Трунолу, Кляццон и я — заняли кухню. Но в ней повернуться было негде. Поэтому Трунолу приходилось почепать в ванной комнате» [33]. Большинство же инспектов было расселено на Верхней колонии в деревянных двухэтажных коттеджах (Рис. 1). Холостяков поселили по 2-3 человека в комнате, семейным выделили по отдельной комнате. Комнаты были меблированы за счет заводоуправления [34]. Англичане жили в доме № 33, в №№ 35 и 37 — американцы, в № 27 — преимущественно немцы. Обособленной группой жили представители фирмы «Фрейн». Им были выделены два отдельных дома, «где не сидели никого, кроме их фирмы», и отдельная даже от других иностранцев столовая. Хазанова предлагала изменить существующее положение дел, но чем это закончилось, нам не известно [35]. С ростом численности инспектов росла и потребность в капитальном жилье. Постепенно количество домов, занимаемых специалистами, увеличилось до 10, а иноробочих стали заселять с советскими рабочими на территории Соцгорода.

Принимая во внимание суровые климатические условия Кузнецкстроя, необходимо было полное и бесперебойное снабжение занятых на строительстве рабочих теплой зимней одеждой. Особенно это касалось иностранцев. На зиму им в первую очередь выдавались полушубки, шапки и валенки.

В архивах сохранились фотографии инспектов в характерной зимней сибирской одежде (Рис. 2: 3).

Рис. 2 Циммерман, инженер-консультант американской фирмы «Фрейн» (СССР на стройке, 1932.
№ 4 // НФ ГАКО. Ф. Р-143.
Оп. 3. Д. 18а)

Рис. 3 Е.П. Эвергард, руководитель группы специалистов от фирмы «Фрейн» (СССР на стройке, 1932.
№ 4 // НФ ГАКО. Ф. Р-143.
Оп. 3. Д. 18а)

Иностранные специалисты обеспечивались не только жильем, одеждой, но и обслуживающим персоналом. Так, на ноябрь 1932 г. при Иннобюро числилось 95 уборщиц, 2 плотника, 1 слесарь, 4 чернорабочих, 5 истопников. В их ведении находилось 10 домов на Верхней Колонии (из которых 3 были заселены русскими специалистами), 1 дом на Нижней Колонии и этаж в доме № 6 Соцгорода. Например, к дому № 54, где проживали семейные, было прикреплено 16 работников, 9 из них обслуживали квартиры немцев. Дом № 27 (на 28 комнат) обслуживали 6 работников. Также были заключены договоры с прачечной, ремонтно-строительной бригадой, с сантехстроем. За обслуживание иностранцев отвечал Сталинградский

План по ремонту жилья не соблюдался. Сталинградский объяснял это необходимостью подачи заявок на ремонт за месяц, «а предусмотреть неполадки канализации и водопровода за месяц невозможно» [36].

Оплачивать проживание иностранные специалисты должны были сами. Однако, как отмечал Сталинградский, к осени 1932 г. задолженность по «американским домам» достигала 7 тыс. руб. Американцы ежемесячно извещались о необходимости внесения квартирной платы, но продолжали не платить [37]. В какой-то степени результатом такой политики стали перебои в снабжении хлебом, нехватка продовольствия, питьевой воды и других предметов первой необходимости [38]. Проблема продовольственная добавилась к жилищной в 1931 г. Политика коллективизации привела страну к экономическому кризису. В январе 1931 г. по решению Политбюро Наркомснаб СССР ввел всеобщую карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары [39]. Снабжение тех, кто получил карточки, представляло сложную иерархию групп и подгрупп и зависело от близости к индустриальному производству. В условиях полуголодного существования карточки должны были исполнять роль кула и пряника в индустриализации страны.

Согласно принципам централизованного распределения в период карточной системы 1931-1935 гг. самой высокой нормой карточного снабжения являлись нормы индустриальных рабочих и красноармейцев. Однако существовали и категории спецснабженцев. Одной из таких групп были иностранные рабочие и специалисты. Политбюро пыталось создать наилучшие условия для иностранцев. Для этого имелось две причины: во-первых, пропаганда «счастливой жизни в стране Советов» за рубежом, и, во-вторых, нужда в западных технологиях, вера в то, что, перенесенные с помощью инспектов на советскую почву, они совершат экономическое чудо.

Пайки для иностранцев появились не сразу. Только с углублением продовольственного кризиса в 1931 г. вышел в свет ряд постановлений, регламентирующих снабжение иностранцев [40]. В соответствии с ними открывались специальные магазины, был установлен ассортимент и нормы снабжения. Нормы, установленные для инспектов, были значительно выше норм индустриальных рабочих и красноармейцев. Продукты, не указанные в списке нормированных, должны были продаваться иностранцам в неограниченном количестве. Цены на продукты сохранялись на уровне карточного снабжения. Кроме того, инспекты имели возможность бесплатно ввозить товар из-за границы. Привилегии не распространялись на тех, кто приезжал в СССР по собственной инициативе, не заключив контракта с советским представительством за рубежом.

Однако, не смотря на все вышеперечисленное, уровень жизни иностранных специалистов в СССР был значительно ниже, чем на Западе [41]. Попадая в

материально бедное общество, приходилось жить по его возможностям. Острый продовольственный и товарный кризис определял не только положение советских граждан, но и иностранцев, живших в СССР. Руководство пыталось создать для иностранных специалистов и рабочих наилучшие условия. Практически на любом предприятии они обеспечивались лучше своих советских коллег. Среди иностранцев, работавших на одном и том же предприятии, инженеры и техники получали преимущества перед рабочими. Однако это была все та же иерархия в бедности.

Нормы, обещанные иностранцам в постановлениях Наркомснаба, практически повсеместно не выполнялись. Исключения составляли немногие крупные центры. В лучшем положении были те, кто работал в Москве и Ленинграде. Сравнительно неплохие условия были созданы на крупных стройках, таких как Магнитка и Кузнецкстрой. Там работали большие группы иностранцев, а значит, государство выделяло больше фондов, открывало специальные распределители.

Вопросами снабжения иностранцев занималась специальная организация «Инснаб». Формально Инснаб на Кузнецкстрое был создан 7 июня 1934 г., то есть когда иностранные специалисты в большинстве своем уже покинули стройку. Однако это не означает, что до 1934 г. инспецы не обеспечивались должным снабжением. Задачей Инснаба стало обслуживание промышленными товарами и общественным питанием иностранных специалистов и руководящих работников КМК. В систему Инснаба входили магазин в Соцгороде, магазин на Верхней Колонии, столовая в Соцгороде и филиал при столовой УРС. № 47 на Верхней Колонии. Снабжение производилось по нормам в соответствии с отпускаемым количеством Крайснабом, собственной инициативы Инснаб не проявлял. Самостоятельными приготовлениями дефицитных товаров (сливки, молоко и т.д.) организация не занималась. По данным на 1 ноября 1934 г. Инснаб обслуживал 324 человека, в том числе 69 специалистов, 72 рабочих, 76 детей и 98 домохозяек. Из общего количества обслуживаемых советских специалистов — 71 человек (23 семьи). Состав обслуживаемых определялся инструкциями Инобюро Заводоуправления.

Качество обедов было удовлетворительным. Несколько раз отмечался пуск в производство недоброкачественных продуктов. В кухне столовой Соцгорода не поддерживалась надлежащая чистота. По торговой сети за грубость и злоупотребления уволено за первые 5 месяцев работы 3 человека [42]. Имелись случаи отпуска товаров лицам, имеющим право на обслуживание Инснабом, но не прикрепленным к конкретным магазинам. Иногда товары отпускались «неизвестно кому в неурочные чагы».

Инснаб имел свою партийную организацию. Ячейка создана в октябре 1934 г. В первые месяцы в нее входило 7 человек, в том числе трое — члены КПГ. В системе Инснаба работало 3 человека, остальные являлись прикрепленными (две домохозяйки, один инструктор Завкома по работе среди иностранцев и заведующий библиотекой). В комсомоле состояло 3 человека; в профсоюзе — 28 человек. Партийная организация выпускала стенную газету, следила за результатами соцсоревнования. Имелся кружок Ликбеза и кружок по изучению немецкого языка.

Рабочий контроль над деятельностью Инснаба осуществляли иностранные рабочие. В их задачу входило выявление недостатков работы администрации, продавцов и персонала столовой. Среди обслуживающего персонала отмечались шовинистические настроения. Нередко в адрес Инснаба высказывались претензии. Так, на Кузнецкстрое возмущались нормами мануфактуры [43], задержками вы-

дачи беременным женщинам молока, высокими наценками на рыбу, разницей в рациионе между иностранцами и русскими, прикрепленными к Инснабу и т. д.

Как уже упоминалось, большинство инспектов на Кузнецкстрое было расселено на Верхней колонии в деревянных двухэтажных коттеджах. Здесь же находилась специальная столовая и магазин-распределитель, в котором товары отпускали за валюту только иностранцам [44]. На фоне всеобщей разрухи, продолжавшегося кризиса и карточной системы изобилие спецмагазина сильно раздражало советских рабочих. Даже спустя 30 лет многие из них, вспоминая иностранных специалистов, говорили прежде всего об этом: «...им было предоставлено все то, что мы и сейчас не видим, для них срочно построен магазин, столовая... И, как вопиющие факты, у каждого иностранца была большая собака, а то и две, идя на работу они бросали горючие булki, колбасу собакам. Это для того они делали, чтобы у нас вызвать гнев и возмущение к нашему правительству. Они нас называли голодными шакалами...» — писал Ф. В. Мурашко [45]. По его же словам иностранцы «зафотографировали все очереди в ларьках, столовых, провозгласили драки... Они уверяли нас, что это им нужно для будущего кино...» [46].

Некоторые инспекты по-своему пытались помогать советским рабочим. Инженер-топограф Уоррен раздавал рабочим сладости, которые покупал на собственные деньги в магазине-распределителе. Судьба Уоррена очень интересна. Долгое время он был одним из членов Американской Индустриальной Колонии «Кузбасс». Потом строил Турксиб, в 1930 г. приехал на Кузнецкстрой. За строительство железной дороги был награжден орденом «Красного Знамени». По словам Т. А. Каркавиной, орден он «носил в кармане, в изящной коробочке, аккуратно завернутой в бумажку, но своим близким друзьям показывал орден и свидетельство к нему» [47]. Проработав в СССР 10 лет, получил право на советскую пенсию, которую для него и выхлопотали на Кузнецкстрое. Пенсию ему назначили пожизненную, несмотря на то, что Уоррен вернулся в Соединенные Штаты.

Американский инженер Этмак, «напросившись» на чай к своему переводчику Павлу Александровичу Фалькорскому, узнал, что он и его семья еле-еле сводят концы с концами. Этмак принес им «разные пакеты» с продуктами и «сделал мужу строгий выговор, что он раньше не говорил, что мы нуждаемся». — вспоминала жена переводчика Т. А. Каркавина [48].

Переводчики вообще находились в более выгодном положении, чем рядовые строители. Они имели возможность «жить за счет своих патронов, которые за все платили долларами» [49]. Сам Фалькорский в 1931 г. на контрольной комиссии обвинил своего коллегу Богдановского в том, что он пользовался американским распределителем [50]. Фалькорский работал с двумя американцами. Первый, инженер-конструктор Макдональд, окончив свою работу, вернулся в США. Тогда Фалькорскому «дали другого инженера-доменищика Этмака. С ним он работал до окончания строительства» [51]. Как жена переводчика Т. А. Каркавина имела возможность общаться с иностранцами не только на работе, но и в быту.

Каркавина вспоминала, что, даже живя далеко от дома, американцы старались сохранить свои национальные праздники. Она описывала празднование Дня Благодарения. «Вспоминается быт американцев. Есть в Америке традиционный обычай, какой-то праздник. И в этот день едят индейку. Этот обычай и в Сталинске справляли американцы. Многие среди них были семейные. В Сибири можно было и отступить от индюшек, так как их не было. Взамен шли гуси, куры, утки.

Одиноким американцам посылали куски птицы, с запиской «Кушай на здоровье!» [52]. Инженеру Этмаку на День Благодарения прислали только записку: «Пусть тебя русские кормят», потому что он общался с советскими рабочими на равных. Каркавина рассказывала, что иностранцам было запрещено входить в какие-либо дружественные связи или разговоры на отвлекающие темы с русскими рабочими и специалистами. Разговоры велись через переводчиков [53].

Иностранцы считали семью существенным психологическим, стабилизирующим фактором в непростых условиях жизни в чужой стране вообще, и в СССР в частности. Вызов семьи сразуговаривался в контракте, о чем указывалось на заседаниях Амторга: «Для семейных (в контракт включать — О.Б.) также стоимость проезда семьи, квартиру в Союзе за наш счет и обычно еще сверх жалованья стоимость содержания в СССР» [54].

Договор, заключаемый на Кузнецкстрое, предусматривал в случае переезда семьи (жена, дети не старше 18 лет), оплату стоимости билета, багажа не более 60 кг на одного человека. Оплата производилась только при переезде семьи в течение трех месяцев со дня выезда рабочего к месту работы и при том на постоянное жительство в СССР [55]. Наличие семьи на площадке предполагало возможность дальнейшего продления договора.

Среди причин вызова близких в Советский Союз преобладали экономические и политические. Мировой экономический кризис 1929 г. заставлял многих специалистов искать применение своим знаниям и опыту за границей. С другой стороны, курс на индустриализацию, объявленный в СССР, требовал наличия в стране специалистов. Поэтому советское правительство вынуждено было соглашаться на оплату содержания семей инспектов, а также на другие требования иностранцев.

Политическим мотивом для вызова семей стал приход к власти в некоторых странах Европы нацистов. По словам И. Эренбурга, на Кузнецкстрое семьями жили немцы [56]. Большинство коммунистов вынуждены были иммигрировать в Советский Союз в надежде найти здесь убежище от политических преследований. Так, например, осенью 1931 г. на Кузнецкстрой приехал немецкий коммунист, слесарь Франц Путцер. Вместе с ним прибыли жена, два взрослых сына и брат. Жена, также член КПГ, возглавила библиотеку, работала заведующей Красным уголком, продавщицей в немецком магазине, кассиром в немецкой столовой в Соцгороде. Брат работал в механическом цехе. Позже на завод пришли и сыновья. В 1934 г. в Сталинск приехали чешские коммунисты Франц Гопса и его жена Ализа Предигер. Ализа Беккер, член КПГ с 1921 г., в Германии работала в МОПРе, занималась устройством политэмигрантов. В 1931 г. следом за мужем приехала в СССР. В Сталинске была членом огородной комиссии. Луиза Предигер (Гопса), член КПА с 1921 г., занималась нелегальной работой. В 1931 г. приехала в СССР вместе с мужем. До 1933 г. жили в Таганроге. Там заболела тифом. После выздоровления семья переехала в Сибирь. На Кузнецкстрое Луиза Предигер получила общественные нагрузки: МОПР, лавочная комиссия, школьный совет, комсомольская ячейка [57]. Немецкий конструктор Николай Циммер работал на Кузнецкстрое с 1931 по 1933 гг. Его жена Елизавета и сын Гейнц первый год прожили на стройке вместе с мужем, а потом вернулись на родину [58]. Прибытие в СССР семей иностранцев значительно увеличило реальную численность инспектов. Это обостряло жилищно-бытовые, финансовые проблемы на стройке, однако отказывать иностранцам правительство не решалось.

Жены иностранцев часто сталкивались с советскими женщинами. «Мне кажется, что никаких разногласий нет, — говорила Луиза Предигер — ...мы друг с другом смирелись» [59]. Для установления более дружеских отношений предлагалось организовывать «вечера-смычки». Совместные праздники, где участвовали и советские и иностранные рабочие и специалисты, действительно несколько устраивались. Однако, по словам Каркавиной, такие попытки «смычки» ни к чему не приводили. «Иностранные специалисты не любили русских, а русские платили им тем же» [60].

Несмотря на все усилия заводской администрации, инспекты все же остались недовольны созданными для них бытовыми условиями. Инженер-проектировщик, руководитель группы специалистов от фирмы «Фрейн» Е.П. Эвергард (Рис. 3) говорил, что в будущем для участия американских специалистов «в любом советском предприятии... советская организация должна до прибытия и постоянно во время пребывания предоставлять таким работникам квартирные условия, продукты питания, возможности для досуга, медицинскую помощь, материалы для чтения и т. д. по американскому уровню жизни, насколько позволяют местные условия» [61].

Чаще всего администрация была просто не в состоянии выполнить все данные в контракте обещания. На строительстве не хватало гвоздей, бань и хлеба. Обеспечить инспектов отдельными комнатами, в которых стены были бы оклеены обоями, а на окнах бы висели занавески, в 1931 г. не представлялось возможным. Многие иностранцы покидали (или угрожали покинуть) Кузнецкстрой по причине неустраивенности собственного быта, несоответствия реальных условий условиям контракта. Немецкий инженер-конструктор Генрих Пристер, приглашенный на стройку Востоксталью на 2 года, уже в июле 1931 г. подавал заявление об отъезде. В качестве причины он указывал недавно перенесенный тиф. В своем заявлении Пристер отмечал отсутствие на площадке необходимых продуктов питания, «чтобы жить согласно предписанной диете»; отсутствие «гигиеничных уборных, ибо уборные загромождены, потому что обслуживающий персонал слишком ленив, чтобы при порче водопровода (обычное состояние в течение последних трех месяцев), держать наготове в ведрах ...воду...» [62]. Вместе с Пристером заболело тифом еще несколько иностранцев и русских [63].

Свое недовольство иностранцы выражали по-разному. Так, по словам Хазановой, она попала на Кузнецкстрой как раз в разгар забастовки монтеров. Монтеры «не были удовлетворены питанием и дороговизной» [64]. Питание в американской столовой стоило 5 руб. 50 коп., в немецкой — 4 руб. 50 коп., в Спцгороде 3 руб. 50 коп. [65]. Немцы Ядыш и Гавлик «в столовых били посуду. Гавлик избил коменданта 6 дома» [66].

Согласно договорам, заключаемым инспектами перед приездом в Советский Союз, спустя 10-12 месяцев им полагался отпуск. Однако в контракте не оговаривалось, что отпуск обязательно должен быть за границей. В связи с этим на площадке также возникали проблемы. Летом 1932 г. многие иностранцы захотели провести отпуск дома. У заводской администрации не было для этого ни средств, ни времени. 1932 г. для Кузнецкстроя — пусковой. Отпустить специалистов в такое время было невозможно. Иностранным бюро была проведена «политическая работа» среди «лучшей части из них (иностранцев — О.Б.)». «В интересах производства и своевременного пуска агрегатов необходимо продлить договор еще на год, и затем... мы будем их посылать как лучших проводников идей коммуниз-

ма, ибо они сумеют рассказать на родине, как пролетариат СССР, без помощи империалистических стран строит свое государство», — говорила зав. Иннобюро Хазанова [67].

Через месяц подобных проработок и уговоров, некоторые иностранцы согласились с предложенными условиями. Они надеялись, что в следующем году смогут уехать в отпуск на родину. «Мы тоже надеемся, что мы сумеем на будущий год лучшим из них дать отпуск за границу», — говорила Хазанова. Осуществилось ли это на практике, сейчас неизвестно [68].

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 89, 115, 339.
2. Правда. 26 октября 1930.
3. Озеров А. С. Из истории интернациональных связей с рабочими зарубежных стран (1920-1930). М., 1982. С. 36.
4. АИ КМК. Оп. 2. Д. 37-к. Л. 2.
5. Там же. Л. 12.
6. Мокил С. В. Интернациональная солидарность трудящихся. М., 1976. С. 153.
7. Там же. С. 156.
8. НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 16. Л. 18об.
9. АИ КМК. Оп. 2. Д. 37-к. Л. 7.
10. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 11. Л. 5. Из протокола контрольной комиссии, февраль 1932 г. Никулина обвиняется «в компрометировании т. Макса Гельца как члена партии и работника Коминтерна, что выразилось в создании для Гельца нездоровой обстановки в связи с его переселением в дом № 37, в котором по договору жили американцы — сотрудники фирмы «Фрэй». Там Никулина, зная о том, что т. Гельц переезжает в дом № 37, в чем он ей заявил 11 февраля в 10 часов утра, не протестовала против его переезда, наоборот, сейчас же дала распоряжение о приписке и квартиры в надлежащий порядок, снабдить ее столами, матрацами и проч. Через несколько часов обстановка резко изменилась, вместо содействия топ. Макс Гельцу т. Никулина отдает распоряжение беспартийной комсомолке дома 37, живущей с одним из американцев, непускать Гельца в квартиру. Не ограничившись переговорами по телефону, т. Никулина поехала к Макс Гельцу и в присутствии 6 человек (в том числе беспартийных) запретила ему перепознать остальные печи (Макс в это время уже переехал). Помимо этого т. Никулина, будучи в иностранной столовой, в разговоре с переводчиком Вогнером (беспартийным) заявила, что Гельц из этой квартиры все равно должен уйти, что она, Никулина, об этом позаботится. Кроме того, т. Никулина как зав. Иннобюро ущемляла интересы немцев и всячески удовлетворяла запросы американцев».
11. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 21. Л. 28.
12. Там же. Д. 157. Л. 110.
13. ГАКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 125. Л. 94.
14. АИ КМК. Оп. 2. Д. 37-к. Л. 9.
15. Там же. Л. 10.

16. Там же. Л. 7.
17. Там же.
18. Там же. Л. 11.
19. Хазина М. Сопратники в борьбе за Кузнецкий металл. // Плечом к плечу. Из истории интернациональных связей Кузбасса. Кемерово, 1969. С. 40.
20. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 2. Д. 13.
21. Там же. Оп. 1. Д. 25. Л. 40.
22. Там же. Оп. 2. Д. 13.
23. ГАКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
24. Там же. Л. 12.
25. Кузнецкий рабочий, 1986, 18 февраля.
26. Цуплецов Х. С Урала на новые домы // Строим Кузбасс. Кемерово, 1984. С. 48.
27. История Кузнецкого металлургического комбината имени В.И. Ленина (под ред. Б.Н. Жеребина). М., 1973. С. 75.
28. Там же.
29. ГАКО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 272. Л. 10.
30. История индустриализации Западной Сибири. (1926-1941 гг.). Новосибирск, 1967. С. 151.
31. Франкфурт С. М. Рождение стали и человека. М., 1935. С. 155.
32. Там же.
33. НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
34. Хазина М. Указ. Соч. С. 33.
35. АИ КМК. Оп. 2. Д. 73-я. Л. 5.
36. ГАКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.
37. Там же. Л. 23.
38. Франкфурт С. М. Указ. Соч. С. 119.
39. Постановление «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 г.» принято коллегией Наркомснаба 13 января 1931 г.
40. Осокина. Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С. 108.
41. Там же. С. 138.
42. Агнесс Шюцер (Гэсс) жаловалась, что продащица магазина №10 Лазарева плохо относится к специалистам-покупателям. ГАКО. П-29. Оп. 1. Д. 57. Л. 54.
43. Поступало по 5-10 м ткани на 150 иностранцев. ГАКО. П-29. Оп. 1. Д. 57.
44. НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 142. Л. 2.
45. Там же. Д. 234. Л. 7-8.
46. Там же. Л. 9.
47. Там же. Д. 142. Л. 3.
48. Там же. Л. 6.
49. Там же.
50. Бедил В., Кушникова М., Тогулев В. От Кузнецкого острога до Кузнецкостроя. Три тысячи имен в архивных и библиографических источниках (опыт библиографического словаря). Кемерово, 1998. Вып. 3. С. 390.

51. НФ ГАКО Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 142. Л. 1.
  52. Там же.
  53. Там же. Лл. 4, 6.
  54. История индустриализации Западной Сибири. С. 124.
  55. АИ КМК. Оп. 14. Д. 235. Л. 11-13.
  56. Эренбург И. Г. День второй. М., 1964. Т. 3. С. 156.
  57. ГАКО Ф. П-29. Оп. 1. Д. 57. Лл. 49-51.
  58. АИ КМК. Оп. 14. Д. 235. Л. 35.
  59. ГАКО Ф. П-29. Оп. 1. Д. 57. Л. 48.
  60. НФ ГАКО Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 142. Л. 5.
  61. НФ ГАКО Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 16. Лл. 20об., 21.
  62. АИ КМК. Оп. 14. Д. 160. Л. 9.
  63. Там же.
  64. АИ КМК. Оп. 2. Д. 37-к. Л. 7.
  65. Там же.
  66. Там же. Л. 2.
  67. Там же. Л. 4.
  68. Там же. Л. 4.
-

О судьбах иностранных специалистов на Кузнецкстрое в условиях сталинских репрессий

В ходе сталинских «чисток» в 1930-е гг. жертвами террора стали не только советские граждане, но и иностранные рабочие, специалисты и их семьи. Большинство из них прибыли в СССР во время мирового экономического кризиса. Одни — спасаясь от безработицы, другие — движимые искренним желанием участвовать в строительстве социализма, гуманного, справедливого общества. В Советском Союзе, где провозглашались принципы пролетарского интернационализма, им обещали предоставление политического и экономического убежища. Однако в разгар борьбы с «врагами народа» иностранцы оказались зачисленными в разряд «шпионов», участников различных «антипартийных группировок» и т. д. Особенно трагичной оказалась судьба немецких антифашистов, уже прошедших у себя на родине через нацистские тюрьмы и концлагеря. В СССР они искали убежища, а оказались на деле ввергнутыми в новую бедную политических преследований, подозрений, ложных доносов, слухов, домыслов, арестов, судебных процессов.

Партийная верхушка, карательные органы, пресса внушали населению страны мысль о том, что все иностранцы — шпионы. Всеобщий страх порождал цепь доносов, сообщений в партийные органы, НКВД. С одной стороны, их авторы искренне желали искоренить «врагов народа», избавиться от «решетатов». С другой, эти доносы можно рассматривать как форму самозащиты, попытку спасти свою жизнь перед угрозой репрессий. Здесь каждый мог стать то палачом, то жертвой.

Среди иностранных специалистов можно выделить несколько групп репрессированных: политические эмигранты; рабочие-контрактники; реэмигранты и лица, пожелавшие вернуться на родину своих предков; военнопленные гражданской, I и II мировых войн [1].

С начала 1930-х гг. велся целенаправленный поиск компромата в отношении иностранцев. На иностранных рабочих и специалистов собирались сведения по линии Инбюро и парткома с последующей передачей их в НКВД. Фиксировалось все: родственники за границей, наличие советского гражданства, партийность, место работы, общественные нагрузки, политические взгляды и т. д. В 1936-1937 гг. прошла проверка партийных документов. Одной из целей было выявление троцкистов, шпионов, антисоветских элементов. «Выявленные» лица исключались из партии, а компромат передавался в НКВД. Репрессии 1937-1938 гг., направленные против иностранных рабочих, часто основывались на сведениях,

полученных во время чистки органами НКВД. К «преступлениям» относились отказ принятия советского гражданства, посещение иностранного посольства, переписка с родственниками и знакомыми за рубежом, критические высказывания в адрес Советского правительства, контакты с «врагами народа».

Оставаясь подданными другого государства, иностранные специалисты и рабочие, таким образом, защищали себя от политических действий Советского правительства. Некоторые немцы, например, даже переходя из КПГ в ВКП(б), сохраняли германский паспорт. До середины 1930-х гг. большинство иммигрантов оставались подданными своих государств. После установления фашизма в Германии, немецкие рабочие оказались в затруднительном положении. Связь с родственниками могла стать косвенным обвинением в поддержке нацизма. С другой стороны, неизвестно было, что ожидало их на родине. Возможно, обвинение в сотрудничестве с большевиками, принадлежность к коммунистической партии (и КПГ, и ВКП(б)) и концлагерь. С 1933-1934 гг. на немецких иммигрантов усилилось давление с целью перехода в советское подданство. Нередко вопрос ставился ребром на заседании партийных ячеек, вплоть до исключения из партии, увольнения и насильственной высылки в Германию.

С другой стороны, улучшение в целом экономической ситуации в мире подкрепляло желание иностранцев вернуться на родину. Тем более что советская действительность во многом оказалась не такой замечательной, как ее описывали в торговых представительствах или советской прессе.

Для советского правительства отъезд иностранных специалистов был крайне нежелателен. Во-первых, он подтверждал нестабильность обстановки в стране. Во-вторых, возвращающимися на родину иммигрантами активно интересовалась немецкая военная разведка. Иностранные специалисты в СССР работали на предприятиях оборонного значения. Информация, полученная от них, была особенно актуальной в конце 1930-х гг. в связи с подготовкой будущей агрессии.

Иностранцы находились под постоянным негласным контролем со стороны органов госбезопасности. Это касалось не только непосредственных участников строительства КМК, но и специалистов других областей. Так, например, в архивах сохранилась справка НКВД на преподавателя английского языка в Сибирском металлургическом институте Шварца Карла Леопольдовича. Являясь подданным Великобритании, евреем по национальности, членом ВКП(б), он находился под «опекой» НКВД. «Шварц поддерживает письменную связь со своими родственниками, проживающими в Германии, сотрудничает в английских журналах, где описывает работу советских школ и вузов. Будучи в Москве в 1935 г., был близко связан там с корреспондентом газеты «Чикаго-Трибюн» Барнесом, личностью подозрительной по шпионажу» [2].

Бенно Беккер, подданный Германии, член ВКП(б), работающий в ИТК инструктором, был замечен в высказываниях антисоветского характера. По сведениям НКВД, Беккер после убийства Кирова, высказывал мнение о том, что оно не имеет под собой политической платформы, а «произведено на личной почве». В августе 1935 г. Беккер обращался в Германское консульство в Новосибирске с ходатайством о продлении национального паспорта. В докладах также отмечался интерес Беккера к Муссолини.

Во время строительства комбината и в первые годы эксплуатации аварии были частым явлением. Часто в этом обвиняли иностранных специалистов. По словам инженера Б.Н. Жеребина, одна из таких аварий «послужила поворотным моментом — после нее американцы уехали» [3]. В доменной печи стореда шлаковая кадушка. Накануне аварии Бардин советовал Фергюссону-старшему «изменить технологию». Но Фергюссон этого не сделал (технология была в его руках). В результате аварии снесло половину дымовой трубы, к счастью, обошлось без жертв. Жеребину и Балте «пришлось сутки провести в «первом доме», а американцы досрочно покинули стройку [4].

Установка правительства на поиск классового врага, недоверие к иностранцам, частые аварии на строительстве делали людей подозрительными. От деятельности ОГПУ, позже — НКВД, пострадали многие инженеры. Все это отрицательно сказалось на деловых контактах советских и иностранных специалистов. В воспоминаниях советских рабочих встречаются рассказы об «иностранцах-шпионах», «иностранцах-вредителях». Например, бригадир механической мастерской огнеупорного цеха № 1 Т.В. Пронин вспоминал, как спас чертежи цеха, которые по окончании строительства хотел уничтожить немецкий инженер Берг [5]. Бывший работник проектного отдела И.М. Демидов писал, что при сборке толкателей листокрана обнаружилась проектная ошибка немецкой фирмы, предоставившей чертежи оборудования. Немецкие представители утверждали, что такого быть не может. К делу привлекли сотрудников госбезопасности. Немецкого инженера, ответственного за проверку чертежей, видимо обвинили в шпионаже и пользе фашистской Германии. Как позже узнал И.М. Демидов, этого инженера выслали из страны [6].

Критика и адрес советской власти на стройке не принималась. «Оборудование газогенераторной станции было немецким, и монтировать и пускать его был приглашен мастер из Германии. ... Он неплохо говорил по-русски и часто в разговорах с рабочими расхваливал немецкие порядки и ругал наши. ... Потом его выслали из Союза — говорили, что оказался шпионом», — вспоминал машинист крана И.И. Головин [7]. Немец Краузе был снят с должности и выслан из страны за «несоветскую переписку с Германией» [8].

В 1936 г. был отстранен от преподавания в институте К. Шварц. Ему менялось в виду иностранное подданство и антисоветская настроенность: «В разговоре с коммунистом Владимиром (СМИ) сказал, «что знак почета — это такой дешевый товар, который может получить всякий», — говорили на партийном собрании коллеги Шварца. — В момент обсуждения контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра в своем выступлении сказал: «Троцкий за границей критиковал СССР». На реплику, что не критиковал, а клеветал, заявил: «По-вашему клеветал, а по-ихнему — критиковал» [9].

О судьбе этих людей мы можем сейчас только догадываться. Являясь подданными другого государства, они, вероятно, были депортированы.

Иногда представление об иностранцах как о классовых врагах выражалось в совершенно нелепых предположениях. Например, по подозрению Манефы Федоровны Дорошневской американским «специалистом по водопроводу» мистером Буреллом «был у нее украден котенок и увезен в Америку, очевидно для разведения там породы сибирских котов» [10].

В 1931 г. иностранный специалист Гофмейер и работавший с ним переводчик А. И. Богданояич стали объектом доноса со стороны бывшего члена АИК «Кузбасс» А. И. Ричмана: «Тов. Богданояич был назначен работать с Гофмейером. В первый же день намечалась выпипка с американцами и тесная связь с ними...» [11].

В первой половине 1930-х гг. широко применялись так называемые персональные чистки. На партийном собрании в ноябре 1934 г. рассматривались дела жен инпоробочих Иды Путшер, Эллы Беккер, Луизы Предигер, Агнесс Швоцер. Подробно знакомились с биографиями «аттестуемых», их партийной и общественной работой (например, что сделала против мешанских наклонностей среди жен иностранцев?), знанием современных политических проблем (какое государство уничтожается и какое отмирает? какие уклоны в партии наиболее опасны? как относилась к фракционной борьбе в КПГ, к троцкизму? и др.)

Ида Путшер родилась в 1884 г. в большой немецкой семье. Отец был инвалидом, семья постоянно нуждалась. Она была самой младшей, смогла окончить среднюю школу. В годы I Мировой Войны вступила в СДПП, в 1919 г. — в «Спартак». В СССР приехала вместе с мужем в 1931 г. Работала заведующей Красным уголком, продавщицей в немецком магазине, кассиром в немецкой столовой в Соцгороде. На партийной чистке товарищами среди недостатков были отмечены скрытность, грубоватость, плохое знание русского языка. С другой стороны, Ида Путшер «обладала классовым чутьем, давала отпор лицам с чуждыми настроениями...» [12].

Элла Беккер родилась в 1887 г.; посещала народную школу; вступила в 1921 г. в немецкую компартию. С 15 лет работала на фабрике, затем — в МОПРе. В 1931 г. следом за мужем приехала в СССР. В Сталинске была членом огородной комиссии. По-русски говорила плохо. Сын некоторое время был кандидатом в ВКП(б).

Луиза Предигер (Гопга) — член австрийской компартии с 1921 г. Окончила народную школу, с 14 лет работала. С 1926 г. перешла на нелегальную работу. Квартира стала приютом для нелегальных эмигрантов. В 1931 г. приехала в СССР вместе с мужем. До 1933 г. жили в Таганроге. Там заболела тифом. После выздоровления семья переехала в Сибирь. На Кузнецкстрое получила общественные нагрузки: МОПР, лавочная комиссия, школьный совет, комсомольская ячейка. На персональной чистке муж поставил ей в вину «не работу» на прозябодстве.

Агнесс Швоцер (Гжс) — дочь владельца пивного магазина. Закончила школу, работала у отца, потом ушла из дома. В 1916 г. работала на военной кухне. В 1921 г. вступила в КПГ. С 1928 г. — сборщица членских взносов. Муж долгое время был безработным. В 1932 г. семьей приехали в Советский Союз. В Сталинске с 1934 г. Швоцер работала на кухне, ушла оттуда по болезни. Занималась общественными работами (Красный уголок, МОПР). На собрании жаловалась, что читатели не возвращают книг в библиотеку Красного углака. Политической литературы имелось много, но ее плохо читали. На литературные беседы рабочие вообще не приходили [13].

По мере развертывания массового террора в стране основная часть иностранных коммунистов должна была в 1936-1938 гг. пройти дополнительную про-

верку в своих организациях. Частично это объяснялось введением в 1936 г. новой формы партийных билетов ВКП(б). Для организации проверки была создана комиссия. К ее работе привлекались люди из НКВД, Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна, его отдела кадров, Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и на местах [14]. ВКП(б) руководила строительством социализма, поэтому в ней должны были состоять самые достойные, сознательные. По мнению партийного руководства, среди иностранцев таких было немного. Если претенденты на членство в ВКП(б) отвергались какой-либо инстанцией, то они были обречены на подозрения и преследования.

В архивах частично сохранились списки на исключенных из партии иностранцев в 1936 г. во время проведения проверки и обмена партийных документов. Преимущественно выделяется два обоснования этому: отсутствие советского гражданства и связь с заграницей. Так, например, Евгений Адамович Ковчура, рабочий ВЭО, кандидат ВКП(б), бежал в Россию в 1923 г. из Польши. В Польше остался отец (и, вероятно, другие родственники). Кандидатская карточка отбрана как у польского перебежчика, врага рабочего класса. То же — у работника доменного цеха Даниила Кузьмича Шульжика. Маркусфельд Владислав Мпигеевич (стройпрокатный цех), член партии, в 1920 г. служил в польской армии, «боролся против Советской власти», партбилет отобран как у врага рабочего класса. Георгий Бируда (ТЭЦ), германский подданный, кандидат ВКП(б), Альфред Людекке (железо-монтажный цех), германский подданный, кандидат ВКП(б), Эрнст Эвраерт (ТЭЦ), бельгийский подданный, кандидат ВКП(б) отказались принять советское гражданство. Кандидатские карточки были отбраны [15]. Эвраерт менее чем через год все же принял советское подданство. Прожил в СССР вплоть до своей смерти в 1954 г. За это время был награжден орденами «Знак почета», «Трудового Красного знамени», «Ленина», медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знаком «Отличник социалистического соревнования» [16]. Однако членом ВКП(б) так и не стал. В феврале 1938 г. на открытом партийном собрании ТЭЦ КМК Эвраерт говорил: «Я в СССР с 1927 г., после чего поехал за границу, и капиталисты желали, чтобы я говорил нехорошее, я их не послушал и говорил, что в СССР хорошо. Я был кандидатом ВКП(б), и меня исключили как иностранца, конечно, правильно, но потом я хотел вступить в ряды ВКП(б) и меня не приняли, когда был секретарь парткома Лаврентьев, он вызывал несколько раз, а когда был секретарь Чебыкин, он вызывал меня, ни одного не задал политического вопроса, а говорил со мной как НКВД — я думаю, что это неверно» [17].

В архивах сохранилось письмо Иды Путшер — ходатайство перед Исполкомом Коминтерна за своего мужа, арестованного НКВД, и за сыновей, оставшихся из-за ареста отца без работы и средств к существованию. Письмо очень точно передает атмосферу страха, взаимной подозрительности, царившую среди иностранцев и порождаемую властями. Еще в середине 1930-х гг. Ида Путшер «активно боролась с фашистскими выходками монтеров частных фирм в Сталинске, из-за чего имела много неприятностей» [18]. А в 1937 г. за предительство был подвергнут репрессиям ее муж [19].

О семье Путшеров стали много писать в конце 1970-х — 1980-е гг. [20], однако ни в одной из статей не упоминалось о том, что Франц Путшер был репрессирован вместе с другими инорабочими, связавшими свою судьбу с советской страной и Кузнецкстроем. Письмо Иды Путшер примечательно еще тем, что раскрывает механизм репрессий против иностранных рабочих, специалистов, эмигрантов на периферии, подтверждает наличие повсеместного идеологического контроля, слежки не только со стороны НКВД, но и отдела кадров Коминтерна, национальных компартий.

Жизнь иностранного инженера сильно отличалась от жизни иностранного рабочего. Крупные специалисты, представители фирм-поставщиков имели официальный статус, защиту Коминтерна либо национального посольства. Они пользовались различными льготами, отдельными магазинами, столовыми, имели благоустроенное жилье. По окончании сроков контракта, как правило, возвращались на родину. «Перебежчики» политэмигранты находились на учете ОГПУ (НКВД), жили в тех же условиях, что и советские кузнецкстроевцы. Многие из них позже были обвинены в шпионаже и подвергнуты репрессиям. Так, например, Сергей Дзензель, проработавший на КМК с 1929 г., расстрелян в 1937 г. как враг народа [21] (Рис. 1). Э. А. Вац (1895-1937) — специалист по железобетонным работам КМК, расстрелян [22] (Рис. 2). Вацлав Янович Шидек (1891-1937), бригадир огнеупорной кладки, принявший советское подданство, в годы строительства завода был его гордостью. В 1937 г. расстрелян как враг народа [23].

Рис. 1. С. М. Дзензель
(1908-1937)

Рис. 2. Э. А. Вац
(1895-1937)

Шидек родился в семье потомственного гамбургского каменщика. Жил в Варшаве. За участие в рабочем движении три брата: Людвиг, Вацлав и Карл (в порядке старшинства) были сосланы царским правительством в Сибирь. После Февральской революции братья переехали в Канск. Участвовали в партизанском движении. Вацлав побывал в колчакинской тюрьме. В 1921 г. он женился. Людвиг тоже был женат на русской. Поэтому в 1922 г. в Польшу уехал только Карл, а два старших брата остались в России. Шидек был разносторонним специалистом. Строитель, каменщик, огнеупорщик, асфальтощик, бетонщик, штукатур, маляр. В Канске братья собрали бригаду, которая могла выполнять все строительные работы от начала до конца. С этой бригадой Вацлав Шидек попал на Кузнецкстрой. В Кузнецке вступил в партию. Был грамотным, хорошо писал по-русски и по-польски. На Кузнецкстрое работал мастером в одной бригаде с братом Людвигом. Строили здания заводоуправления, школы ФЗУ, цеха завода. Имя Шидека было хорошо известно «не только на комбинате, но и во всей стране». «На одном из видов почетной грамоты на переднем плане фотомонтажа строителей социализма был помещен портрет В. Я. Шидека». В книге писателя Парфенова «Кокс. Люди. Огнеупор.» много места посвящено Шидеку. Часто премировали. Один из первых получил отдельную квартиру на Верхней колонии в доме ударников. Бригада ставила один рекорд за другим. «Правда, был у него один недостаток — любил выпить». В 1932 г. на контрольной комиссии обвинялся в систематических приписках и низком качестве кладки коксовых печей, «благодаря чему было... ряд поломок и переделок». Позже работал заведующим материальным складом ЦРМП. Был арестован в 1937 г. вместе с Людвигом. Единственный сын Шидека в конце войны был призван в армию (до этого его не призывали как сына врага народа) и погиб на фронте в 1945 г. У Людвига остался сын и 3 дочери. После ареста отца они были отданы в Новокузнецкий детский дом. [24].

В 1937-1938 гг. пропел ряд закрытых партийных собраний, на которых рассматривались дела бывших иностранцев, их политическая лояльность. Через такие собрания прошли Вицтум, Кнессель, Путшеры, советские рабочие и специалисты, контактировавшие со «шпионами». Бывшим инорабочим припоминалось все, вплоть до работы в инобюро. Так, например, Вицтум была замужем за советским инженером Щербатовым. Обвинялась в связи с врагами народа Вац и Путшер, с которыми ей приходилось тесно работать с 1931 г. [25]. «Вицтум, также как и Мирулич, работала вместе с инобюро... Иностранцы-специалисты занимались шпионажем, и Вицтум не была борющейся со шпионажем, решение парткома считать правильным об исключении Вицтум из партии», — говорил на собрании 4 октября 1937 г. Грек [26]. За связь с иностранцами могли пострадать и переподчики. Например, Ф. Я. Руков доносил не только на инспекцию, но и на их переподчика А. И. Богдановского. По словам Рукова, Богдановский вел себя как антисоветский элемент: «... вместо того, чтобы политически воспитывать иностранного специалиста, делает наоборот, и, по моему мнению, в своей работе имеет успех» [27]. «По моему прибытию из ВСНХ, я увидел со стороны инженера Тау (американский специалист — О. Б.) самое активное отношение к нашей работе, а теперь после такой обработки его Богдановичем видим совершенно противоположные результаты» [28].

Артур Иосифович Ричман, колонист АИК «Кузбасс», позднее — переводчик-кузнецкостровец, в 1931 г. доносил на своего коллегу, переводчика Богдановича: «Товарища Богдановича я знаю с 1924 г. Я тогда работал на Кемеровском руднике в качестве переводчика, а потом профессиональным уполномоченным и в ЦРК. Он и тогда уже смотрел в первую очередь за своей собственной благополучией и требовал за себя лучших квартирных условий, чем было у других. С американским инженером Паусилом он имел тесную связь, и с ним намечалась выпивка. На Кузнецкстрое я его встретил 1 августа 1930 г.» [29].

Сам Ричман в 1932 г. обвинялся в развале партийной ячейки, секретарем которой являлся. Известно также, что Ричман проявил нежелание после снятия его с должности секретаря ячейки идти на работу в цех, допускал цензурные выражения по отношению к отдельным членам партии. В разговорах часто подчеркивал свою неприкосновенность, являясь иностранным подданным [30].

Иностранные рабочие и специалисты, приезжавшие в Сталинск в 1930-е гг., были выходцами из разных слоев общества, с различными политическими убеждениями и восприятием советского строя. Несмотря на то, что большинство из них зарекомендовали себя хорошими специалистами, энтузиастами и убежденными коммунистами, отношение к ним было однозначным. Клеймо «чуждый иностранный элемент» сохранилось за ними до конца жизни. Многие были подвергнуты репрессиям.

Примечания

1. Кузнецова Е. С. К вопросу о судьбах иностранных граждан в условиях сталинских репрессий (на примере Кузбасса). Постановка проблемы // Современная проблема исторического краеведения. Кемерово, 1993. С. 119.
2. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 156. Л. 102.
3. ИФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 109. Л. 11.
4. Там же.
5. ИФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 284. Лл. 2-3.
6. Там же. Д. 90. Лл. 6-7.
7. Там же. Д. 70. Л. 2.
8. ГАКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 192. Л. 24.
9. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 167. Л. 32.
10. ИФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.
11. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 2. Д. 15.
12. Там же. Оп. 1. Д. 57. Л. 51.
13. Там же. Л. 49.
14. Почему против нас действуют так бесчестно и с помощью лжи? Вступительная статья Л. Г. Бабиченко // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 61-62.
15. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 172. Лл. 1, 34, 37, 40.

16. АИ КМК. Оп. 14. Д. 88. Э. К. Эвраерт (1891-1954) родился в семье рабочего. С 6 до 12 лет ходил в школу, затем начал работать на текстильной фабрике вместе с отцом. Женился в 20 лет. В 1914-1919 гг. служил в Бельгийской армии, затем работал в Париже в фирме «Рато» шеф-монтером. В 1922 г. разошелся с женой и уехал за границу. В СССР — с 1932 г. Женился в г. Саратов. В 1933 г. был командирован фирмой «Рато» на Кузнецкстрой. В Кузнецке принял советское гражданство в 1936 г. и жил вплоть до самой смерти.
17. ГАКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 311. Л. 15.
18. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 57.
19. Почему против нас действуют так бесчестно... С. 60-70.
20. Берлин А. Под знаком Красной Звезды: мы — интернационалисты // За кадры. 24 мая. 1989; Хазина М. Ю. Сопратники в борьбе за Кузнецкий металл // Плечом к плечу. Из истории интернациональных связей Кузбасса. Кемерово, 1969. И др.
21. Фойгт Л. И. Сталинизм и годы репрессий. Вып. 2. С. 22.
22. Там же. С. 106.
23. Там же. С. 130.
24. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 14. Л. 57; НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 128.
25. ГАКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 243. Л. 87. На закрытом собрании от 4 октября 1937 г. Видтум пыталась оправдаться в предъявленных к ней обвинениях: «Мои отношения к Путнеру были чисто семейные, а при том он же был членом партии, дальше я имела спячку его сестрой, которая живет за границей, а другая сестра работает здесь, в СССР в КИМе, все письма у меня целые, с врагами народа я работала вместе, т. к. они были в то время коммунистами, и преступления я в этом не видела, с Дукельской я познакомилась в 1932 г., т. к. она хорошо говорила по-немецки, с ее мужем Деремптом я ничего не имела».
26. ГАКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 243. Л. 78.
27. Бедин В., Кушеникова М., Тогулев В. От Кузнецкого острога до Кузнецкстроя. Три тысячи имен в архивных и библиографических источниках (опыт библиографического словаря). Кемерово, 1998. Вып. 3. С. 54.
28. ГАКО. Ф. П-29. Оп. 2. Д. 13.
29. Там же.
30. Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 178.

Е.В. Констанц

Сохранение национальных традиций у немцев Сибири

Характерной особенностью сибирского региона является его полиэтничность и смешанное проживание на данной территории всех этносов. Объектом нашего исследования стали немцы, их культурное наследие. Обращение к культурному опыту российских немцев поможет восстановить многие утраченные или просто забытые страницы их истории. В советский период архивные материалы об этой этнической группе не были доступны для исследователей. Этнографы и историки серьезно начали заниматься изучением истории, культуры российских немцев с конца 1980-х гг. Но большинство исследователей изучали поволжских немцев [1]. Интерес к Поволжью объясняется тем, что именно отсюда шли пути дальнейшего продвижения немецких переселенцев по территории России. Изучение проводилось в двух направлениях: по конфессиональному признаку, выявление зависимости этнокультурных особенностей от условий проживания.

Известно, что добровольное массовое переселение немцев в Сибирь началось в конце XIX в. [2]. В Сибири немецкие переселенцы надеялись получить землю, завести хозяйство, фермерство. Интересен тот факт, что у части переселенцев был довольно высокий уровень материального достатка. По уровню грамотности немцы в Сибири уступали лишь евреям, занимая второе место [3]. Немецкие переселенцы выделялись и выделяются среди других этносов, проживающих в Сибири своеобразием норм и стереотипов, традиционной этнической культурой, феноменальной исторической устойчивостью. Жилье, национальную кухню, обычаи и, конечно, язык (диалект) наиболее ярко и полно сохранили немцы там, где они проживали большими этническими группами или селами [4].

Задача нашего исследования состояла в сборе и анализе культурного наследия сибирских немцев: традиций и обычаев. Многочисленные воспоминания репрессированных, собранный при личных встречах с участниками событий материал стали основой данной работы [5]. Для сравнения и анализа была использована справочная литература.

Объектом исследования не случайно выбраны религиозные праздники: Рождество — *Weihnachten*, Пасха — *Ostern*, Троица — *Pfingsten*. Отдельно нами будет рассмотрен свадебный обряд у репрессированных немцев в Сибири — *Die Hochzeit*.

Религиозная жизнь российских немцев всегда составляла огромный пласт их культуры. Для многих немецких переселенцев основной причиной миграции в Россию была не только земля, но и обещанная царским правительством свобода вероисповедания [6]. Немцы всегда выделялись своей набожностью среди других народов Сибири.

Weihnachten. Weihnachten — один из самых любимых праздников у российских немцев. Поэтому Рождество празднуется и как праздник рождения Христа и как семейный праздник. Рождество начинают праздновать в Святой Вечер — *am Heiligen Abend* — 24 декабря. В большинстве семей существовала традиция — ходить в этот день в церковь на Богослужение. Вечером устанавливают и украшают рождественскую елку — *Weihnachtsbaum*, зажигали свечи, пели рождественские песни. Дети заранее мастерили рождественские звезды и другие украшения для елки. Традиция ставить елку на Рождество в доме известна в Европе уже с XVI в. Тогда ее украшали маленькими печенюшками. В XVII в. появились свечи и блестящие украшения. Эту замечательную традицию немецкие переселенцы соблюдали и в России, куда они отправлялись за лучшей долей.

В тех же районах Российской империи, где елок не было, наряжали ветви деревьев. Роза Антоновна Гаус (с. Кузнецово) рассказывала, что на Украине, откуда она родом, с огни готовили ветви вишни. Ветви обматывали резаной соломкой и хранили до *Weihnachten*. В день Рождества служили 3 мессы (в тех селах, где были церкви). Ходили друг к другу в гости. Рождество праздновалось два дня, 25 и 26 декабря. Для детей *Weihnachten* — самый любимый праздник в году. В рождественские дни дети становились центром особого внимания со стороны взрослых. В ночь на Рождество им позволялось не ложиться спать. Детвора ждала появления "Пельцнигера" или *Weihnachtsmann* — рождественского деда. Пельцнигер был важнейшей фигурой в Святой вечер. Он был одет в шубу мехом наружу, на голове шапка. Лицо Пельцнигера было испачкано сажей, а в руке он держал большую цепь, которой громко тремел, устрашая непослушных детей. Пельцнигер носил большой мешок с подарками для детей. Подарки заблаговременно готовили родители. Пельцнигера сопровождала "*Kristkintli*", маленькая девочка, с головы до ног одетая в белые одежды. Каждый ребенок для *Kristkintli* должен был читать молитву и стихи — *peide* — и получал за это подарок:

*«Kristkintli kommrei lehmer was im kirche na
Huselnies und Prenik und was deine gute Wielle ist»*

(текст стишка записан со слов Ирины Герман, которая сама в детстве его рассказывала).

В некоторых семьях, предки которых были выходцами из Южной Германии, вместо рождественского деда и *Kristkintli* приходил Христос-младенец. Он спускался вместе со своими ангелами с неба на землю, ставаясь невидимым. Утром дети под елкой находили подарки. В современной Германии популярен *Knecht Ruprecht* — устрашающего вида, ряженый в шубу дед с метлой в руке.

Отдав должное Богу и детям, взрослые веселились до утра за праздничным столом. Для каждого праздника немцы готовили особое блюдо. Украшением рождественского стола был жареный, с хрустящей корочкой гусь. *Weihnachtsgans* — должен был быть в каждой семье. Гуся откармливали перед Рождеством и готовили по специальному рецепту. Следует отметить, что немецкая кухня всегда отличалась мясной, жирной пищей.

Застолье сопровождалось песнями и танцами. Молодежь предпочитала гулянья на улице. С шумом и гамом молодые пары и девушки ходили по домам,

поздравляли хозяев с радостным и веселым Рождеством. Шествие по улицам поселка сопровождалось выстрелами из ружья. Желающим выпить хозяева подавали стопочку, привязывали к ружью разноцветные ленточки. Устраивая веселые и шумные шествия по улицам, молодежь не «рядилась», то есть не переодевалась до неузнаваемости.

Ostern — важнейший праздник у немцев, которые всегда отличались сноровкой и набожностью. У немцев, впрочем, как и у других этносов, христианские основы праздника смешивались с языческими обычаями. С одной стороны, Пасха празднуется как воскресение Христа, но одновременно она означает пробуждение природы после долгой зимней спячки.

Подготовка к *Ostern* начиналась за несколько недель. Все чистилось, отмывалось. Но во время *Ostern* нельзя было работать молотком, топором: рубить, строгать, забивать гвозди и т. д. До пасхального воскресенья нельзя надевать свежей рубашки, расчесывать волосы, забивать скотину (то есть проливать кровь невинной жертвы). Иначе где-то не могло состояться чудо воскресения. «Злых духов» стужи, зимы и застывшей природы нужно было напугать и прогнать. Этим занималась молодежь: молодые люди ходили по улицам со свистками, трещотками, кнутами и создавали шум. Недели за две до *Ostern* сеяли овес, выращивали зеленую травку. Нежную зелень использовали для украшения корзиночек, шапок, куда укладывали пасхальные яйца. Накануне пасхальной ночи дети выставляли шапки, а родители клали в них крапёные яйца, сладости и проросшее зерно (в современной Германии проросшую зелень так же широко используют, как и в России).

В страстную субботу, когда Иисус ещё лежал в гробу, нельзя было звонить в колокола. Несколько мальчиков с музыкальными молоточками и трещотками три-четыре раза проходили по всем деревенским улицам, приглашая народ в церковь на службу. Вечером эти же мальчики проходили по деревне ещё раз и жители одаривали их булочками, пирогами.

В этот субботний день все хозяйки готовили праздничное угощение. Обязательными были «*Riswehkugeln*» (сладкий посыпной пирог) и «*Schnitzsup mit Klitter*» (фруктово-молочный суп).

В страстную субботу кончалось время поста. В знак радости в сельских местностях парали огромные пасхальные колеса и горящими спускали с холмов в долину, чтобы зима по-настоящему ступила, а зюла сделала почву плодородной. Считалось, что вода, взятая во время «*Ostern*» в колодце, чистила тело и душу. Ворота, изгороди, колодцы, въезды в деревни украшали сплетёнными венками и косами, это говорило о том, что природа проснулась от зимы.

В Пасхальное Воскресенье маленького мальчика наряжали Христом. Он постукивал веничком перед детьми и говорил: «*Bitte, bitte, bitte, betten!*» — пожалуйста, молитесь! Дети молились:

*«Ich bin klein, mein Herz ist klein,
Soll niemand darin wohnen,
Als enus Esuskind allein».*

(Записано со слов Ирины Герман)

В награду дети получали от родителей подарки, после чего вся семья отправлялась в церковь. После церковной службы ходили в гости. Гости хозяев приветствовали следующими словами: «*Gelobte Eius Kristus* — Слава Иисусу Христу!». А хозяева отвечали: «*In Ewigkeit Amen!* — Во веки веков аминь!».

Символ «*Ostern*» — пестро раскрашенное яйцо. Яйцо как символ чуда воскресения жизни — уже с далеких времен лажнейший подарок и игрушка пасхальных дней. В пасхальную субботу все занимались раскраской, украшением яиц. Образы и краски имели свой особый смысл. Волнистые линии на пасхальных яйцах означали вечную жизнь, точки — это «слезы Марии», а красный цвет — это цвет жертвы и воскресшей жизни.

Но так как пасхальное яйцо не простое, а особенное, по представлению немцев его не могли нести куры. Оно должно было попадать в дом необычным способом. Так у немцев появился пасхальный заяц — «*Osterhase*», причем в баварской Франкии яйца приносил красный заяц. В верхней Баварии и Австрии это был петух, в Ганновере — лиса. Изредка это были кукушка или тетерев [7]. Но в целом же «прижился» и стал очень популярным заяц. В Германии существует интересная легенда о происхождении «*Osterhase*», которая была записана в протоколе от 27 июля 1758 г. В этой легенде говорится, что лесник Фурман в 1756 г. поймал в лесу зайца и взял его к себе домой. Этот заяц снес ему одно яйцо. На следующий год заяц снес уже три яйца. Так ли это было или не так, но дети очень любят «*Osterhase*» и радуются каждому пасхальному яйцу. Эту легенду о происхождении пасхального зайца вместе с другими обычаями немцы вынесли из Германии и сохранили в России.

Но если в Германии кроме «*Osterhase*» встречались и другие персонажи (петух, лиса и др.), у сибирских немцев сохранился только пасхальный заяц. Для детей заяц стал таким же любимым, как *Weihnachtsmann* или Пельцнигер — рождественский дед, на русский лад — Дед Мороз. Пасхальные яйца дарили с пожеланиями счастья, любви, верности и благополучия избранным. Выдутые и раскрашенные яйца развешивали на ветвях деревьев и кустарников, украшенные разноцветными ленточками.

Российские немцы, оказавшись в ситуации своеобразного «этнически обособленного острова» сохранили свои родные диалекты, традиции, обычаи. Не отказались они и от основных элементов наиболее важного для них праздника *Ostern*. У всех информаторов их детство ассоциируется с образом *Osterhase* — пасхального зайца.

Pfingste — Троица. Немцы часто называют Троицу «зеленым праздником». Троицу празднуют три дня на 50 день после *Ostern* — Пасхи. Троица — это праздник сошествия Святого Духа на землю. Перед Троицей белили в домах и дом с наружи, все мыли и наводили везде порядок — в доме, во дворе, вокруг дома. Фундамент дома красили черной краской. Комнаты, дома, улицы украшали зелеными ветками, чаще березовыми. Это создавало хорошее настроение. Зеленый цвет — символ радости и надежды. Троицу с нетерпением ждали влюбленные. Молодые люди своим любимым ставили деревья под окнами (они срубали молоденькие березки и закапывали их в палисадниках). Это означало признание в своих чувствах и серьезность намерений. Тем девицам, которые «плохо» себя вели, в цветник или палисадник бросали мякину (ворота детям не маяли).

В дни Троицы устраивали всевозможные игры, например, петушьи бои, конные скачки, танцевальные и спортивные состязания. Молодежь устраивала музыкальные и факельные шествия. В такой суматохе легко было сподить счёты со своими обидчиками — перевернуть скамейку, намусорить у двора.

Собранный за последнее время материал позволяет предположить, что именно у российских немцев национальные традиции (праздники, язык, обычаи и пр.) сохранялись столетиями почти в неизменном виде — какими они были в момент переселения немцев в Россию. В самой же Германии некоторые национальные традиции утрачены (национальные блюда) либо претерпели значительные изменения. Напрашивается вывод, что немцы в Сибири образовали (впрочем, как и в других местах своего компактного проживания, именно компактно!) нолое, в том числе языковое, сообщество с его уникальной субструктурой, не имеющее аналогов на исторической родине. Этот факт еще раз доказывает необходимость более серьезного и планомерного исследования среди немецкой диаспоры Сибири. Анализ собранного на сегодняшний день материала позволяет лишь частично выявить изменения и степень сохранности национальных традиций в основном репрессированных немцев в Сибири, в зависимости от локальных условий их пребывания.

Примечания

1. Гроо Ю.Ф. Вклад немцев в экономику Поволжья // Немцы в России. СПб, 2001; Васькау Н.Э. Немцы в России. История и судьбы. Волгоград, 1994; Герман А.А. История немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996; Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997; Когитин В.В., Рыболова М.А. Немцы Поволжья. Быт и культура: Уч. пособие. Волгоград, 1997; Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1998; Плене И.Р. Немецкие колонисты на Волге во второй половине XVIII в. М., 1998.
2. Deutsche in Sibirien. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895-1917 г. Омск, 2000; Виле П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX - нач. XX вв. // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 5.
3. Брейзе А.А., Колоткин М.Н. Немецкая диаспора Сибири: 1020 — 1930 годы. Новосибирск, 1997.
4. Дятлова В.А. К вопросу об этнических контактах и языковых изменениях // Немцы в России. СПб, 2001. С. 432.
5. Воспоминания семей Кластер (с. Кузедеево), И. Герман (г. Новокузнецк), Блейхер (г. Новокузнецк), Шредер (г. Прокопьевск), Богер (с. Атаманово), Е. Абалакина (г. Новокузнецк), Р.А. Гаус (с. Кузедеево).
6. Саврагина Т.В. Некоторые аспекты изучения конфессионального состава немцев Западной Сибири // Немцы Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 50.
7. Hallo, Nachbarn! Zusatzliteralien. Einheiten 10—20. Изд-во "Март", 1998. С. 57.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией.

АИ КМК — Архив истории Кузнецкого металлургического комбината.

РАН — Архив Российской Академии наук.

ВИ — Вопросы истории.

ВИМАИВВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ВОИДР — Вестник Общества истории и древностей российских.

ГААК — Государственный архив Алтайского края.

ГАО — Государственный архив Новосибирской области.

ГАТО — Государственный архив Томской области.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией.

ИАМ — Историко-архитектурный музей.

НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей.

НФ ГАО — Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области.

ПСИ — Полное собрание законов Российской империи.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

ТГУ — Томский государственный университет.

ТОКМ — Томский областной краеведческий музей.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского флота.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

РМО — Русско-монгольские отношения. Сборник документов.

Содержание

<i>А.О. Кауфман</i> Артиллерия Кузнецка XVII - первой половины XVIII вв.	5
<i>В.Н. Добжанский</i> Первый кузнецкий священник И. Иванов	12
<i>Ю.В. Ширин</i> Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка	17
<i>В.Н. Добжанский, И.Ю. Ускова</i> Новый документ о сереброплавильном промысле на р. Каптак	35
<i>В.Н. Добжанский</i> Начало сереброплавильного производства в Сибири	44
<i>Герард Фридрих Миллер</i> Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири и нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г.	63
<i>Иоганн Георг Гмелин</i> Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734»)	86
<i>Н.А. Кузнецов</i> Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII-XIX вв.	108
<i>Ю.В. Ширин</i> К реконструкции Вознесенской часовни XVIII века на территории Кузнецкой крепости	140
<i>А.О. Кауфман</i> История артиллерийского гарнизона Кузнецкой крепости	156
<i>К.Ю. Иванов</i> К вопросу о согласиях и толках старообрядцев на территории Кузбасса (вторая половина XIX — начало XX в.)	167
<i>Э.К. Майданюк</i> Капалер ордена Почетного легиона	180
<i>В.А. Дробченко</i> Деятельность социалистов-революционеров в Кузбассе в 1905 — мае 1918 гг.	186
<i>Г.Г. Ващенко, О.А. Белоусова</i> К истории Новокузнецкого ликероводочного завода	198

О.А. Белоусова, Г.Г. Ващенко	
«Рогощина» по воспоминаниям партизан	225
О.А. Белоусова	
Иностранные специалисты и советская действительность быт первых кузнецкстроевцев	256
О.А. Белоусова	
О судьбах иностранных специалистов на Кузнецкстрое в условиях сталинских репрессий	270
Е.В. Константи	
Сохранение национальных традиций у немцев Сибири	279
Содержание	285

Историко-документальное издание

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 5

Редактор

Б.А. Рахманов

Допечатная подготовка

А.В. Белянин

Корректор

Г.Е. Бондаренко

Издательство «Кузнецкая крепость»

654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкостроительский, 1

ДТС, Союз писателей

Формат 70х100 1/16. Печ. л. 18,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 946.

Отпечатано в Сибирском полиграфическом предприятии «Наука»,
630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

